

С.Н. БРАТЧЕНКО

НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

**НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРИРОДОВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1976

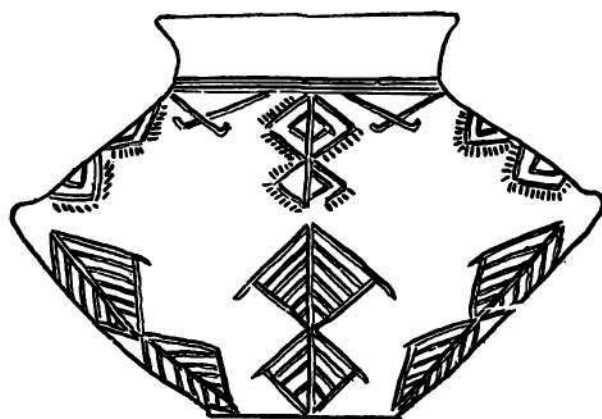

С. Н. Братченко

НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

(Периодизация и хронология памятников)

902.6
Б87

В монографии рассматриваются памятники средней поры бронзового века Нижнего Подонья: донецкой катакомбной культуры, волго-манычской, северокавказской и культуры многоваликовой керамики. Большое внимание уделено вопросам культурно-территориального членения памятников, периодизации и хронологии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Д. Я. ТЕЛЕГИН

Рецензенты:
кандидаты исторических наук
Н. Н. БОНДАРЬ, О. Г. ШАПОШНИКОВА

Редакция истории и археологии

Б $\frac{10602-119}{M221(04)-76}$ 70—75

© Издательство «Наукова думка», 1976

ВВЕДЕНИЕ

Средняя ступень бронзового века юга Восточной Европы относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Это эпоха дальнейшего развития скотоводческого хозяйства в Степи и Лесостепи, широкого внедрения металла для производства орудий, время резкого увеличения численности населения, приведшего к освоению новых земель, передвижениям племен и более оживленным контактам между ними.

Археологическими памятниками этой эпохи являются многочисленные погребения в курганах и редкие кратковременные поселения. По характеру примечательных погребальных сооружений — катакомб — эти памятники получили название катакомбных и были выделены в территориально обширную культурную общность — катакомбную культуру. После выхода работы Г. Б. Поповой, посвященной общей характеристике культуры, в изучении ее остались еще спорные и нерешенные вопросы. Важное место среди них занимают проблемы периодизации и хронологии культуры, интерпретации ее локальных проявлений, так называемых вариантов, и их хронологических соотношений. Давно уже наметилась тенденция рассмотрения отдельных вариантов в качестве отдельных культур катакомбной общности и более глубокое их изучение, чему благоприятствует бурный рост источников в последнее десятилетие.

Однако все еще отсутствуют фундаментальные монографические исследования по этим катакомбным культурам и группам, что, естественно, сказывается и на низком уровне этно-исторических реконструкций древних обществ. Более того, приходится констатировать, что большая часть катакомбных материалов не опубликована и не систематизирована. Это в немалой степени затрудняет исследовательскую работу и преимущество в ней поколений исследователей.

Сказанное выше в значительной степени относится и к изученности памятников средней бронзы Нижнего Дона — одной из областей обширного катакомбного ареала. В отношении культурной принадлежности памятников этой области высказаны весьма противоречивые мнения. Однако культура племен, населявших Нижнее Подонье, еще не освещена должным образом. Она рассматривалась лишь при решении общекатакомбных проблем или в связи с изучением соседних территорий.

Изучение памятников бронзового века Подонья имеет более чем столетнюю историю. Первые раскопки курганов здесь, как и в большинстве областей юга России и Украины, относятся к середине XIX в., когда П. Леонтьевым было обнаружено несколько погребений со скорченными и окрашенными костяками у ст. Гниловской¹. Несколько позже, в 1864—1866 гг., В. Г. Тизенгаузен раскопал несколько погребений в подземельях в курганах у г. Новочеркасска, ст. Аксайской и ст. Гниловской². Сохранившиеся материалы этих раскопок позволяют полагать, что тогда впервые были открыты погребения, отнесенные много лет спустя, уже в начале XX в., к донецкой катакомбной культуре, а еще позже частично и к предкавказской. Затем последовали раскопки Н. Е. Бранденбурга у ст. Константиновской (1891 г.), с. Покровского (бывший Мариупольский уезд, 1889 г.), с. Совдар (бывший Царедар, 1891 г.)³. Конец XIX в. и особенно первые десятилетия XX в. характеризуются участием в сборах материалов и небольших раскопках местных любителей древностей и краеведов: А. П. Крылова, В. Н. Ястребова, Х. И. Попова, И. М. Сулина, В. А. Харламова, Ф. И. Перцева, А. М. Ильина, П. С. Сахарова, С. А. Локтюшева, а несколько позже Б. В. Лунина и Г. А. Иноземцева. Благодаря их усилиям и довольно высокой организации сбора случайных находок, недостижимой и в наше время, был собран большой материал по бронзовому веку, составивший коллекции музеев в Новочеркасске и Ростове-на-Дону⁴. Для этого периода в Нижнем Подонье характерно лишь накопление вещного материала. Мало внимания уделяется условиям находки, стратиграфии, погребальным сооружениям, их фиксации, что отражает низкий, но закономерный для этого времени уровень развития науки, связанный с первыми поисками системы в открываемых древностях. Катакомбные погребения еще не выделяются из общей массы захоронений со скорченными и окрашенными костяками. Сказывается также традиционное для России пренебрежение к этим бедным захоронениям, что отнюдь не способствует их изучению.

Между тем, в начале столетия В. А. Городцов проводит широкие по масштабам и высокие для своего времени по технике фиксации раскопки курганов на Северском Донце и выделяет здесь три культуры, в частности и катакомбную, которую он позже называет донецкой⁵. В. А. Городцов указывает, что погребения этой культуры есть и на Нижнем Дону. Однако на принятие его системы потребовалось почти четыре десятилетия, прежде чем после критики и пересмотра А. М. Тальгренем⁶, Б. А. Латыниным⁷, А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким⁸ с поправками и дополнениями она утвердилась и стала основой для дальнейших иссле-

дований. Весь круг памятников с катакомбами юга Восточной Европы, где они хотя бы присутствовали, как одна из форм погребальных сооружений, наряду с другими, стали относить к катакомбной культуре. Чтобы отразить замеченные различия в отдельных районах, потребовалось выделить в ней локальные группы или варианты. Выделение вариантов, в общих чертах намеченное Б. А. Латыниным⁹ и Г. В. Подгаецким¹⁰, было развито и дополнено П. С. Рыковым¹¹, П. Д. Рау¹², М. И. Артамоновым¹³, А. А. Иессеном¹⁴, О. А. Кривцовой-Граковой¹⁵. Наиболее полно и четко это культурно-территориальное членение выражено в исследованиях Т. Б. Поповой¹⁶.

В 30-е годы М. И. Артамоновым, В. В. Гольмстен, Г. В. Подгаецким произведены большие раскопки на Нижнем Маныче¹⁷. Их результатом явилось открытие погребений в катакомбах, близких к тем, что исследовал П. С. Рыков в Калмыкии, и отнесенных к предкавказскому варианту катакомбной культуры. Подобные, а также несколько иные погребения были исследованы А. А. Иессеном и А. Д. Столяром в 1950—1951 гг. на Левобережье Дона у пос. Цимлянского¹⁸.

На Донском Правобережье раскопки не производятся вплоть до 60-х годов, и представления о характере катакомбных памятников здесь строятся на старых, плохо документированных материалах второй половины XIX — начала XX в. Это обстоятельство в немалой степени способствует неясным и противоречивым суждениям в отношении их культурной принадлежности. А. А. Иессен включает Нижний Дон (от Мариуполя до Волгограда) в зону предкавказской культуры, синхронную, по его мнению, донецкой¹⁹. Так же поступает Т. Б. Попова, с той лишь разницей, что Северо-Восточное Приазовье она относит к приазовскому варианту, а предкавказские памятники рассматривает в качестве варианта. Северо-Восточное Приазовье О. Г. Шапошниковой присоединяет к донецкому варианту. А. А. Иерусалимская отмечает, что на Нижнем Дону есть и донецкие и предкавказские памятники, однако, ссылаясь на то, что они не имеют существенных отличий, в целом определяет их как предкавказские²⁰. Без размежевания эти памятники входят в работу Г. А. Иноземцева²¹. Позже это повторяет и В. А. Фисенко²².

В 50—60-е годы, характеризующиеся большими полевыми исследованиями в ряде областей юга Восточной Европы, наблюдается повышенный интерес к вопросам периодизации, культурной интерпретации и происхождения памятников катакомбного круга. Т. Б. Попова предложила общую схему периодизации, выделив три периода в развитии катакомбной культуры²³. Однако, несмотря на ряд правильных положений, не утративших своего значения, эта периодизация не подходила ко всем катакомбным группам, что вызвало справедливую критику со стороны О. Г. Шапошниковой и С. С. Березанской²⁴. Последние указали также на невозможность отнесения к катакомбной культуре памятников Среднего Поднепровья, в частности поселений с многоваликовой керамикой. На обособленное положение последних указал А. В. Добровольский²⁵, а С. С. Березанская выделила их в самостоятельную культуру²⁶. А. А. Иессен

еще в 1950 г. писал о предкавказских и донецких памятниках как об отдельных культурах²⁷. В 60-х годах Л. С. Клейн, сопоставив локальные группы, пришел к выводу о принадлежности их к отдельным культурам катакомбной общности²⁸. Он же подверг острой критике точку зрения об явном происхождении катакомбных групп и дал обоснование гипотезы о западных истоках донецкой катакомбной культуры²⁹.

Невиданный ранее размах приобретают исследования курганов на Нижнем Дону с 1959 г., вызванные новостройками. В их организации большая заслуга С. М. Маркова. В 1959—1964 гг. Кобяковской и Новочеркасской экспедициями под руководством С. И. Капошиной (в 1964 г. И. Б. Брагинского) при участии А. Н. Мелентьева, В. Я. Кияшко, С. Н. Братченко, В. С. Бочкарева, В. М. Косыненко, А. И. Демченко раскапываются курганы в низовьях Дона, на Левобережье и на Правобережье³⁰.

Большие работы на Левобережье и в Волго-Донском междуречье с 1961 г. проводят Южно-Донская и Астраханская экспедиции В. П. Шилова. Несколько отдельных курганов в низовьях Дона раскапывают В. С. Бочкарев, С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко, В. М. Косыненко, Н. Н. Чередищенко³¹. Много курганов исследовано И. Б. Брагинским и А. И. Демченко в 1967—1968 гг. на окраине Ростова-на-Дону³². С 1967 г. Л. С. Клейн возобновил раскопки курганного могильника у Новочеркасска.

В 1970—1971 гг. М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова, В. Е. Максименко, А. А. Горбенко исследуют несколько курганных групп на Левобережье, в Цимлянском районе и на Нижнем Маныче³³.

С 1962 г. началось также исследование поселений. Ливенцовской экспедицией (1962—1966, 1968, 1970 гг.) под руководством автора проведены разведки и раскопки нескольких поселений на р. Мертвый Донец, часть из которых относится к эпохе средней бронзы³⁴.

Таким образом, за последнее десятилетие получены большие основополагающие материалы для изучения бронзового века Подонья, в особенности его среднего периода. В ходе исследований при тесном научном общении специалистов, работающих на Нижнем Дону, было сделано немало наблюдений, способствовавших разработке и решению проблем средней бронзы. Выяснилось, что культурное развитие этой области намного сложнее, чем оно представлялось раньше. Выявленные памятники оказались весьма неоднородными в культурном отношении и разновременными. Так, было установлено, что Нижний Дон входит в ареал донецкой и предкавказской культур. Вместе с тем здесь присутствуют памятники с многоваликовой керамикой и северокавказские.

Однако результаты этих плодотворных исследований пока еще изложены лишь в предварительных сообщениях и небольших публикациях отдельных памятников. Многие материалы, в том числе и из старых, дореволюционных раскопок, не упорядочены и не изданы во всем объеме.

В этой книге основное внимание уделено периодизации памятников средней бронзы Нижнего Дона, определению их культурной принадлеж-

ности и хронологии на основе (по возможности) полного учета источников и их систематизации. В ней мы также публикуем доступную часть материалов.

Настоящая работа является частью кандидатской диссертации «Периодизация и хронология памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона». В ней мы специально не рассматриваем памятники Северского Донца, лучше представленные в публикациях, что несколько сужает нашу источниковедческую базу, однако дает возможность уделить больше внимания малоизвестным нижнедонским памятникам.

Географические границы Нижнего Дона определяются нижним течением р. Дон от его излучины у г. Калача до устья. К исследованию мы привлекаем также памятники прилегающей части Северо-Восточного Приазовья, районы низовий рек Северский Донец, Маныч, Сал. Изучаемая территория представляет полосу длиной около 600 км и шириной 60—80 км. Ограничение такими рамками связано, с одной стороны, с состоянием изученности памятников в этой части Юго-Востока Европы, а с другой — с определенным единством края в археологическом отношении. Так, севернее Дона, вплоть до Ворошиловграда, и южнее до Калмыкии и Прикубанья простираются совершенно неисследованные районы. Северо-восточная и юго-западная границы проведены в соответствии с данными культурно-территориального разделения. Они находятся на стыке с инородными культурными группами — полтавкинской, среднедонской, приазовской.

Для написания работы были использованы материалы старых, а также новейших раскопок на Дону и Донеччине. Большинство их не опубликовано или издано частично.

Автор приносит глубокую благодарность С. А. Капошиной, В. П. Шилову, А. Н. Мелентьеву, В. Я. Княшко, В. С. Бочкареву, И. С. Каменецкому, И. Б. Брашинскому, В. М. Косяненко, А. И. Демченко, И. А. Пислярию, В. М. Максименко — исследователям Подонья, в научном общении с которыми мы работали и чьи материалы привлекаются в исследовании; Д. Я. Телегину, О. Г. Шапошниковой, В. Н. Даниленко, С. С. Березанской, А. И. Тереножкину, Л. С. Клейну, Н. К. Качаловой — старшим коллегам, оказавшим помощь и содействие в работе.

**ОБЗОР КАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ.
КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
И КЕРАМИКИ**

Катакомбные памятники Нижнего Дона представлены погребениями и поселениями, а также отдельными случайными находками керамики, изделий из камня и металла. Некоторые случайные находки, как, например, целые сосуды, можно без сомнения считать происходящими из разрушенных погребений.

Поселения, как и во всей катакомбной области, на Нижнем Дону изучены слабо. Только на одном из них, Ливенцовке I у г. Ростова-на-Дону, производились раскопки¹. Рядом с этим памятником находки катакомбной керамики сделаны также на поселении Ливенцовка VI и у с. Каратаево². У г. Аксай, в Кобяковой балке вблизи известного Кобякова городища, обнаружены следы кратковременного поселения или стоянки позднекатакомбного времени³.

Основным источником по изучению катакомбной культуры являются погребения. Большинство их открыто в курганах, однако известны и одиночные погребения на естественных возвышениях (Ливенцовские могильники I, IV, склон балки у хут. Большой Лог).

Всего на данной территории к настоящему времени исследовано более 400 катакомбных погребений. Однако в основу нашей работы положена лишь часть из них, около 250 погребений, исследованных в основном за столетие, с 1864 по 1965 г. Материалы раскопок после 1965 г., за исключением работ автора у хут. Ливенцовки, не могут быть включены, так как они не опубликованы и до конца не обработаны. К ним мы будем обращаться лишь в редких случаях.

Приводим перечень погребальных памятников с указанием года, автора исследования и источника*. Ввиду своеобразия памятников выделяем

* Порядковый номер соответствует номеру на таблицах, перечень погребений — с востока на запад. В числителе стоит номер (или название) кургана (к), в знаменателе — номер погребения (п).

отдельно погребения Правобережья Дона с прилегающей частью Северо-Восточного Приазовья и Левобережья. На Правобережье учтено 155 погребений.

1. Ст. Нижне-Чирская, курган Кирпичный, 1865 г., раскопки В. Г. Тизенгаузена⁴ (см. таблицы, приложение № 1).

2—3. Ст. Константиновская, курган ССXLIII, «Баба», 1891 г., раскопки Н. Е. Бранденбурга⁵.

4—6. Усть-Донецк, разрушенный курган, 1960 г., доисследование С. Н. Братченко⁶.

7—8. Хрящевский, курган 1, 2, 1910—1912 гг., раскопки П. С. Сахарова⁷.

9—22. Новочеркасская ГРЭС, курганы 2, 3, 1961 г., Кобяковская экспедиция под руководством С. И. Капошиной. Раскопки курганов производились В. Я. Кияшко⁸.

23—41. Донской, курганы 5, 6, 7, 1962 г., Кобяковская экспедиция, раскопки А. Н. Мелентьева⁹.

42—45. Новочеркасская, курган из группы «Хохлат», 1864 г., раскопки В. Г. Тизенгаузена¹⁰.

46—52. Новочеркасская, Институт виноградарства и виноделия, курган 2, 1962 г., Кобяковская экспедиция, раскопки В. Я. Кияшко¹¹.

53. Новочеркасская, завод 17, разрушенный курган, 1961 г., доисследование С. Н. Братченко¹².

54—55. Новочеркасская, Институт виноградарства и виноделия, курган 1, 1961 г., раскопки С. Н. Братченко¹³.

56—58. Новочеркасская, курган «Грушевский», 1963 г., Новочеркасская экспедиция под руководством С. И. Капошиной, раскопки В. Я. Кияшко¹⁴.

59—71. Новочеркасская, Шибельная группа, курганы 3, 7, 1963—1964 гг., Новочеркасская экспедиция, возглавляемая в 1963 г. С. И. Капошиной, в 1964 г. — И. Б. Брагинским. Раскопки кургана 3 производились В. Я. Кияшко, кургана 7 — А. И. Демченко¹⁵.

72—78. Большой Мишкин, курган, 1961 г., раскопки В. С. Бочкарева¹⁶.

79. Большой Лог, склон холма, разрушенное погребение, 1958 г., Кобяковская экспедиция, разведки В. Д. Белановской¹⁷.

80—84. Аксай, курган Гиреева Могила, раскопки 1865 г. В. Г. Тизенгаузена¹⁸, раскопки 1959 г. Кобяковской экспедиции¹⁹.

85. Аксайская, Клиновое курган, 1865 г., раскопки В. Г. Тизенгаузена²⁰.

86—89. Гниловская (ныне Ростов-на-Дону), Круглый курган, 1865 г., раскопки В. Г. Тизенгаузена²¹.

90. Гниловская, курган 2, 1904 г., раскопки Ф. И. Перцева²².

91. Ростов-на-Дону, курган 3, 1904 г., раскопки Ф. И. Перцева²³.

92. Ростов-на-Дону, Братский курган, 1912 г. (?), раскопки А. М. Ильина²⁴.

93. Ростов-на-Дону, курган, 1921 г., раскопки С. А. Локтюшева²⁵.
94. Гниловская, курган, 1940 г., раскопки Г. А. Иноземцева²⁶.
- 95—99. Ростов-на-Дону, пос. Западный, курган, раскопки 1965 г. В. М. Косьяненко и Н. Н. Чередниченко²⁷.
- 100—123. Ливенцовка, рабочий поселок совхоза, курган 1, 1964 г., раскопки С. Н. Братченко и Н. Н. Чередниченко²⁸.
- 124—137. Ливенцовка, территория Ливенцовской крепости, курган 10, 1965—1966 гг., 1968 г., раскопки С. Н. Братченко и В. Я. Кияшко²⁹.
138. Ливенцовка, грунтовый могильник I, 1963 г., раскопки С. Н. Братченко и А. И. Демченко³⁰.
139. Ливенцовка, грунтовый могильник IV, 1964 г., раскопки С. Н. Братченко³¹.
- 140—142. Ливенцовка, территория Ливенцовской крепости, курган 11, 1968 г., раскопки С. Н. Братченко и Э. С. Шарафутдиновой³².
- 143—148. Мокрый Чалтырь, курганы 1, 2, 1961 г., раскопки А. И. Демченко и В. М. Косьяненко³³.
149. Недвиговка, курган 1, 1962 г., Нижне-Донская экспедиция, возглавляемая Д. Б. Шеловым, раскопки С. Н. Братченко³⁴.
- В прилегающей части Северо-Восточного Приазовья (побережье Таганрогского залива) больших раскопок не производилось. Здесь известны следующие катакомбные погребения.
150. Куйбышево (бывш. Голодаевка), курган Б, раскопки 20-х годов³⁵.
- 151—152. Таганрог, курган 2, раскопки в начале столетия³⁶.
- 153—154. Покровское, курган ССУ, 1889 г., раскопки Н. Е. Бранденбурга³⁷.
155. Осипенко, курган 2, 1965 г., раскопки В. В. Дворниченко³⁸.
- На Левобережье учтено 101 погребение. Перечень их начинаем с излучины Дона, с Волго-Донского междуречья (приложение № 2).
1. Волгоград (Царицын), разрушенный курган, 1905 г., раскопки Ф. И. Чернова³⁹.
- 2—5. Петров Вал, курганы 2, 3, 4, 1959 г., раскопки В. А. Фисенко⁴⁰.
6. Колпачки, курган 5, 1967 г., раскопки В. И. Мамонтова⁴¹.
- 7—9. Карповка, курган 6, 1934 г., Волго-Донская экспедиция под руководством М. И. Артамонова⁴².
10. Ивановка, курган, 1929 г., Волго-Донская экспедиция А. А. Миллера, раскопки А. А. Иессена⁴³.
- 11—12. Старица, курган 22, 30, 1961 г., Астраханская экспедиция В. П. Шилова⁴⁴.
13. Октябрьский, курган, 1964 г., Астраханская экспедиция В. П. Шилова⁴⁵.
- 14—20. Новый Аксай, Аксеновский могильник, курганы 8, 19, 1966 г., Астраханская экспедиция В. П. Шилова, раскопки А. Н. Мелентьева⁴⁶.

21—25. Попов, курганы 30/6, 50/18, 1950—1951 гг., Волго-Донская экспедиция М. И. Артамонова, раскопки А. Д. Стояра⁴⁷.

26. Цимлянский, Саркельская группа, курган 58/26, 1951 г., Волго-Донская экспедиция, раскопки А. А. Иессена⁴⁸.

27—43. Солеповская, курганы 1, 3, 1951 г., Волго-Донская экспедиция, раскопки А. А. Иессена⁴⁹.

44—46. Семикаракорская, разрушенный курган, 1959 г., сборы В. С. Бочкова и В. М. Косьяненко⁵⁰.

47—71. Багаевский, Лысый курган и курган № 2, 1960 г., раскопки С. Н. Братченко⁵¹.

72—73. Верхне-Яценко, курган 11, 1960 г., Кобяковская экспедиция С. И. Капошиной, раскопки С. Н. Братченко и В. С. Бочкова⁵².

74—79. Кудинов, курганы 1, 2, 1961 г., Кобяковская экспедиция, раскопки А. П. Манцевич, А. Н. Мелентьева, В. С. Бочкова, С. Н. Братченко⁵³.

80—89. Спорный, курганы 2, 3, 1935 г., разрушенный курган, Манычская экспедиция М. И. Артамонова⁵⁴.

90—97. Веселый, курганы 1, 2, 3, 1937 г., Манычская экспедиция под руководством М. И. Артамонова, раскопки Г. В. Подгаецкого⁵⁵.

98. Веселый, Шахаев курган, 1933 г., раскопки разрушенного кургана М. И. Артамонова⁵⁶.

99—100. Платонов (бывшее Коханово, Азовский район), разрушенный курган, 1964 г., Азовский отряд Нижне-Донской экспедиции, раскопки И. С. Каменецкого и С. Н. Братченко⁵⁷.

101. Совдар (бывшее с. Царедар на р. Ее), курган, 1891 г., раскопки Н. Е. Браденбурга⁵⁸.

Весьма значительные катакомбные материалы по Левобережью Дона получены при раскопках курганов В. П. Шиловым у с. Усьман и Алитуб в низовьях Маныча⁵⁹, В. Е. Максименко у с. Койсуг⁶⁰, М. Г. Мошковой и Э. А. Федоровой-Давыдовой в Цимлянском районе (хут. Ясырев)⁶¹, М. Г. Мошковой и В. Е. Максименко в Багаевском районе (хут. Ажинов, пос. Прогресс, Веселовская группа)⁶², Э. А. Федоровой-Давыдовой и А. А. Горбенко на Нижнем Маныче (Шахаевский залив)⁶³. Много также исследовано погребений за последние годы на Правобережье, особенно в Западном поселке Ростова-на-Дону в 1967—1968 гг. И. Б. Брашинским и А. И. Демченко⁶⁴, а также у Новочеркасска Л. С. Клейном⁶⁵.

Основные данные по погребениям взятой для исследования выборки приводятся в таблицах (приложения № 1, 2). В приложении № 3 дается краткое описание неизданных или неполно изданных погребальных памятников с иллюстрациями, однако лишь тех, что доступны для публикации. В таблицах мы пытались отразить место расположения погребения в кургане, направление и форму погребального сооружения, положение костяка, состав погребального инвентаря.

Место определяется под углом к центру кургана и расстоянием от него до ближайшей точки погребального сооружения (для катакомбного

до края входной шахты)*. Для передачи пропорций ширина входной шахты (ось параллельная стенке, в которой устроено входное отверстие) принята за 1. С ней соотносятся длина шахты, затем длина катакомбы (ось, параллельная ширине шахты) и, наконец, ее ширина. Скорченное положение костяка отражено двумя углами — углом между позвоночником и бедрами (угол скорченности) и углом в коленях.

Указанное количество погребений получено при раскопках около 70 курганов, из которых полностью раскопано только 32.

Остальные курганы либо копались не полностью, либо доисследованы в процессе разрушения строителями.

Учитывая, что курганы раскапывались на протяжении столетия и на разном методическом уровне, информационная ценность этих погребальных памятников неодинакова. Нередко отсутствуют данные по стратиграфии, входные шахты катакомб. В отношении старых, дореволюционных раскопок необходимо отметить также частое отсутствие чертежей погребений и иногда потери в погребальном инвентаре. Поэтому при выделении катакомбных погребений из общей массы разновременных захоронений в кургане необходимо руководствоваться комплексом признаков, характеризующих погребальное сооружение, положение костяка, погребальный инвентарь, а также данными стратиграфии. Однако ведущими среди них являются погребальный инвентарь, и прежде всего керамика и погребальное сооружение — катакомба. Положение костяка не может быть определяющим при атрибуции погребений, у которых отсутствуют данные по этим двум показателям. Так, положение погребенных ямной культуры во многих случаях такое же, как и в среднебронзовых катакомбных захоронениях.

Установив специфику погребального инвентаря погребений в катакомбах, включаем в число катакомбных памятников захоронения с иными формами погребальных сооружений, а также те, у которых они не сохранились.

Взятые для исследования погребения территориально распределены неравномерно. Наибольшей концентрацией открытых памятников являются низовья Дона и Маныча (от устьев до Новочеркасска и хут. Веселого и район Цимлянска — 91% всех захоронений, рис. 1).

Большинство исследованных курганов располагалось на высоком берегу на водоразделах, недалеко от рек или балок. Меньше курганов раскопано в долинах рек, где они занимали возвышения в пойме. Все курганы входили в состав более или менее протяженных могильников, вытянутых нередко на несколько километров. Высота курганов, в которые впускались захоронения средней бронзы, от 0,50 м до 3 м⁶⁶. Встречены погребения и в высоких курганах (до 7—8 м, например Гиреева Могила, Круглый, Шибельный 7 курганы), однако ввиду того, что там

* Замер угла производится через середину погребения. Видимо, целесообразнее измерять по крайним точкам и обозначать соответственно в пределах угла. За центр принимается вершина кургана, под которой, как правило, находится основное, ямное погребение; если вершина нарушена — это погребение.

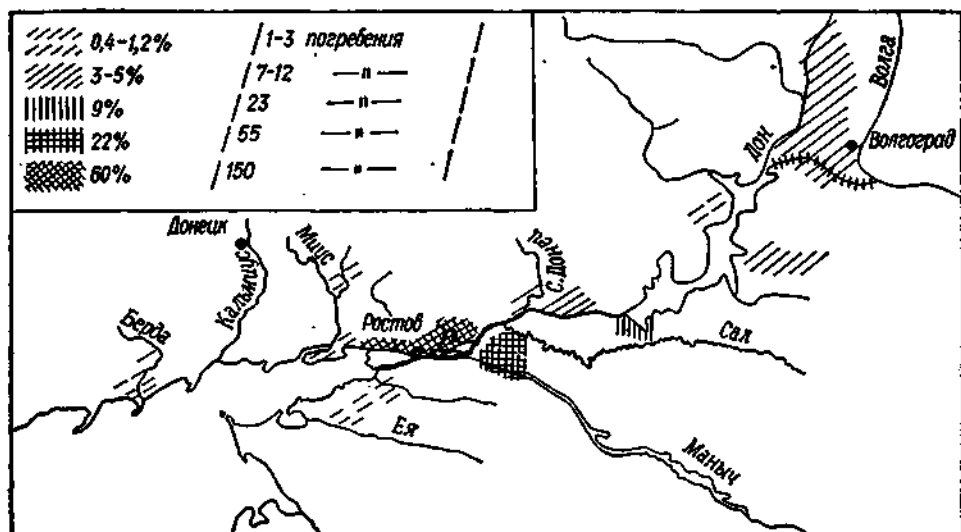

Рис. 1. Карта состояния изученности Нижнего Подонья (по катакомбным погребениям, данным по 1965 г.).

обнаружены следы погребений скифо-сарматской эпохи, есть основания связывать увеличение насыпи с этими последними. При устройстве погребения насыпь кургана прорезалась и погребальная камера вырубалась в суглинке и даже каменистых породах, как, например, на берегу Мертвого Дона у Ливенцовки, где суглинок отсутствует. Всего лишь несколько могил устроено в насыпи или в погребенной почве, и это в основном в курганах Левобережья Дона. Впуск погребения в курган сопровождался иногда наращиванием насыпи, досыпкой, однако в большинстве случаев, особенно когда погребение устраивалось в поле, такая досыпка отсутствует. Нередко также погребение прослеживается сразу же под дерновым слоем, что указывает на отсутствие сколько-нибудь значительной досыпки. Пока не получено никаких данных, позволяющих судить о характере надмогильного сооружения. Однако наблюдения над планировкой погребений в кургане позволяют предполагать наличие каких-то внешних обозначений, вероятно, не очень долговременных, например холмиков. В курганах обычно встречается от 2 до 6—10 захоронений, только в двух обнаружено по 25 могил. Учитывая, что эти погребения часто неоднотипны и совершались на протяжении длительного времени, курган, таким образом, нельзя рассматривать как кладбище, связанное с большим постоянным коллективом. Таковым, вероятно, мог являться весь курганный могильник или, исходя из подвижности населения, их было несколько в пределах земель племени.

ПЛАНИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ

Интересны наблюдения над размещением погребений в кургане. В большинстве курганов (исключение составляют лишь некоторые низкие, едва заметные насыпи) погребения располагаются на склонах, по краю, преимущественно в восточной и южной поле. В северной поле,

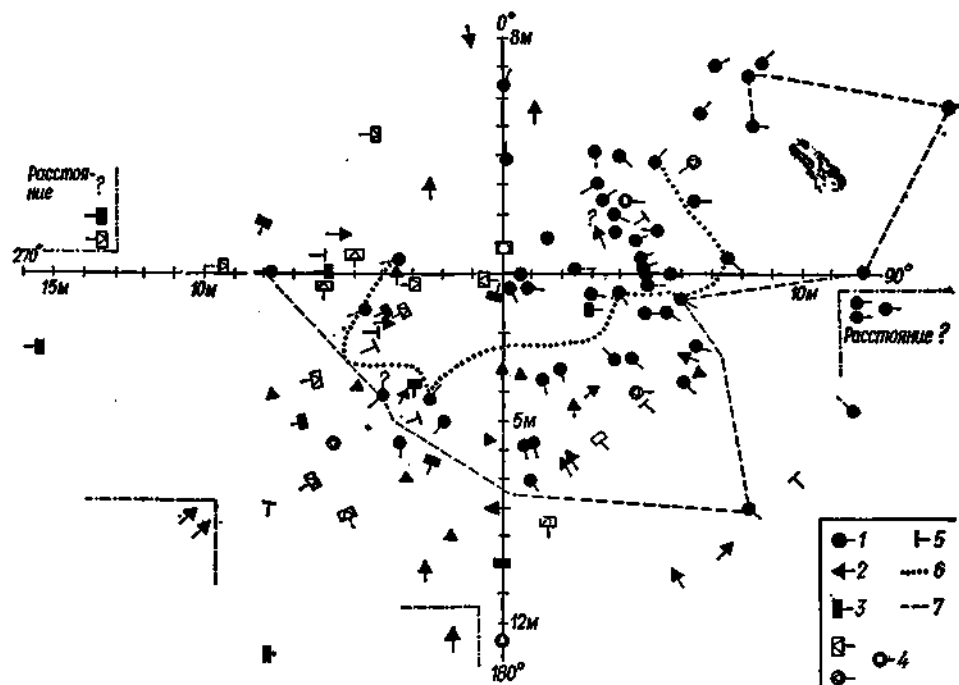

Рис. 2. Схема расположения катакомбных погребений в курганах Правобережья Дона:

1 — донецкого типа; 2 — бахмутского типа; 3 — маньчского типа; 4 — возможная культурная принадлежность; 5 — культурная принадлежность неопределима; 6 — Новочеркасская ГРЭС, курган 7; 7 — Донской, курган 7.

в пределах $0-45^\circ$ и $280-360^\circ$ захоронения встречаются крайне редко (рис. 2). На 220 погребений с зафиксированным расположением таковых только 12. Столь же редки катакомбные погребения в центре, под вершиной кургана. Только в курганах Левобережья они встречаются чаще. В плане погребения располагаются по окружности, образуя дугу, полуокружие или круг диаметром от 6—8 м до 20—24 м (от 3—4 м до 10—12 м от центра), что с некоторым приближением соответствует размерам первых насыпей, в которые вводились погребения (для энеолитических курганов диаметр около 8—10 м, для ямных около 20 м). Всего лишь в двух курганах четыре погребения удалены от центра на большее расстояние

(до 16 м). В отдельно взятом кургане наиболее удаленные погребения (здесь исключаются захоронения в центре курганов со слабо выраженными насыпями) оказываются, как правило, более поздними. Расстояние между погребениями, расположенными по кругу, различны и зависят от количества (плотности) могил в кургане. В пределах $45-280^\circ$ погребе-

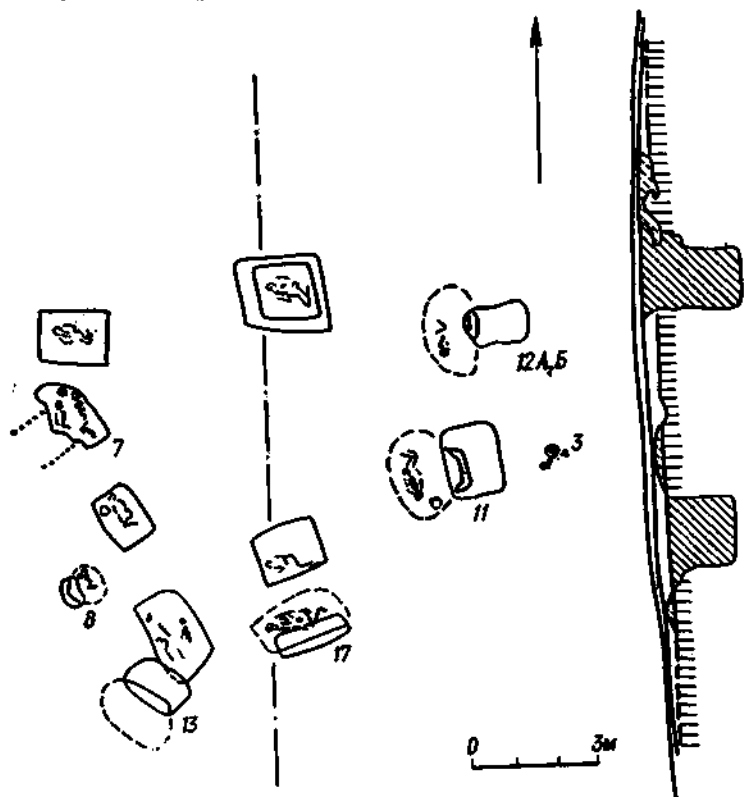

Рис. 3. План катакомбных погребений в кургане 3 у Новочеркасской ГРЭС.

ния размещены более или менее равномерно с соблюдением определенного интервала: большего при небольшом числе могил (5—10) и наоборот. В некоторых курганах такое расположение погребений отличается почти идеальной правильностью. Например, в кургане 3 у Новочеркасской ГРЭС шесть открытых здесь захоронений в катакомбах расположены по кругу с интервалом в 2—3 м (рис. 3). В кургане 1 в Ливенцовке, в котором открыто 25 катакомбных погребений, 15 из них в пределах $45-180^\circ$ образовывали сплошную дугу из «впритык» размещенных погребальных сооружений (табл. VI). При этом случаи нарушения отмечались лишь

в трех группах погребений, где находились далеко отстающие во времени и разнотипные могилы.

Все эти наблюдения свидетельствуют об определенной планировке катакомбных погребений в кургане, а также о наличии каких-то внешних обозначений над могилами. Указанием на это могут служить также случаи повторного использования одного и того же погребального сооружения (подзахоронения). Остается пока до конца не выясненным вопрос о последовательности устройства погребений в кургане. Заслуживают внимания некоторые наблюдения, сделанные на курганах Правобережья Дона. Так, при сведении на один план погребений всех курганов устанавливается, что погребения одного типа, по многим показателям раннекатакомбные, расположены в основном в пределах $40-180^\circ$, а поздние преимущественно в пределах $135-280^\circ$ (рис. 2; 4).

Лишь в трех курганах несколько раннекатакомбных погребений оказалось и в юго-западном секторе ($180-270^\circ$), причем в двух из них все захоронения были ранними (Новочеркасская ГРЭС, к. 3; Донской, к. 7). В одном кургане находились и ранние и поздние погребения (Ростов-на-Дону, 1967 г., к. 6). При этом поздние погребения располагались дальше от центра, чем ранние.

Замечено также, что в курганах Нижнего Дона, а также Северского Донца самые ранние погребения занимают одно и то же место — северо-восточный сектор ($45-90^\circ$). Это позволяет считать, что рост катакомбного кладбища в кургане начинался с северо-восточного сектора.

Таким образом, для курганов Правобережья Дона можно говорить о тенденции роста катакомбного кладбища по окружности, с северо-востока к югу и западу, т. е. по часовой стрелке. Однако это справедливо лишь в отношении групп погребений (ранних и поздних) в целом.

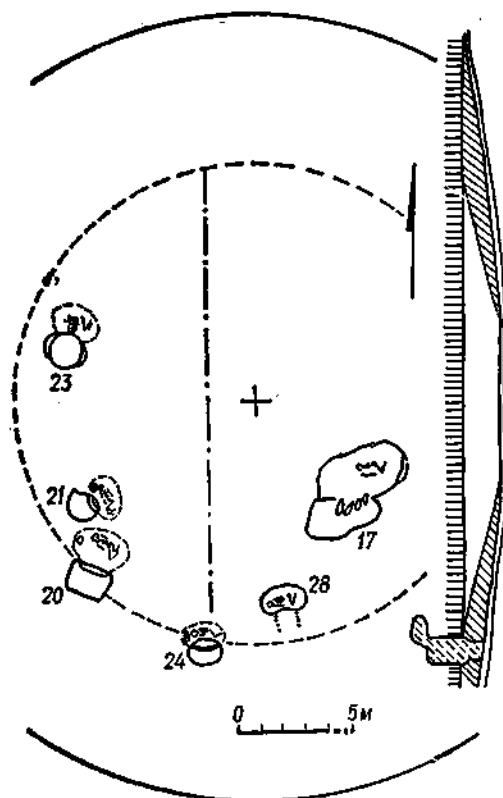

Рис. 4. План позднекатакомбных погребений в кургане 2 у Новочеркасской ГРЭС.

В рамках же каждой группы, в пределах секторов такая закономерность вряд ли имела место. Сопоставление планов курганов с разной плотностью погребений в образованной ими дуге показывает, что в каждом из них погребения располагаются более или менее равномерно. Отсутствуют такие курганы, у которых наблюдалась бы кучность погребений на одном отрезке дуги, а в остальной части могилы вообще отсутствовали. Отсюда можно заключить, что сперва погребения (в пределах дуги одного диаметра) устраивались на большом расстоянии друг от друга, а ввод последующих производился уже в промежутки между ними. Когда дуга однородных погребений уплотнялась, следующие погребения приходилось устраивать несколько дальше. Так возникала вторая дуга большого диаметра.

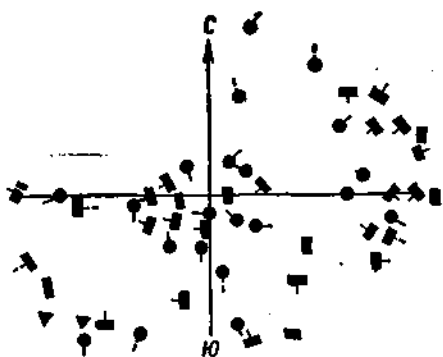

Рис. 5. Схема расположения катакомбных погребений в курганах Левобережья Дона.

В курганах Левобережья картина иная. Здесь много погребений в центре кургана, а среди тех, что расположены по краю насыпи, и ранние и поздние занимают одни и те же сектора (рис. 5).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ. СПОСОБ ПОГРЕБЕНИЯ

Из числа погребений с прослеженной формой погребального сооружения наиболее распространенной является катакомбная*. Только 13 погребений совершенно в ямах, из них 10 приходится на курганы Левобережья Дона. Ямы прямоугольной формы, следующих типов: простые малые ямы, размеры которых несколько больше величины скорченного костяка; простые большие ямы (размером около $3 \times 3,5$ — $3,7$ м); ямы с запле-

чиками. Катакомбные погребальные сооружения состоят из входной ямы или шахты и устроенной под одной из ее стенок погребальной камеры-катакомбы. Вход в камеру представляет щель или лаз, закрывавшийся деревом, камнями, кусками дерна или вязкой глиной.

У большинства катакомб, расположенных по окружности кургана, погребальная камера выводится в сторону центра курганной насыпи, т. е. погребальное сооружение ориентируется в радиальном направлении.

* Погребения в овальных ямах, в свое время названные В. А. Городцовым «ямные погребения катакомбного типа» (для северско-донецких курганов) относим к захоронениям в катакомбах с непрослеженной входной ямой. Большинство таких могил из раскопок В. А. Городцова было убедительно реконструировано Л. С. Клейном как настоящие катакомбы (Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. — СА, 1961, № 2, с. 49—65). Полевая практика подтверждает правильность такой реконструкции.

Отступления от этого правила обычно связаны с наличием по соседству более раннего погребения, не позволявшего устроить камеру в нужном направлении без его повреждения. В редких случаях они необъяснимы.

Формы катакомбных погребальных сооружений довольно разнообразны. Они различаются по входным шахтам, погребальным камерам и спо-

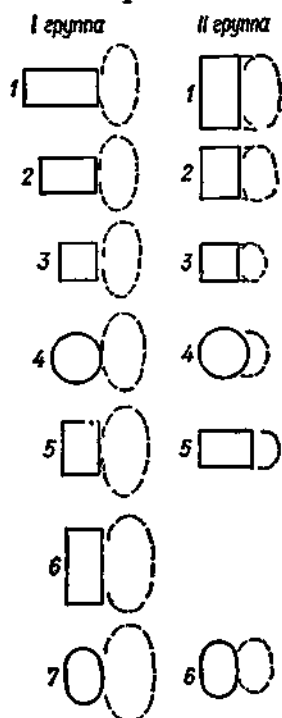

Рис. 6. Типы катакомб.

собу их соединения в плане. В основу классификации катакомб положена форма шахты и соотношение ее с камерой — именно в этом обнаруживается большое разнообразие катакомбных погребальных сооружений. Форма камеры оказалась не столь важной, поскольку она менее изменчива, так как камера предназначалась для выполнения одной и той же функции — вместить погребенного в скорченном положении со своим приданым. Именно поэтому основное внимание мы обратили на форму входной шахты, как не связанную с основной функцией и оказавшуюся более подвижной стороной погребального сооружения, выявившей большое разнообразие. Шахты имеют форму длинного (соотношение длины к ширине 1,7—2 : 1; 0,5—0,6 : 1), короткого (соответственно 1,2—1,6 : 1; 0,7—0,8 : 1) прямоугольника, квадрата (0,9—1,1 : 1), круга или овала. Для сооружений с прямоугольными шахтами имеет значение сторона, в которой устроена катакомба, т. е. под длинной стенкой или короткой (параллельное или перпендикулярное сопряжение) — общий вид сооружения от этого резко меняется.

Итак, катакомбы разделены нами на две группы. К первой относятся сооружения, у которых продольная ось катакомбы больше параллельного ей сечения шахты (т. е. ширины ее). Вторую группу образуют сооружения, у которых эти величины равны или продольная ось камеры несколько меньше (рис. 6).

В первой группе выделяются: тип 1 — с шахтой в форме длинного прямоугольника, перпендикулярно сопряженной с катакомбой; тип 2 — с шахтой в форме короткого прямоугольника, перпендикулярно сопряженного с камерой; тип 3 — с шахтой квадратной формы*; тип 4 — с шахтой круглой формы; тип 5 — с шахтой в форме короткого прямоугольника, параллельно сопряженной с камерой; тип 6 — с шахтой в форме длинного прямоугольника, параллельно сопряженной с камерой; тип 7 — с шахтой овальной формы.

* Эти сооружения можно назвать «Т-видными».

Во второй группе шесть типов: тип 1 — с шахтой в форме длинного прямоугольника, параллельно сопряженной с камерой; тип 2 — с шахтой в форме короткого прямоугольника, параллельно сопряженной с камерой; тип 3 — с квадратной шахтой; тип 4 — с шахтой круглой формы; тип 5 — с шахтой в форме короткого прямоугольника, перпендикулярно сопряженной с камерой; тип 6 — с шахтой овальной формы, параллельно сопряженной с камерой.

Погребальные камеры имеют обычно овальную форму, реже круглую или прямоугольную. Они также различаются по входному отверстию — у одних камера расположена впритык к шахте (иногда захватывая часть ее) и вход представляет щель, у других — на некотором отдалении. В камеру тогда ведет лаз.

В камере погребенный помещался на циновку из тростника, меха или соломы, от которых обычно остается светло-серый или коричневатый глян *.

В двух катакомбах из курганов у Новочеркасска (Шибельный к., п. 4; к. 3, п. 12), в которых свод не обвалился и костяки не были покрыты землей, удалось проследить циновки из плетеного тростника, шкур, соломы, а также покрывало из ткани и даже подушку орнаментом под головой. Сверху умерший покрывался погребальным саваном, как это можно судить по пустой катакомбе 2 из кургана у хут. Большой Мишкин, в которой прекрасно сохранился такой саван, плетеный из тростника и шнура (рис. 41, 1). Таким образом, погребенный помещался на ложе и ему придавали спящее скорченное положение как в реальной жизни. Погребенного зачастую посыпали порошком красной краски — охры. Нередко клали куски краски.

Погребенного укладывали лицом к выходу, к шахте. Имеющиеся отклонения от этого правила относятся к коллективным погребениям. Все погребенные имеют скорченное положение, в основном на правом боку и очень редко на левом. Угол скорченности преимущественно тупой, редко прямой и острый. Руки обычно имеют такое положение: правая вытянута, левая слегка согнута; кисти их находятся у бедер или колен. Особо выделяются костяки, у которых руки согнуты и протянуты к лицу. Ориентация погребенных зависит от места погребения в кургане и от общего направления погребального сооружения. Поскольку костяки находятся на правом боку и лицом к шахте, а погребальные камеры в большинстве случаев направлены к центру, то при расположении погребения в восточной части кургана ориентация костяков южная, если погребение находится в южной поле — ориентация западная и т. д. Учитывая, что погребения сосредоточены в основном по кругу в пределах 45—280°, погребенные оказываются обращенными лицом к солнечной стороне.

---

* Остатки коричневатого глена исследователи часто принимают за кору, однако при внимательном рассмотрении это сгнившие шкуры.

После совершения погребения вход в катакомбу закрывался, а входная шахта заполнялась землей, вынутой при рытье сооружения (суглинок или суглинок с гумусированным грунтом). Однако нередко она заполнена только черноземом, хотя выкид при рытье могилы состоял в основном из суглинка и почему-то не использовался. Встречаются также шахты, заполненные камнями, иногда очень плотно пригнанными. Погребения содержали разнообразный инвентарь: глиняные, а изредка и деревянные сосуды с напутственной пищей, жаровни, орудия (часть их столового назначения) и оружие из металла, камня, кремня, кости, а также украшения и игральные кости. Остатками напутственной пищи являются и кости животных.

В качестве погребального приданого изредка встречаются также череп быка и кости конечностей. Найдены и кости коня (череп с конечностями) и черепа туров со следами обработки.

Погребальный инвентарь обычно находится в катакомбе, лишь в нескольких погребениях во входной шахте встречаются жаровни и кости животных. Распределение его по погребениям неравномерное, нередко также могилы без вещей, хотя это еще не означает отсутствия погребального приданого: оно могло состоять из органических веществ и не сохраниться, в частности напутственная пища (мясо, плоды и т. п.) *. Наиболее часто в погребениях встречаются глиняные сосуды, вмещавшие еду (остатки желтой массы на дне), а может быть и питье, а также фрагменты горшков с углями и золой, использованные в качестве жаровень. Сосуды обычно стоят в изголовье, перед лицом или грудью погребенного. Это же место занимают и изредка встречающиеся деревянные сосуды — миски, блюда. Жаровни располагаются как в изголовье, так и у ног, ниже колен и у ступней. Если из взятой для исследования серии погребений отбросить разрушенные и плоходокументированные захоронения, а также детские могилы, то получается, что жаровня (для Левобережья Дона — курильница) встречается почти в каждом втором погребении⁶⁷.

Прочие категории инвентаря встречаются редко. Такие предметы, как нож, пило, булава, топор, стрелы, украшения, находятся обычно перед грудью умершего, справа. При этом важно отметить, что они располагаются возле умершего, отдельно, а не на нем, как их носили при жизни. Исключение составляют лишь бронзовые височные кольца, которые всегда находятся на черепе.

Изредка, но не везде, мелкие украшения находятся на костяке, как, например, бронзовые шнуровые подвески в погребении у Новочеркасска (завод № 17, 1961 г., к. п. 1), располагавшиеся в области пояса.

Кости животных обычно встречаются за спиной, у головы или у ног, черепа с конечностями у ног (изредка во входной шахте).

---

* Иногда в изголовье, перед лицом или грудью удается обнаружить желтоватую легкую массу, идентичную той, которую часто находят в сосудах.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ

Исходя из значения и массовости керамики, рассмотрим схему построения и общие принципы ее классификации, так как от этого в значительной степени зависят все основные выводы работы.

Всего в привлекаемой для исследования серии погребений насчитывается более 230 целых сосудов и выразительных фрагментов. Известно свыше двух десятков сосудов из случайных находок.

С технологической стороны керамика довольно однообразна. Сосуды изготовлены способом ручной лепки с применением гребня для выравни-

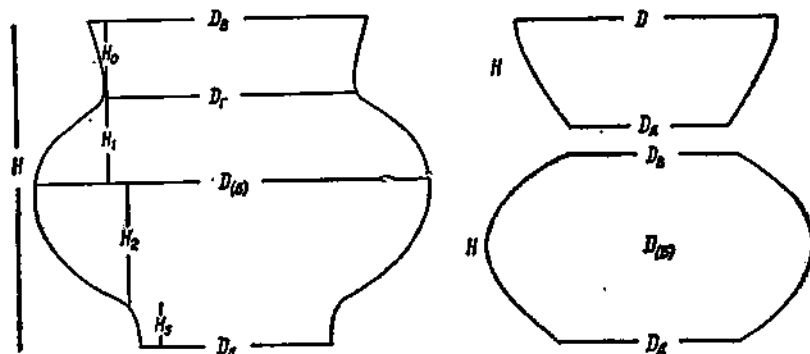

Рис. 7. Схема основных замеров сосудов.

вания стенок. Расчесы гребня хорошо видны как внутри, так и снаружи, хотя на поверхности богато орнаментированных сосудов они обычно сглажены. Сосуды слабо обожжены, черепок в изломе черный, поверхность черная, коричневая, серая, реже светло-желтая. Заметных примесей в глине обычно нет. Лишь изредка встречаются камешки, песок. Особо выделяются немногочисленные образцы с примесью известковых включений и толченой ракушки, а также сосуды с лощеной поверхностью.

В основу классификации положены формы сосудов, техника исполнения орнамента, его элементы и композиция узоров. По общим морфологическим очертаниям сосудов выделяются отделы (рис. 7; 8; 9). Первые три отдела выделены в зависимости от величины шейки сосуда: бесшейные горшки и чашки, короткошейные горшки, высокошейные сосуды. К следующим трем отделам отнесены фляги (сосуды с ушками), амфоры (сосуды с двумя ручками), кувшины (с одной петельчатой ручкой). Особые отделы составляют миски и чаши на поддонах.

В отделах в зависимости от пропорций сосудов, изгиба стенок характера шейки, соотношений диаметров выделяются группы*. При выделе-

* Соотношение высоты сосуда к наибольшему диаметру обозначается $H:D$ (D_6 — диаметр в боках), шейки к высоте $H_0:H$, диаметра по венчику к диаметру в основании горла (шейки) — $D_2:D_1$, диаметра по венчику к наибольшему диаметру $D_2:D$ (см. рис. 7).

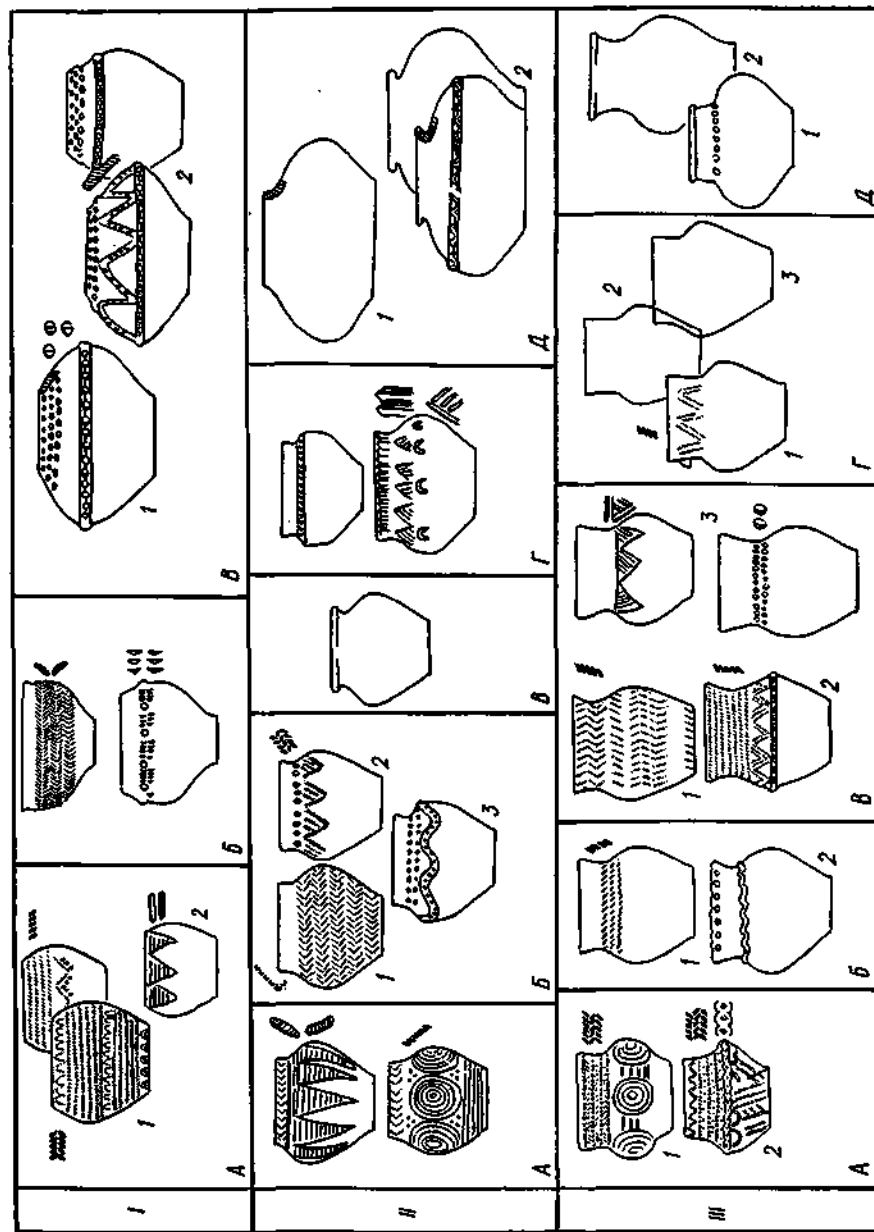

Рис. 8. Схема классификации натакомной керамики. Отделы I—III.

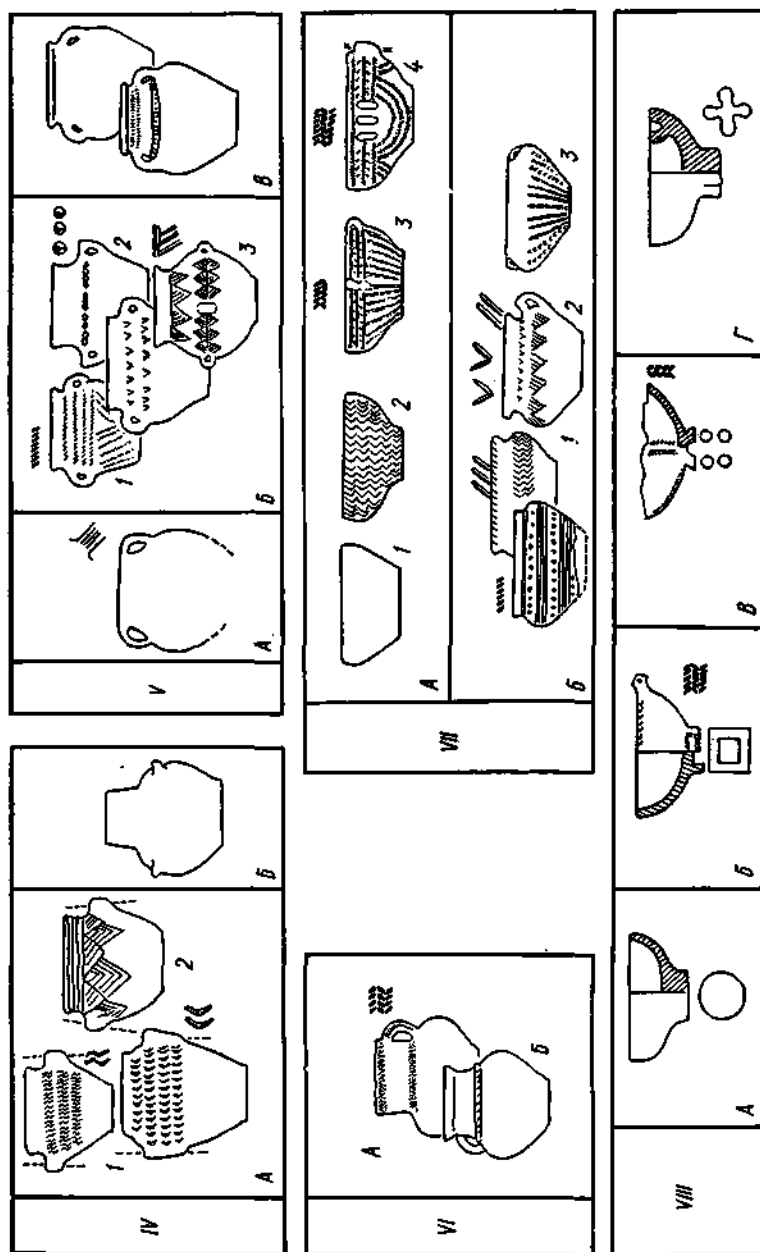

Рис. 9. Схема классификации катакомбной керамики. Отделы IV—VIII.

нии типов * учитывается техника исполнения орнамента и детали формы. Различается орнамент, выполненный штампом (простой, двойной, перевитый шнур, тесьма, гребень, «отступающая лопаточка»); валиком, прочерчиванием, пальцами (вдавления, защипы). Особо выделяются сосуды, сочетающие штампованный орнамент с валиковым, прочерченным, защипным. В отношении неорнаментированных сосудов ограничиваемся отнесением их к соответствующей группе, если типы выделены по орнаменту. В группах, где орнамент не имеет существенного значения при выделении типов (группы с однотипным орнаментом) такие сосуды относим к соответствующему по форме и ее деталям типу.

Отдел I. Бесшейные сосуды (банки, глубокие чаши, горшки). Сосуды без шейки, у которых $H : D = 0,6-0,8$.

Группа А. Закрытые банки. Сосуды в форме чашек с выгнутыми стенками. Наибольший диаметр ниже устья.

Тип 1 — банки со шнуровой орнаментацией.

Тип 2 — банки с прочерченной орнаментацией.

Группа Б. Глубокие чаши. Небольшая группа открытых или почти открытых чаш, стянутых в нижней части, на узком дне ($H : D = 0,6-0,73$).

Группа В. Реповидные горшки. Крупные горшки, широкие в боках ($H : D = 0,6-0,7$; Дв: $D = 0,4-0,6$). Многие имеют приземистую реповидную форму, однако есть и стройные сосуды.

Тип 1 — сосуды с прямым ровным краем, тип 2 — сосуды с утолщенным краем в виде сросшегося воротничка. Орнаментированы в валиковой и прочерченной технике и пальцевыми вдавлениями.

Отдел II. Короткошейные горшки. Сосуды с короткой шейкой разных пропорций ($Ho : H = 0,15$). Самый многочисленный отдел керамики.

Группа А. Яйцевидные горшки. Сосуды с нечетко выраженной, часто неотделенной от плечиков шейкой, с выгнутыми стенками корпуса яйцевидных очертаний ($H : D = 0,8-0,9$). Наибольший диаметр приходится на верхнюю часть сосуда. Форма сосудов сильно варьирует, типы пока не выделяются. Орнамент: оттиски «отступающей лопаточки», перевитого и простого шнура, наколы палочкой, пальцевые вдавления.

Группа Б. Стройные горшки с четковидной прямой шейкой. ($H : D = 0,8-0,9$; Дв: $D = 0,7-0,9$).

Тип 1. Горшки, орнаментированные отпечатками шнура (тесьма, реже простой и двойной шнур) и гребня. Характерные композиции — опущенные короткие треугольники и ряды горизонтальной «елки».

Тип 2. Горшки той же формы, но сочетающие в орнаментации гребенчато-шнуровую технику с рельефной из валиков, пальцевых защипов, наколов.

Тип 3. Горшки той же формы, но с рельефным орнаментом из валиков и пальцевых защипов.

---

* При небольшом числе сосудов типы иногда не выделяются.

Группа В. Горшки с раструбной шейкой, с валикообразным венчиком, отогнутым наружу ($H:D=0,8-0,9$; $D_в:D_б=0,8-0,85$). Один орнаментирован пальцевыми защипами в основании шейки.

Группа Г. Приземистые горшки с прямой шейкой, широким устьем ($H:D=0,67-0,7$; $D_в:D=0,8$). Орнамент валиковый, прочерченный, от тиски спирали.

Группа Д. Реповидные горшки широкие в боках ($H:D=0,5-0,7$; $D_в:D=0,4-0,6$, как у сосудов IV). Орнамент валиковый и прочерченный.

Тип 1 — горшки с тонким венчиком, с суженной к устью шейкой.

Тип 2 — горшки с утолщенным венчиком в виде ободка.

Отдел III. Высокошейные сосуды. Сосуды с высокой четко выделенной шейкой ($H_о:H=0,2-0,4$), разных пропорций.

Группа А. Кубки. Сосуды с высокой, в основном прямой шейкой, с сильно выгнутыми боками ($H:D=0,6-0,8$; $H_о:H=0,2-0,4$; $D_в:D=0,8-0,9$). Наблюдаются вариации в форме шейки, боков, пропорциях кубков. Характеризуются роскошной орнаментацией, выполненной тесьмой, реже перевитым шнуром и гребнем. Из-за небольшого числа сосудов типы пока не выделяются.

К редкому образцу относим один кубок с остро выделенными боками с ребром, подчеркнутым валиком.

Группа Б. Сосуды кубковидной формы с высокой, слегка расширенной, реже прямой шейкой ($H:D=0,8-0,9$; $H_о:H=0,16-0,24$).

Тип 1. Сосуды с прямой или едва расширенной вверх шейкой со шнуровым орнаментом (горизонтальные линии простого шнура).

Тип 2. Сосуды со слабо расширенной кверху раструбной шейкой, орнаментированные валиком, пальцевыми защипами, в прочерченной технике и наколами.

Группа В. Высокие сосуды с расширенной раструбной шейкой ($H:D=0,95-1,1$; $H_о:H=0,17-0,33$; $D_в:D_г=1,1-1,3$).

Тип 1. Сосуды, орнаментированные шнуром и гребнем.

Тип 2. Сосуды, сочетающие в орнаментации шнуровую и гребенчатую технику с валиковой и прочерченной.

Тип 3. Сосуды, орнаментированные в валиковой и прочерченной технике, а также пальцевыми вдавлениями, защипами и наколами. Выделяется несколько вариантов.

Группа Г. Сосуды с прямой цилиндрической шейкой ($H:D=0,85-1$; $H_о:H=0,26-0,33$).

Тип 1. Сосуды с округлыми боками с оттисками простого шнура на шейке. Один с налепом у края.

Тип 2. Сосуды с округлыми боками, без орнамента.

Тип 3. Сосуды с высоко поднятыми и резко изогнутыми боками, без орнамента.

Группа Д. К этой группе отнесены два сосуда, по форме аналогичные кувшинам, но без ручек.

Тип 1. Сосуд с суживающимся кверху горлом, с утолщенным венчиком ($H:D=0,77$).

Тип 2. Высокий сосуд с высоким горлом, с отогнутым наружу венчиком ($H:D=1,1$).

Отдел IV. Фляги. Сосуды с наленными ушками, с вертикальными проколами.

Группа А. Фляги с широким устьем, с короткой шейкой.

Тип 1. Фляги с оттисками фигурного штампа, исполненного в манере «отступающей лопаточки».

Тип 2. Фляги с прочерченным орнаментом.

Группа Б. Фляги с узким горлом.

Отдел V. Амфоры. Редкие сосуды с двумя петельчатыми ручками.

Группа А. Крупные амфоры с прикрепленными к устью и плечикам плоскими ручками. Характеризуются своеобразной пористой глиной и лощеной поверхностью.

Группа Б. Небольшие амфорки обычной глины с короткой шейкой с ручками на плечиках или боках.

Тип 1. Амфорка со шнуровым орнаментом.

Тип 2. Амфорки с ручками и пояском из пальцевых защипов и вдавлений на плечиках.

Тип 3. Амфорка с шарообразным туловом, с ручками на боках. Орнаментирована в прочерченной технике.

Группа В. Амфоры с высокой шейкой, кувшинообразной формы, с ручками, прикрепленными к горлу и плечикам. Без орнамента, одна с валиком в основании шейки.

Отдел VI. Кувшины. Высокие и низкие сосуды с петельчатой ручкой.

Группа А. Кувшины с прямым горлом, с ровным венчиком, орнаментированные тесьмой.

Группа Б. Кувшины с прямым или слегка суженным горлом, с отогнутым наружу венчиком. Выделяются кувшины без орнамента и с пояском в основании горла из насечек, валика, простого шнура.

Отдел VII. Миски. Низкие сосуды, у которых $H:D = 0,35-0,6$, а стенки сужаются ко дну.

Группа А. Открытые миски, без бортика, с прямым краем. Орнаментированы в шнуровой и гребенчатой технике.

Тип 1. Миски с прямыми коническими стенками.

Тип 2. Миски с выгнутыми стенками.

Тип 3. Миски той же формы, но с петельчатой вотивной ручкой.

Тип 4. Миски той же формы, но с наленными ушками.

Группа Б. Миски закрытые, с невысоким бортиком, с выгнутыми стенками.

Тип 1. Миски без ручек. Орнаментированы оттисками шнура и плоского штампа.

Тип 2. Миски с одной петельчатой ручкой. Орнамент из пальцевых защипов и в прочерченной технике.

Тип 3. Миски с двумя петельчатыми ручками на бортике. Орнаментированы в шнуровой технике.

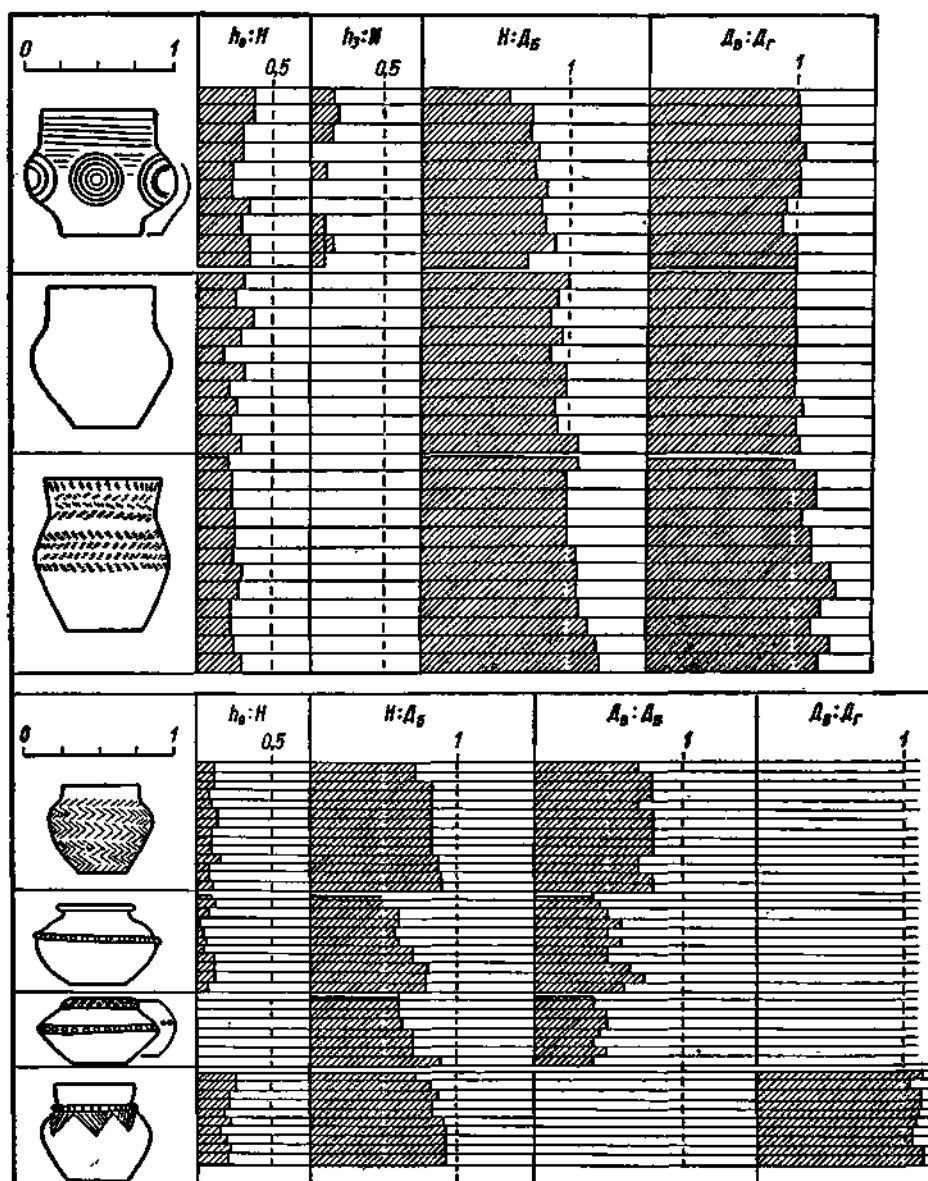

Рис. 10. График пропорций сосудов донецких, бахмутских и маньчских памятников.

Отдел VIII. Чаши на поддонах (курильницы).

Группа А. Чаши на круглом поддоне.

Группа Б. Чаши на квадратном поддоне.

Группа В. Чаши на четырех ножках.

Группа Г. Чаши на крестовидном поддоне (сросшихся ножках), в большинстве случаев с внутренним небольшим отделением.

Помимо сосудов, в катакомбных погребениях найдены воронки и одна крышка.

Рассмотрение катакомбных памятников с кажущейся на первый взгляд однородностью погребальных сооружений и способа погребения показывает, что они весьма неоднородны.

Так, в керамике, являющейся наиболее показательной и ведущей стороной археологической культуры, обнаруживается такое типологическое разнообразие в формах сосудов, сюжетах и технике исполнения орнамента, что эти памятники никак не могут быть отнесены к одной монолитной культуре. С одной стороны, здесь присутствуют стройные горшки, кубки, чаши, богато орнаментированные оттисками тесмы и гребня, образующие узоры в виде горизонтальных линий и елок, свисающих треугольников, лопастей и концентрических кругов. Все эти особенности отвечают керамике, хорошо известной по катакомбам Северского Донца и относимой к донецкой катакомбной культуре.

С другой стороны, здесь найдены приземистые, так называемые реповидные горшки, кувшины, цилиндрические сосуды с бедным орнаментом в основном из валиковых поясков или прочерченных элементов; чаши-курильницы на поддонах, т. е. сосуды, примечательные для Предкавказья, для манычской культуры.

Особый раздел составляют беспейные банки, короткошейные приземистые горшки, высокие сосуды с высокой раструбной или прямой шейкой и другие формы. Наиболее яркой чертой этой керамики являются валиковый и прочерченный орнамент, выступающий иногда в сочетании со шнуровым, а в сюжетах — узоры «опрокинутой» композиции и паркетные мотивы. Часть этих сосудов обнаруживает близость с керамикой среднедонской (харьковско-воронежской) катакомбной культуры, другие представляют малоизвестные ранее типы. Различие в пропорциях некоторых ведущих форм керамики иллюстрирует график (рис. 10). Довольно разнообразны также типы погребальных сооружений, прежде всего катакомбы, и другие вещественные материалы, которые будут рассмотрены ниже. Лишь в отношении положения костяка наблюдается относительная устойчивость (в основном скорченное на правом боку), хотя в ориентации — значительная пестрота.

Все эти разнообразные в типологическом отношении элементы, характеризующие материальную культуру, распределены не хаотично, а связываются в группы по взаимовстречаемости в комплексах. На этой основе представляется возможным выделить на Нижнем Дону три основные группы или типы катакомбных памятников. Характеристике этих групп посвящены следующие три раздела монографии.

Глава II

ПАМЯТНИКИ ДОНЕЦКОГО ТИПА НА НИЖНЕМ ДОНУ

К первой, самой ранней и многочисленной культурной группе средне-бронзовой эпохи отнесены памятники донецкого типа. Они соответствуют погребениям донецкой катакомбной культуры В. А. Городцова, из которых исключается, однако, небольшое число захоронений, в особенности из курганов по р. Бахмут, выявивших устойчивое отклонение по ряду признаков от основного содержания этой культуры. На Нижнем Дону эти памятники представлены более чем ста погребениями, поселением Ливенцовка 1 и случайными находками отдельных предметов.

ПОГРЕБЕНИЯ. ОБРЯД

Кроме одного захоронения у г. Цимлянска (Саркельская группа, курган № 58/26, погребение 5), все погребения данной группы являлись впускными в курганы ямной культуры или энеолитического периода. Большинство погребений впущено в полы курганов и лишь несколько оказалось в центральной части невысоких насыпей. Основная масса погребений сосредоточена в северо-восточном и юго-восточном секторах курганов (40—180°). В северо-западном секторе погребения отсутствуют (рис. 2). В кургане встречается от одного до десяти погребений, чаще всего три—пять.

Погребальные сооружения. Основной формой погребального сооружения является катакомбная. Наиболее распространенные типы катакомбных погребальных сооружений — катакомбы перпендикулярного сопряжения с входными шахтами в форме длинного и короткого прямоугольника и квадрата (типы I 1—3). Из 42 погребений данной

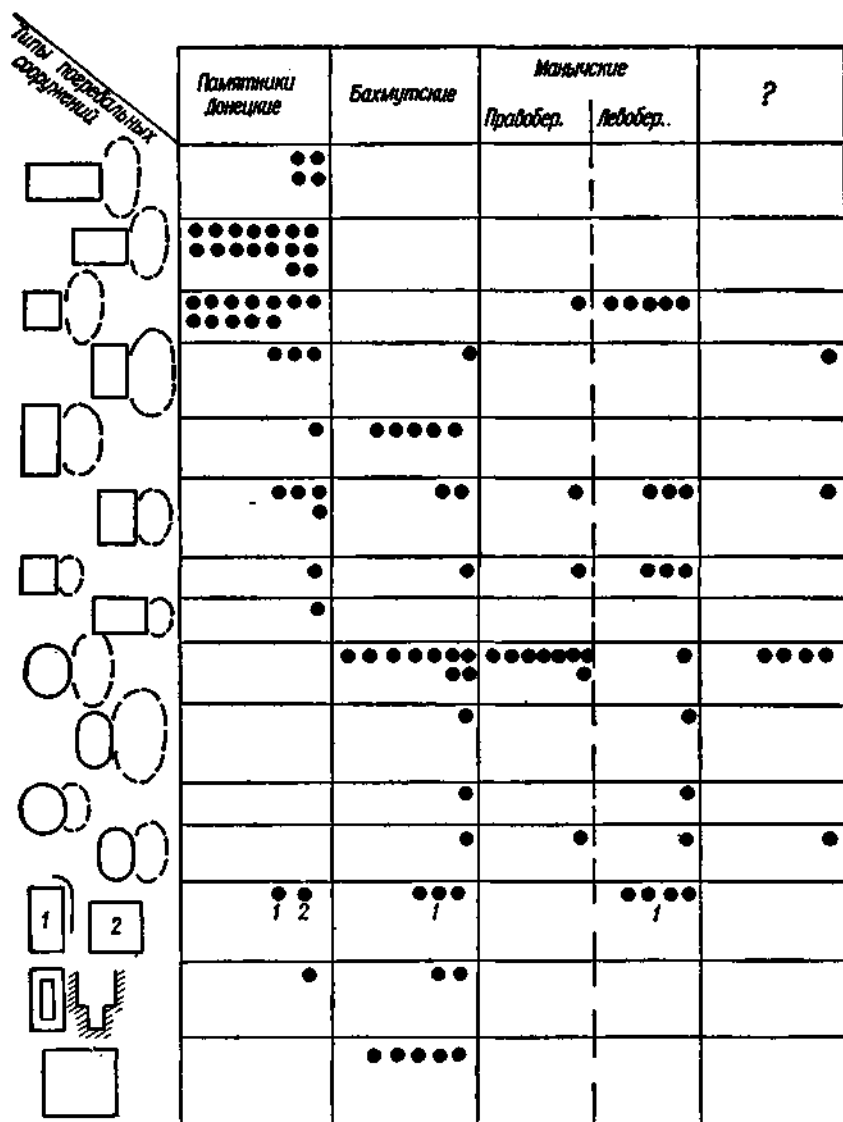

Рис. 11. Распределение типов катакомбных сооружений по культурным группам.

группы с прослеженной шахтой на них приходится 32 (рис. 11). Часто встречающейся деталью устройства этих сооружений необходимо отметить наличие в шахтах ступенек, запячек вдоль стенок у дна, углубления, ведущего к входному отверстию — лазу. Менее характерные типы катакомбных сооружений I 5, II 1, II 2, II 3, II 5. Погребальные камеры — катакомбы чаще всего овальные в плане, со сводом, однако встречаются камеры прямоугольные, квадратные и круглые. В одном погребении у Новочеркасска (завод № 17, к. п. 1) у прямоугольной катакомбы вместо обычного свода был плоский потолок и соответственно прямые отвесные стенки (табл. III, 3).

Два погребения совершены в простых ямах прямоугольной и квадратной формы (Донской, 7/12; Попов, к. 30/6, п. 16), одно в небольшой яме с запячками (Н. Аксай, 19/2).

Способ погребения. В погребальной камере обычно находится один костяк, реже два-три. В трех погребениях встречено пять, семь и восемь костяков. Исходя из их компактного размещения в камере не приходится сомневаться, что все умершие были погребены одновременно. Все погребенные имели скорченное положение. Угол скорченности тупой, в основном $135-100^\circ$, угол в коленях от прямого до острого. Большинство костяков находилось на правом боку, в четырех погребениях на левом (все на Левобережье: Карповка, 6/8, Н. Аксай, 19/2, Кудинов, 1/1, Лысый, к./23). Руки обычно опущены к бедрам, правая вытянута, левая слегка согнута, только в двух погребениях они оказались согнутыми и протянутыми к лицу (Левобережье Дона: Карповка, 6/8, Попов, к. 30/6, п. 16). Ориентировка погребенных различна и в значительной степени зависит от места расположения погребения в кургане и направления продольной оси шахта — катакомба. Так как большинство погребений расположено по краю кургана в пределах $40-180^\circ$ и имеет радиальную ориентацию катакомбой к центру, ведущей ориентировкой костяков оказывается южная, юго-западная и западная (соответственно 30, 12, 9 погребений, рис. 12). Меньшее количество захоронений устроено в пределах $180-270^\circ$, и в основном они дают ориентировку костяков головой к северо-западу и северу (11 и 10). Погребения с ориентировкой костяков к востоку и северо-востоку (9 и 4), как правило, обнаруживают отклонения от основных норм или в месторасположении в кургане и ориентации погребальных сооружений (не радиальном к центру), или же в положении костяков (вместо правого бока — левый; например, в двух вышеупомянутых погребениях из курганов у Карповки и Кудинова).

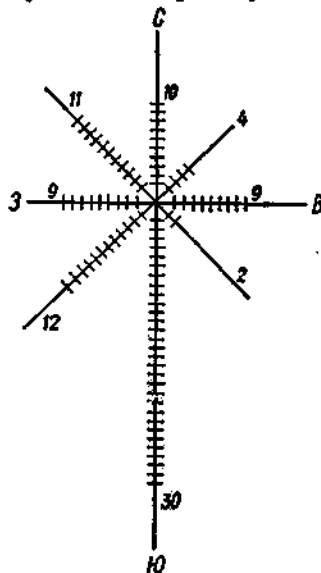

Рис. 12. Диаграмма ориентировок погребенных в погребениях донецкого типа.

Итак, из 88 захоронений с зафиксированной ориентировкой 53 костяка ориентированы к ЮВ, Ю, ЮЗЗ; 11 — к СЗ, 10 — к С; 13 — к В и СВ.

Почти в каждом погребении присутствует красная краска — охра, либо в виде порошка, которым посыпались умершие, либо в виде комков. Сосуды находятся далеко не в каждом погребении. Обращает на себя внимание частое отсутствие их в катакомбах с богатым набором вещей, в частности из металла. Чаще всего в катакомбу ставился только один сосуд, очень редко два и еще реже три. Почти в каждое второе погребение помещалась жаровня из фрагмента сосуда с углями и золой. Реже в могилах встречаются предметы личного пользования — украшения, оружие, орудия труда. Иногда в шахту перед входом или в камеру клались черепа быков с конечностями и, очевидно, со шкурами — вероятно, символическое приношение погребенному животного, при котором часть заменяет целое. Количество найденных предметов не зависит от числа погребенных. Нередки также захоронения без вещей. Замечено, что в коллективных погребениях с числом погребенных от трех до восьми вещи находятся только у тех из них, которые уложены в камеру в соответствии с принятыми нормами, т. е. в скорченном положении, на правом боку и лицом к выходу из камеры. Это обстоятельство может указывать на подчиненный характер умерших, погребенных с отступлением от норм ритуала, и на какое-то особое положение в группе тех, кого снабдили приданным и «правильно» уложили.

ПОСЕЛЕНИЯ

Помимо погребальных памятников, за последнее время стало известно и несколько пунктов с находками катакомбной керамики, указывающих на наличие поселений. Находки керамики с тесемчатой и гребенчатой орнаментацией сделаны на поселении Ливенцовка I, VI, Каратаево¹, у с. Бесергевки близ Новочеркасска². Все эти поселения расположены на первой низкой террасе р. Дон, у подножия высокого коренного берега. Небольшими по объему раскопками на поселении Ливенцовка I выявлен культурный слой (третий), лежащий на слое ямной культуры и перекрытый сверху слоем с многоваликовой керамикой³. Он представляет гумусированный грунт с камнями толщиной до 0,50—0,60 м с прослойками золы, костей и чешуи рыб. Керамические находки слоя очень фрагментарны. Они относятся к короткошейным горшкам, кубкам, мискам с прямым краем, мискам с бортиком (рис. 13). Другие категории находок, кроме костей животных и рыб, — костяные ложки, проколки, обломки каменных топоров, черешок бронзового ножа. Кремневые орудия отсутствуют. В слое встречено лишь немного отщепов и грубых осколков кремня. В этом отношении катакомбное поселение резко контрастирует с поселениями энеолита и ранней бронзы с богатой кремневой индустрией, что является свидетельством значительного внедрения металлических орудий у катакомбного населения, безусловно, более широко распространенных, чем это представляется по погребениям, куда они

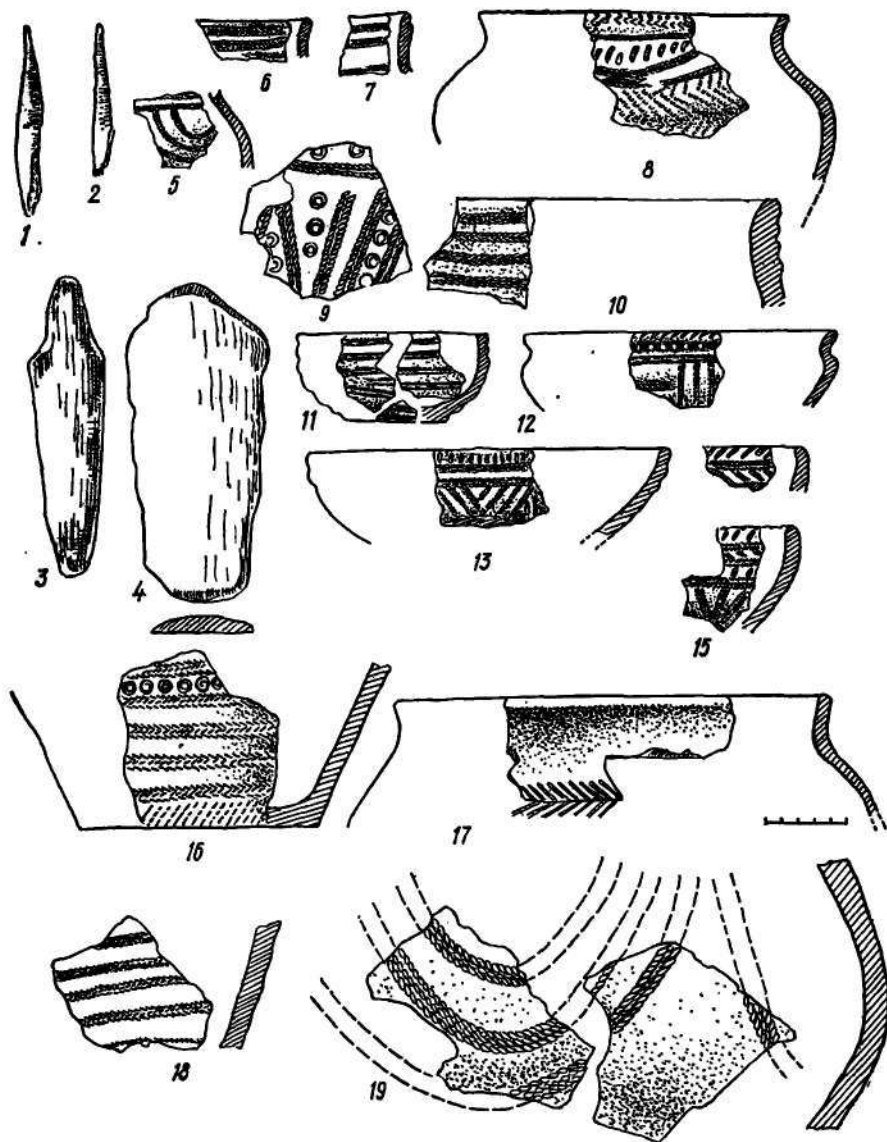

Рис. 13. Костяные изделия (1—4) и керамика из катакомбного слоя поселения Ливенцовка I.

попадали не столь уж часто. Редкость катакомбных поселений и слабая насыщенность слоя культурными остатками, видимо, объясняются кратковременностью их существования. Вероятно, это временные селища типа зимовников.

КЕРАМИКА

Отдел II. Короткошейные горшки. Представлены группами А и Б.

Группа А. (18 экз.). Горшки с нерасчлененной от тулова суживающейся к устью шейкой, яйцевидных очертаний. Шейка нечетко отделена от плечиков: у некоторых образцов с одной стороны в профиле она не заметна (как у бесшейных сосудов), в то время как с другой выражена. Дно узкое, у одного сосуда неустойчивое, уплощенное (рис. 14; 15, 1, 2). Наблюдается сильная вариабельность в форме шейки, венчика, характере плечиков, боков сосуда.

Особенностью данной группы является орнамент, по технике исполнения и композициям почти не знающий повторения в других керамических группах (кроме двух фляг). Это относится к оттискам отступающей лопаточки, перевитого и простого однорядного шнура, наколам, а также к вертикальным композициям в виде удлиненных треугольников, спускающихся от плечиков почти до самого дна, вертикальных елочных узоров, вертикальных овалов, прямоугольных композиций. Один сосуд этой группы из поселка Донского украшен концентрическими кругами, выполненными, однако, не тесью, как на кубках, а простым шнуром (рис. 14, 6). На двух сосудах встречены в сочетании с перевитым шнуром пальцевые вдавления, на одном из них — налепные шишечки (рис. 14, 1; 15, 1).

По форме и орнаменту горшки группы А очень близко стоят к круглодонным ямным сосудам с высокоподнятыми боками. Значительная часть этих сосудов была найдена в погребениях в виде крупных фрагментов, использованных как жаровни.

Группа Б. Стройные горшки с четко выделенной прямой шейкой. Представлены типом 1 (46 экз., рис. 15, 3—6; 16). Корпус имеет плавные очертания, наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосуда. В орнаментации преобладают оттиски тесью и гребня, реже встречается простой и перевитый шнур. Наиболее распространенные композиции узора — горизонтальные линии на шейке, горизонтальные ряды гребенчатых «елок» или свисающие короткие треугольники на тулове. Встречены также прямоугольные полотенца и на одном сосуде мотив спирали (рис. 16, 5). Часть сосудов не орнаментирована. К редким вариантам относим горшок со своеобразной орнаментацией, как на сосудах группы А (рис. 16, 3), и горшочек с серой лощеной поверхностью без орнамента (табл. XVII, 4). Горшки данного типа относятся к наиболее распространенным сосудам нижнедонских памятников.

Отдел III. Сосуды с высокой шейкой.

Группа А. Кубки (11 экз.).

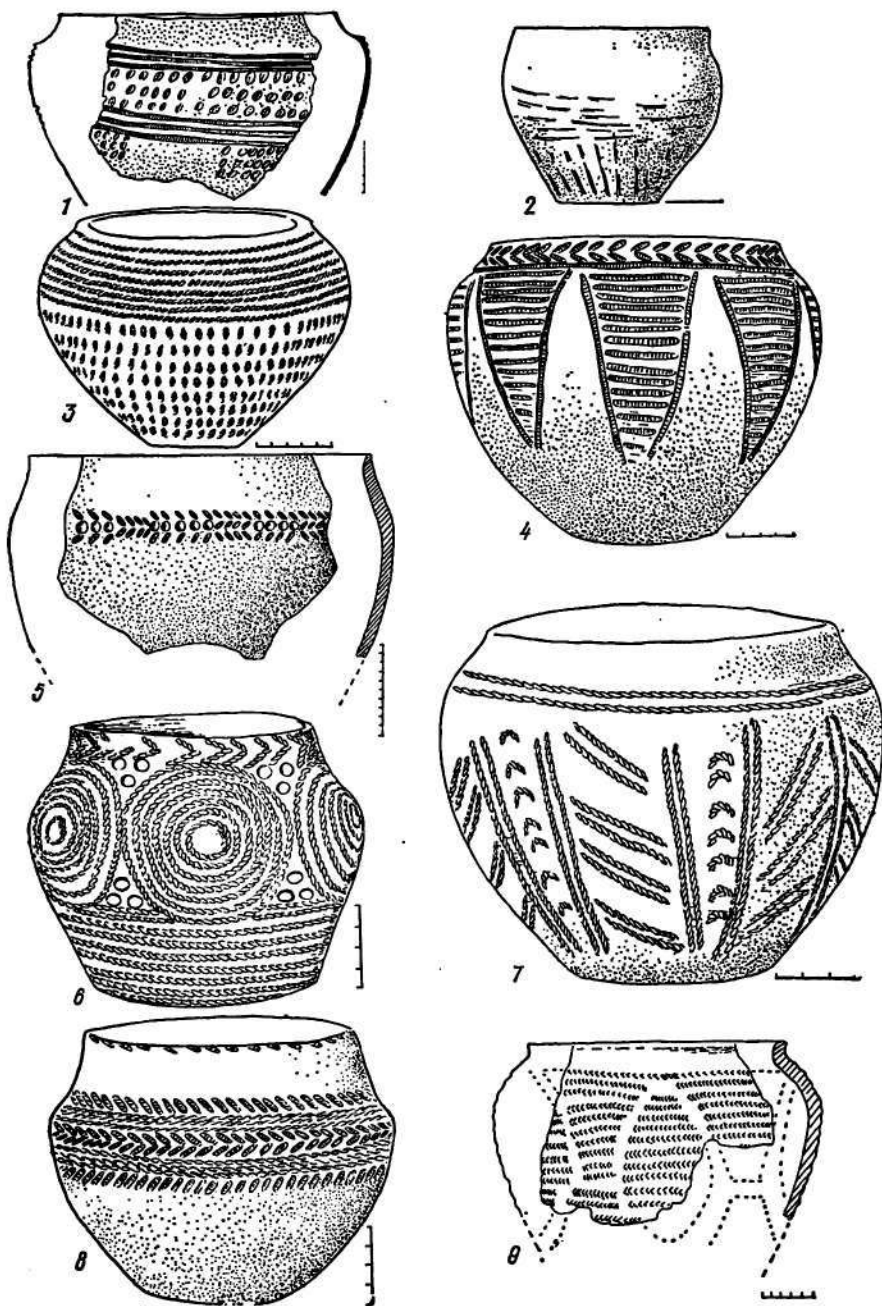

Рис. 14. Короткошейные яйцевидные горшки группы А:

1 — Ростов-на-Дону, курган 1, погребение 4; 2 — Солёный, курган 1, погребение 7; 3 — Карповка, курган 6, погребение 8; 4, 6 — Донской, курган 7, погребение 15; 5 — Мишкин, курган 1, погребение 1; 7 — Новочеркасск, Шибельный курган 7, погребение 8; 8 — Кудинов, курган 1, погребение 1; 9 — Донской, курган 5, погребение 24.

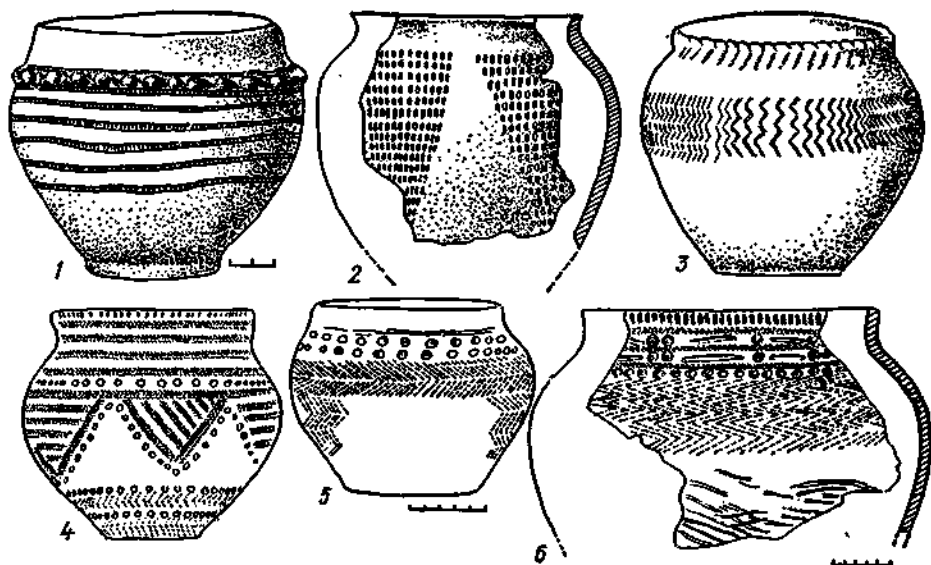

Рис. 15. Короткошейные горшки группы А (1, 2, яйцевидные) и Б (3—6, стройные):

1 — Новочеркасск, Шибельная группа, курган 3, погребение 13; 2 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 2, погребение 13; 3 — Ростов-на-Дону, Братский курган, погребение 2; 4 — Куйбышево, курган 3, погребение 2; 5 — Попов, курган 30/8, погребение 16; 6 — Большой Мышьяк, курган 1, погребение 4.

Сосуды характеризуются высокой шейкой и сильно выделенными боками, нависающими у некоторых образцов над нижней частью, имеющей характер поддона. Шейка как прямая, так и слегка суженная или чуть расширенная кверху. Помимо преобладающих тесемчатых узоров — горизонтальных полос на шейке и концентрических крутов или лопастей на боках, встречаются опущенные треугольники, вертикальные полосы и горизонтальные гребенчатые елки (рис. 17). Есть и неорнаментированные сосуды. Кубки распространены только в памятниках Правобережья Дона и Северо-Восточного Приазовья. На Левобережье они не встречены. Нередко кубок считается самым характерным в керамике донецкой катакомбной культуры и чуть ли не единственной ее формой⁴. Ошибочность такого заключения очевидна. Она является следствием весьма поверхностной, визуальной оценки лишь части материалов, в частности по выборочной публикации сосудов В. А. Городцовым. Как отмечалось выше, самой распространенной формой являются короткошейные стройные горшки. Кубок же представляет хотя и заметный, яркий, но далеко не доминирующий тип сосудов*. Вместе с тем, кубок со свойственной ему

* На Северском Донце кубки тоже встречаются не часто. Например, при наших исследованиях в 1972 г. из 50 погребений в кургане возле г. Александровска лишь в двух были найдены кубки.

Рис. 16. Короткошейные стройные горшки:

1 — Донской, курган 7, погребение 10; 2 — Большой Мишкин, курган 1, погребение 11; 3 — Семикаракорский, разрушенный курган, погребение; 4 — Новочеркасская ГРЭС, курган 3, погребение 11; 5 — Большой Мишкин, курган 1, погребение 4; 6 — Солёный, курган 1, погребение 10; 7 — Семикаракорский, разрушенный курган, погребение; 8 — Спорный, курган 3, погребение 30; 9 — Большой Мишкин, курган 1, погребение 7; 10 — Новочеркасск, Шибельный курган 7, погребение 6.

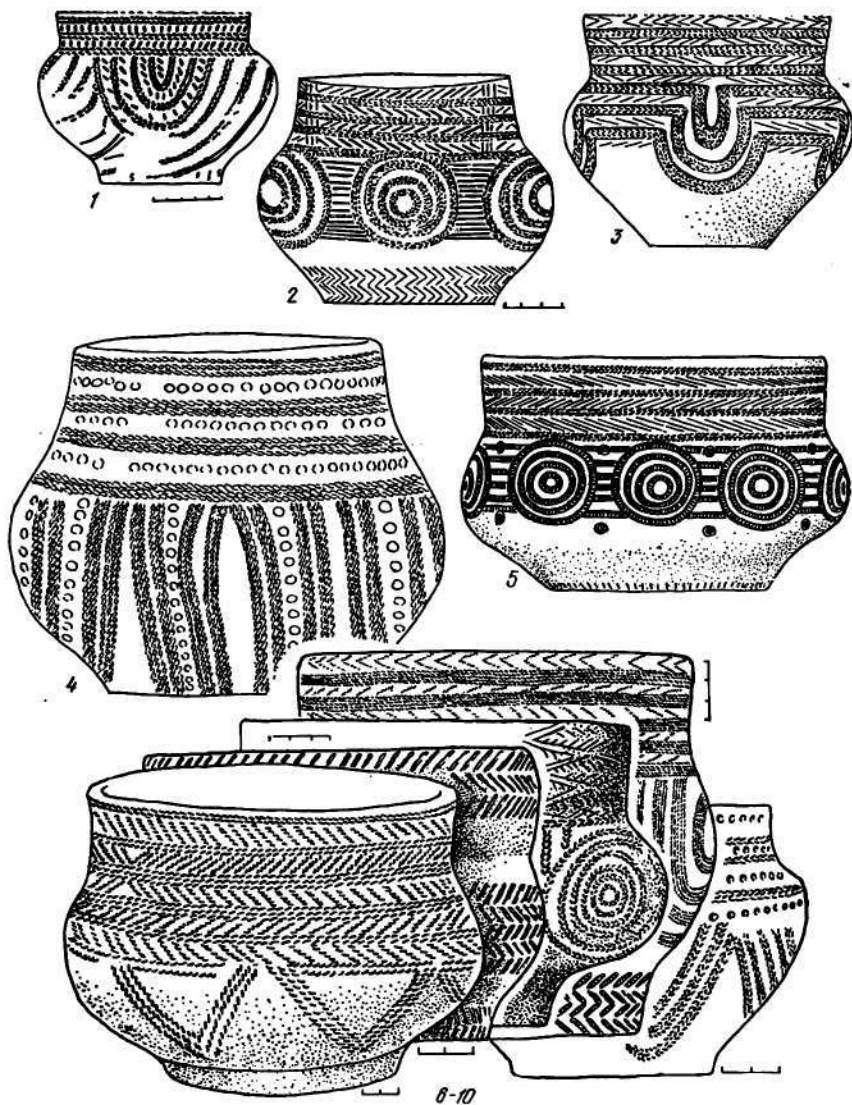

Рис. 17. Кубки:

1 — Ливенцовна, курган 1, погребение 21; 2, 4 — Покровское, курган ССV, погребение 6; 3 — Ливенцовка, курган 10, погребение 8; 5 — Ростов-на-Дону, Круглый курган, погребение 4; 6 — Ростов-на-Дону, курган 6, погребение 10; 7 — там же, курган 7, погребение 4; 8 — Новочеркасси, (курган 4 у Хохлача), погребение Д; 9 — Осищенко, курган 2, погребение 2; 10 — Ростов-на-Дону, курган 1, погребение 6.

орнаментацией выступает как наиболее своеобразный тип сосудов, встречающийся в основном только на Нижнем Дону и Донеччине и отсутствующий в других катакомбных группах (маньчской, среднедонской). Исключение составляет приазовско-приднепровская группа, где есть несколько таких сосудов, являющихся, однако, лишь отдаленной репликой примечательных донецких кубков.

Отдел IV. Фляги.

Группа А. Представлена одним стройным сосудом с двумя парами ушек с вертикальными проколами (рис. 18, 1). Верхняя часть фляги и ушки украшены фигурным штампом, исполненным в манере «отступающей лопаточки». Фляга происходит из разрушенного кургана у хут. Ливенцовки. Катакомбная принадлежность сосуда устанавливается на основании находки близкой по форме и орнаменту фляги в катакомбе из кургана на окраине Ростова-на-Дону (рис. 18, 3)⁵. По технике исполнения орнамента фляги обнаруживают также близость с короткошейными яйцевидными горшками группы А. Сосуды в форме фляг с ушками весьма примечательны для катакомбной керамики Северного Приазовья, Поднепровья, Правобережной Украины и восходят здесь еще к ямной культуре. Орнамент указывает также на их ямное происхождение.

Рис. 18. Фляги, амфора, кувшин:

1 — Ливенцовка, карьер, разрушенное погребение; 2 — Новочеркасская ГРЭС, курган 3, погребение 12А; 3 — Ростов-на-Дону, курган 13, погребение 14; 4 — Веселый, курган 2, находка «С».

Отдел V. Амфоры (2 экз.). Представлены группами А и В.

К группе А отнесены неорнаментированные довольно крупные сосуды (высота — 27—35 см, диаметр устья — 22—30 см), с ручками, прикрепленными одним концом к венчику, а другим к плечикам (рис. 19). Ручки плоские, наружная сторона их гофрирована одним или тремя вали-

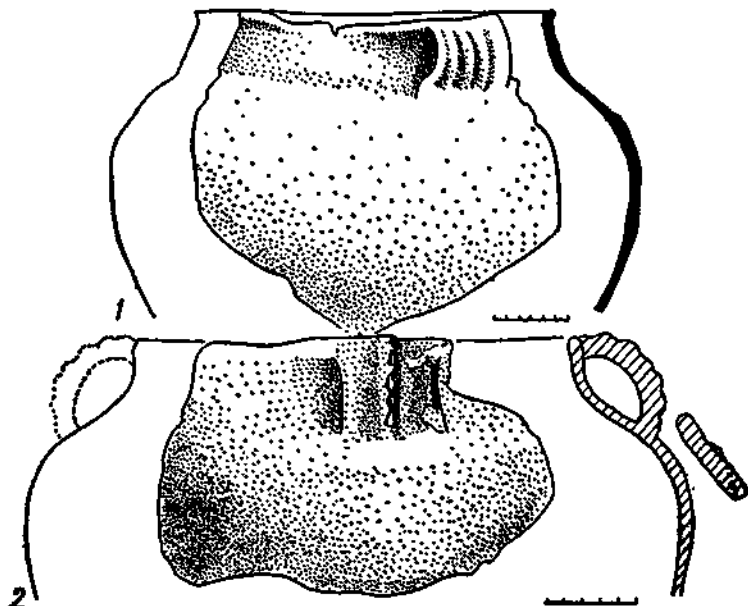

Рис. 19. Амфоры:

1 — Ростов-на-Дону, курган 1, погребение 9; 2 — Донской, курган 5, погребение 15.

ками. Особенностью амфор является характер их глины и обработка. Глина темно-бурого цвета с множеством мелких пор, с примесью песка и мелко толченой ракушки, поверхность сосудов от светло-серого до черного цвета, тщательно заглаженная и подлощенная. В этом отношении амфоры резко отличаются от основной катакомбной керамики. Во взятой выборке погребений встречен только один крупный фрагмент сосуда данного типа из пос. Донского, однако в 1966—1968 гг. найдено несколько таких образцов в катакомбах из курганов в Ростове-на-Дону⁶ и хут. Нижне-Подпольного*. Целая амфора такого типа происходит из погребения в яме с богатым набором новосвободненских бронзовых вещей в кургане у с. Кулишовка под Азовом⁷. По-видимому, к этому же типу следует отнести фрагментированный сосуд высотой 32 см из Луганска⁸. По форме, характерному уступу в верхней части и блестящей «отполированной»

* Раскопки кургана В. Я. Кияшко и В. Е. Максиенко в 1966 г.

поверхности черного цвета он резко выделяется среди донецкой керамики, представляя чужеродное здесь явление. Еще один крупный фрагмент подобных сосудов встречен в 1972 г. в донецком катакомбном погребении у с. Новоникольское на р. Красной*. На плечиках этого сосуда несколько выпуклостей, напоминающих жемчужины новосвободненской керамики. По характерной глине с толченой ракушкой, обжигу, лощеной поверхности, выпуклостям, а также форме амфоры группы А своим происхождением связаны с Северным Кавказом. В частности, по глине и обработке они совершенно аналогичны новосвободненской керамике⁹, а по форме близки сосудам из долменов Прикубанья и Абхазии. Последние по времени смыкаются с новосвободненскими древностями и датируются В. И. Марковиным около 2000—1800/1700 г. до н. э.¹⁰

Группа Б представлена одной амфоркой типа 1 с ручками на плечиках, со шнуровым орнаментом (рис. 18, 2). Подобные амфорки, как и вообще сосуды с ручками, характерны для северокавказской культуры.

Отдел VI. Кувшины.

Группа А. Единственный приземистый кувшин найден в кургане у хут. Веселого в низовьях Маныча. Высокое горло и ручка сосуда орнаментированы тесьмой (рис. 18, 4). Как и амфоры группы Б, кувшины со шнуровой орнаментацией примечательны для северокавказской культуры.

Отдел VII. Миски. В катакомбных погребениях Нижнего Дона найдено около 20 мисок. Однако, ввиду того, что они встречены в комплексах всех трех культурных групп, не все из них можно с уверенностью отнести к определенной группе, когда отсутствуют другие типы керамики или данные по типу погребального сооружения, его расположения в кургане. К данной группе памятников может быть отнесено лишь несколько мисок.

Группа А представлена типом 1, миской с прямыми коническими стенками в форме низкой банки (1 экз. рис. 20, 1), возможно, типом 2, мисками с выгнутыми стенками (2 экз., Б. Мишкин, 1/10; Ливенцовка 10/13, рис. 20, 2) и типом 3, миской с петельчатой вотивной ручкой у края (рис. 20, 4).

Группа Б. К группе мисок с бортиком отнесено три сосуда со шнуровым орнаментом. Тип 1 — миска с прямым бортиком (рис. 20, 3), тип 2 — миски с петельчатыми ручками у края (рис. 24, 2, 4). Миски группы А типа 2 и группы Б типа 1 встречены в слое поселения Ливенцовка I (рис. 13, 11—15).

Все миски, в том числе и из следующих двух групп памятников, найдены в погребениях Правобережья, в основном в низовьях Дона.

Отдел VIII. Чаши на поддонах групп Б, В (2 экз.). Одна чаша на квадратном полом поддоне с маленькой ручкой у края найдена в Приазовье (с. Покровское, рис. 20, 6), вторая на четырех низких ножках, по-видимому, без отделения, происходит из Клинового кургана у

* Работы Северскодонецкой экспедиции 1972 г. ИА АН УССР под руководством автора.

Рис. 20. Керамика из погребений Нижнего Дона (1—5), Приазовья (6) и Донеччины (7—9):

1 — Новочеркасская ГРЭС, курган 3, погребение 13; 2 — Большой Мишкин, курган 1, погребение 10; 3 — Константиновка, курган «Баба» ССХLIII, погребение 3; 4 — Ливенцовка, курган 1, погребение 2; 5 — Аксай, Клиновыи курган, погребение; 6 — Покровское, курган ССGV, погребение 6; 7, 8 — Славянск, курган ССLIII, погребение 8; 9 — Краматорск, курганное погребение 2.

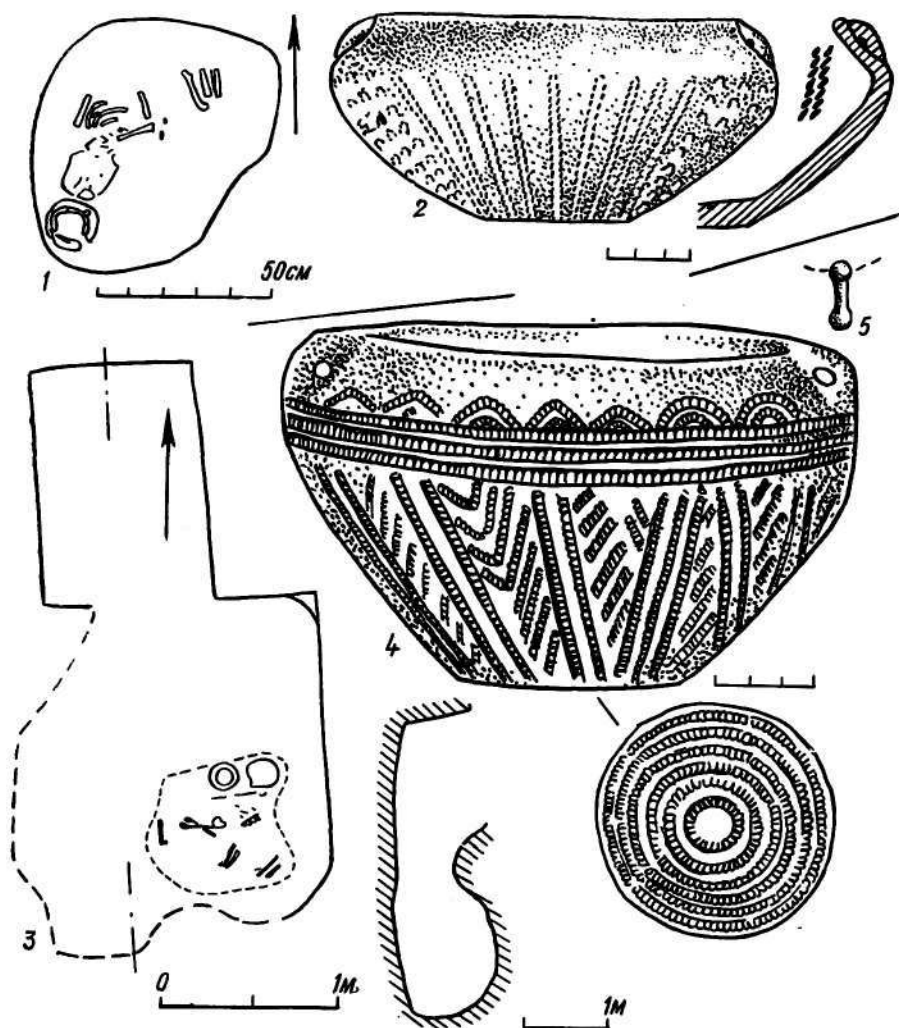

Рис. 21. Погребения и инвентарь из курганов Левобережья Дона:
1, 2 — Платоново, разрушенный курган, погребение 2; 3—5 — Веселый, курган 3, по-
гребение 10.

г. Аксай (рис. 20, 5). Чаши на крестовидном поддоне, так называемые курильницы с внутренним отделением, пока в достоверно донецких погребениях на Нижнем Дону не встречены, хотя одиночные находки их есть, в том числе и на Правобережье*. По-видимому, в скором времени они будут здесь найдены, так как на Донеччине, в донецких комплексах, где курильницы еще недавно были неизвестны, в последнее время встречено уже около десятка таких сосудов**.

Курильницы считаются наиболее типичной формой предкавказской (маньчской) керамики¹¹. Наибольшая концентрация находок этих сосудов наблюдается в Приманьчье и Предкавказье, в памятниках маньчской и северокавказской культур.

Курильницы, как ни один другой вид среднебронзовой керамики, уже давно привлекают пристальное внимание исследователей. А. М. Тальгрэн и Е. Европеус указали на некоторые аналогии курильницам в дунайских культурах и высказали предположение об их западном происхождении¹². С аргументированным обоснованием этой гипотезы недавно выступил Л. С. Клейн¹³, полагающий, что курильницы сложились на основе сосудов на ножках и чаш с перегородкой в дунайской области и отсюда были принесены в Волго-Маньчское междуречье племенами катакомбной культуры.

Сейчас выясняется, что хотя курильницы наиболее часто встречаются в Предкавказье, однако присутствуют они и в других катакомбных группах, в частности, помимо донецкой и в среднедонской¹⁴. Причем, здесь они входят в комплексы, которые не являются поздними по отношению к погребениям Предкавказья, а наоборот, выступают даже более ранними к ним (кроме ранних северокавказских). Выделяются на Донеччине и Среднем Дону также оригинальные типы чаш на квадратных полых поддонах, без внутреннего отделения. Среди них интересны две чаши, у которых стенки поддона вогнуты так, что на углах образовались четыре выступа (рис. 20, 7, 9)¹⁵. В плане поддоны, таким образом, приближаются к крестовидной, лепестковой ножке. Весьма вероятно, что они превращаются позднее в крестовину курильниц.

Итак, керамика нижнедонских памятников в целом аналогична сосудам из катакомб Северского Донца, за исключением мисок, отсутствующих здесь.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Изделия из металла — сплава меди с мышьяком или сурьмой¹⁶ на Нижнем Дону встречаются несколько реже, чем на Северском Донце, но чаще чем в катакомбных погребениях Приазовья, Поднепровья, Среднего

* Новочеркасск, курган Грушевский, п. 2; Большой Лог, разрушенное погребение.

** Работы Северскодонецкой экспедиции ИА АН УССР в 1971—1972 гг. под руководством Н. Н. Чередищенко и С. Н. Браченко (с. Николаевка и г. Александровск).

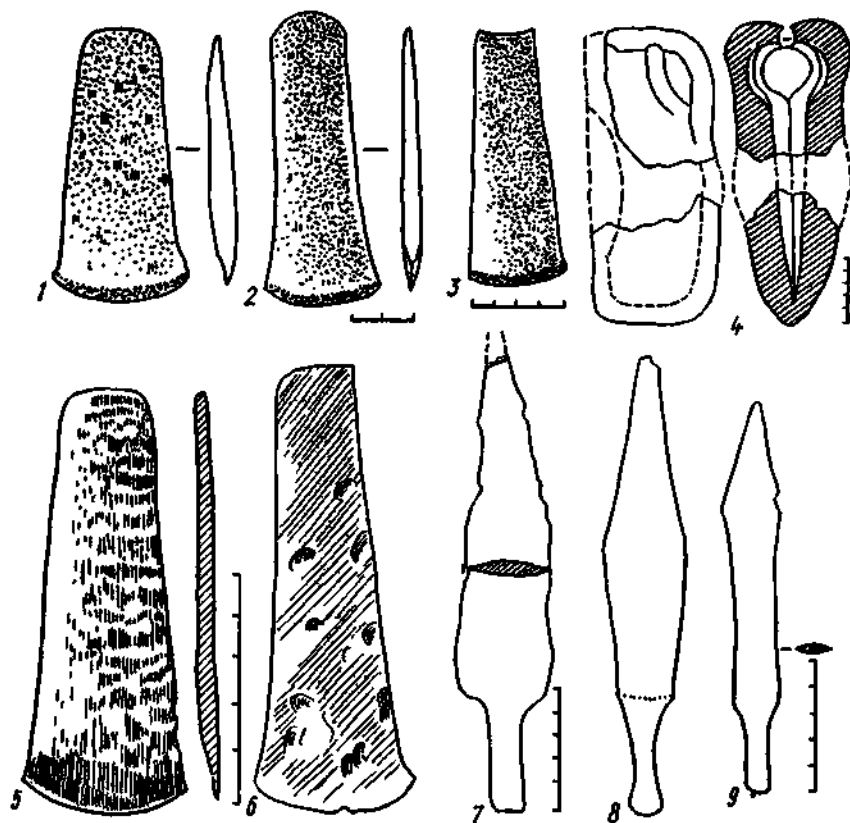

Рис. 22. Тесла и глиняная литейная форма:

1 — Калинин (у ст. Арчагиской) случайная находка; 2 — Хрятевский, курган 1, погребение 3; 3 — Славяносербск, курганный погребение; 4 — Краматорск, 1938 г., курганный погребение 1; 5 — Александровск, курган 9, погребение 25; 6 — Ростов-на-Дону, курган 6, погребение 4; 7 — Ясырев I, курган 9, погребение 38; 8 — Шахтская группа, курган 4, погребение 38; 9 — Ясырев I, курган 5, погребение 23.

Дона. В типологическом отношении все они имеют многочисленные соответствия на Северном Кавказе, в северокавказской культуре, где лучше изучены благодаря исследованиям А. А. Иессена, Е. Н. Крупнова, В. И. Марковина¹⁷.

Тесла. В комплексах тесла встречаются только в двух погребениях — у Хрятевского и в Ростове-на-Дону¹⁸. Кроме того, два тесла найдены в погребениях на Донеччине¹⁹. Они представляют плоские клиновидные орудия с округленной или с выемчатой тыльной стороной. По пропорциям и форме эти орудия соответствуют привольненскому типу тесел, выделенному А. А. Иессеном²⁰ (рис. 22, 1—3, 5, 6). Находки подобных тесел многочисленны на Северном Кавказе и связаны с ранними

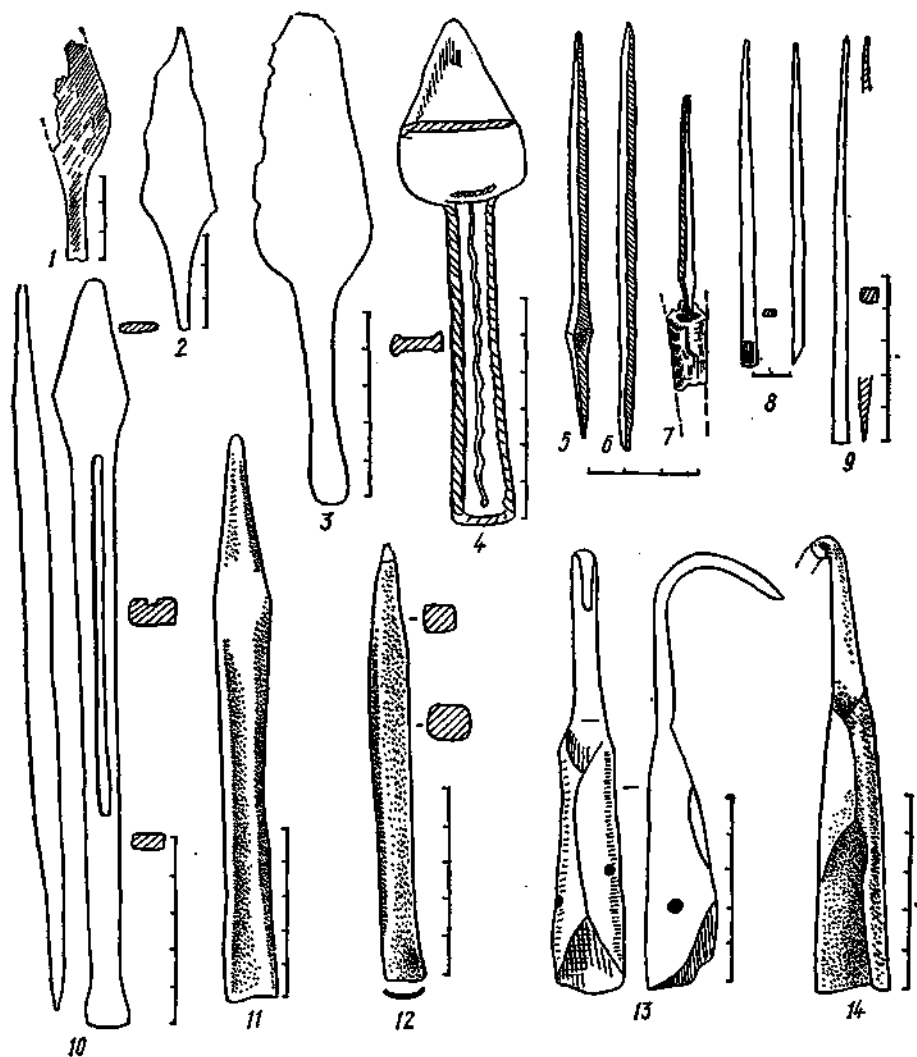

Рис. 23. Ножи, шилья, стамески, долота, вилки-крюки:

1 — Ростов-на-Дону, курган 6, погребение 4; 2 — Донской, курган 7, погребение 5; 3 — Новочеркасск, Шибельный курган 7, погребение 4; 4 — Безыменка, Морозовского района, случайная находка; 5 — Константиновка, курган «Баба» ССХLIII, погребение 3; 6 — Новочеркасск, 1865 г., курган у Хохлача, погребение Д; 7 — Новочеркасск, завод № 17, разрушенный курган, погребение 1; 8 — Фрунзе, курган 8, погребение 2; камера 1; 9, 11 — Луганск, 1926 г., курган 3, погребение 1; 10 — Зотовская, случайная находка, Новочеркасский музей; 12 — Александровск, курган 9, погребения 25; 13 — Фрунзе, курган 8, погребение 2, камера 2; 14 — Каменика, курган 15, погребение 3.

среднебронзовыми комплексами. Часть орудий с двусторонне скошенным лезвием, как, например, у образца из Хрящевского, служили топорами. Использовались они также и при земляных работах: широкие следы на стенках катакомб оставлены именно этими орудиями (ширина тех и других — 4—6 см).

Долота. На Нижнем Дону, в донецких комплексах долота пока не найдены. Но они встречены на Донеччине²¹. Это желобчатые долота, характерные для новосвободненских и ранних северокавказских комплексов (рис. 23, 11, 12). Из донецких погребений происходит два долота иного типа (рис. 23, 8, 9)*. Они узкие, со скошенным лезвием, напоминают стамески. Подобные инструменты, найдены в долменах ст. Новосвободной и ранних северокавказских погребениях²². Весьма своеобразное долото хранится в Новочеркасском музее, как найденное в ст. Зотовской (рис. 23, 10).

Ножи. Эта категория изделий из металла встречается значительно чаще. Это орудия с обоюдоострым клинком и коротким черешком, заостренным на конце для насадки на ручку. Следы ее заметны то ли по тлену древесины на черешке и в основании клинка, то ли по цвету металла, отличающемуся в этом месте от остальной части. Известны случаи, когда черешок и основание клинка обматывались кожей (рис. 24, 8). Для классификации ножей существенное значение имеют форма и длина клинка. Необходимо также учитывать то, что при длительном пользовании нож мог сильно изменить свою первоначальную форму. Лишь наличие серии подобных предметов позволяет избежать выделения случайных форм. Очень важным звеном в классификации оказалось определение рабочей, лезвийной части изделия. Обнаружилось, что не у всех ножей края клинка заострены. Были найдены ножи, у которых лезвия занимают лишь верхнюю треть клинка, а остальная часть имеет тупые толстые края. Однако возникли трудности в определении лезвийной части у тех орудий, с которыми можно познакомиться только по публикации: данные о характере краев ножа отсутствуют**.

Различаются ножи с длинным и коротким клинком. Среди длинных ножей, у которых отношение ширины к длине клинка равно 0,22—0,3, выделяются два типа. Первый (первый привольненский) тип представляют ножи длиной 12—16 см с наибольшей шириной клинка у его основания. Форма клинка у таких ножей удлинненно-треугольная (рис. 22, 7; 24, 1—2). По-видимому, большая часть его была лезвийной.

Второй тип — ножи длиной 13—16 см с листовидным клинком (рис. 24, 3, 4). Наибольшая ширина приходится на середину клинка или несколько ниже. Третий тип (второй привольненский) — ножи длиной от 12 до 24 см с наибольшей шириной клинка в верхней трети (рис. 22, 8;

* Луганск, 1926, к. 3, п. 2; Фрунзе, 1966 г., к. 8, п. 2, камера 1 (раскопки И. А. Пислария. Ворошиловградский музей).

** В связи с этим мы предлагаем приходу с разрезами давать боковой профиль ножа по его краю, как это сделано нами для части изделий.

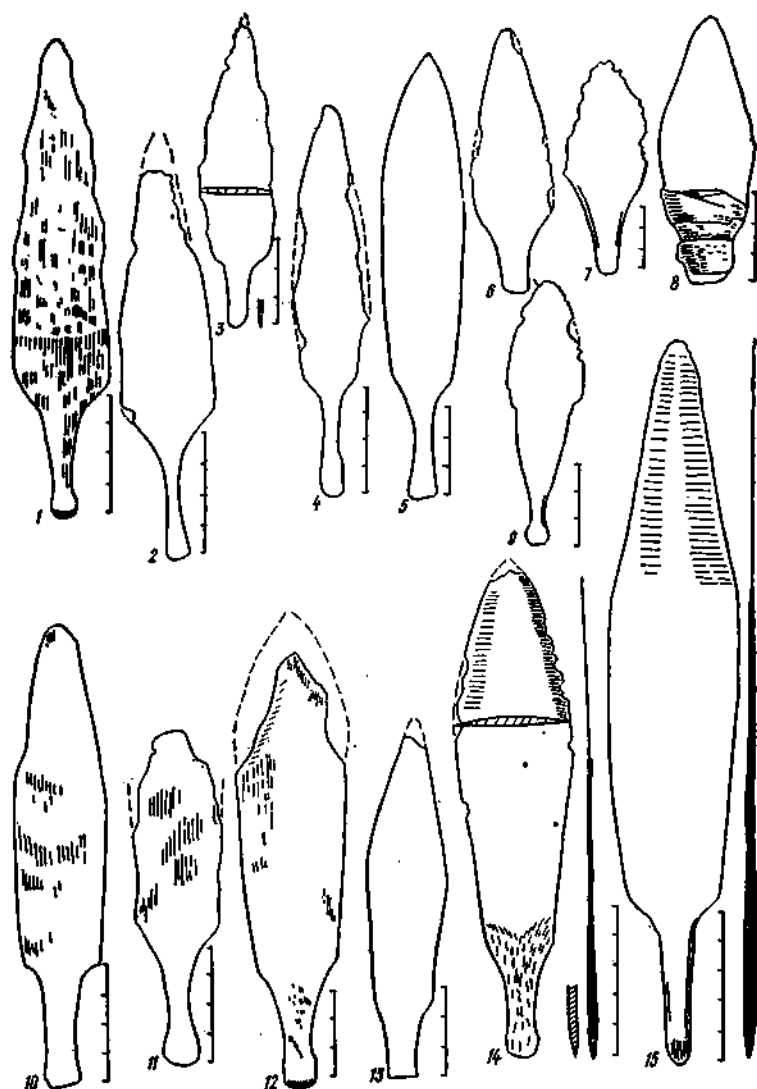

Рис. 24. Ножи из погребений:

1 — Константиновка, курган «Баба», ССХЛIII, погребение 3; 2 — Новочеркасский музей; 3 — Цимлянский, Саркельская группа, курган 58/28, погребение 26; 4 — Черевков, курган 1, погребение 5; 5 — Краматорск, курган, погребение 2; 6 — Донской, курган 5, погребение 21; 7 — Новочеркасск, завод № 17, разрушенный курган, погребение 1; 8 — Ковалевка, курган 3, погребение 2; 9 — Малая Камышеваха, курган 4, погребение 2; 10 — Новочеркасск, группа у Холмача, курган, погребение II; 11 — Покровское, курган ССV, погребение 6; 12 — Хрищевский, курган 1, погребение 3; 13 — Фрунзе — курган 8, погребение 2, камера 2; 14 — Николаевка, курган 5, погребение 10; 15 — Новоникольское, курган 1, погребение 5.

24, 5, 10—15). Клинок у таких ножей суживается к основанию, расширение кверху постепенное, конец острый. Лишь верхняя треть клинка является лезвийной.

Длинные ножи описанных форм наиболее характерны для донецких погребений. Многочисленные аналогии им находятся в ранних северокавказских комплексах²³. Типологически они восходят к плоским новосвободненским ножам²⁴. Ножи первого и третьего типов входят в состав Привольненскогоклада и их следует называть привольненскими. Форма ножа с расширением в верхней трети клинка послужила, вероятно, исходной для более поздних ножей, у которых верхняя треть или половина клинка резко выделены (иногда их называют еще ножами с боковыми выемками). Два ножа этой серии встречены и в донецких погребениях (М. Камышев а х а, Ясырев, рис. 22, 9; 24, 9).

Короткие ножи длиной 9—13 см представлены четырьмя экземплярами. У трех подтреугольный клинок сильно сработан (рис. 23, 1, 2; 24, 7). Четвертый нож с подтреугольным клинком выделяется своим непомерно длинным черешком, чем приближается к некоторым ножам ямной культуры (рис. 23, 3).

Редкий, уникальный тип представляет нож из хут. Безыменка Морозовского района*. Он литой, с длинной ручкой, украшенной рельефной змейкой и шнуровым орнаментом (рис. 23, 4). По стилю орнаментации, характерному для металла северокавказской культуры, он может быть отнесен к катакомбному времени.

Шилья. Шилья встречаются довольно часто. Они представляют собой четырехгранные стержни с заостренными концами, один из которых рабочий, другой служил как насад на деревянную ручку, часто сохраняющуюся на предмете (рис. 23, 5—7). Многие экземпляры имеют четко выраженный короткий насад, отделенный от рабочего конца утолщением или упором. Подобные шилья широко распространены и характерны для культур ранней и средней бронзы.

Приведенными предметами и ограничиваются находки металлических орудий. Сфера их, однако, расширяется привлечением материалов из погребений Северского Донца, где вообще изделия из металла более часты. Кроме упомянутых желобчатых долот отметим короткие однозубые крюки — вилки²⁵, характерные для ранних северокавказских комплексов (рис. 23, 13, 14).

Племенам донецкой катакомбной культуры также были известны и литые проушные топоры, как это можно судить по недавно опубликованной литой формочке из погребения у Краматорска²⁶ (рис. 22, 4).

Посоховидная булава. В одном погребении с донецкой керамикой встречена бронзовая булава (Ростов-на-Дону, к. 1, п. 6, рис. 25, 27)²⁷. Подобные булавы в виде изогнутого на конце посоха характерны для ранних северокавказских комплексов²⁸ и прототипами их являются соответствующие новосвободненские изделия из серебра²⁹.

* Случайная находка. Нож хранится в Ростовском университете.

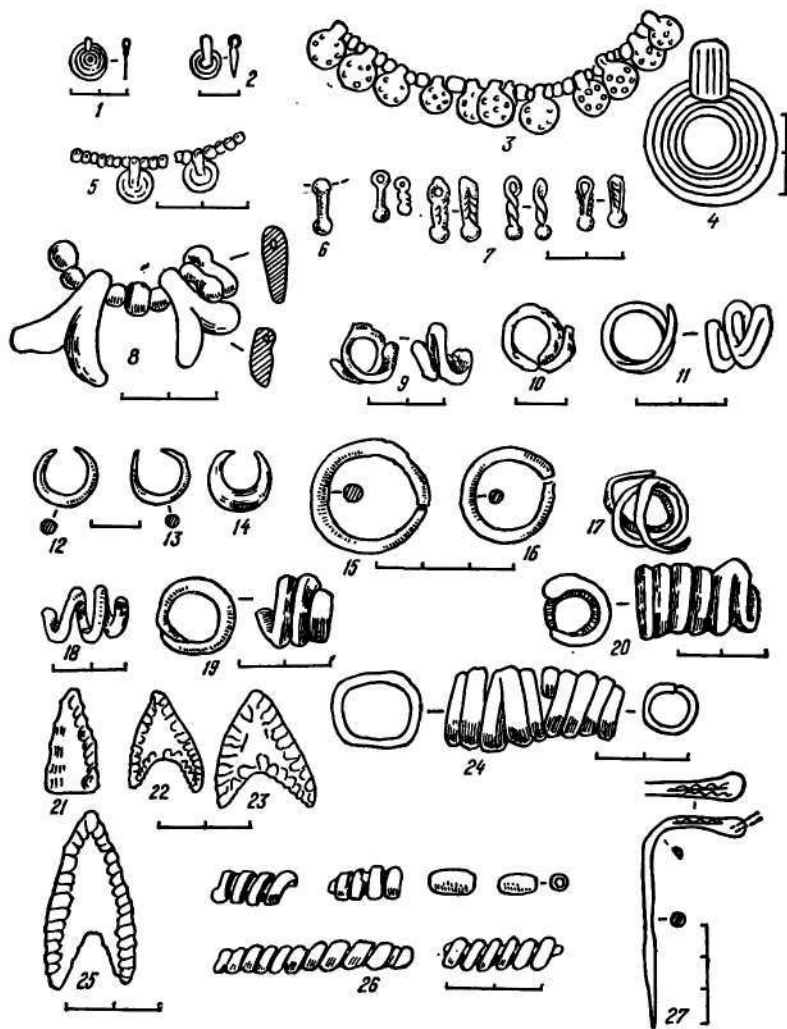

Рис. 25. Изделия из бронзы (1—14, 17, 20, 24, 27), серебра (15, 16, 18, 19), кремня (21—23, 25), кости (26):

1 — Ростов-на-Дону, Западный, 1967 г., курган 6, погребение 11; 2 — Фрунзе (Донецчина), курган 8, погребение 2; 3, 11 — Константиновский, курган «Баба», погребение 3; 4 — Ковалевка (Донецчина), курган 3, погребение 1; 5 — Ливенцовка, курган 1, погребение 24; 6 — Веселый, курган 3, погребение 10; 7, 9, 18 — Новочеркасск, завод № 17, 1961 г., курган, погребение 1; 8 — Константиновский, курган «Баба», погребение 3; 10 — Новочеркасск, курган «Грушевский», погребение 4; 12 — Донской, курган 7, погребение 15; 13 — Донской, курган 7, погребение 12; 14 — Луганск, 1927 г., курган 3, погребение ?; 15 — Луганск, 1926 г., курган 3, погребение 1; 16 — Луганск, 1929 г., курган 1, погребение 17; 17, 20 — Солёный, курган 1, погребение 13; 19 — Цимлян-ский, курган 58/26, погребение 5; 21 — Хрящевский, курган 1, погребение 3; 22, 23, 25 — Осиенко, курган 2, погребение 2; 24 — Карповка (Волго-Дон), курган 6, погребение 12; 26 — Донской, курган 5, погребение 15; 27 — Ростов-на-Дону, Западный, 1967 г., курган 1, погребение 6.

Украшения. Украшения представлены дисками с ушками (медальонами), подвесками, височными кольцами, бусами. Бронзовые небольшие литые диски диаметром 0,7—1,3 см найдены в четырех погребениях³⁰. Они входили в состав ожерелья, включавшего мелкие боченковидные бусы. На дисках у них концентрические круги или выпуклины (рис. 25, 1—5). Среди немногочисленных подвесок выделяются типы в виде стержня с петелькой на одном конце и шариком на другом конце, подвески той же формы, но со шнуровым орнаментом, подвески, имитирующие зубы оленя (рис. 25, 6—8).

Височные украшения нескольких видов. Самыми простыми являются височные кольца в один или полтора оборота из круглой или уплощенно-овальной в сечении бронзовой, реже серебряной проволоки. Среди них выделяются круглые кольца с заходящими концами, часто распилющенными (6 экз., рис. 25, 9—11) и такие же круглые, но с несомкнутыми заостренными концами, как у серьги (2 экз., рис. 25, 12—13). Размеры этих колец около 1,5 см в диаметре. Один образец несомкнутого толстого посередине кольца известен и на Северском Донце (рис. 25, 14)³¹. Из погребений Донецчины также происходит два серебряных кольца, диаметром 2—2,5 см³². Они изготовлены из очень тонкой проволоки, у одного концы сведены, у другого разомкнуты (рис. 25, 15, 16). Подобные кольца-серьги только из золота характерны для новосвободненских комплексов³³. Кольца в полтора оборота распространены в ряде культур ранней и средней бронзы. Серьговидные кольца встречаются редко. Особый тип составляют кольца в два с половиной оборота из бронзы и серебра, найденные в четырех погребениях (рис. 25, 18, 19). Они характерны для раннекатакомбных, а также позднейших комплексов.

Редкие образцы представляют бронзовые многовитковые спирали (4—6 оборотов), найденные в двух погребениях (рис. 25, 17, 20, 24).

Анализ металлических изделий показывает, что в целом они аналогичны предметам северокавказской культуры, в основном ее первого и второго периодов. Важно отметить, что в составе комплексов еще нередко изделия новосвободненских типов или типологически к ним вошедшие.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ

Каменные изделия — печатая категория находок в погребениях Нижнего Дона. Серию составляют только навершия булав. Очень редки находки топоров, пестов, наконечников стрел.

Боевые топоры (3 экз.). Топоры двух типов: прямой с выделенным уступчатым обухом, со сверлиной в верхней части (рис. 26, 7, 11), прямой без выделенного обуха также со сверлиной в верхней части (рис. 26, 12) и короткий подромбический со сверлиной посередине (рис. 26, 8). Топоры первого и второго типов широко распространены в среднебронзовых памятниках Юга Восточной Европы. Известны они и в ямной

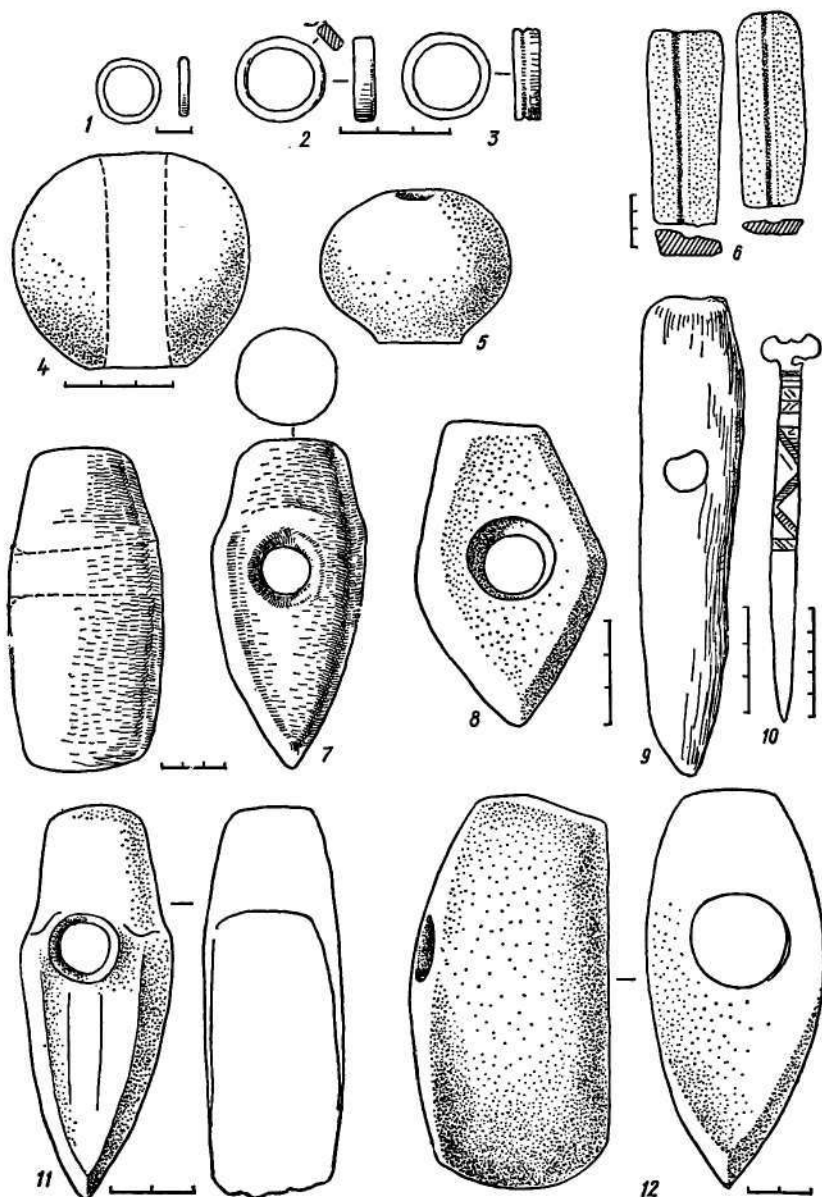

Рис. 26. Изделия из кости (1—3), рога (9, 10), камня (4—8, 11, 12):
 1 — Карповка, курган 6, погребение 8; 2—3 — Донской, курган 7, погребение 10;
 4 — Новочеркасск, Ин-т виноградарства, курган 2, погребение 11; 5 — Покровское,
 курган ССV, погребение 6; 6 — Солёный, курган 1, погребение 13; 7 — Багаев-
 ская, Лысый курган, погребение 10; 8 — Хрящевский, курган 1, погребение 3;
 9 — Новочеркасск, Ин-т виноградарства, курган 2, погребение 13; 10 — Со-
 лёный, курган 3, погребение 6; 11 — Таганрогский музей; 12 — Донской, курган 5,
 погребение 29.

культуре³⁴. Подромбические топоры более характерны для заключительной поры средней бронзы.

Навершия булав (6 экз.). Навершия булав шаровидной и грушевидной формы относятся к распространенным типам оружия в культурах катакомбного ареала (рис. 26, 4, 5). Наиболее часто они встречаются все же в донецких погребениях и северокавказских. Многие изготовлены из кавказских пород камня.

Песчанниковые выпрямители. Эти предметы найдены только в двух погребениях. На Донеччине их находки часты. Это абразивные песчанниковые плитки с желобком, находимые обычно парами, по общераспространенному мнению служили в качестве выпрямителей древков стрел (рис. 26, 6).

Наконечники стрел. Из более чем ста погребений донецкого типа только в двух находились кремневые наконечники стрел: удлиненно-треугольные с прямым основанием и выемчатым и короткие сердцевидные (рис. 25, 21—25). Столь редкие находки их объясняются возможно тем, что они помещались только в богатые погребения. По мнению Л. С. Клейна, стрелы являлись инстингиями власти у племен донецкой катакомбной культуры³⁵.

Костяные изделия. Из костяных изделий наиболее часты находки простых колец и бус. Кольца представляют собою поперечные спицы трубчатых костей, зачастую хорошо обработанные (рис. 26, 1—3). Бусы изготовлены из тонких костей. Форма их цилиндрическая и боченковидная (рис. 25, 26).

В двух погребениях встречены костяные пронизки с винтовой нарезкой и в двух других молоточковидные роговые булавы³⁶ (рис. 25, 26; 26, 10). Эти предметы наиболее характерны для позднейших погребений. В катакомбных захоронениях они встречаются часто лишь в Приазовье, Поднепровье, Калмыкии. На Северском Донце они неизвестны.

В одной катакомбе у Новочеркасска встречен роговой клевец — единственный в своем роде находка в катакомбных памятниках (рис. 26, 9).

* * *

Анализ катакомбных памятников Нижнего Дона, сопоставление их с соседними территориальными группами показывает, что они ближе всего стоят к памятникам Северского Донца и не имеют с ними сколько-нибудь существенных различий. По типам катакомбных погребальных сооружений, положению костяка, формам и орнаментации керамики, металлическим и каменным орудиям и те и другие памятники образуют такое тесное единство признаков, что их следует рассматривать вместе и относить к одной культуре, за которой определилось название донецкая катакомбная³⁷.

В ареал этой культуры входят области среднего и нижнего течения р. Северский Донец, Нижнего Дона и прилегающая часть Северо-Восточного Приазовья.

На Нижнем Дону памятники донецкого типа компактно сосредоточены на Правобережье от устья Дона до впадения в него Северского Донца. Далее к северо-востоку простирается совершенно не изученная территория. К западу они известны вплоть до р. Берды (с. Осипенко), где, видимо, проходит пограничье с приазовско-днепровской группой, хорошо представленной в погребениях долины реки Молочной. Одно погребение этой группы есть и в Северо-Восточном Приазовье³⁸. На Левобережье донецкие погребения встречаются от побережья Азовского моря и, примерно, до Цимлянска. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть, так как эти районы обычно включаются в ареал лишь предкавказской (маньчской) культуры, которая появляется здесь несколько позднее³⁹.

Восточнее, вплоть до Волги, территория изучена еще слабо. Все же можно отметить, что исследованные здесь памятники более близки к среднедонским и отчасти полтавкинским, чем к донецким.

Далеко на юг от долины р. Дон донецкие памятники, по-видимому, не уходят, так как уже в нижнем течении р. Маныч и на р. Ее встречены погребения с элементами северокавказской или ранней маньчской культуры. Таковыми являются миска с ушками у края и кувшин из погребений у Веселого, вытянутое положение костяка в катакомбе у Совдар (бывший Царедар)⁴⁰.

Памятники донецкой катакомбной культуры составляют часть катакомбной культурной области, включающей степную и лесостепную зоны Украины, Подонья, Поволжья и Северного Кавказа. В этой провинции они занимают центральное место и характеризуются заметной чистотой и устойчивостью признаков, что послужило основанием считать их классическими в кругу катакомбных культур. Между этими культурами существуют определенные черты сходства и различия и их еще недавно трактовали как локальные проявления одной катакомбной культуры. Между тем, эти территориально и хронологически протяженные группы памятников нередко объединены лишь одним — тремя признаками, среди которых ведущим и определяющим часто выступает лишь один — погребальное сооружение в виде катакомбы. Другие признаки оказываются не столь существенными. Они распространены и за пределами катакомбной области и являются некими временными стадийными показателями в больших культурных регионах.

О сопоставлении этих культур между собой и, в частности, с донецкой, написано немало⁴¹. Следует лишь добавить, что наиболее важные различия, позволяющие расчленять катакомбную общность на отдельные культуры, проявляются прежде всего в керамике, и именно она является ведущей стороной археологической культуры, отражением ее основного содержания.

Каждая из катакомбных групп характеризуется своим составом керамического комплекса, как о нем можно судить по данным погребений. Каждой из групп также присуще определенное своеобразие в стиле орнамента, заключающееся прежде всего в типах и композициях узоров

и месте их на сосуде. Слагаемые этого комплекса также не однозначны. Оставляя в стороне мангычскую (предкавказскую) и северокавказскую культуры*, в которых за исключением курильниц нет сосудов общих с донецкой культурой, отметим, что лишь в украинских и донских катакомбных группах, а также и в полтавжинской неким интегралом выступает простой горшок с короткой шейкой.

В формах этого горшка однако обнаруживается такое разнообразие, что их нельзя считать абсолютно идентичными и однотипными. В донецкой культуре это симметричный стройный сосуд с плавновыгнутыми полными боками, полностью орнаментированный рядами гребенчатой елки, реже еще и опущенными треугольниками ($H : D_b = 0,8$). В приазовско-крымской и нижнеднепровской группах короткошейные горшки неустойчивых пропорций, то приземистые, то высокие ($H : D_b = 0,6-1$), часто асимметричные, большинство без орнамента или с одним рядом гребенчатой елки на плечиках. Реже они украшены свисающими треугольниками, зигзагом, «полотенцем», выполненными оттисками шнура или, особенно на сосудах Правобережья Днепра, в прореченной технике. Есть среди них и сосуды с округлым или уплощенным дном.

В среднедонской керамике преобладают высокие короткошейные сосуды ($H : D_b = 1$). Низкие горшки менее распространены и имеют выраженную горизонтальную зональную орнаментацию. Наконец, полтавжинские соответствующие формы представляют горшки со слабовыгнутыми стенками, приближающими их к банкам.

Сложение донецкой катакомбной культуры, а с ней и остальных культур катакомбного круга, относится к сложнейшей проблеме происхождения археологических культур вообще — одного из основных теоретических вопросов, неразработанных в археологической науке. Именно поэтому в решении вопроса о происхождении катакомбных культур нет единого мнения. Одни исследователи связывают происхождение всех катакомбных групп с ямной культурой⁴², другие признают это лишь в отношении приазовской, нижнеднепровской и полтавжинской и отрицают для других — донецкой, харьковско-воронежской и предкавказской⁴³. Последние культурные группы рассматриваются как пришлые. Ряд исследователей полагает, что предкавказская (мангычская) и северокавказская культуры вырастают на основе предшествующих культур Северного Кавказа⁴⁴. В отношении предкавказской культуры предполагается и миграция ее носителей из Закавказья и Восточной Анатолии⁴⁵.

В соответствии с этими взглядами появление катакомбных памятников на Дону, Донеччине, в Приазовье, Поднепровье явилось результатом смешения пришлой предкавказской культуры с местной ямной.

Согласно гипотезе западного происхождения, наиболее полно разработанной и обоснованной Л. С. Клейном⁴⁶, сложение катакомбных куль-

---

* Северокавказская культура также должна входить в катакомбную общность. Помимо наличия катакомб в ней присутствует немало элементов, общих с катакомбными культурами.

тур явилось следствием миграции племен культуры одиночных погребений Дании и Северной Германии и ассимиляции ими ямного населения. До прихода этих племен в Подонье, откуда началось распространение их культуры на соседние территории, они побывали в Греции, а затем на Дунае, заимствовав в первом районе от населения Кипра катакомбы и концентрические круги в орнаментации, а во втором — чаши с перегородкой и чаши на ножках, ставшие прототипами курительниц.

В изложенных — весьма противоречивых — взглядах есть один общий и важный момент — это признание участия в формировании катакомбных культур Украины и Дона предшествующей ямной культуры. В связи с этим следует добавить, что черты ямной культуры хорошо прослеживаются не только в катакомбных памятниках Приазовья — Поднепровья, но и в донецкой катакомбной культуре. Так, наиболее распространенный здесь тип короткошейного стройного горшка представляет собою дальнейшее развитие ямных сосудов, как и горшки с яйцевидным корпусом на плоском или уплощенном дне (есть и находки круглодонных сосудов). Преемственность с ямной культурой обнаруживается также в пропорциях входных шахт катакомб (те же, что и у ям), в наличии в них по бокам ступенек, в присутствии, хотя и редком, сооружений позднеямного типа в виде ям с заплечиками, наконец, в одинаковом положении костяков (на правом боку, в скорченном положении с вытянутой правой рукой и слегка согнутой левой). Много общего наблюдается также в формах каменных боевых топоров. Такие же предметы, как навершия булав и большинство металлических изделий, имеют северокавказское происхождение.

Как совершенно справедливо подмечает Л. С. Клейн, традиции предшествующих культур всегда сохраняются в последующих, независимо от того, являются ли эти последние пришлыми или они местного происхождения. Слабость гипотезы автохтонного, ямного происхождения катакомбных культур Украины и Подонья заключается в том, что она не объясняет, каким образом появляются в них такие эпохальные новации, как катакомбное погребальное сооружение, а в отношении донецкой культуры и кубки с концентрическими кругами. Миграционная гипотеза Л. С. Клейна о западных истоках культур, прежде всего донецкой, как раз объясняет, откуда берутся эти новации. Однако ввиду того, что археологическое выражение миграции еще обстоятельно не изучено и относится к кардинальным нерешенным проблемам науки, столь же недоказуемым остается пока и сложный миграционный путь племен из Северной Европы на Украину и в Подонье.

Не может быть принята также точка зрения об изначальности предкавказской (манычской) культуры для остальных: во-первых, потому, что она основывается на неоправданном удревнении ее, а во-вторых, потому, что в ней содержится не много, а лишь один существенный элемент, общий с катакомбными культурами Дона и Украины — погребальное сооружение в виде катакомбы. Возможная миграция предкавказских племен на Дон и Украину датируется слишком поздно, чтобы при-

давать ей значение внешнего импульса в сложении здесь катакомбных культур.

В данной проблеме заслуживают самого пристального внимания иные памятники Северного Кавказа — поздние нововосходненские и ранние северокавказские, предшествующие предкавказским, в частности и в Приманыче. Между ними и донецкой катакомбной культурой прослеживаются очень тесные связи. Так, помимо металлических изделий, нередко целых наборов их, абсолютно идентичных северокавказским и отчасти нововосходненским, в ранних донецких комплексах встречается и керамика, характерная для этих южных памятников. Речь идет об упоминавшихся выше фрагментах амфор с толченой ракушкой в тесте, с серой или черной лощеной поверхностью, т. е. сосудах, чуждых по выделке и форме в местной керамике. В отличие от металлических изделий, которые могли быть импортированы, эти находки указывают на непосредственные контакты между племенами Северного Кавказа и Подонья, причем, вероятно, на присутствие северокавказского населения на Дону и Донечине. Эти контакты и служили источником сильного северокавказского влияния, которое в большей степени, чем другие культуры, испытывала катакомбная культура Нижнего Дона и Северского Донца. Таким образом, в сложении этой культуры необходимо учитывать первостепенную роль северокавказского компонента. Это особенно очевидно, если принять во внимание сродство стиля орнаментации на керамике и металле северокавказской и донецкой культур, а также то обстоятельство, что катакомбы в северокавказской культуре известны уже на раннем этапе ⁴⁷.

Процесс распада и исчезновения яркого культурного образования, каким являлась донецкая катакомбная культура, прослеживается в позднекатакомбных памятниках.

Глава III

ГРУППА ПОЗДНЕКАТАКОМБНЫХ СМЕШАННЫХ ПАМЯТНИКОВ БАХМУТСКОГО ТИПА

В особую группу выделяется небольшая серия погребений, существенно отличающаяся от захоронений донецкого типа и характеризующая следующую позднекатакомбную ступень развития средней бронзы Нижнего Подонья.

Впервые на сосудах этой группы выступает валиковый поясок в основании шейки — орнаментальный прием, широко распространенный в керамике поздней бронзы, с которой обычно и связывалось его появление.

Погребения выделяемого типа впервые обратили на себя внимание В. А. Городцова при его раскопках на р. Бахмут (приток Северского Донца), где они были встречены более или менее компактно среди захоронений донецкого образца *. Поэтому весь круг подобных погребений мы условно называем памятниками бахмутского типа.

На Нижнем Дону сейчас известно около 50 таких погребений. Большинство их открыто на Правобережье. Лишь на одном поселении собрано немного керамики аналогичной сосудам из погребений (рис. 27).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Погребения данной группы за небольшим исключением являются впускными в те же курганы, что и захоронения донецкого типа. Однако, если последние занимают преимущественно восточный край кургана (45—180°), то погребения бахмутского типа устраиваются западнее, в

---

* В Изюмском уезде таких погребений меньше, и исследователь не мог заметить их своеобразия.

южной и западной поле (135—340° (рис. 2). Два погребения находились на естественных едва заметных возвышениях и катакомбы их были вырублены в известняке (Ливенцовские грунтовые могильники I, п. 45; IV, п. 19). В курганах обычно встречается от одного до двух-трех погребений. Только в двух курганах их выявлено больше (6 и 8). Большинство могил прорезает насыпь и погребальные камеры находятся в материке. Однако немало погребений устраивается в нижней части насыпи или в погребенной почве. Имеются случаи повреждения более ранних катакомбных захоронений.

Погребальные сооружения.

Основной формой погребальных сооружений, как и в предшествующих памятниках, остается катакомбная. Однако увеличивается количество погребений в ямах, а типы катакомбных сооружений иные. Преобладают катакомбы с круглой или овальной входной шахтой (типы I 4, I 7, II 4, II 6) и с прямоугольной шахтой с подбоем в широкой стенке (типы II 1, II 2, рис. 11). Круглые шахты характерны только для катакомб низовий Дона, в основном для правобережных курганов. Их нет в северо-восточных районах, в Волго-Донском междуречье, где, как это можно судить из сравнительно небольшого числа исследованных погребений, распространены захоронения в прямоугольных шахтах с катакомбой под широкой стенкой и в ямах. Ямы трех типов: простые небольшие прямоугольные в плане (3), ямы с заплечиками (2) и большие прямоугольные ямы (5). Ямы с заплечиками хотя в общих чертах и напоминают соответствующие могилы позднейшей культуры, однако отличаются от них тем, что заплечики расположены не на уровне древнего горизонта кургана, а значительно ниже в материке. К тому же, они уже погребальных сооружений ямной культуры.

Особый интерес вызывают большие прямоугольные ямы, перекрытые накатником, достигающие размеров 3—3,5×3,7 м. Аналогичные ямы известны в соседних памятниках полтавкинской культуры.

Способ погребения. В погребениях находится обычно один костяк, очень редко два. Большие коллективные могилы отсутствуют. Костяки находятся в скорченном положении на боку и очень редко на спине. Угол

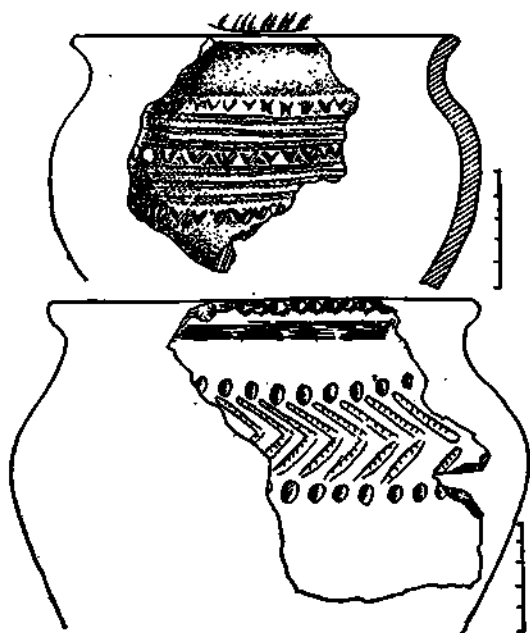

Рис. 27. Керамика поселения Каратаево.

скорченности в основном тупой, однако встречено несколько костяков, у которых ноги поджаты под прямым и даже острым углом. В положении рук также наблюдаются новации. В восьми погребениях из курганов Правобережья в низовьях Дона костяки лежали с согнутыми и протянутыми к лицу руками (почти все на правом боку). Такая позиция рук, а также сильная скорченность костяков становятся характерными лишь

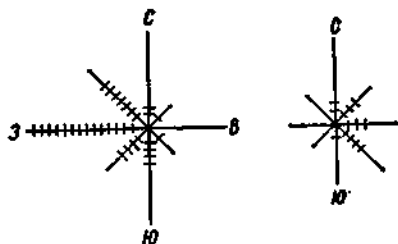

Рис. 28. Диаграммы ориентировок погребенных в погребениях бахмутского типа Правобережья (1) и Левобережья (2).

нирование ориентации погребенных головой к ЮЗ, З и СЗ (25 случаев, рис. 28). Это явление обусловлено тем, что в отличие от донецких катакомб бахмутские погребения занимают в основном юго-восточный и западные секторы кургана, что при радиальной планировке катакомбного сооружения к центру и при положении костяка на правом боку дает преобладание указанной ориентировки. С этим же обстоятельством связана господствующая ориентировка костяков к С, СВ, В, ЮВ в погребениях Волго-Донского междуречья, в которых, как выше было замечено, большинство погребенных находится в скорченном положении на левом боку.

Как и в предшествующих памятниках, существовал обычай посыпать погребенного охрой или класть куски ее в могилу. Однако в рассматриваемых погребениях заметно его угасание: число могил с охрой невелико.

Погребальное приданое значительно беднее, чем в других катакомбных группах. Оно ограничивается преимущественно одним глиняным сосудом. Только несколько могил содержали два сосуда. Реже в погребение ставилась жаровня с углями (около 10 случаев). В двух погребениях встречена курильница. Лишь в четырех погребениях найдены бронзовые предметы (ножи, в одном из курганов в Волгограде тесло, долото и столовая вилка-крюк)¹, в трех — каменные наконечники булавы, в двух — песты. В одном погребении находились три глиняных сошла и абразивные инструменты, связанные с металлообработкой.

для погребений позднего бронзового века. В данных памятниках это редкое, anomальное и пока непонятное явление.

Скорченное положение на правом боку является преобладающим. Только на Левобережье, в основном в Волго-Донском междуречье отмечается высокий процент погребенных, лежащих на левом боку или на спине, с ногами упавшими влево (10 погребений).

По сравнению с погребениями донецкого типа, где преобладает южная ориентировка, здесь наблюдается доми-

КЕРАМИКА

Из погребений бахмутского типа происходит около 70 сосудов, в основном целых экземпляров. В отношении выделки, состава глины и обжига большинство сосудов обычны для круга катакомбных памятников. Можно лишь отметить проявляющуюся на отдельных образцах некоторую небрежность в формовке сосудов, обработке поверхности и нанесении орнамента. Так, изредка появляется асимметрия в форме (например, с одной стороны бока у сосуда округлые, с другой выпячены под углом), нарушение ритма в орнаментации. Встречаются сосуды с неровной, бугорчатой поверхностью. Отмечаются примеси в глине песка, мелких камешков. Совершенно новым явлением необходимо отметить появление сосудов ломаного профиля с ребром в боках.

За небольшим исключением сосуды бахмутской группы памятников по форме и орнаментации заметно отличаются от керамики донецкого типа. Они характеризуются в основном высокими формами с раструбной шейкой, а также своеобразными низкими горшками. Особенно ярко отличие проявляется в ином стиле орнаментации, как с технической, так и с сюжетной стороны. Вместо шнуровой и гребенчатой техники выполнения орнамента здесь доминируют рельефная валиковая и прочерченная. Входит в обычай опоясывать основание шейки (иногда и бока) орнаментальными поясками из валика, прочерченных линий, защипов, наколов. Появляются зональные, паркетные композиции, треугольники с поднятой вершиной — узоры, примечательные для среднедонской керамики. Керамика представлена следующими типами.

Отдел I. Бесшейные сосуды групп А, Б.

Группа А. Закрытые банки (1 экз.). Представлены типом 1 — банкой с горизонтальными оттисками двойного шнура и овами. Дно орнаментировано (рис. 29, 1).

Еще один сосуд этого типа происходит из Койсуга (рис. 29, 2)². Банки типа 1 встречены в комплексах, в одном с миской типа VIIA4 и крышкой, в другом — с высокошейным горшком типа IIIB2.

Группа Б. Глубокие чаши (1 экз.). Большая открытая чаша со стянутой нижней частью, на узком дне. Орнаментирована рядами гребенчатой елки по горизонтальным жолобкам (рис. 30, 3). Еще две подобные чаши найдены в 1967—1968 гг. в курганах в Ростове-на-Дону³. Орнамент их — треугольные вдавления и налепные пипочки (рис. 29, 4). Первая чаша из Ливенцовки встречена в комплексе с короткошейным приземистым горшком типа IIГ (рис. 30, 1—3).

Отдел II. Короткошейные горшки групп Б, В, Г.

Группа Б. Стройные горшки (11 экз.) трех типов одинаковой формы, но с разной техникой орнаментации. Тип 1 (3 экз.) — горшки с орнаментом из оттисков тесмы, двойного шнура и гребня (рис. 29, 3, 6). Тип 2 (4 экз.) — сосуды и крупные фрагменты, в орнаментации которых сочетается шнуровая (тесемчатая) и гребенчатая техника с валиком и пальцевыми защипами в основании шейки (рис. 29, 5, 7). У одного образца

Рис. 29. Керамика из погребений бахмутского типа:

1 — Ливенцовка, курган 1, погребение 9; 2 — Койсуг, курган 2, погребение 1;
3 — Ливенцовка, курган 1, погребение 17; 4 — Ростов-на-Дону, Западный, курган 6, погребение 6; 5 — Мокрый Чалтырь, курган 2, погребение 5; 6 — Донской, курган 5, погребение 13; 7 — Новочеркасск, Шибельная группа, курган 3, погребение 3.

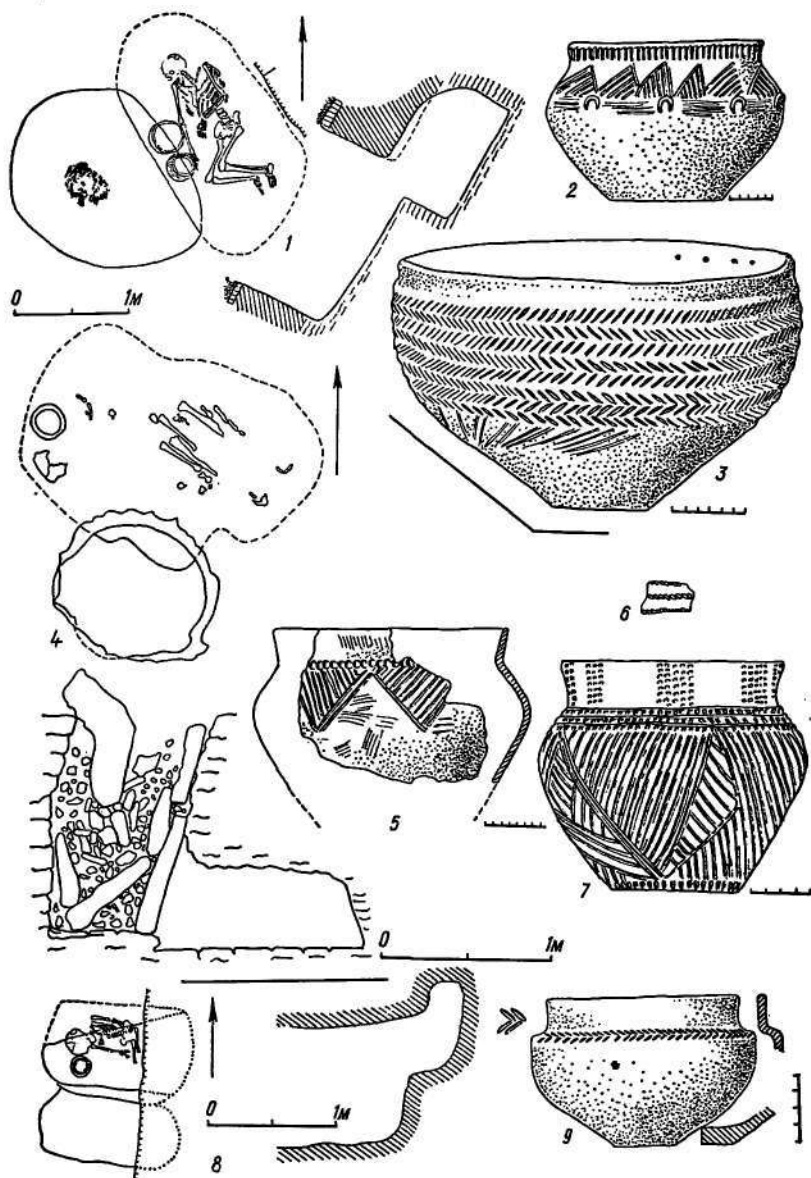

Рис. 30. Погребения бахмутского типа с инвентарем:
 1—3 — Ливенцовский могильник I, погребение 45; 4—7 — Ливенцовский мо-
 гильник IV, погребение 19; 8—9 — Недвиговка, курган 1, погребение 7.

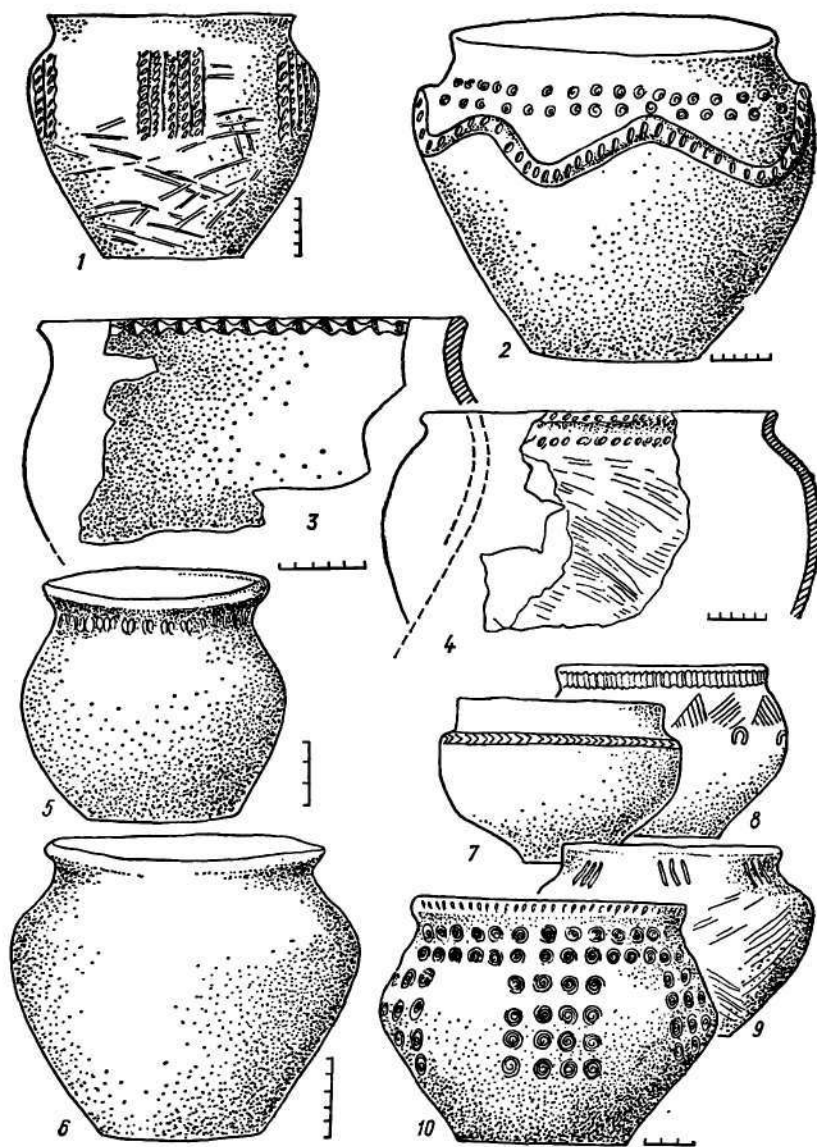

Рис. 31. Керамика из погребений бахмутского типа:
 1 — Новочеркасский музей; 2 — Ростов-на-Дону, курган 7, погребение 6; 3 —
 Ливенцовка, курган 1, погребение 17; 4 — Донской, курган 5, погребение 13;
 5 — Новочеркасская ГРЭС, курган 2, погребение 24; 6 — Ливенцовка, курган 1,
 погребение 18; 7 — Недвиговка, курган 1, погребение 7; 8 — Ливенцовский
 могильник 1, погребение 45; 9 — Ливенцовская крепость, курган, погребение
 22; 10 — Ливенцовка, курган 1, погребение 22.

нижняя часть корпуса покрыта рельефным узором. К типу 3 (4 экз.) отнесены сосуды с рельефной орнаментацией — зацепками по краю, насечками (рис. 31, 1, 3, 4). Известен еще один горшок с извивающимся валиком на плечиках из кургана в Ростове-на-Дону⁴ (рис. 31, 2).

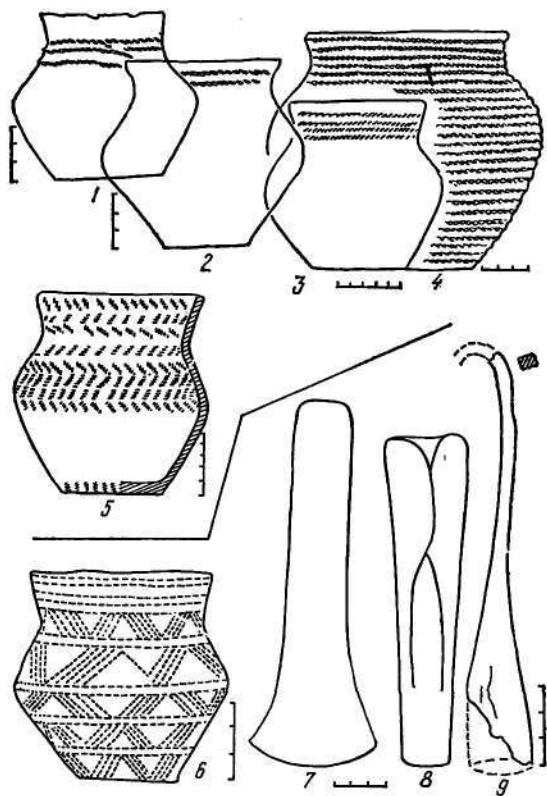

Рис. 32. Сосуды и металлические предметы из погребений:

1 — Усть-Донецк, разрушенный курган, погребение 1;
2 — там же, погребение 2; 3 — Петров Вал, курган 4,
погребение 1; 4 — Октябрьский, курган, погребение 3;
5 — Донской, курган 5, погребение 11; 6—9 — Царицын (Волгоград), 1905 г., курган, погребение 2.

Форма горшков группы *Б* является самой распространенной в керамике донецкого типа памятников. В бахмутскую группу они включены по встречаемости с другими более характерными сосудами. К тому же большая часть горшков этой группы имеет валиковый и защитный орнамент, в том числе в виде пояса в основании шейки.

Группа В. (3 экз.). Горшки с раструбной шейкой с валикообразным отогнутым наружу венчиком. Основание шейки одного сосуда орнамен-

тировано пальцевыми зажимами (рис. 31, 5, 6). По оформлению венчика сосуды близки реповидным горшкам.

Группа Г. (5 экз.). Приземистые горшки с прямой шейкой, широким устьем. Орнаментированы валиком, прочерченными линиями, треуголь-

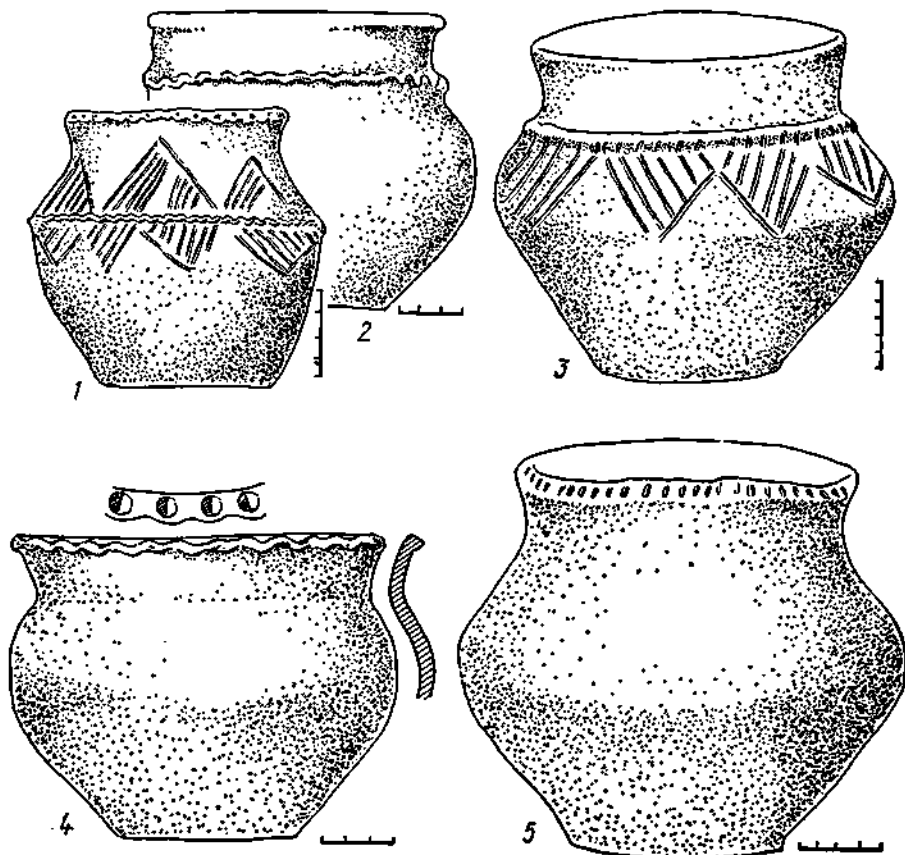

Рис. 33. Сосуды из погребений:

1—Койсуг, курган 2, погребение 1; 2—Лявентовна, курган 1, погребение 5; 3—Акса́й, Гиреева Могила, погребение 6; 4—Мокрый Чалтырь, курган 2, погребение 3; 5—Ростов-на-Дону, Западный, курган 1, погребение 10.

никами вершиной к устью, полотенцами из оттисков спирали (рис. 31, 7—10). Один горшок с островыделенными боками.

Отдел III. Сосуды с высокой шейкой группы А, Б, В.

Группа А представлена одним сосудом в форме кубка с высоким горлом с островыделенными боками, подчеркнутыми валиком (табл. VII, 4).

Группа Б. Сосуды, у которых $H : D = 0,8-0,9$, двух типов. Тип 1 (4 экз.) характеризуется прямой или слегка расширенной сверху шейкой с горизонтальными оттясками простого шнура на шейке, а на одном сосуде и по всему корпусу (рис. 32, 1—4).

Тип 2 (9 экз.) — сосуды с расширенной раструбной шейкой, с округлыми, реже биконическими боками, орнаментированные валиком, пальцевыми зацепками, наколами и в прочерченной технике (рис. 30, 5, 7; 33, 1—5). Профиль шейки имеет слабый отгиб наружу. К вариантам типа относим два сосуда: один с прямой шейкой, второй — приземистый с раструбной шейкой ($H : D = 0,7$). Примечательной стороной орнаментации сосудов данного типа является наличие пояса в основании шейки (реже на боках) из валика, пальцевых зацепов, наколов или прочерченных линий. У некоторых образцов от этого пояса опущены треугольники, а на одном еще и треугольники вершиной к устью (рис. 33, 1).

Группа В. (16 экз.). Высокие раструбные сосуды. Представлены типами 1—3. Тип 1 — сосуды со шнуровой (простой и двойной шнур) и гребенчатой орнаментацией с пухлыми и островидными боками, занимающими середину сосуда (7 экз., рис. 32, 5, 6; 34). Орнаментальные мотивы: ряды горизонтальных елок, паркетные композиции, треугольники вершиной к устью. У одного сосуда орнаментирована также внутренняя сторона шейки, что встречается только на многоваликовой керамике. К типу 2 (2 экз.) отнесены сосуды, сочетающие в орнаментации шнуровую (простой шнур, тесьма) и гребенчатую технику с валиковой и прочерченной. Характерным является наличие валикового пояса в основании шейки или на боках (рис. 34, 1, 5). Один сосуд из Ивановки очень высокий ($H : D = 1,3$, шейка соответственно короче $H_0 : H = 0,15$). Тип 3 — сосуды, орнаментированные в валиковой и прочерченной технике, а также пальцевыми зацепками и вдавлениями, наколами, плоским штампом. Характерным является наличие орнаментального пояса в основании шейки или на плечиках. Выделяются варианты с пухлыми боками, с наибольшим диаметром посредине, с округлыми боками с довольно высокой шейкой (рис. 34, 3, 4; 35).

Отдел IV. Фляги (2 экз.). Одна фляга из Ливенцовки (10/12) с широкой и короткой шейкой, с двумя ушками, с прочерченными узорами отнесена к типу А2 (рис. 9), вторая — из Круглого кургана в Ростове-на-Дону (погр. VI). Последняя имеет высокое и узкое горло и два ушка и относится к группе В (рис. 36, 8).

Отдел V. Амфоры (1 экз.). Амфора из Ливенцовки (11/22) с коротким узким горлом и четырьмя петельчатыми ручками на боках шаровидного корпуса, орнаментированного прочерченными треугольниками. Отнесена к типу В3 (рис. 9).

Отдел VII. Миски. Представлены группами А и Б. В группе А присутствуют миски в форме низкой банки типа 1 (3 экз.), миски типа 2 (1 экз.) и с налепными ушками типа 4 (2 экз.); в группе Б — миски с бортиком типа 1 (2 экз.) и типа 2 (с бортиком и ручкой — 1 экз., рис. 36, 2, 4—6). Часть мисок орнаментирована тесемчатыми узорами,

одна оттисками плоского штампа и одна в прочерченной технике с ногтевыми вдавлениями. Отнесение мисок к данной культурной группе сделано на основании встречаемости их с иными типами более характерных сосудов (типами I A, II B2, II Г), а в случаях одиночных находок — по

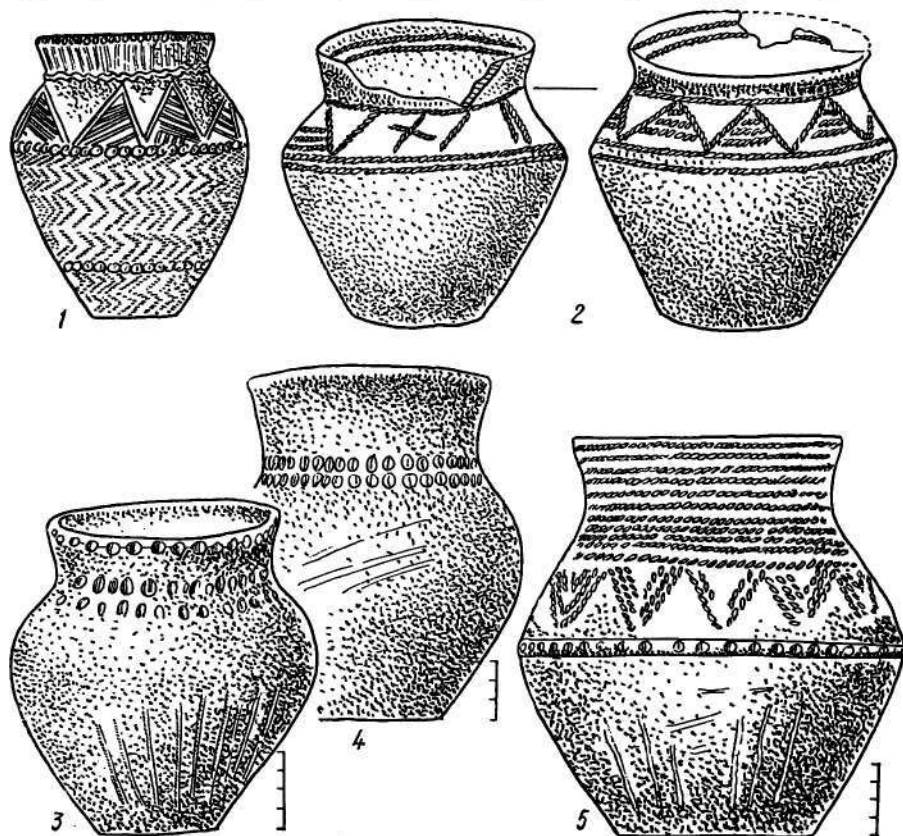

Рис. 34. Высокие сосуды из погребений:

1 — Ивановка (Волго-Дон), 1929 г., курган, погребение; 2 — Хапры, разрушенный курган, погребение (в зарисовке В. А. Городцова); 3 — Ростов-на-Дону, Западный, курган 1, погребение 7; 4 — Новочеркасская ГРЭС, курган 2, погребение 3; 5 — Койсуг, курган 5, погребение 29.

данным погребального обряда. Так, миски типа VII B1 найдены при костях с согнутыми руками, протянутыми к лицу (в одном погребении костяк скорчен под острым углом), что, как отмечалось, изредка встречается именно в погребениях второй группы.

Отдел VIII. Чаши на поддонах. В двух погребениях в простых больших ямах встречены курильницы. Одна из них из погребения у ст. Петров Вал на крестовидном поддоне, с отделением, орнаментирована

шнуром, относится к типам группы Г. Вторая из Волгограда (раскопки 1905 г., п. 2), дошедшая в фрагментированном виде, весьма своеобразна. Край у нее загнутый внутрь под прямым углом в виде широкого бортика таким образом, что чаша имеет вид почти наполовину закрытого сосуда. Первая чаша — курильница типична для предкавказской (маньчской)

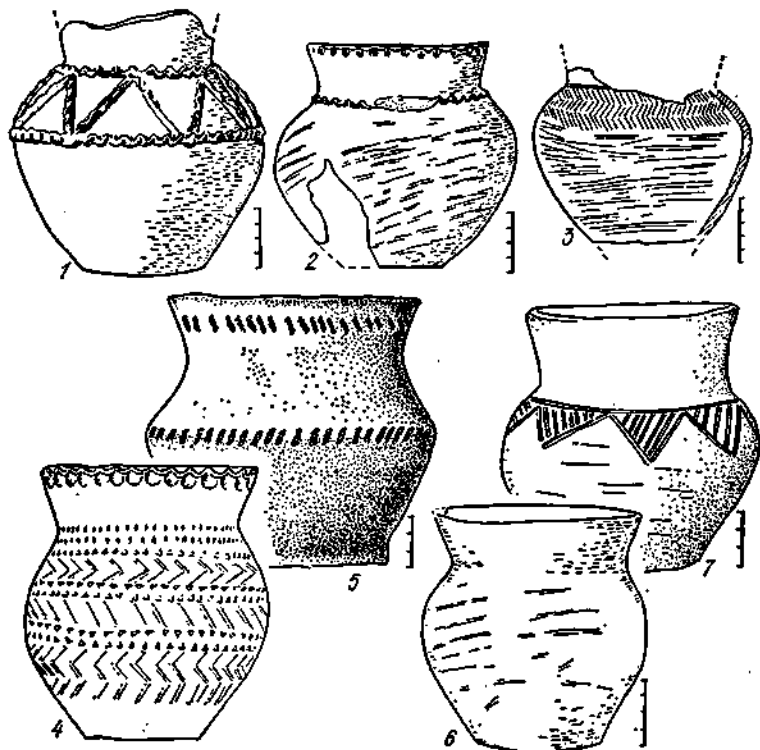

Рис. 35. Высокие сосуды из погребений:

1, 2 — Петров Вал, курган 2, погребение 2; 3 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 2, погребение 12; 4 — Родаково (Донецчина), разрушенный курган, погребение; 5 — Лысый курган, погребение 37; 6 — Новочеркасск, курган «Грушевский», погребение 2; 7 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 2, погребение 2.

культуры, а также, как сейчас выясняется, и для донецких памятников Северского Донца. Тип второй курильницы представлен только на Среднем Дону⁵.

К числу редких типов относим горшок с опухлым корпусом на поддоне, высокий сосуд с валиком в основании шейки, с прямыми стенками и крышку с ручкой (рис. 36, 7).

Итак, наиболее распространенными типами керамики бахмутской группы являются сосуды с высоким горлом группы IIIБ, В (30 экз.)

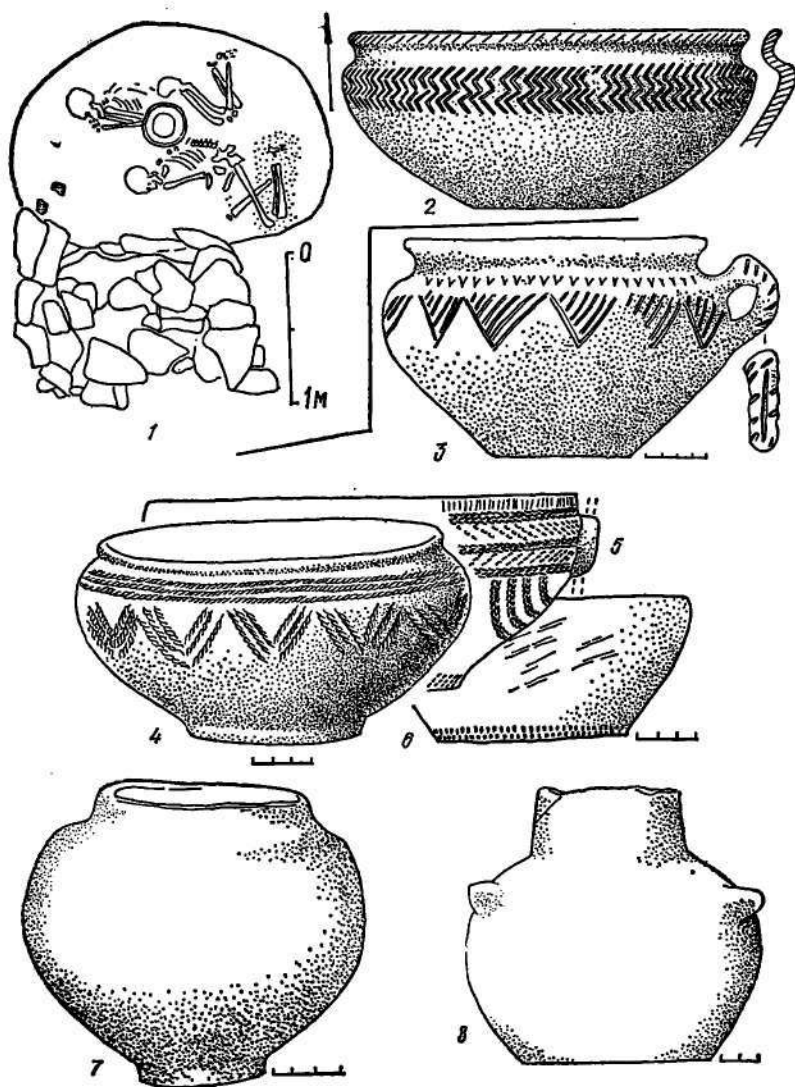

Рис. 36. Сосуды из погребений:

1, 2 — Мокрый Чалтырь, курган 2, погребение 9; 3 — там же, курган 2, погребение 5; 4 — Аксай, Гиреева могила, погребение 3; 5, 6 — Ливенцовка, курган 1, погребение 22; 7 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 2, погребение 8; 8 — Ростов-на-Дону (Гниловская), Круглый курган, погребение 6.

и короткошейные горшки группы IIБ, В, Г (20 экз.). В орнаментации доминирует валиковая, прочерченная и защипная техника, иногда выступающая в сочетании со шнуровой и гребенчатой (около 40 экз.). Часть сосудов неорнаментирована. В шнуровой и гребенчатой манере орнаментировано около 20 сосудов.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА И КАМНЯ

Изделия из металла малочисленны: три ножа, тесло, долото, крюк, височные кольца*. Один черешковый нож с параллельными лезвиями и заостренным концом из ст. Нижне-Чирской (рис. 37, 6), второй из с. Колпачки, близкий к первому, но с едва заметным постепенным расширением длинного клинка к концу, чем он несколько напоминает так называемые привольненские ножи (рис. 37, 5). Третий нож из Донского с коротким треугольным клинком относится к типу, характерному для комплексов с маньчжской керамикой (рис. 37, 3).

Бронзовое тесло с расширенной лезвийной частью представляет развитый тип, видимо, промежуточный между привольненским и костромским (рис. 32, 7).

Бронзовое долото со свернутой втулкой костромского типа (рис. 32, 8).

Бронзовая вилка-крюк длиной 13,3 см, с короткой свернутой втулкой и длинным зубцом (как и тесло и долото из погребения в Волгограде, рис. 32, 9). Вилка аналогична подобного рода изделиям из катакомб Калмыкии, но отличается своей длиной от коротких вилок из погребений донецкого типа Донецчины.

Височные кольца встречены лишь в одном погребении (Новочеркасская ГРЭС, к. 2, п. 24), причем в количестве около 10 штук (часть их слеплась, некоторые в обломках). Это круглые и овальные кольца в полтора оборота, круглые в сечении и слегка расширенные к концам (рис. 37, 1). Они вероятно, соединялись, образуя цепочку, и в таком виде подвешивались: часть их была найдена именно в таком виде. Круглые кольца бытуют в раннюю и среднюю бронзу, овальные появляются позже и более характерны для позднекатакомбного времени.

Предметы из камня представлены двумя пестами, абразивными плитками, наконечниками булав (рис. 37, 2; табл. I, 1). Наконечники гладкие, грушевидные и с четырьмя выпуклками⁶.

Почти все предметы из металла и камня происходят из погребений северо-восточных, преимущественно левобережных районов Нижнего Дона. Редкость их в погребениях Правобережья указывает скорее на особенность погребального обряда этого района (в могилу ставились только сосуды с пищей), чем на бедность этого района металлом. Несомненно,

* Погребения с ножами отнесены к бахмутской группе предположительно лишь на основании погребальных конструкций. Сосуды в них отсутствовали.

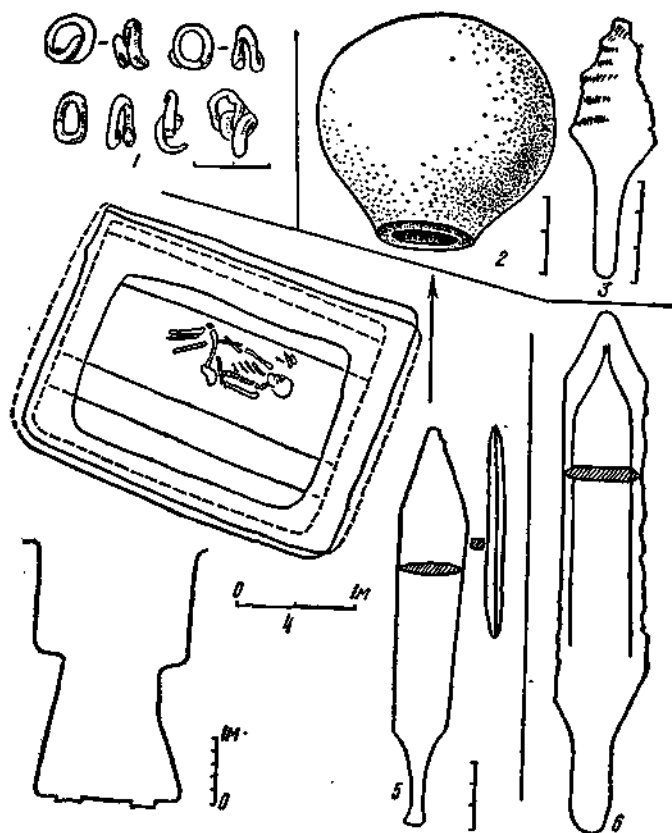

Рис. 37. Изделия из металла (1, 3, 5, 6), камня (2) и погребение в яме с заплечиками:

1 — Новочернская ГРЭС, курган 2, погребение 24; 2, 3 — Донской, курган 5, погребение 24; 4—5 — Колпачки, курган 5, погребение 2; 6 — Нижне-Чирская, Кирпичный курган, погребение.

что металлические изделия, несмотря на их типологическую близость к предкавказским, могли изготовляться на месте. Наличие местной металлообработки было доказано В. П. Шиловым по находке в погребении у пос. Октябрьский Волгоградской области трех глиняных сопел⁷.

* * *

Выделяемая группа погребений, названная нами условно бахмутским типом, представляет собой своеобразное культурное явление эпохи средней бронзы Нижнего Дона и Северского Донца.

Это своеобразие заключается в смешанном характере культуры этих памятников. С одной стороны, в ней присутствует местный донецкий, но видоизмененный культурный тип, с другой, чужеродный среднедонской, также выступающий зачастую в трансформированном виде. Если учесть, что на этой же территории и в то же время распространяются еще одни памятники, по характеру культуры близкие с более южными, ма-нычскими, то налицо чрезвычайно богатая и сложная мозаичная картина средней бронзы в позднекатакомбное время.

Преимственность с предшествовавшими памятниками донецкого типа обнаруживается прежде всего в керамике. Стройные короткошейные горшки и миски со шнуровым и гребенчатым орнаментом соответствуют в основном типам донецкой керамики. Однако на них появляется новый вид орнамента — валики и пальцевые зацепы. Производными от них являются, видимо, и приземистые горшки с короткой шейкой. Донецкие сосуды — кубки послужили, вероятно, прототипами для части сосудов с высокой шейкой, прямой в профиле или слегка расширенной к краю. Об этом свидетельствует сопоставление их пропорций (у донецких кубков $H : D = 0,6-0,8$; $H_0 : H = 0,2-0,3$; у бахмутских сосудов $H : D = 0,8-0,9$; $H_0 : H = 0,16-0,26$; рис. 10).

В погребальном обряде преимущество усматривается в преимущественном сохранении положения костяков на правом боку, в обычае ставить в могилу жаровню, а также в некоторых типах катакомбных сооружений. Наиболее распространенные типы катакомб с круглой или овальной шахтой представляют собою дальнейшее развитие катакомб с квадратной шахтой и катакомб, устроенных под длинной стенкой прямоугольных шахт.

Такой переход от катакомб с прямоугольными шахтами к катакомбам с круглыми и овальными происходит на Нижнем Дону, Донеччине, в Поднепровье и Приазовье в позднекатакомбное время.

Видимо, преимуществом можно объяснить и преимущественное размещение погребений бахмутского типа в южной и западной полках курганов, что указывает на осведомленность строителей этих катакомб относительно наличия в восточной поле более ранних могил.

Новые черты, придающие особый колорит бахмутским памятникам, своим происхождением связаны со среднедонской катакомбной культурой, основным ареалом которой являются область Среднего Дона и Левобережная Донеччина в пределах Харьковской и Ворошиловградской областей. К среднедонским формам относятся сосуды с высоким, зачастую растрескивающим горлом, как высокие, у которых $H : D_b = 1-1,2$, так и сосуды пониже с соотношением $H : D_b = 0,8-0,9$. Особенно ярко среднедонские черты проступают в орнаментации керамики, причем не только на указанных выше формах, но и на тех, что восходят к сосудам донецких типов. Это относится к мотивам треугольников вершиной к устью сосуда, паркетных и зональных композиций.

В погребальном обряде среднедонскими элементами являются катакомбы, устроенные под длинной стенкой шахт, имеющих форму длинного

и короткого прямоугольника *, отчасти большие и малые прямоугольные ямы⁸, случаи скорченного положения костяков на левом боку, а также на спине (рис. 38).

В целом можно отметить, что преемственность со среднедонскими памятниками как в керамике, так и в погребальном ритуале более всего ощутима на Левобережье⁹, в то время как на Правобережье больше местных традиций, связанных с памятниками донецкого типа.

Необходимо выделить в небольшую подгруппу погребения в Волго-Донском междуречье. Эти погребения, сопровождавшиеся среднедонской керамикой, в погребальных сооружениях (большие и малые ямы), а также в положении костяков (на спине с согнутыми коленями вверх ногами, упавшими в сторону, а также на левом боку), их ориентации (головой к С, СВ, В, ЮВ) обнаруживают удивительные параллели с могилами соседней полтавкинской культуры¹⁰. Однако считать эти элементы безусловно полтавкинскими сейчас преждевременно, так как Волго-Донское междуречье и Средний Дон еще слабо изучены. Между тем они присутствуют и в среднедонских памятниках и как будто в более ранних катакомбных памятниках Волго-Донского междуречья, культурная атрибуция которых еще недостаточно ясна **.

Итак, выделяемые памятники представляют культуру смешанного типа, появившуюся на Нижнем Дону, а также на Северском Донце в позднекатакомбный период. Они характеризуют период распада замкнутых катакомбных групп, угасания их культуры, что обычно наблюдается в финальных стадиях развития культур.

---

* Следует отметить, что такого рода катакомбные сооружения являются единственными в среднедонской культуре. Здесь совершенно отсутствуют сооружения с прямоугольными шахтами с катакомбами под узкой стенкой («Тз-видной формы»).

** Такие памятники выявлены работами Астраханской экспедиции В. П. Шилова в 1961—1964 гг.

ПАМЯТНИКИ МАНЫЧСКОГО ТИПА НА НИЖНЕМ ДОНУ

К памятникам манычского типа мы относим погребения, сопровождающиеся, прежде всего, такими примечательными формами керамики как реповидные горшки, курильницы, кувшины, цилиндровые сосуды, чугунковидные горшки.

Погребения манычского типа были впервые открыты в низовьях Дона еще в 60-х годах прошлого столетия¹. Однако лишь после раскопок курганов в 20—30-х годах XX ст. на Маныче и в Калмыкии они стали особо выделяться то как предкавказский или волго-манычский вариант катакомбной культуры², то как предкавказская культура³. В настоящее время этих памятников больше всего выявлено в области р. Маныч⁴. Раскопки показали, что в курганах этой области погребения с указанной выше керамикой встречаются намного чаще, чем в курганах иных территорий. Таким образом, здесь эти памятники сосредоточены наиболее компактно и лучше изучены. Поэтому им лучше других подходит название «манычские», которого мы и придерживаемся.

Во взятой для исследования выборке к манычскому типу на Нижнем Дону может быть отнесено 50 погребений (35 на Левобережье и 15 на Правобережье)*. Известно также одно поселение — вероятно, кратковременная стоянка у г. Аксай, вблизи известного Кобыкова городища⁵. Культурный слой на этой стоянке, занимавшей уступ у коренного берега, прослежен лишь в обнажении оврага на протяжении около 5 м. Он представ-

* Взяты только погребения с безусловно манычскими типами сосудов. Вероятно, этих погребений больше, ввиду того, что исключаются безы Inventарные могилы, а для Правобережья и захоронения, содержащие только одну курильницу, так как этот тип керамики встречается и в других культурных группах. Сверх этого еще известно около 20 погребений из раскопок В. П. Шиловой у хут. Алитуб и Усьман, а также И. Б. Брагинского и А. И. Демченко в Ростове-на-Дону.

для гумированный грунт толщиной около 1 м, содержащий мелкие обломки керамики, осколки кремня, кости животных и рыб. Рядом в обнажениях ручья Кобяковой балки при тщательных и неоднократных осмотрах и зачистках продолжения его не удалось обнаружить.

Тот факт, что уровень залегания выявленных культурных остатков находится ниже горизонта материкового суглинка на соседних участках,

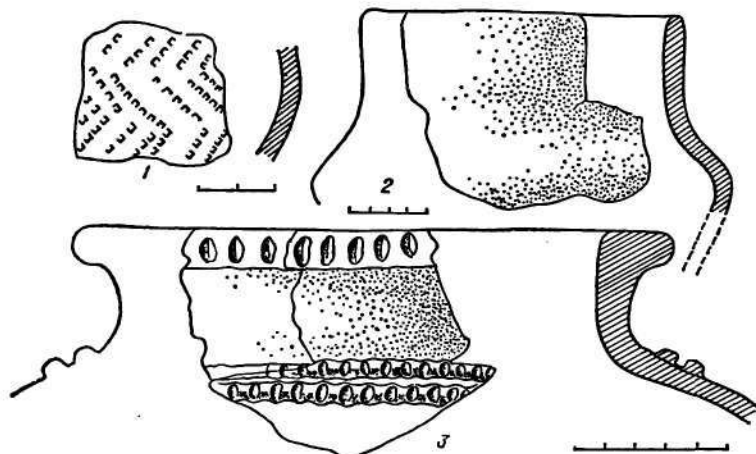

Рис. 39. Керамика поселения в Кобяковой балке у г. Аксай.

свидетельствует о том, что культурный слой заполняет древнюю впадину или овраг. Вероятно, этот слой с культурными остатками образовался в результате смывов с прилегающих ровных участков берегового уступа.

При зачистке обнаружения собраны обломки керамики, дающие представление о культурной принадлежности памятника. Среди них отметим обломки реповидного сосуда с ободком, высокошейного сосуда и фрагмента стенки с гребенчатым орнаментом (рис. 39).

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Рассматриваемые погребения впускные и находятся обычно в тех же курганах, что и захоронения иных типов. Можно лишь отметить, что на Левобережье они встречаются почти в каждом кургане эпохи бронзы и в значительном количестве (до шести могил). На Правобережье погребения с маньчской керамикой редки и обнаруживаются далеко не в каждом кургане. Чаще всего это одиночные могилы и их не бывает в кургане более трех.

Расположение погребений в курганах Правобережья такое же, как и захоронений бахмутского типа, т. е. они находятся преимущественно в юго-восточном секторе и западной поле. В левобережных курганах эта закономерность не наблюдается. Здесь погребения находятся и в восточ-

ной, и в южной, и в западной полах, а также довольно часто в центре кургана (рис. 2; 5). Нет их только в пределах $0-40^\circ$ и $270-360^\circ$.

Погребальные сооружения. В катакомбах устроено большинство погребений. Только четыре погребения находились в небольших прямоугольных ямах (все из курганов Донского Левобережья). Катакомбные сооружения представлены типами с квадратной, круглой и овальной шахтами

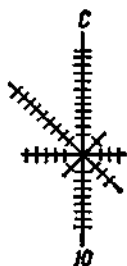

Рис. 40. Диаграмма ориентировок погребенных в погребениях маычского типа.

и с шахтой в форме короткого прямоугольника, параллельно сопряженной с катакомбой. Для погребений Левобережья более характерны катакомбы с квадратными и прямоугольными шахтами, в то время как для Правобережья — с круглыми (рис. 42). В целом по погребальным сооружениям погребения с маычской керамикой обнаруживают больше сходства с бахмутскими, чем с донецкими памятниками (рис. 11).

Способ погребения. В погребальной камере обычно находится только один костяк. Лишь в трех случаях погребенных было два и в одном — три (двое взрослых и один ребенок). В пяти погребениях встречены захоронения вещей без костяков, представляющие кенотафы. Интересно отметить, что три из них устроены в ямах и в каждом находилась глиняная воронка в сопровождении, помимо сосудов, предметов производственного назначения и оружия (песты, выпрямители древков стрел, навершие булавы, нож, шило).

Положение погребенных скорченное, чаще всего на правом боку. Только в четырех могилах Левобережья и в двух Правобережья костяки находились на левом боку. Преобладает скорченность ног под тупым углом ($120-100^\circ$), однако наблюдается тенденция сокращения угла и приближения его к прямому, в особенности заметная у костяков из могил Левобережья (угол $95-80^\circ$ в 15 погребениях). Также сокращается угол в коленях (нередко он составляет $10-20^\circ$).

Положение рук у погребенных вытянутое (левая слегка согнута). Только у четырех костяков они оказались согнутыми к черепу. Ориентировка погребенных неустойчива, но преобладает положение головой к С, СЗ, З (25 случаев, к Ю-7, к ЮВ-3, к В и СВ-4, рис. 40). В этом отношении погребения отличаются от донецких, но близко стоят к бахмутским. Чаще всего в погребение ставился только один сосуд — горшок реповидной формы. При двух погребенных их может быть два. Замечено, что на Правобережье напутственная пища помещалась только в реповидном сосуде, на Левобережье для этого использовались и другие сосуды — цилиндрические и кувшины. Реже в могилы помещались предметы из камня и металла: песты, топоры, наконечники стрел, булавы, ножи, шилья, украшения.

На Левобережье в каждом втором погребении находится курительница или жаровня с углями. В двух погребениях они найдены вместе. В пра-

вобережных захоронениях жаровни встречается реже, а курильницы найдены только в двух погребениях без других вещей, что не позволяет с уверенностью отнести их к данным памятникам. Это обстоятельство указывает, вероятно, на то, что жаровни, служившие для символического очищения могилы посредством окуривания, не всегда стали класть в погребение. Доказательством этого может служить наличие угольков или золы в катакомбе или шахте при отсутствии в них самой жаровни, а также случаи находок жаровни в шахте, иногда в перевернутом виде в заслоне входного отверстия. Такое местонахождение этих ритуальных предметов отмечается также и в аналогичных по культуре захоронениях на Северском Донце⁶, что является хронологическим признаком, так как в более ранних погребениях этот обычай не наблюдается.

В одном погребении в низовьях Маныча (Кудинов, к. 2, п. 6) была встречена деревянная четырехколесная повозка, стоявшая в просторной входной шахте — явление редкое среди катакомбных памятников, но характерное для более южных памятников Калмыкии, Северного Кавказа и Закавказья.

КЕРАМИКА

Своеобразие рассматриваемых памятников наиболее ярко проявляется в формах, орнаменте и обработке керамики. Приземистые, крупные, реповидные горшки, иногда до 60 см в диаметре, стройные цилиндрошейные сосуды, кувшины с ручкой, амфоры, курильницы, воронки — таковы основные керамические формы, по которым легко распознаются эти памятники среди иных культурных типов.

Большинство сосудов не орнаментировано, а орнаментированные образцы украшены очень скупо, но в подчеркнуто рельефном стиле — одним-двумя рядами валиков или пальцевых зацепов, реже прочерченными простыми узорами. Исключение составляют лишь ритуальные чаши — курильницы, сохраняющие богатую шнуровую (изредка прочерченную) орнаментацию.

Поверхность сосудов чаще всего гладкая, желтоватого цвета. Расчесы гребня встречаются редко и в основном на сосудах северных районов распространения манычских памятников. Всего в погребениях данной группы найдено 70 сосудов (50 — на Левобережье, 20 — на Правобережье). Кроме того, из случайных находок и раскопок последних лет насчитывается около 20 сосудов.

Отдел I. Бесшейные сосуды групп А, В.

Группа А, тип 2 (1 экз.) — небольшая закрытая банка с прочерченными треугольниками вершиной книзу, с неровной бугорчатой поверхностью, с толстыми стенками (табл. XXIII). Относится к редкой форме в манычской керамике. Известна еще одна неорнаментированная банка (Усьмак, к. 3, п. 5). Оба сосуда встречены в комплексе с цилиндрошейными сосудами (типы III Г 2, 3).

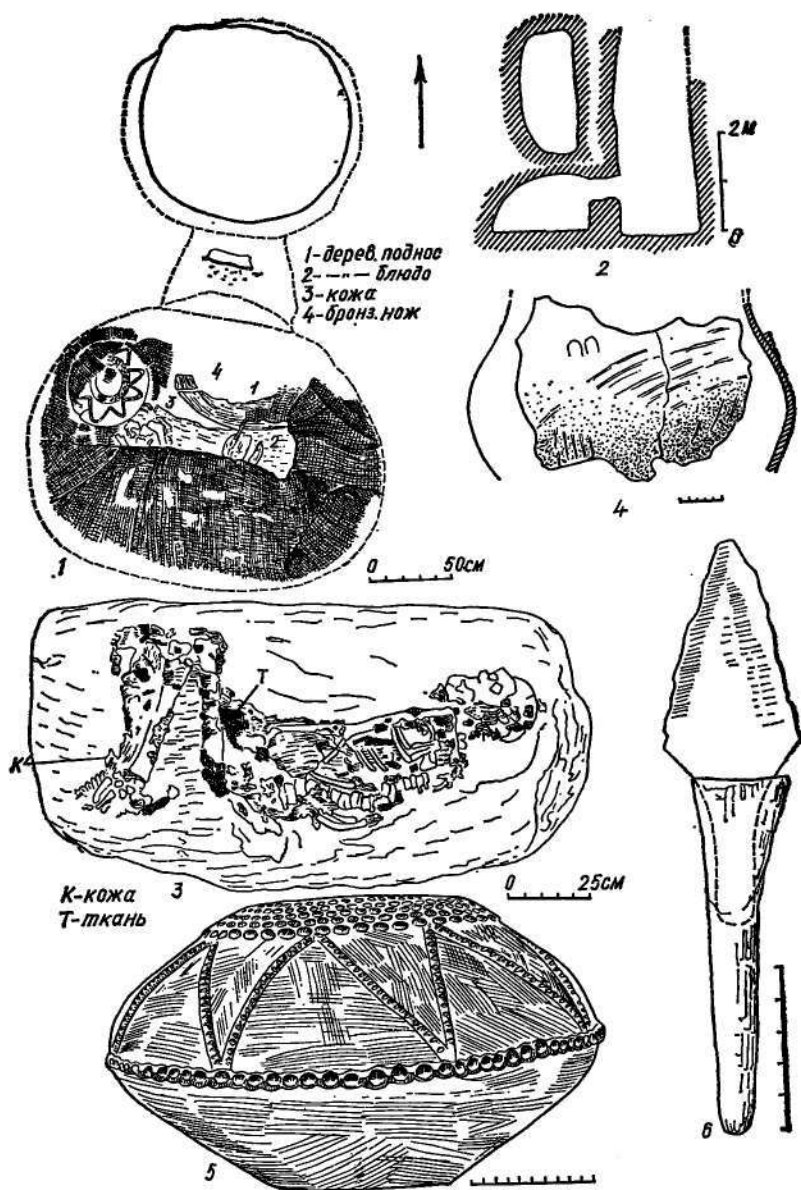

Рис. 41. Погребение 2 в кургане у хут. Большой Мишкин.

Группа В, беспейные горшки, получившие со времен В. А. Городцова название реповидных (10 экз.). Выделяются два типа — горшки с прямым краем (4 экз.) и горшки с утолщенным краем в виде отложного «глухого» воротничка (6 экз.), (рис. 41, 5; 42). Горшки имеют призматическую биконическую (реповидную) форму ($H : D_6 = 0,6-0,7$). Лишь

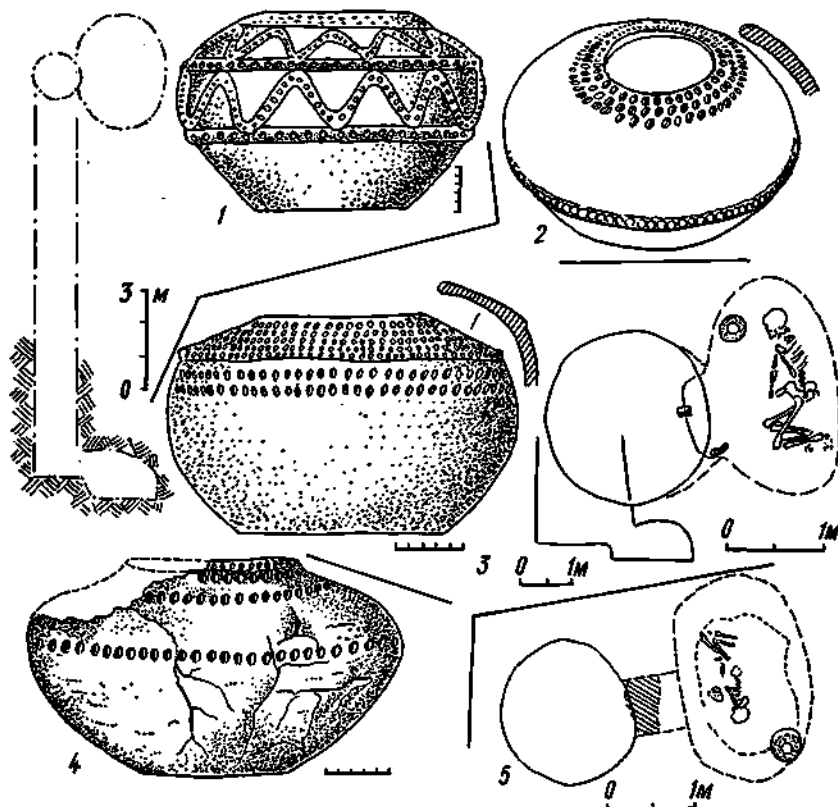

Рис. 42. Погребения с беспейными реповидными сосудами:

1 — Ростов-на-Дону, Круглый курган, погребение 3; 2 — Новочеркасск, курган 1, погребение 2; 3 — Мокрый Чалтырь, курган 2, погребение 8; 4 — Ростов-на-Дону, Западный, курган 1, погребение 1; 5 — Новочеркасск, Шибельная группа, курган 3, погребение 6.

один из них стройный ($H : D_6 = 0,87$, рис. 8, I B2). Сосуды орнаментированы зоной из пальцевых отпечатков у края и валиковым пояском на плечиках или боках. Встречены образцы с валиковым зигзагом и с прочерченным паркетным узором. В середине, на дне сосудов часто встречается крест из валиков (рис. 45, 7). Беспейные реповидные горшки распространены преимущественно на Правобережье и на Северском Донце. Только два горшка найдены в низовьях Маныча (Шахаев к.; Алитуб, к. 3, п. 6).

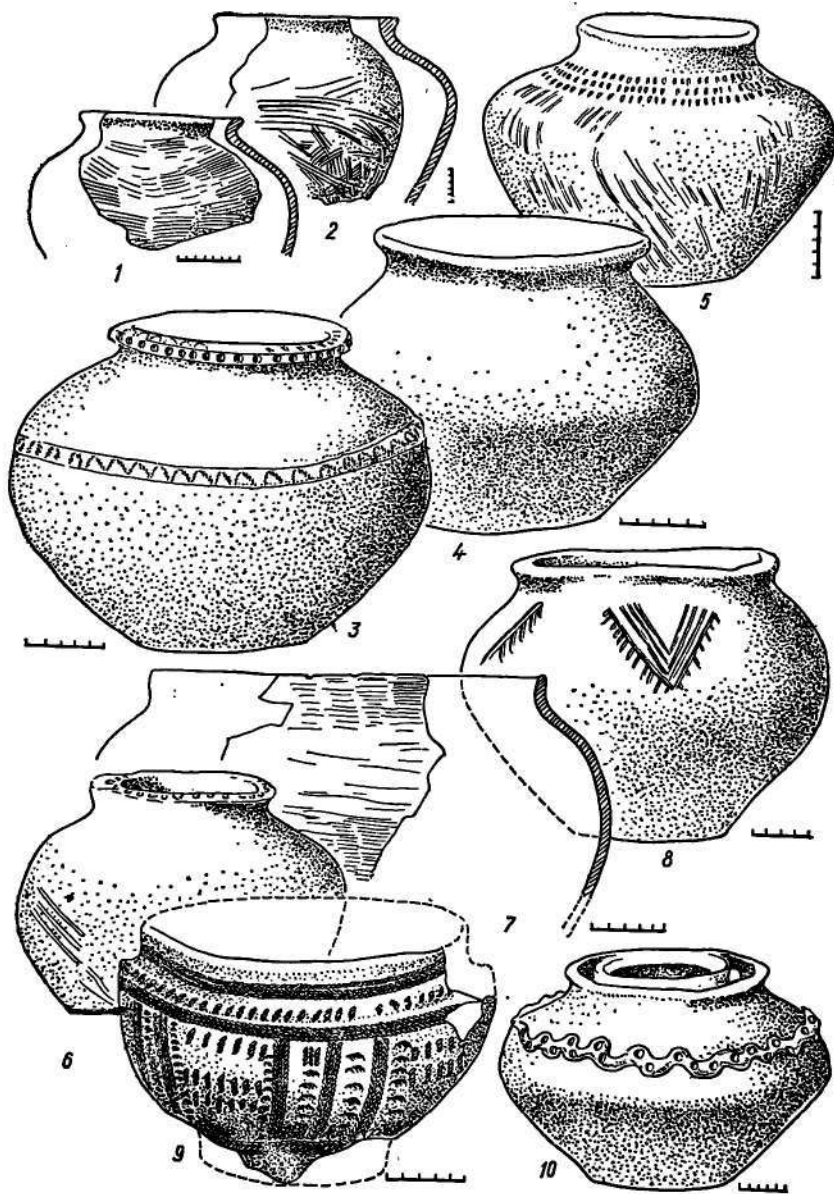

Рис. 43. Ободковые реповидные горшки, короткошейный горшок и миска:
 1, 2 — Ливенцовка, курган 1 (1 — погребение 23; 2 — погребение 16); 3—4 — Новочеркасская ГРЭС, курган 2 (3 — погребение 23; 4 — погребение 24); 5 — Гирева Могила, погребение 8; 6—10 — Ростов-на-Дону, Западный (6, 9 — курган 11, погребение 11; 7, 8 — курган 6, погребение 7; 10 — курган 5, погребение 6),

Отдел II. Короткошейные горшки групп Б, Д.

Группа Б (1 экз.). В двух погребениях (Ливенцовка, к. 10, п. 10; Ростов-на-Дону, 1967, г., к. 6, п. 7) в комплексе с реповидными горшками найдено два фрагмента, использованные под жаровни, которые относятся к неорнаментированным горшкам с короткой шейкой стройных пропорций

Рис. 44. Реповидный горшок из разрушенного кургана в пос. Семикаракорском.

(рис. 43, 7). Эти сосуды являются самой распространенной формой в керамике донецких памятников, сохраняются в бахмутских, и их находки могут указывать на наличие контактов в культуре маньчжских памятников с этими последними.

Группа Д. Реповидные горшки с короткой шейкой — самая многочисленная группа керамики (18 экз.). Среди них преобладает тип 2 (16 экз.) — горшки с венчиком, отогнутым наружу в виде ободка (рис. 43; 44; 46, 6, 7; 47, 1—5, 7). Эти горшки орнаментированы так же, как и бесшейные реповидные сосуды, т. е., валиковым пояском на плечиках или боках, но без обрамления зоной защипов верхнего края. Только у одного экземпляра к валику добавлены сетчатые прочерченные треугольники вершиной к устью (рис. 45, 5).

Реповидные горшки с венчиком в виде ободка являются самой характерной формой керамики памятников маньчжского типа, присутствующей во всех районах их распространения. Наибольшая их концентрация наблюдается в Калмыкии и на Донском Левобережье. В северных районах количество этих сосудов уменьшается (на Правобережье 7 на

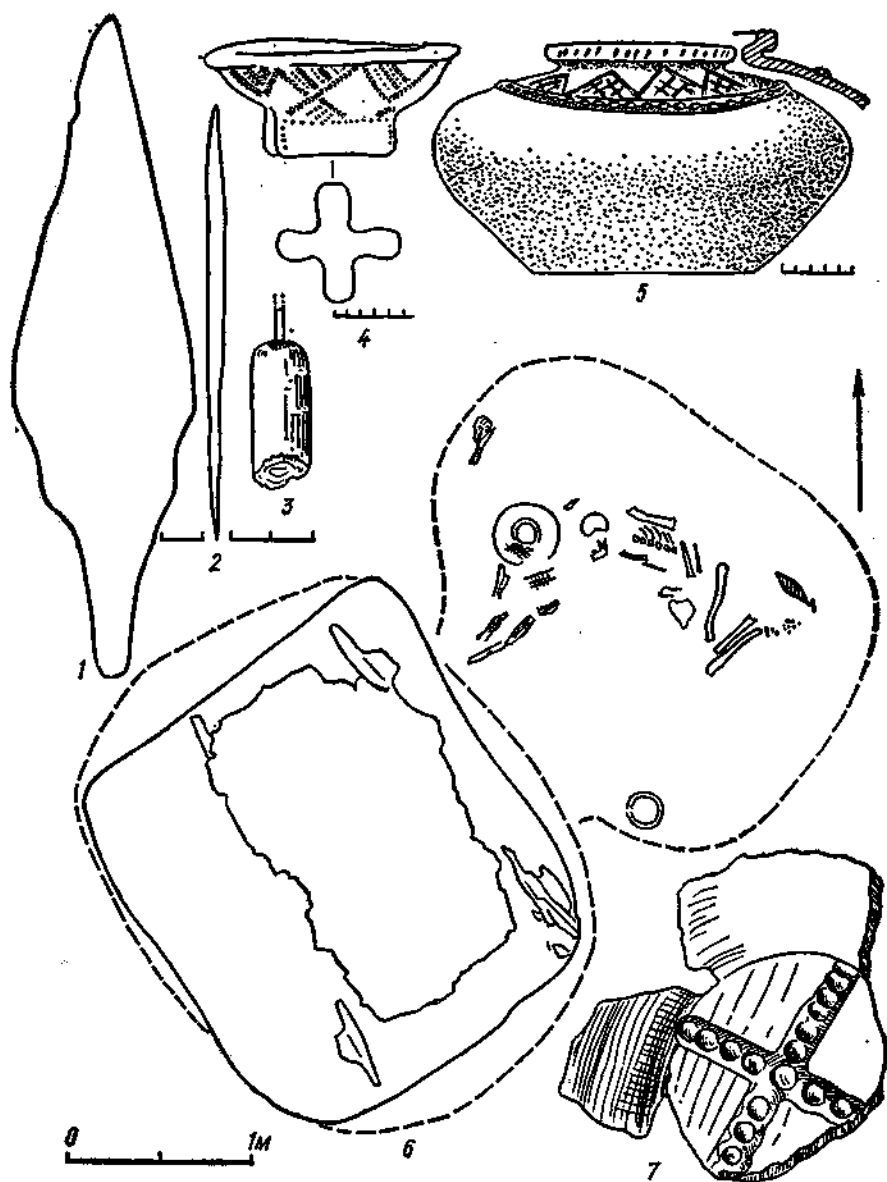

Рис. 45. Погребение 2 из кургана 6 в хут. Кудинов (1—6); дно реповидного сосуда (7 — Луганск, 1925 г., курган ?, погребение ?).

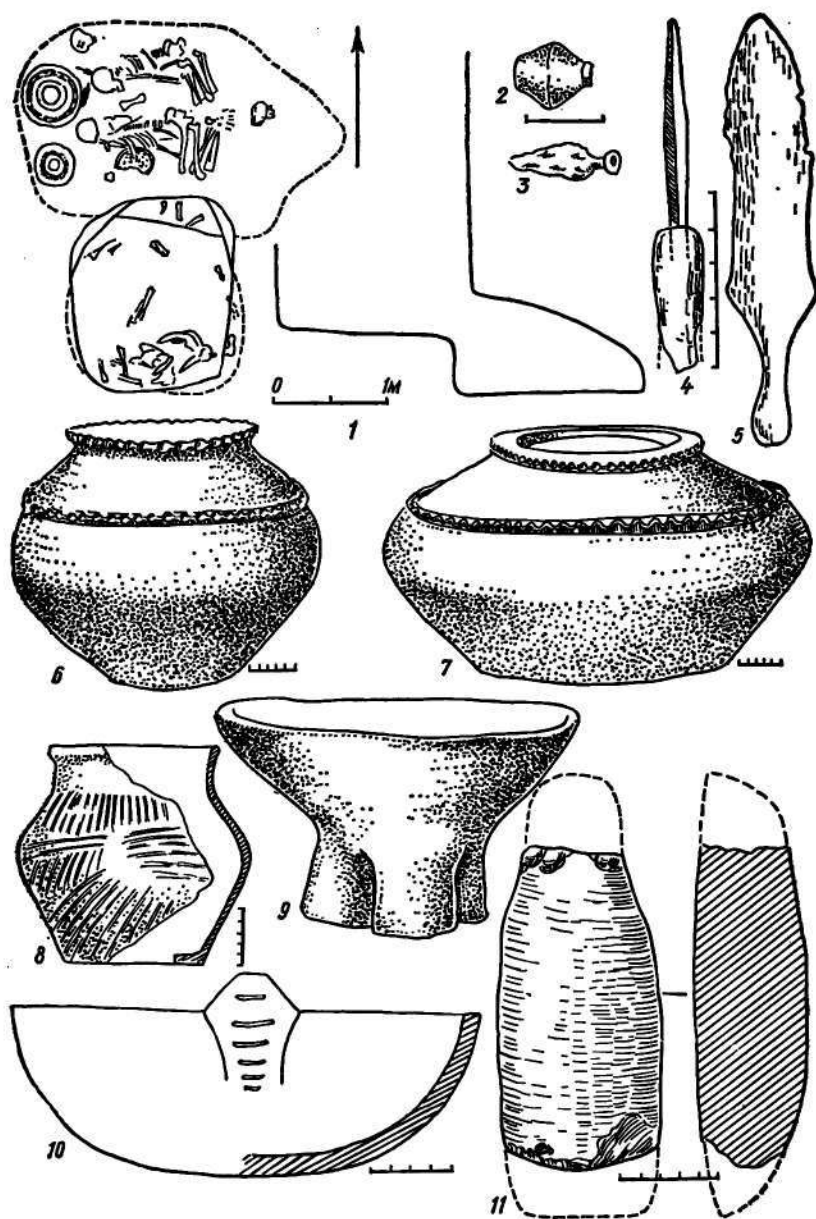

Рис. 46. Погребение 14 из кургана 11 у хут. Верхне-Янченко.

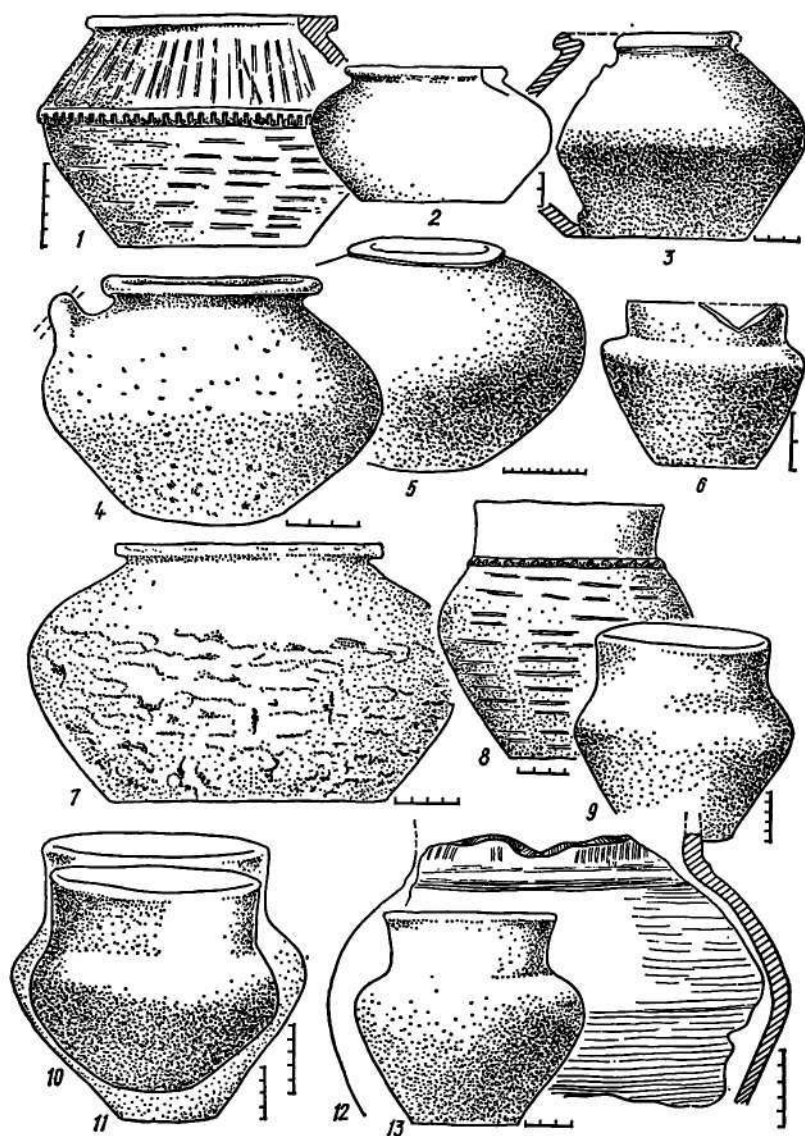

Рис. 47. Реповидные и цилиндрические сосуды:

1 — Веселый, курган 3, погребение 9; 2 — Веселый, курган 1, отдельная находка; 3 — Койсуг, курган 5, погребение 28; 4 — Новочеркасский музей, место нахождения?; 5—7, 9, 12, 13 — Спорный (5 — курган 3, погребение 31; 6 — курган 2, погребение 23; 7 — курган 2, погребение 51; 9 — курган 2, погребение 45; 12—13 — курган 2, погребение 18); 8 — Койсуг, курган «Редутка», погребение 9; 10 — Кудинов, курган 2, погребение 12; 11 — Кудинов, курган 2, погребение 4.

16 погребений*, на Донеччине 4 на 17 погребений), а сами они становятся несколько стройнее.

К типу 1 отнесено два горшка с короткой суженой сверху шейкой с тонким венчиком (рис. 8; табл. XVIII, 1). Они встречены только на Левобережье и более характерны для памятников Калмыкии и Северо-Западного Прикаспия.

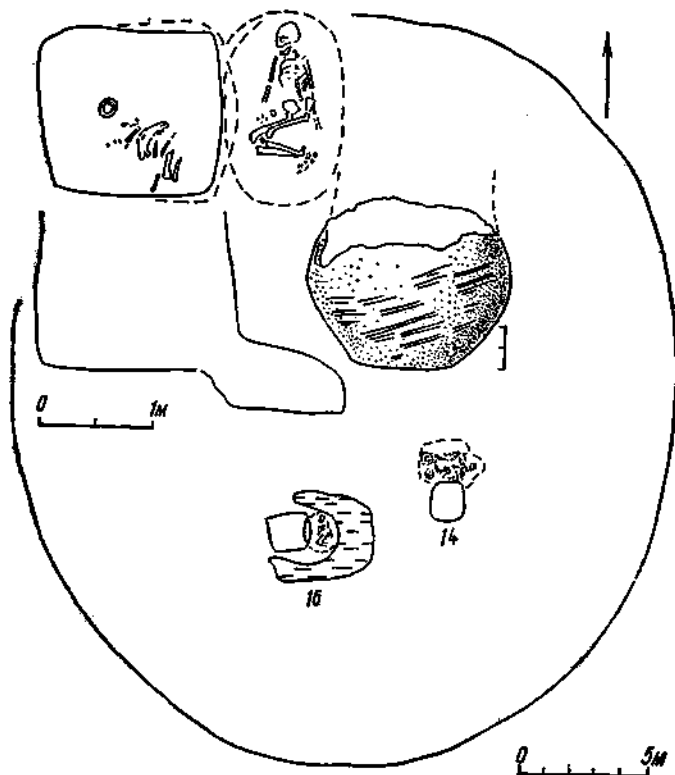

Рис. 48. Курган 11 у хут. Верхнеянченко и погребение 16.

Отдел III. Высокошейные сосуды групп Г, Д.

Группа Г. Сосуды кувшиновидной формы с цилиндрической шейкой (цилиндрошейные, 14 экз.) — вторая после реповидных горшков наиболее распространенная форма керамики маньчских памятников, однако лишь для одного района их распространения — Нижнего Маньча. На Правобережье и Северском Донце эта форма отсутствует, а в Калмыкии встречается реже.

* Обломки от двух сосудов найдены нами в 1961 г. в разрушенном кургане у ст. Мелиховской (хут. Пухляковский). Обломки хранятся в Ростовском музее.

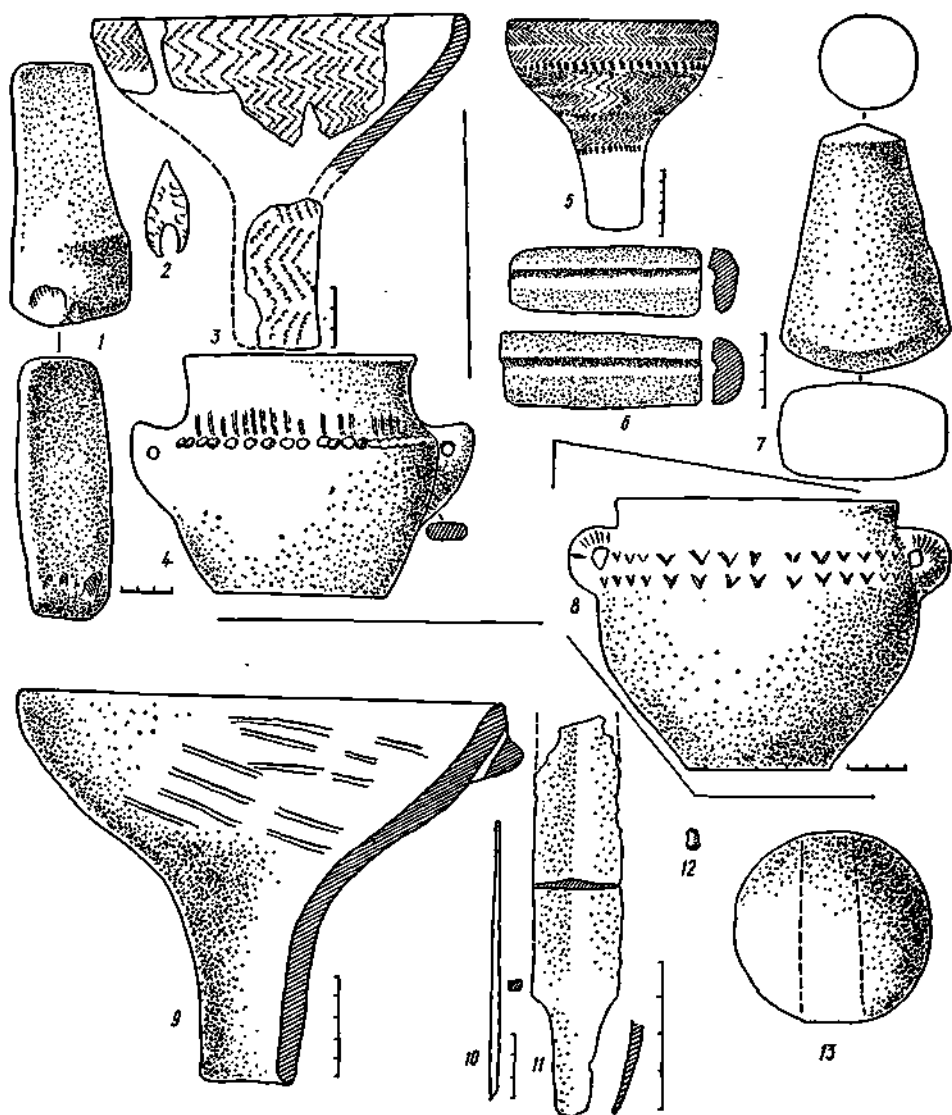

Рис. 49. Погребальные комплексы из курганов у ст. Соленовской:
 1—4 — курган 1, погребение 6; 5—7 — курган 1, погребение 19; 8 — курган 1, погребение 28;
 9—13 — курган 3, погребение 8.

Тип 1 представлен двумя сосудами, украшенными по шейке оттисками однорядного шнура, тип 2 — девятью сосудами без орнамента с округлыми боками и тип 3 — тремя сосудами с ребром в боках (рис. 46, 8; 47, 6, 8 — 13; 48; табл. XXIII, 3, 4). Известно два сосуда типа 2 с валиком в основании шейки (рис. 47, 8, 12).

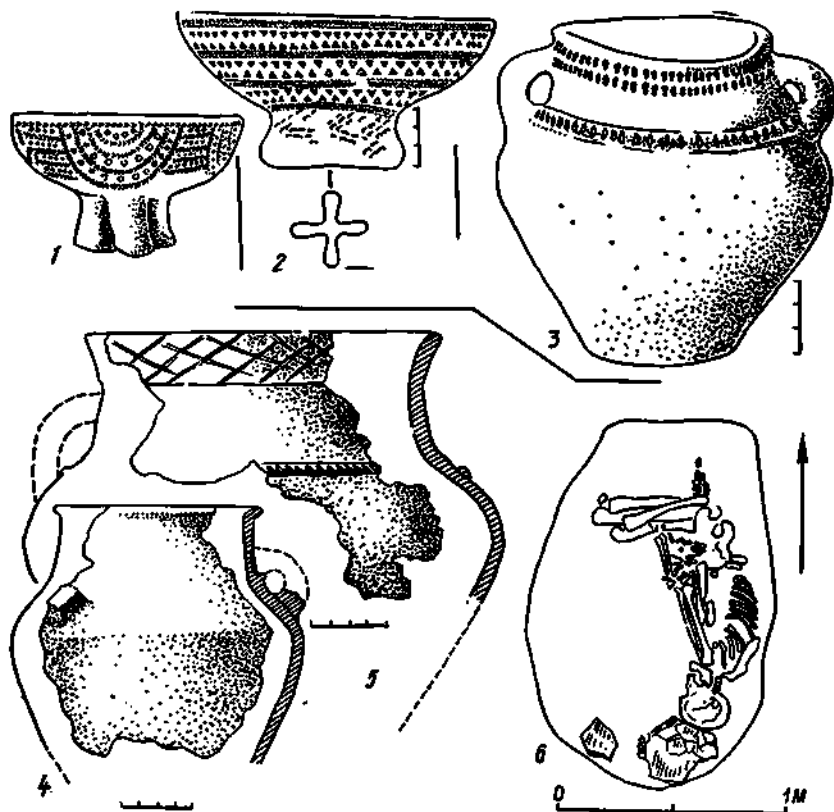

Рис. 50. Курильницы, ажфора и погребение с кувшинами:
1 — Спорный, курган 2, погребение 49; 2 — Солёный, курган 1, погребение 15; 3 — Усьман, курган 1, насыпь; 4—6 — Платонов, разрушенный курган, погребение 1.

Группа Д. Представлена лишь двумя сосудами, аналогичными по форме кувшинам, но без ручек (рис. 8; 51, 5). Встречены только на Левобережье.

Отдел IV. Фляги. К этому отделу условно может быть отнесен фрагмент большого сосуда из погребения у Большого Мишкина с парой глухих ушек (рис. 41, 4), которые встречаются на небольших флягах, в частности, в погребениях с реповидными горшками Донеччины⁷.

Отдел V. Амфоры групп Б, В. К группе Б, тип 2 отнесено две небольшие амфорки горшковидной формы с петельчатыми ручками в верхней части (рис. 49, 4, 8). Орнаментированы поясками из пальцевых и ногтевых вдавлений по плечикам. В группе В две амфоры, по форме анало-

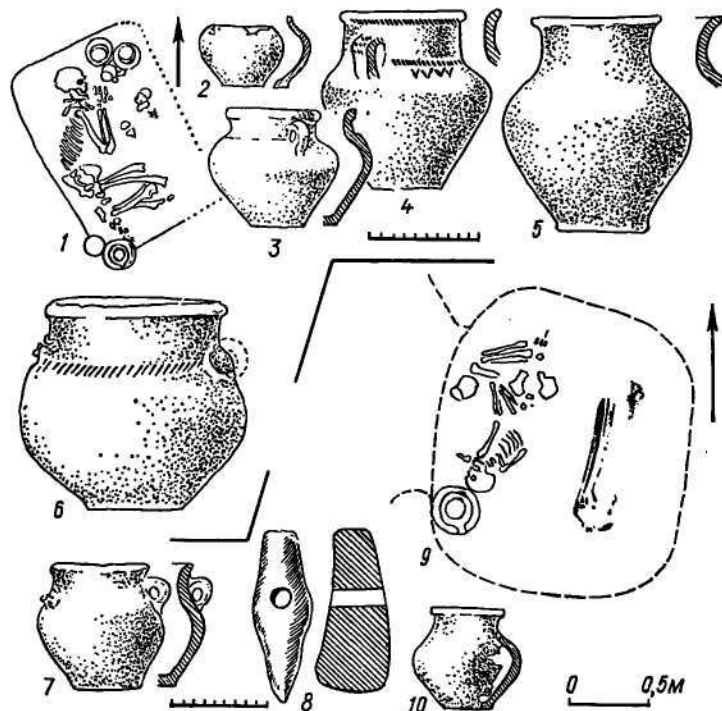

Рис. 51. Погребальные комплексы из кургана 8 у хут. Новый Аксай:

1—6 — погребение 5; 7—10 — погребение 6.

гичные кувшинам, но с двумя ручками (рис. 50, 3). Одна орнаментирована валиковым пояском на плечиках. Все амфоры найдены только на Левобережье.

Отдел VI. Кувшины группы Б (5 экз.). Сосуды с округлым корпусом, с прямым или суженным кверху горлом, к которому прикреплена петельчатая ручка (рис. 50, 4, 5; 51, 3, 4, 6, 7). Орнаментированные образцы украшены валиком, насечками и шнуром в основании шейки.

Как и амфоры, кувшины встречаются только на Левобережье и являются характерной формой керамики культур Северного Кавказа, и, в частности, манычских памятников Калмыкии.

Отдел VII. Миски (2 экз.). В двух погребениях Донского Правобережья в комплексе с реповидными сосудами ободкового типа встречены

две миски. Одна из них относится к открытым мискам с выгнутыми стенками (тип 2 группы А), вторая к закрытым мискам с бортиком (тип 1 группы В). Сосуды украшены отгисками гребня и тесьмы (рис. 43, 9; табл. XII, 4), а один еще и валиком в основании бортика. Как отмечалось выше, подобные миски присутствуют в донецкой и бахмутской керамике.

Отдел VIII. Чаши на поддонах групп А, Г.

К группе А отнесена одна неорнаментированная чаша на круглом поддоне, без отделения из пос. Багаевского (Лысый к., п. 43, табл. XXIII, 3).

Более многочисленны чаши группы Г на крестовидном поддоне, так называемые курильницы (с. Левобережья 11 экз., с Правобережья 2 (?)). Большинство курильниц имеет внутреннее отделение, хотя есть образцы и без него. Ножка у одного экземпляра не крестовидная, а трехлепестковая. По обе стороны от отделения в верхней части стенок встречается по два отверстия, служивших, возможно, для прикрепления чаш⁸ (рис. 45, 4; 46, 9; 1, 2; табл. XXII, 3).

Орнаментированные экземпляры курильниц украшены в шнуровой и прочерченной технике. Важно отметить, что шнуровые узоры зачастую совпадают с орнаментацией донецких сосудов, а также северокавказских и совершенно отсутствуют на иных формах маньчской керамики. Наибольшая концентрация находок курильниц наблюдается на Северном Кавказе, в том числе и на Донском Левобережье.

Воронки. В четырех погребениях Левобережья встречены воронки — редкий тип керамических изделий для эпохи бронзы, известный на этой территории еще в ямной культуре (рис. 49, 3, 5, 9)⁹.

Следует напомнить еще о высоком сосуде с раструбной шейкой, найденном в комплексе с реповидным горшком в с. Койсуг (у Батайска, к. 5, п. 28; рис. 52). Этот сосуд характерен для бахмутской группы памятников.

Помимо глиняных сосудов, известны и деревянные, найденные в четырех погребениях. Четыре из них — низкие сосуды типа чаш. Лучше сохранившаяся чаша или ковш имели отходящую от края ручку в виде выступа (рис. 46, 10). Пятый деревянный сосуд представлял большой поднос или блюдо в форме полудиска с низким бортиком.

Часть чаш была прошита бронзовыми скобами, скреплявшими треснувший сосуд. Для этих целей иногда применялись и заплата из пластинок металла. Деревянные сосуды, зачастую прошитые скобами, весьма характерны для памятников с маньчской керамикой как Калмыкии¹⁰ и Приманьчья, так и Донского Правобережья и Донечины¹¹. Есть они и в Приазовье¹².

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА, КАМНЯ, КОСТИ, ПАСТЫ

Изделия из металла. Изделия из металла встречаются, примерно, в каждой пятой могиле, причем чаще в левобережных памятниках.

По количеству находок на первом месте стоят ножи. Все они с черешком, заостренным на конце для насадки на деревянную ручку. Ручки обычно длиной 5—6 см. Они редко сохраняются, но на черешках и в основании клинка почти всегда заметен древесный тлен. У одного ножа из Большого Мишкина прослежена ручка длиной до 11 см (рис. 41, 6). Хотя ножи, видимо, имели универсальное назначение, в погребении они часто клялись как предметы столового назначения (расположение на костях животных, на деревянном блюде, рядом с сосудом).

Исходя из формы и особенностей функционального назначения, различаются две группы ножей: короткие, у которых весь клинок заострен по краям, и длинные, у которых лишь часть клинка является лезвийной*.

К типу 1 отнесены короткие ножи первой группы («карасики») с широким клинком листовидной или подтреугольной формы (рис. 53, 11, 12; 41, 6; 54, 1, 4).

Тип 2 — длинные («пламявидные») ножи второй группы с сильно расширенной верхней половиной клинка и суживающейся к черешку нижней его частью. Только верхняя половина этих ножей является лезвийной, края нижней тупые (рис. 53, 6—8; 54, 5). У ножей из Спорного и Кудинова лезвийная часть стерлась при работе, и они значительно короче (рис. 53, 4, 5).

Тип 3 представляют длинные ножи («пиковидные») той же второй группы с расширенной верхней третьей клинка, являющейся лезвийной частью (рис. 53, 14—18). К черешку клинок слегка расширяется и создает упор для ручки. Посредине клинка проходит ребро. У одного ножа верхняя часть, видимо, стерлась при работе (рис. 54, 8).

К типу 4 отнесен длинный нож с параллельными краями клинка (рис. 53, 13). Возможно, у него верхняя, несохранившаяся треть тоже была расширена, как это наблюдается у некоторых ножей из погребений Калмыкии и погребений с многоваликовой керамикой Среднего Дона.

Приведенные типы ножей являются характерными для маньчжских памятников и существенно отличаются от подобного рода предметов из погребений донецкого типа. Характерные ножи с сильно расширенной лезвийной частью клинка типологически восходят, вероятно, к привольненским ножам, у которых лезвийная часть лишь слегка расширена вверх, а нижняя половина еще довольно широка. Развитие этой серии ножей шло по линии уменьшения ширины нижней, нерабочей части клинка при ее утолщении и удлинении. Сравнительно небольшие размеры

---

* Здесь привлекаются ножи также из погребений с реповидными горшками Донецчины.

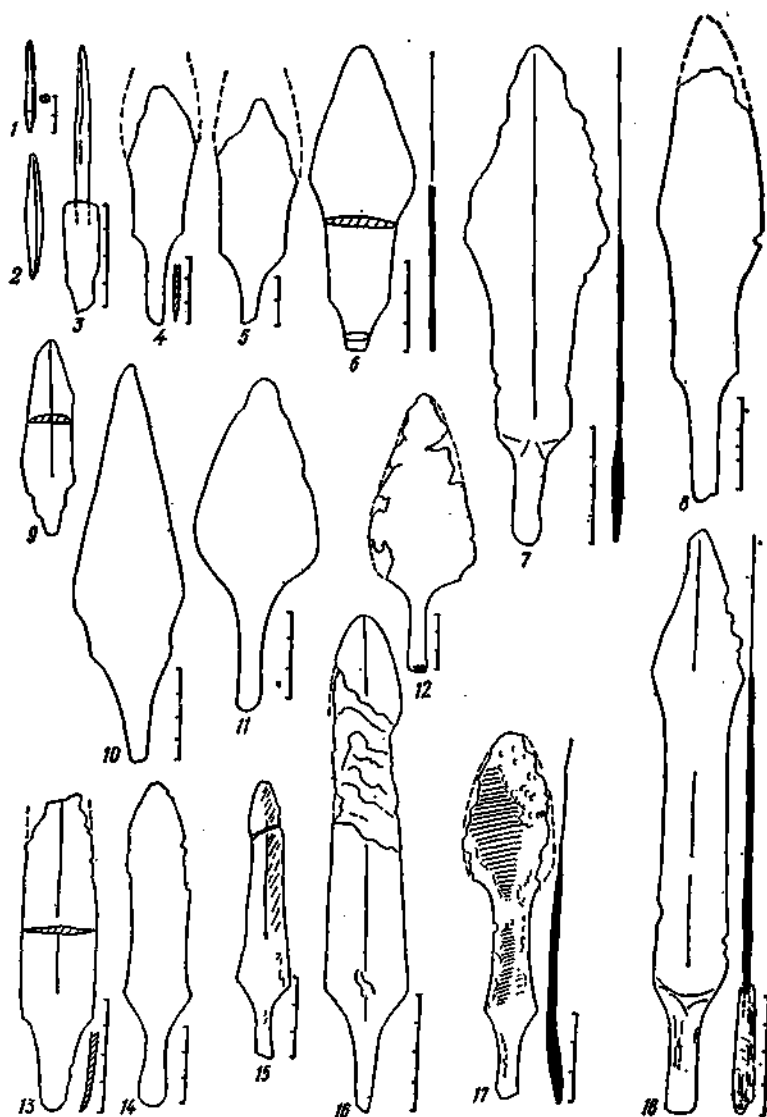

Рис. 53. Шилья и ножи из погребений:

1, 12 — Лысый курган, погребение 19; 2, 5 — Кудинов, курган 1, погребение 9; 3, 14 — Верхне-Янченко, курган 11, погребение 14; 4 — Спорный, курган 2, погребение 49; 6, 7, 18 — Таганрогский музей (7, 18 — Левобережье); 8, 11 — Семикаракорский, разрушенный курган, погребение 9 — Алятув, курган 3, погребение 27; 10 — Кудинов, курган 2, погребение 6; 13 — Солёный, курган 3, погребение 8; 15—17 — Донецчина (Камышевах, 1892 г., курган, погребение 3; 16 — Фовва, 1885 г., курган 8, погребение 4; 17 — Александровск, 1972 г., курган 10, погребение 13).

режущей части у этих предметов указывают, что они являлись одновременно и колющим оружием — кинжалом.

Редкими типами являются два ножа с боковыми выемками в основании клинка. Один из них из Кудинова по низко расположенным выем-

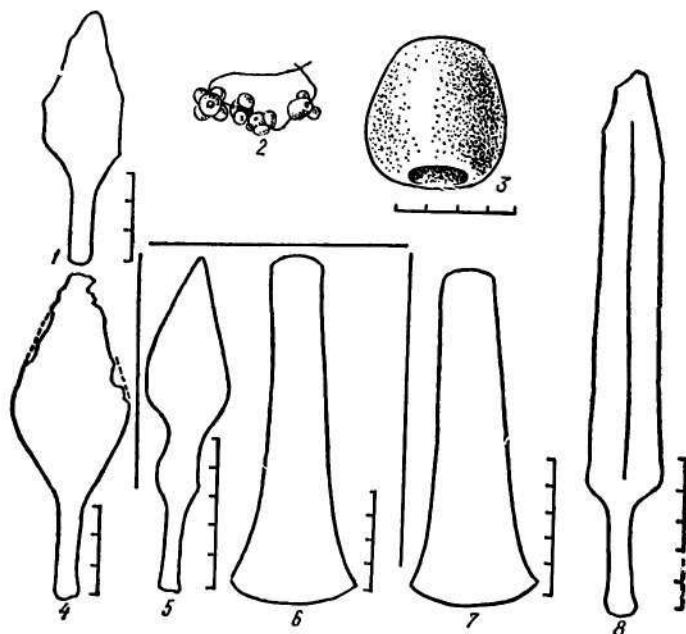

Рис. 54. Изделия из металла (1—4—8), пасты (2), камня (3) из погребений Донского Левобережья:

1 — Ажинов 1, курган 2, погребение 6; 2 — там же, курган 2, погребение 10; 3 — там же, курган 2, погребение 11; 4 — там же, курган 1, погребение 4; 5, 6 — Шахаевская группа курган 10, погребение 10; 7 — там же, курган 3, погребение 5; 8 — там же, курган 2, погребение 12.

кам напоминает срубные ножи с намечающимся перекрестием. Однако по форме клинка он отличается от них (рис. 53, 9, 10).

После ножей в количественном отношении стоят шилья. Это четырехгранные стержни с заостренными концами, один из которых служил для насадки на деревянную ручку, которая нередко сохраняется (рис. 53, 1—3).

В трех погребениях из Нижнего Маныча в состав погребального инвентаря вместе с реповидными сосудами входили тесла и одно долото. Три тесла разных пропорций. В соответствии с типологией А. А. Иессена одно тесло относится к привольненскому типу (рис. 54, 7), второе — к костромскому (рис. 55, 12). Третье орудие длиннее привольненского, но короче костромского и может быть выделено в промежуточный тип (рис. 54,

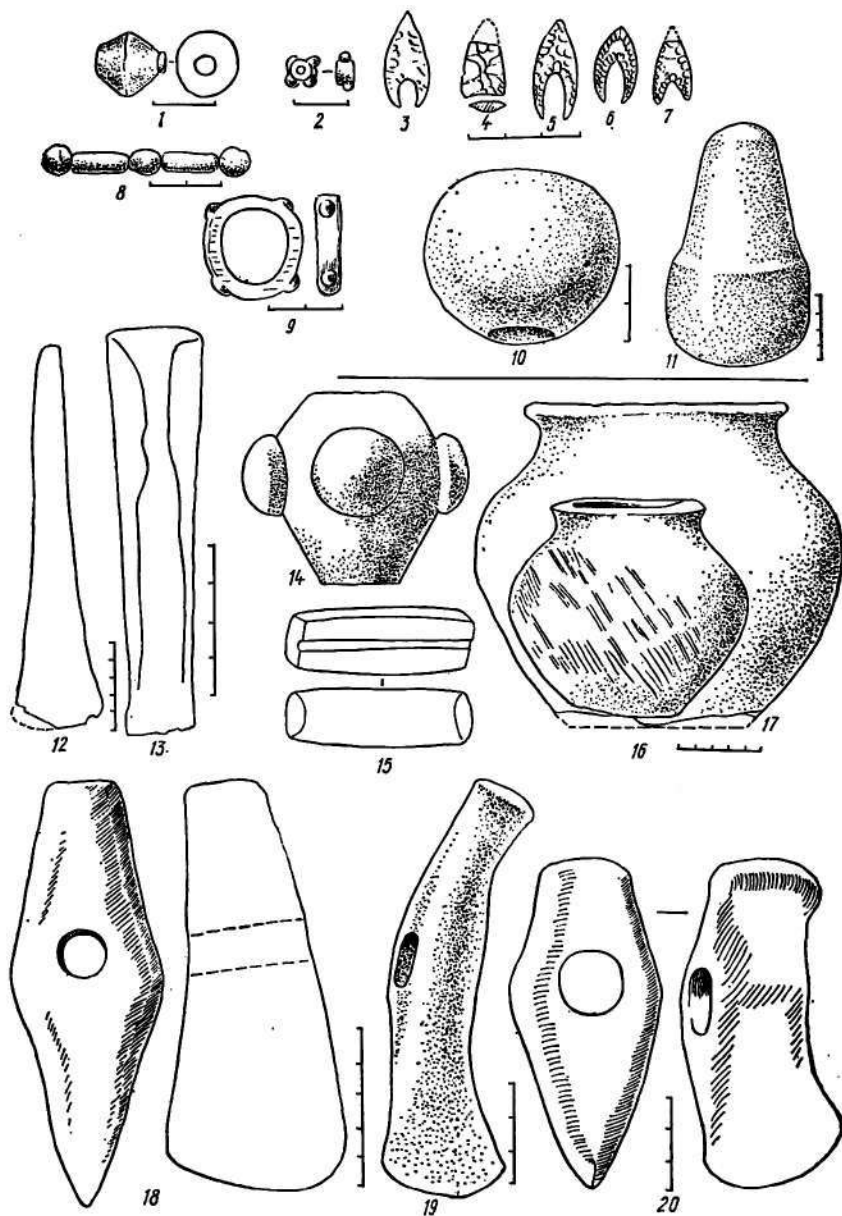

Рис. 55. Изделия из металла (1, 12, 13), пасты (2), кремня (3—7), кости (8, 9), камня (10, 11, 14, 15, 18—20) и реповидные горшки (16, 17):

1 — Верхне-Яиченко, курган 11, погребение 14; 2 — Новочеркасск, 1961 г., курган 1, погребение 1; 3 — Солёный, курган 1, погребение 6; 4 — Лысый курган, погребение 38; 5—7 — Фрунзе, 1965 г., курган 8, погребение 4; 8 — Семикаракорский, разрушенный курган, погребение; 9 — Ливенцовка, курган 1, погребение 16; 10 — Кудинов курган 1, погребение 9; 11 — Лысый курган, погребение 19; 12—13 — Алитуб, курган 3, погребение 26; 14—16 — Луганск, 1929 г., курган 1, погребение 20; 18 — Новый Аксай, курган 8, погребение 6; 19 — Луганск, 1927 г., курган, погребение 3; 20 — Ростов-на-Дону, Западный, курган 5, погребение 6.

6; у него $L/B=3$, $B_1/B_2=2,4$) *. Оно аналогично теслу из Волгограда (бывший Царицын, 1905 г., п. 2). Долохо с боковыми захватами для ручки представляет привольненский тип (рис. 55, 13).

Металлические украшения крайне редки. Лишь в одном погребении найдена биконическая бусина и сильно окислившиеся остатки пронизки (рис. 46, 3; 55, 1).

Изделия из камня. Изделия из камня — довольно частая категория находок в погребениях Левобережья и редкая в катакомбах Правобережья, а также Северского Донца. Среди них численно преобладают орудия производственного назначения: песты, терочники, плитки для растирания, точильные бруски (рис. 49, 1, 7; табл. XVIII, 1; рис. 55, 11). Встречены пара песчаниковых образцов, так называемых выпрямителей древков стрел, и привязной молот с сильно сработанным рабочим краем, на котором при химическом анализе обнаружены следы руды (рис. 46, 11). **. Таким образом, молот использовался для дробления руды или расковки металла. Возможно, и часть пестов имела подобное назначение, так как их нередко находят с предметами, связанными с металлообработкой¹³.

Боевые топоры представлены двумя экземплярами: удлиненным с узким обушком и широким лезвием (рис. 55, 18) и коротким изогнутым в профиле, с расширенным лезвием, являющимся производным от гладких топоров кабардино-пятигорского типа (рис. 55, 20)¹⁴. Из территории Донеччины происходит один гладкий топор из змеявика третьего бородинского типа, найденный в комплексе с реповидными горшками¹⁵ (рис. 55, 19).

Навершие булавы шаровидной формы (2 экз.) и овальной (1 экз., рис. 55, 10; 54, 3). Шаровидные навершие бытуют на протяжении всего бронзового века, овальные известны лишь в памятниках заключительной поры средней — начале поздней бронзы. Овальный корпус наверший характерен и для большинства булавы с выступами, особенно распространенных на Северном Кавказе. Подобное овально-усеченное или грушевидное навершие с выступами найдено на Донеччине в комплексе с сосудами, представляющими местную разновидность реповидных горшков (рис. 55, 14—17).

Кремневые наконечники стрел встречены лишь в двух погребениях (2 экз.). Они треугольной формы, один с ровным основанием, второй — с выемчатым (рис. 55, 3, 4). Погребения Донеччины дали лишь один комплекс с наконечниками: треугольно-выемчатыми и редкими для Подонья образцами сердцевидной формы с глубокими выемками и тонкими «усиками» (рис. 55, 5—7) ***. Последние особенно характерны для культур Кавказа.

* L — длина тесла, B₁ — ширина лезвия, B₂ — ширина пятки.

** Определение С. А. Семенова и Н. Ф. Коробковой в лаборатории первобытной технологии ЛО ИА АН СССР.

*** Пос. Фрунзе Ворошиловградской обл., к 8, п. 4, раскопки И. А. Пислария 1966 г.

К костяным изделиям относится кольцо с четырьмя выступами (рис. 55, 9) и бусы цилиндрической, биконической и боченковидной формы (рис. 55, 8). Очень важными представляются находки пастовых белых бусин в форме короткого цилиндра с четырьмя (одна с двумя) выпуклостями (рис. 54, 2; 55, 2). Подобные бусы также весьма характерны для кавказских культур средней и поздней бронзы. Близкие по форме бусины встречены и на Северском Донце с керамикой бахмутского типа¹⁸.

В заключение обзора вещественных материалов необходимо отметить некоторую стилистическую общность, проявляющуюся в подчеркнуто рельефном декоре предметов различных категорий. На керамике это налпные валики, глухие воротнички — жабо вокруг устья, ушки; в камне, кости и пасте — полусферические выступы (навершия булав, кольцо, бородавчатые бусы). Эти стилистические особенности характерны и для группы памятников бахмутского типа, поздних северокавказских, а также для иных культурно-территориальных групп позднекатакомбного времени.

* * *

Рассматриваемая группа памятников Нижнего Дона заметно отличается от двух других нижнедонских групп. Основное своеобразие их заключается, в первую очередь, в формах керамики, типологически близкой сосудам из погребений Приманычья. Однако выясняется, что керамика манычских типов распространена шире эпонимной территории, что значительно расширяет круг сопоставимых памятников. Наиболее компактно они сосредоточены от восточного побережья Азовского моря до Прикаспия и Нижней Волги, включая все Донское Левобережье. Южной границей является р. Терек¹⁷, район верховий рек — Кумы¹⁸ и Кубани¹⁹, где, однако, основная масса погребений относится к различным северокавказским группам. К северу от Дона погребения с манычскими реповидными сосудами есть на Донеччине²⁰, к западу они встречены в Приазовье, Поднепровье (до Днепропетровска)²¹, степном Крыму*. Самые северные находки этих сосудов сделаны на р. Оскол (район Купянска)** и в Поволжье выше Волгограда²².

Частота встречаемости погребений данного типа в разных районах может быть выражена отношением их количества к числу всех среднебронзовых погребений. Для Калмыкии это будет отношение близкое к 0,8, для Левобережья, включая и низовья Маныча 0,4 (35 погребений к 88), для Правобережья 0,12 (16 погребений к 130), для Донеччины 0,17 (17 погребений к 100)***. В Поднепровье-Приазовье известно около

* Ильичево, к. 1, п. 2. Раскопки А. М. Лескова, 1961 г.

** Дореволюционные (студенческие?) раскопки П. П. Ефименко в бывш. Купянском уезде. Сосуд хранится в Эрмитаже, № 1190/9.

*** Для Калмыкии взяты погребения только Лолинского могильника I, II и Архаринского (раскопки И. В. Сеницына 1961—1963 гг., 40 курганов эпохи бронзы). Общее количество среднебронзовых погребений этой выборки около 90, манычского типа около 70. В число последних не включены погребения в насыпи с костями на левом боку, обычно без инвентаря (их около 40), культурная атрибуция которых не-

10 таких погребений, по-видимому, более, чем на 200—300 катакомбных могил.

Таким образом, Нижний Дон вместе с Донеччиной относится к районам с довольно заметным распространением маньчского культурного комплекса. Как и следовало ожидать, в различных районах этот комплекс проявляется по-разному и не все его слагаемые одинаковы. Уже сопоставление памятников Донского Левобережья и Калмыкии показывает, что они неоднородны и относятся к двум группам, что совершенно справедливо отметил А. Н. Мелентьев²³. В целом, с учетом более северных районов в маньчском культурном круге выделяется четыре основных группы: элистинская, нижнеманьчская, ростовско-луганская (Донское Правобережье и Донеччина)*, приазовско-днепровская.

Для элистинской группы в погребальном обряде характерны катакомбы с квадратной и прямоугольной шахтой с камерой под длинной стенкой, простые ямы и ямы с заплечиками; скороченное положение костяка на левом боку и довольно обильное погребальное приданое. Важно отметить, что во многих погребениях у костяков ноги согнуты под прямым и острым углом, а руки протянуты к лицу.

Состав керамического комплекса разнообразен и самый богатый: реповидные (нередко с ручками) и чугунковидные горшки, кувшины, амфоры, цилиндрошейные сосуды, курильницы. По керамике эта группа близка к северокавказской культуре, в особенности к ее восточному варианту (здесь и скороченные костяки на левом боку)²⁴. Территория элистинской группы — Приманьчье, Калмыкия и Северо-Западное Прикаспие между Волгой и Тереком. На Донском Левобережье к этой группе может быть отнесено не менее десяти погребений. Три из них кенотафы в ямах, остальные в катакомбах и простых ямах с костяками на левом боку. Особенностью этих погребений является то, что они сопровождалась в основном кувшинами, амфорками, курильницами, воронками. Только в двух погребениях находились реповидные горшки и лишь в одном из них в комплексе с кувшином (рис. 52).

Более многочисленны на Левобережье погребения, относимые нами к нижнеманьчской группе (большинство их в районе низовий р. Маньч). Все они устроены в катакомбах (шахты квадратные, прямоугольные с катакомбой под длинной стенкой, четыре круглые и овальные, рис. 11), костяки находятся на правом боку, а не на левом, как в элистинской группе. Керамический комплекс представлен только реповидными горшками, курильницами, цилиндрошейными сосудами, одной воронкой. В одном погребении вместе с реповидным горшком встречен среднедонской, бахмутский сосуд (Койсуг, к. 5, п. 28, рис. 52). Большинство реповидных

ясна. В общее число погребений включаются только культурно-определимые. Для отдельно взятого района низовий Маньча отношение будет больше — 0,62 (30 к 47). Для Правобережья учитывается разрушенное погребение из ст. Мелиховской (хут. Пухляковский).

* Большинство погребений из курганов в районе Ростова-на-Дону и на р. Лугань (приток Северского Донца).

горшков относится к ободковому типу, наиболее характерному для маньчжурской керамики. Только один горшок бесшейный с глухим воротничком-жабо (Алитуб, к. 3, п. 6), а два украшены прорезанными треугольниками.

Таким образом, по типам катакомб нижнеманьчжурская группа близка элистинской и бахмутской группам, а по положению костяка — донецкой и бахмутской. В отношении керамики большая связь обнаруживается с элистинской группой.

Ростовско-луганская группа характеризуется исключительно катакомбными сооружениями (с доминированием катакомб с круглой и овальной шахтой), скорченным положением костяка на правом боку (только два на левом) и очень обедненным составом керамического комплекса. В нем из маньчжурских форм присутствует только реповидный горшок и, по-видимому, курильница, не получившая, однако, здесь большого распространения. Остальные немногочисленные сосуды местного происхождения — они есть в памятниках донецкого и бахмутского типов. Это два фрагмента короткошейных горшков, две миски на крутых поддонах и фрагмент сосуда с «глухими» ушками. На Донеччине к этим типам прибавляется еще две фляги с «глухими» ушками и три фрагмента бахмутских среднедонских высоких сосудов с раструбной шейкой (рис. 71) *.

Реповидные сосуды ростовско-луганской группы более разнообразны, чем в южных группах. Кроме горшков с венчиком в виде ободка, наиболее характерными для Левобережья и Калмыкии здесь доминируют оригинальные бесшейные сосуды с прямым и утолщенным краем в виде «глухого» воротничка — «жабо». Эти сосуды по сравнению с элистинскими имеют более богатую орнаментацию, состоящую помимо валикового пояса еще из зоны пальцевых вдавлений вокруг устья, валиковых зигзагов, треугольников. На Донеччине есть реповидные горшки со шнуровой и прорезанной «елкой». Отличия наблюдаются также в пропорциях и обработке сосудов. Некоторые образцы становятся стройнее ($H : D_b = 0,7-0,8-0,87$, вместо отношения $0,5-0,6$, характерного для серии реповидных горшков), у ободковых горшков удлиняется шейка, поверхность многих сосудов покрыта расчесами гребня. Таким образом, в реповидных горшках Правобережья и Донеччины сказывается влияние местной керамической традиции, восходящей к донецким и бахмутским памятникам. К этим же памятникам восходит и погребальный обряд (типы катакомб и скорченное положение костяков на правом боку) и некоторые типы керамики.

Для приазовско-приднепровской группы характерны поздние типы катакомб с круглой или овальной шахтой (есть и одна яма), скорченное на правом боку и вытянутое положение костяка, бесшейные (простые и воротничковые) и ободковые реповидные сосуды, чаще всего без орнамента. Только два горшка украшены валиковым пояском и один шнуровыми треугольниками вершиной к устью. В комплексе с реповидным сосудом найден один приземистый горшок местного типа. Таким образом,

* Два из них из раскопок Северскодонецкой экспедиции 1971—1972 г.

в погребальном обряде данной группы отчетливо проступает связь с местными позднелатенскими памятниками, менее выраженная в керамике.

Сопоставление приведенных четырех групп показывает, что общим элементом в них выступает реповидный сосуд. В каждой группе присутствует тип ободкового реповидного горшка и группа бесшейных горшков той же формы. Из числа последних в северных трех группах вырабатывается своеобразный тип горшка с глухим воротничком-жабо, отсутствующий в элистинской группе. Остальные типы керамики в каждой группе местного происхождения. Также местными оказываются погребальные сооружения и способ погребения. Аналогичная картина наблюдается и в других периферийных районах, где есть единичные погребения с реповидными сосудами, — на Кубани, Тереке, в Поволжье.

Таким образом, между рассматриваемыми памятниками обнаруживается лишь частичное сходство: совпадение (полное) одного-двух типов сосудов. Хотя оно и проявляется в очень важной стороне археологической культуры — керамике — однако становится очевидно, что эти памятники не могут составлять одну культуру, а образуют лишь круг с распространением одного родственного явления.

Вероятно, только элистинскую группу можно отождествлять с культурой, хотя не исключено, что при дальнейших исследованиях она может оказаться лишь поздним этапом развития одной из северокавказских культур северо-восточных районов Предкавказья. Не подлежит сомнению, что комплекс этой культуры складывается на основе предшествующих северокавказских памятников, которых много в Приманчье²⁵ и которые нередко включаются без разграничения в число памятников маньчской (предкавказской) культуры, значительно удревняя возраст последних²⁶. Эти памятники содержат все основные элементы маньчской (предкавказской) культуры. Отсутствует в них только реповидный сосуд.

Культурная интерпретация других групп, прежде всего нижнеманьчской и ростовско-луганской, в значительной степени зависит от того, как будет решен вопрос о происхождении реповидных сосудов. М. И. Артамонов полагал, что эти характерные сосуды восходят к репообразным горшкам ст. Новосвободной²⁷, что сейчас, учитывая большой хронологический разрыв между новосвободненскими и маньчскими памятниками не может быть принято. Т. Б. Попова связывает их происхождение с северокавказскими древностями, считая, что они типичны для северокавказской культуры²⁸. Это отрицает В. И. Марковин и предлагает искать их истоки в степях Северного Причерноморья²⁹. А. А. Иерусалимская связывает этот тип сосудов с маньчскими (предкавказскими) памятниками, не касаясь вопроса об их сложении.

В выяснении этого вопроса в первую очередь необходимо установить, для какой территории они наиболее характерны, где часто встречаются. Выше мы приводили частоту встречаемости погребений с реповидными сосудами для Донского Правобережья, Донеччины (0,12; 0,17), Приазовья — Поднепровья (в отношении ко всем среднебронзовым захоронениям). Ясно, что здесь они встречаются реже, чем в более южных райо-

нах. Однако и в пределах ареала северокавказской культуры (по В. И. Марковину) их мало: три сосуда на 270 погребений этой культуры (по материалам последних раскопок в верховьях Кубани два сосуда на 60 погребений)³⁰.

В Волго-Донском Междуречье, в основном в Приманычье по данным В. А. Фисенко на 1964 г. обнаружено 52 таких сосуда*. Однако для нас важно установить частоту их встречаемости для отдельных районов Приманычья. Для района Элисты с наибольшей концентрацией маньчских памятников (0,8, т. е., 73 : 90 погребениям Лолинского и Архаринского могильников, 1961—1963 гг.) эта частота будет равна 0,15/14 погребений с реповидными сосудами к 90 данной выборки. Для района Нижнего Маныча с несколько меньшей концентрацией маньчских памятников (0,62, т. е., 30 : 47 погребениям) частота встречаемости погребений с реповидными сосудами будет больше и равна 0,21 (10 : 47 погребениям). К югу от Элисты реповидные сосуды встречаются еще реже. При раскопках на р. Восточный Маныч (60—70 км к югу от Лолинского могильника) в более чем ста раскопанных курганах эпохи бронзы обнаружено всего четыре погребения с этими сосудами.

Итак, реповидные сосуды наиболее часто встречаются в одном из районов Донского Левобережья — на Нижнем Маныче. Частота находок их убывает к северу и югу, к западу и востоку от этой территории. Таким образом, Нижний Маныч представляется как центр сложения этих сосудов. Этот район в эпоху бронзы являлся зоной стыка степных северных культур с культурами Северного Кавказа. В период средней бронзы маньчским памятникам здесь предшествовали памятники донецкого типа и менее распространенные северокавказские. Позже на этой территории выступают три типа памятников — нижнеманьчские и бахмутские, тесно связанные с предшествующими донецкими, и элистинские, восходящие к северокавказским. Морфологически горшок реповидной формы чужд донецким сосудам. Здесь не характерны приземистые формы с сильно выгнутыми боками и, что не менее важно, подчеркнутое оформление устья сосуда в виде утолщенного или отогнутого наружу венчика. Однако эти черты особенно ярко проступают в северокавказской керамике (приземистые горшки со шнуровой орнаментацией, кувшины с раздутым туловом), как и характер поверхности реповидных горшков (гладкой, желтоватой для сосудов Приманычья). Вероятно, эти формы и послужили прототипами для выработки на Нижнем Маныче (а может быть, вообще в Приманычье) характерных реповидных горшков, тем более, если учесть, что керамический комплекс предшествующих памятников донецкого типа здесь был сильно обеднен и представлен лишь одним короткошейным горшком. Таким образом, эта неполнота комплекса открывала возможность для его пополнения, однако не за счет принятия готовых форм из окружения,

---

* Количество всех среднебронзовых погребений установить здесь трудно: материалы изданы не полностью.

а путем их переработки в соответствии с местной традицией. Архаическая, традиционная сторона археологической культуры в определенной степени сдерживала простое усвоение «чужих» элементов. Так, на одной и той же территории нижнеманычская и элистинская группы «держатся» с известной изолированностью (рис. 52). Первая группа не принимает кувшины и амфору, как чуждые сосуды с ручками, однако усваивает их формы и перерабатывает в цилиндрические безручные сосуды. Во второй группе заметно «упорство» в принятии реповидного горшка. В погребальном обряде они не смешиваются: в погребениях первой группы кости, как и раньше, находятся на правом боку, во второй — на левом.

Итак, районом сложения новой керамической формы выступает контактная зона — Нижний Маныч. Это представляется весьма вероятным, если принять во внимание, что возникновение новых явлений часто происходит именно в таких зонах вследствие контактов населения. С этим последним обстоятельством связано и дальнейшее распространение реповидных сосудов, наиболее заметное в Калмыкии, на Донском Правобережье и Донеччине. Свидетельством оживленных культурных контактов в позднекатакомбное время на Нижнем Дону и Донеччине являются бахмутские памятники, представляющие смешанный тип культуры, состоящий из двух трансформированных компонентов — донецкого и среднедонского. Эти памятники, как отмечалось выше, есть и на Донском Левобережье. Заслуживают внимания уже неоднократно сделанные находки бахмутской керамики с ярко выраженными среднедонскими чертами в комплексах с реповидными сосудами, причем в различных районах их ареала — на Левобережье и Правобережье, на Донеччине, на Волге³¹. Также на некоторых реповидных сосудах этих территорий и Поднепровья* изредка встречается орнамент в виде треугольников вершиной к устью или паркетных композиций, т. е. узоров среднедонского облика.

Отсюда следует вывод об имевшем место контакте населения, оставившем бахмутские и манычские памятники и, может быть, об особой роли первых в столь широком распространении реповидных сосудов. Если появление погребений манычского типа на Правобережье, Донеччине, Приазовье — Поднепровье, Волге связывать с миграцией, то исходным пунктом ее может быть Донское Левобережье с Нижним Манычем. Именно нижнеманычская группа наиболее близка по погребальным сооружениям и способу погребения северным группам — ростовско-луганской и приазовско-днепровской. Однако и при таком решении налицо несомненная роль бахмутских памятников, как оставленных тем населением, в окружении которого двигались иммигранты и чье влияние на них сказалось в сильной степени.

Итак, памятники нижнеманычской и ростовско-луганской групп представляют весьма сложное культурное образование, появившееся на Ниж-

---

* Сосуд из с. Саксагань на Днепропетровщине, Днепропетровский музей им. Д. И. Яворницкого.

нем Дону и Донеччине в позднекатакомбное время. Они, как и бахмутские, характеризуются смешанным обликом культурного комплекса, в котором одинаково выступает и местная имманентная подоснова и нововведения на почве чужеродных заимствований из среды, тяготеющей к более южной области. Интересы дальнейшего изучения эпохи средней бронзы требуют, безусловно, дифференцированного рассмотрения их. Присоединение этих памятников к одной из известных культур (маньчской, донецкой или к бахмутской группе) скрадывало бы их специфику и обедняло бы происходящие процессы в позднекатакомбное время.

ПАМЯТНИКИ МНГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

Особую культурную группу средней бронзы Нижнего Дона составляют памятники, характеризующиеся своей специфической керамикой с многоваликовой и прочерченной орнаментацией. Открытые еще в конце XIX — начале XX вв. в Поднепровье и на Среднем Дону, они долгое время не обращали на себя пристального внимания исследователей и оставались непонятными. Не вошли эти памятники в периодизацию бронзового века Восточной Украины, построенную В. А. Городцовым на материалах раскопок северскодонецких курганов, в которых погребения с многоваликовыми сосудами отсутствовали. Позднее их стали присоединять к катакомбной культуре. Вначале это осторожно сделал Г. В. Подгаецкий¹ при первом опыте систематизации материалов бронзового века Среднего Дона. Позже О. А. Кривцова-Гракова² и Т. Б. Попова³ стали их характеризовать как позднекатакомбные и рассматривать без размеживания вместе с остальными памятниками со шнуровой керамикой. Иначе стали рассматривать эти памятники после проведения специальных исследований. Раскопками в 50-х годах поселений Бабино III на Нижнем Днепре⁴ и Волынцево на Сейме⁵ были впервые получены материалы, давшие надежное представление относительно характера культуры памятников с примечательной валиковой орнаментацией керамики. Выяснилось, что они существенно отличаются от катакомбной культуры и представляют какое-то новое культурное явление в бронзовом веке Украины.

Вскоре С. С. Березанская пришла к выводу о принадлежности их к самостоятельной культуре⁶. Она выделила поселения этой культуры, дала первую сводную характеристику, обосновала ее самостоятельность и присоединила к ней отдельные курганные погребения⁷.

Помимо этих двух основных интерпретаций памятников, третье определение их культурной принадлежности было дано Б. А. Латининым⁸. Он

склонен усматривать в них не катакомбную и не отдельную культуру, а «украинский» вариант срубной, который складывается на основе катакомбных памятников (а не в результате миграции срубных племен Поволжья, как это принято).

Позже нами был значительно расширен ареал этой культуры и определено ее место среди других культур⁹. В частности, было показано, что

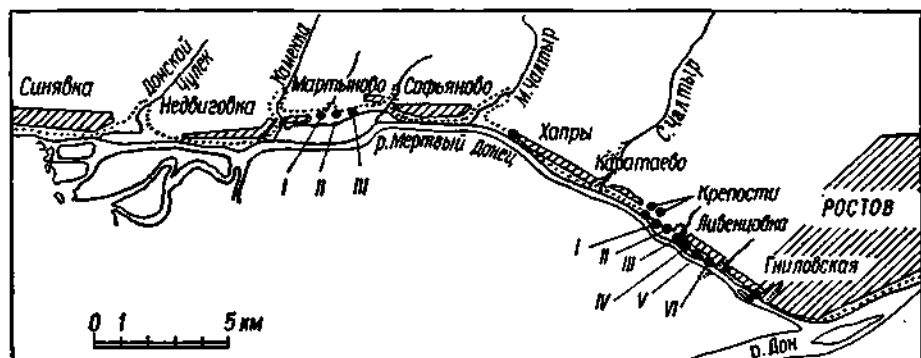

Рис. 56. Карта поселений медно-бронзового века в низовьях Дона (по материалам Ливенцовской экспедиции).

памятники этой культуры есть и на Нижнем Дону, где они открыты благодаря работам Ливенцовской экспедиции в 1962—1964 гг.¹⁰

Рассматриваемые памятники представлены на Нижнем Дону только поселениями. Среди обильных курганных захоронений пока не удается выделить погребения, которые с достоверностью можно было бы относить к культуре многоваликовой керамики. Это указывает или на недостаточность имеющихся критериев для их выделения (погребений этой культуры вообще известно мало) или на наличие грунтовых могильников вблизи поселений, которые еще не найдены. Аналогичная ситуация до недавнего времени была и на Донеччине, пока И. А. Писларий не открыл захоронения с сосудами многоваликового типа в срубах и не поставил вопрос о принадлежности погребений в срубах с западной ориентацией погребенных к культуре многоваликовой керамики (а не к раннесрубной, как это понималось со времен исследований В. А. Городцова)¹¹. Однако и поселения выявлены и изучены еще крайне слабо. Только на одном из них — Ливенцовке I — производились раскопки. Всего на Нижнем Дону известно 16 пунктов с находками многоваликовой керамики, приуроченные к низким террасам или возвышениям в пойме.

1—9. Ливенцовка I, V, VI, Каратаево, Гниловская (вблизи известного Гниловского городища, рис. 56)¹², бугры II, III, VII (дельта Дона, дюны)¹³, Усть-Койсуг¹⁴ (все в низовьях Дона); 10—11. Донской, ст. Бесергеновская (Правобережье, выше Новочеркасска)¹⁵; 12—15. Соленовская, оз. Сусарево¹⁶; Верхнекурмоярская, озеро Подовское¹⁷; Потайновский¹⁸;

Рис. 57. Поселение Ливенцовка 1 (внизу,верху на второй террасе Ливенцовская крепость).

Жуков¹⁹ (все на Левобережье, вблизи Цимлянска); 16 — Ляпичев, вблизи известного поселения срубной культуры (излучина Дона)²⁰.

Собранные на этих пунктах находки ограничиваются немногочисленными обломками керамики. Только материалы раскопок поселения Ливенцовка I являются в некоторых аспектах основополагающими в изуче-

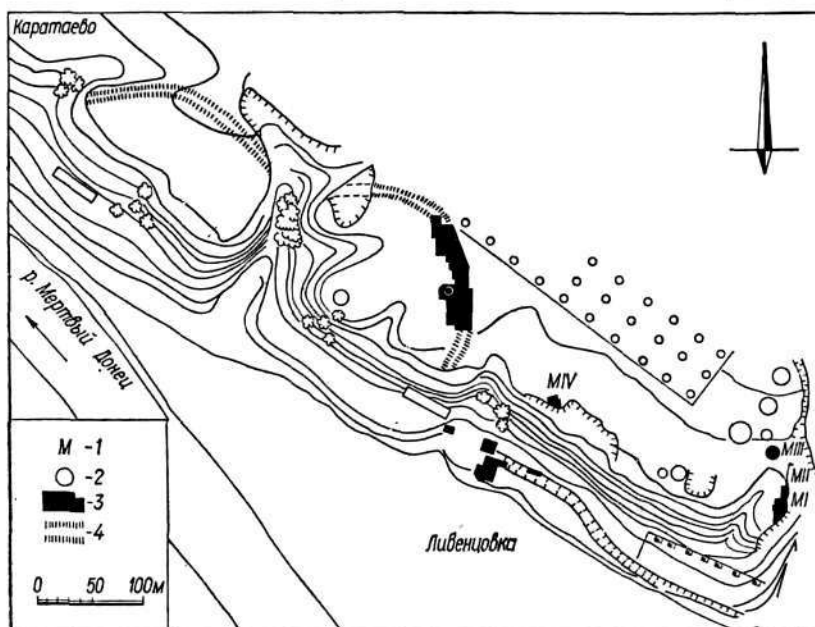

Рис. 58. Общий план поселений у Ливенцовки и Каратаево.
1 — могильники; 2 — курганы; 3 — раскопы; 4 — валы Ливенцовской и Каратаевской крепостей.

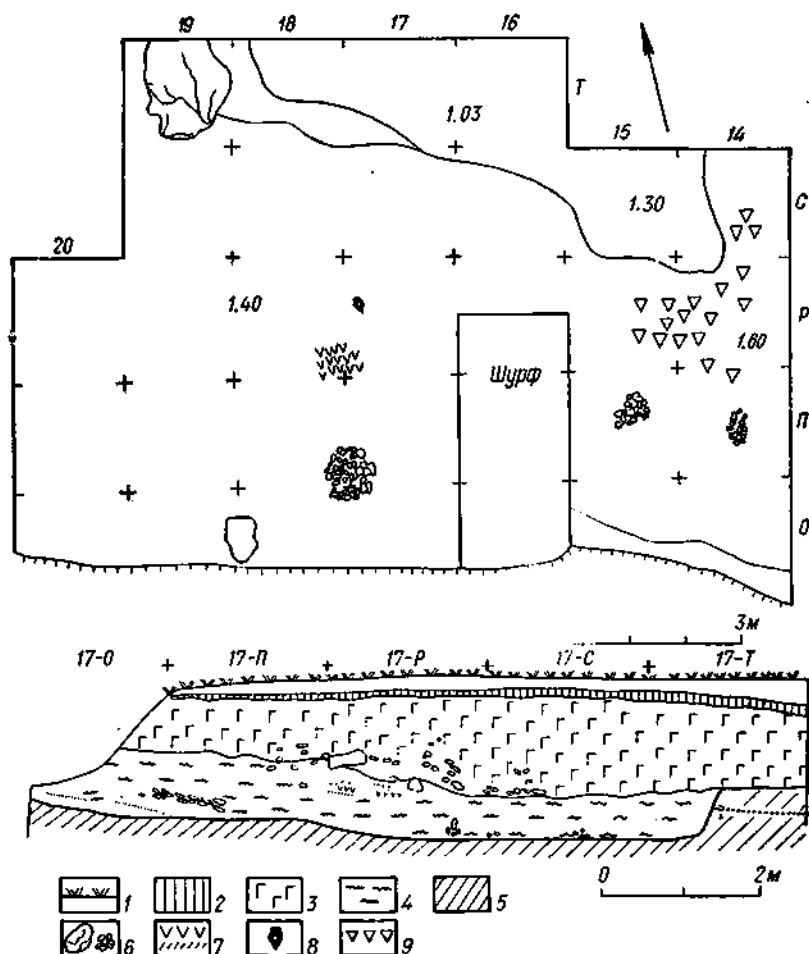

Рис. 59. Участок раскопа поселения Ливенцовка I (слой с многоваликовой керамикой):

1 — выщел из позднего рва; 2 — дерновый слой; 3 — гумусированный грунт со срубной керамикой; 4 — волнистый слой с многоваликовой керамикой; 5 — суглинок с катакомбной керамикой; 6 — камни; 7 — кости рыб и чешуя; 8 — каменный топор; 9 — фрагменты от одного сосуда.

нии культуры. Однако ввиду фрагментарности вещественных находок они не позволяют обрисовать специфику культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону.

Поселение Ливенцовка I занимает участок первой надпойменной террасы, представляющей уступ у коренного берега высотой 2—8 м при ши-

рине 50—80 м (рис. 57; 58). Культурный слой с многоваликовой керамикой (четвертый на поселении) простирается по террасе на 100 м и вглубь до 30 м. Он вскрыт на площади около 180 м² на раскопах I (траншея) и III и IV участках раскопа II. На участках раскопа II его подстилал катакомбный слой, на раскопе I — материковый суглинок. Сверху на всех участках он был перекрыт слоем срубной культуры. Слой представляет серый золистый грунт с прослойками золы, мелких камней, костей рыб и чешуи, раковин *Unio*. Глубина залегания его 1—1,70 м, 1,50—2 м от поверхности, толщина 0,50—0,70 м (рис. 59).

На наибольшем раскопанном участке (III) поселения, площадь которого составляла 120 м², открыт продолговатый котлован, впущенный в слой с катакомбной керамикой. Ширина его около 5 м, длина более 12 м (котлован вскрыт не полностью), глубина 0,50—0,60 м. Заполнением котлована служил серый золистый слой с обильными кухонными скоплениями, состоящими из костей рыб и чешуи, костей животных и обломков керамики. На дне его собраны фрагменты большого сосуда с богатой многоваликовой орнаментацией. Здесь же найдены обломок каменного топора, кремневые наконечники стрел, вкладыши и другие предметы.

Форма, размеры и характер заполнения котлована позволяют видеть в нем остатки большого жилища полуземлячного типа.

На участке IV в слое обнаружено большое скопление створок раковин *Unio* (свыше 300). Полученные вещественные материалы весьма фрагментарны. Керамика представлена обломками. Она характеризуется черным в изломе черепком, серой поверхностью. В глине непременно присутствует примесь песка или толченой ракушки (реже известняка). Черепки с ракушкой желтые или красные у поверхности и черные посредине. Сосуды обрабатывались гребнем, следы которого потом сглаживались почти до полного исчезновения расчесов. Только на редких образцах они местами сохранились. Поверхность большинства обломков гладкая, иногда слегка залощена. Характерной деталью, выделяющей многоваликовые сосуды среди керамики иных культур, является наличие на стенках царапин, образовавшихся от песчинок при заглаживании поверхности.

Яркой особенностью керамики является подчеркнуто рельефный стиль ее орнаментации. Сосуды украшались валиками, пальцевыми защипами и прочерченными линиями. Что касается шнурового и сопутствующего ему гребенчатого орнамента, то он совершенно отсутствует. Валики налепливались отдельно или формировались из слоя глиняной обмазки, накладываемой на поверхность. Нередко сосуды украшались только рядом пальцевых защипов по срезу венчика. Оригинальны также орнаментальные мотивы, состоящие из горизонтальных или вертикальных линий, «елок», треугольников вершиною к устью или зигзага. Совершенно отсутствуют узоры из закругленных линий или кругов. Горизонтальные ряды валиков размещаются обычно на шейке или нижней половине сосуда, треугольники на плечиках, елки на нижней половине. Орнаментированные

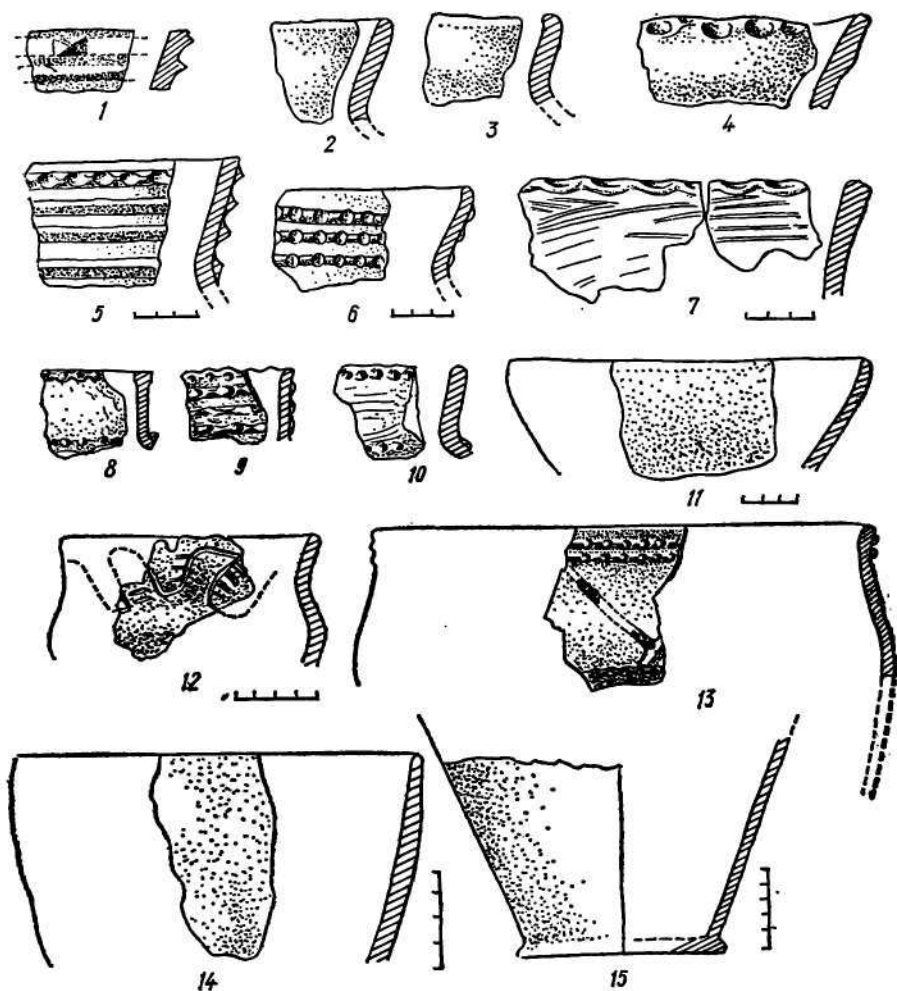

Рис. 60. Многоваликовая керамика. Поселение Ливенцовка I.

сосуды составляют, однако, только часть керамики многоваликовых поселений, вероятно, не более половины *.

По форме керамика разделяется на три отдела.

Отдел I. Небольшое количество обломков, относящихся к короткошейным горшкам со слабовыделенной шейкой и боками (рис. 60, 13).

* Фрагментарность материала не позволяет дать точные и надежные статистические подсчеты. Подсчет ливенцовской керамики по венчикам (замечено на ряде памятников, что если венчики или шейки не орнаментированы, то и весь сосуд лишен

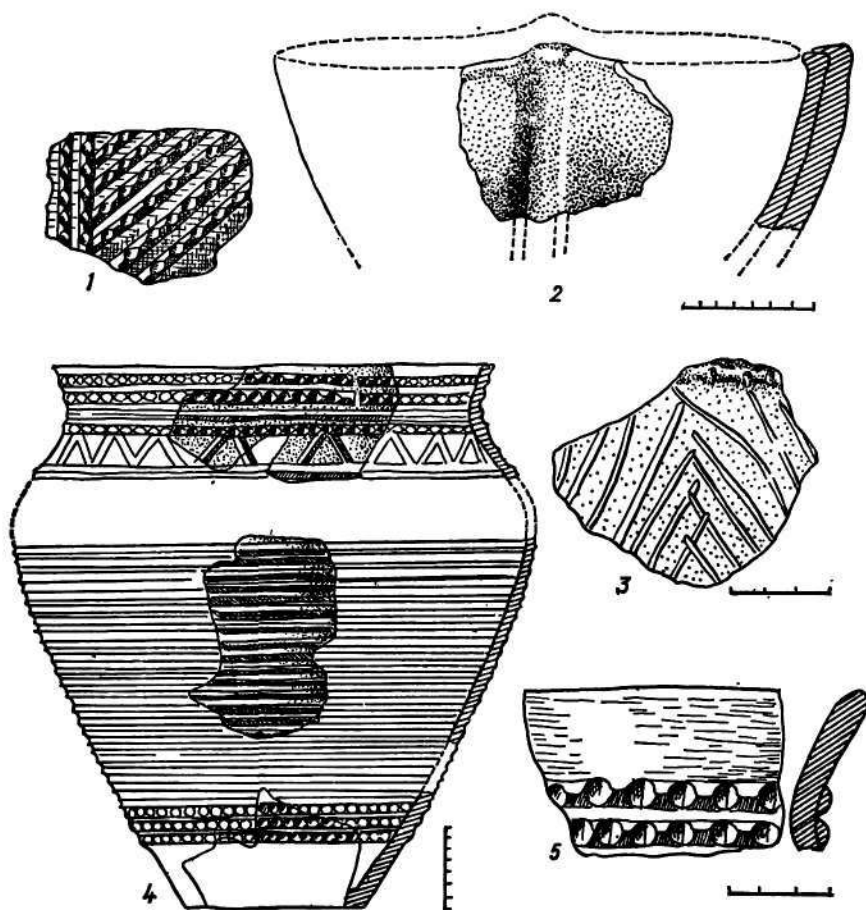

Рис. 61. Многоваликовая керамика. Поселение Ливенцовка I.

Отдел II. Сосуды с выраженной высокой шейкой, судя по целым образцам из других памятников, высоких стройных пропорций. Они имеют высокоподнятые биконические или ребристые бока и слабо выгнутые, почти с прямым профилем стенки нижней половины корпуса.

В зависимости от характера шейки они могут быть разделены на две группы: горшки с прямой или слегка выгнутой шейкой (рис. 60, 3, 7—10, 12) и горшки с резко отогнутой, раструбной шейкой (рис. 60, 1—6; 61, 4, 5). Среди горшков первой и второй групп одна часть без орнамента,

узора) показал, что на долю орнаментированной приходится 40%. Близкая картина и в керамике Бабино III — 50% орнаментированной по нашим подсчетам.

другая украшена лишь пальцевыми заплатами по срезу венчика или в ее основании, третья имеет роскошную многоваликовую орнаментацию, иногда в сочетании с прочерченной. Описываемые сосуды являются наиболее характерными («классическими») в многоваликовой керамике основных районов ее распространения.

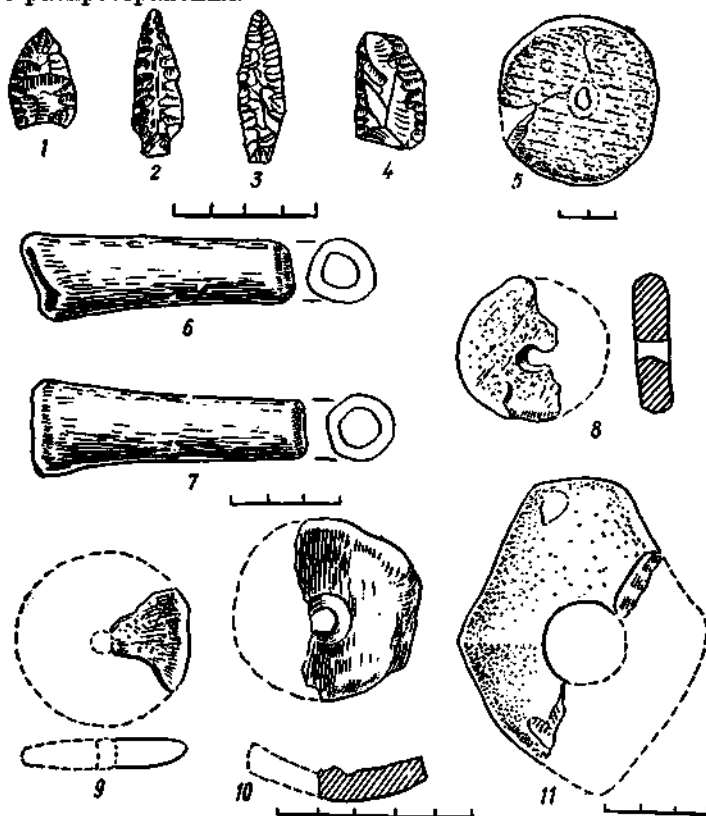

Рис. 62. Предметы из кремня (1—4), кости (6, 7, 10), глины (5, 8, 9), камня (11). Поселение Ливенцовка I.

Отдел III. Миски — низкие небольшие сосуды в форме усеченного конуса — со слабо выгнутыми стенками, с округленным краем, без бортика (рис. 60, 11). Поверхность у большинства экземпляров гладкая, хорошо залощенная. Орнамент на такой форме отсутствует. Один фрагмент миски снабжен массивным вертикальным налепом, выступающим над верхним краем сосуда (рис. 61, 2). В целом миски не столь хорошо известны в многоваликовой керамике. Однако они обнаружены в Поднепровье, на поселении Бабино III. Более простые миски в форме низкой банки со

слабо выгнутыми стенками отмечены на Среднем Дону у с. Кондрашовка²¹. Редкие типы представляют 3 обломка баночных высоких сосудов (рис. 60, 14). К керамическим изделиям относятся 3 плоских кружка с отверстием посредине — колесики или пряслица (рис. 62, 5, 8, 9).

Каменные изделия представлены обломками проушных топоров, пестов, терочников. Из выразительных обломков отметим половину короткого боевого топорика усеченно-ромбической формы со сверлиной в центре (рис. 62, 11). А. Европеус указывал находки таких топоров на юге и юго-востоке, в том числе на Днепре, Северском Донце и Дону²², относя их на основании сосуда из Паркан, входившего в Херсонскую область (предположительно входящего в комплекс с топором) к середине среднекубанского времени. Обломки подобных топоров найдены и на поселении Бабино III²³.

Кремневые находки Ливенцовского поселения не многочисленны и представлены в основном грубыми осколками. В этом отношении культурный слой поселения с многоваликовой керамикой близок катакомбному и позднебронзовым поселениям. Совершенно отсутствуют традиционные орудия — скребки, ножи. Аналогичная картина наблюдается и на других поселениях, характеризующихся многоваликовой керамикой. Так, на поселении Бабино III и Волинцево (р. Сейм) из кремневых орудий найдены только наконечники стрел и дротиков.

Раскопки Ливенцовского поселения также дали только наконечники стрел и один кремневый вкладыш серпа (рис. 62, 1—4). Из четырех наконечников стрел один относится к короткому подтреугольному типу со слабо вогнутым основанием, три — к черешковому. Первый тип наконечников широко распространен в раннюю и среднюю бронзу в различных культурах. Встречены они также на поселении Бабино III. Второй тип — наконечники с более или менее выраженными тупым черешком и длинным треугольным или листовидным пером — не характерны для предшествующих культур степной и лесостепной части Восточной Европы. Зато подобная форма весьма примечательна для более северных, лесных культур, где они встречаются с неолита. Здесь они бытуют в таких культурах, как среднеднепровская, фатьяновская, балаховская, абашевская, сейминская, раннесрубная. Наконечники стрел поселения Ливенцовка близко стоят к некоторым раннесрубным образцам без шипов, хорошо известным по погребениям Поволжья²⁴. Н. Я. Мерперт черешковые наконечники считает характерными для сейминско-покровского комплекса²⁵. Но наиболее близки наконечники Ливенцовки I соответствующим изделиям соседнего Ливенцовского и Каратаевского укрепленных поселений-крепостей. На иных многоваликовых поселениях подобные наконечники стрел встречены на поселении Проказино (у г. Старобельска)²⁶. Черешковые наконечники, только с шипами известны и с поселения Волинцево (р. Сейм)²⁷. На Нижнем Дону один черешковый наконечник найден в культурно-неопределенном комплексе (погребения?) кургана Батырь (у г. Новочеркасска)²⁸ (рис. 75, 11).

Итак, черешковые наконечники стрел характерны в степи для заключительной поры средней и начала поздней бронзы. Появление их на юге следует связывать с влиянием более северных культур.

Костяные изделия. В слое поселения найдены также костяные орудия. Наряду с обычными остриями, лопицами встречены трубочки и половинка кружка с начатым сверлением. Интересна серия трубочек (восемь) с отполированной поверхностью, которая указывает на их длительное употребление при какой-то механической работе (рис. 62, 6, 7). Большинство их имеет длину 6—7 см, диаметр 5—3 см, однако есть образцы длиной 2—3 см и того же диаметра. Концы трубочек срезаны ровно или наискось. На одном экземпляре заметна расточка внутри — она могла образоваться от закрепленного предмета, например, ножа. Известны случаи использования таких костяных трубочек в качестве рукояток для металлических инструментов — ножей, шил, пробойников²⁹.

Другой предмет, на котором необходимо остановиться, — половинка кружка, изготовленная из стенки крупной трубчатой кости. В центре его было начато сверление отверстия, неоконченное, вероятно, по причине слома костяного диска (рис. 62, 10). Форма предмета, характер его сечения — вогнуто-выпуклого, наличие начатого сверления в центре позволяют видеть в нем заготовку для так называемых костяных пряжек с большим отверстием посередине и малым у края. Такие пряжки хорошо известны в позднюю бронзу, в памятниках срубной культуры от Дона до Дуная. Наибольшая концентрация их, как заметил еще А. М. Тальгрэн³⁰, отмечается в Поднепровье, в Поволжье они отсутствуют. Их происхождение связано с близкими по форме и, вероятно, функциональному назначению янтарными кружками северных культур³¹, известных также в среднеднепровской культуре³².

Помимо памятников поздней бронзы, костяные пряжки встречены также на поселении Бабино III. Итак, пряжки появляются еще в досрубных памятниках и широко распространяются позже в позднесрубной культуре, однако лишь на той ее территории, где раньше был ареал памятников многоваликовой керамики.

Что касается изделий из металла, то в памятниках интересующей нас территории они не были найдены и представление о них основано на находках с родственных памятников соседних областей (Средний Дон, Приазовье, Поднепровье).

В целом в предметах из металла, камня, кости памятников многоваликовой керамики Подолия и Украины обнаруживается близость, с одной стороны, с поздними катакомбными и северокавказскими памятниками, с другой, — с раннесрубной культурой.

Учитывая это, следует с большой осторожностью отнести к культурной «привязке» случайных находок. Ведь они могут иметь не только позднекатакомбную или раннесрубную культурную принадлежность, но и относиться к памятникам многоваликовой керамики. Таковыми являются, например, знаменитый Бородинский клад в Северо-Западном Причер-

поморье, относимый обычно к срубной культуре, а на Нижнем Дону малоизвестный комплекс из кургана Батырь у Новочеркасска³³.

Итак, рассматриваемые памятники Нижнего Дона слабо еще выявлены и изучены, однако есть достаточно оснований, чтобы включать их в круг памятников многоваликовой керамики, распространенных на обширном пространстве лесостепи и степи Восточной Европы. Как сейчас выясняется, ареал этих памятников соответствует в основном катакомбной области. К нему присоединяется также область Среднего Поднепровья, занятая в предшествующее время среднеднепровской культурой, а также мало еще изученной катакомбной группой.

Таким образом, памятники многоваликовой керамики сменяют катакомбные и на Среднем Днепре среднеднепровские. Одним из важных оснований для такого заключения является стратиграфия поселения Ливенцовка I, где слой с многоваликовой керамикой подстилался слоем с донецкой катакомбной керамикой. Сверху он был перекрыт остатками поселения позднедонецкой культуры (сабатиновского времени).

Анализ памятников с многоваликовой керамикой Подонья и Украины, сопоставление их с местными культурными группами, прежде всего катакомбными, приводит к выводу о принадлежности их к особому культурному образованию. Безусловно, их необходимо отделить от катакомбных групп и на данном этапе изучения рассматривать как отдельную культуру. От катакомбных они отличаются и формой сосудов, и узорами, и техникой их исполнения, а также в значительной степени и предметами иных категорий. Характер погребального обряда и густая сеть поселений также довольно резко отличают эти памятники от катакомбных. Чрезвычайно важно и то, что это культурное образование характеризуется значительно большим единством и единообразием памятников различных районов, чем то, которое наблюдается в катакомбной области с несколькими локальными группами — культурами. Очевидно, что такое единство не могло образоваться в результате медленного эволюционного развития каждой из катакомбных культур.

В вопросе о сложении культуры многоваликовой керамики заслуживают внимания черты определенной близости этой керамики с сосудами среднедонецкой (харьковско-воронежской) катакомбной культуры, отмечаемые Т. Б. Поповой³⁴ и Б. А. Латыниным³⁵. Действительно, формы и большинство орнаментальных мотивов многоваликовой керамики весьма близки к среднедонецким сосудам со шнуровой орнаментацией. Однако сходные формы, украшенные паркетными узорами и вертикальными елками, встречаются еще на одних местных памятниках, известных на Среднем Днепре³⁶ и, по-видимому, восточнее. Эти памятники, как и среднедонецкие, тяготеют, с одной стороны, к катакомбным, а, с другой, — к среднеднепровской культуре (удлиненность сосудов, раструбность шейки, паркетные узоры).

В позднекатакомбное время во второй четверти II тысячелетия до н. э. лесостепная катакомбная керамика появляется в степи, на Нижнем Днепре³⁷, на Нижнем Дону и Донеччине, на Нижней Волге³⁸. На

Нижнем Дону и Донеччине это время характеризуется распространением смешанных групп памятников — бахмутских со среднедонскими элементами и маньчских, описанных выше.

Таким образом, культуре многоваликовой керамики предшествовал период распространения в степи исходных для нее лесостепных катакомбных памятников. Этот период сопровождался ломкой, распадом местных культур, появлением на большой территории смешанных памятников. Следствием этих процессов была культурная нивелировка и трансформация, что привело к образованию культуры нового типа и соответственно новой общности. В этой культуре доминирующими оказались элементы, восходящие к лесостепным катакомбным памятникам. Возникновение культуры многоваликовой керамики явилось частью всеобщего процесса, протекавшего в Восточной и Центральной Европе. Он ознаменовался сменой культур шнуровой керамики новыми культурами, характеризующимися сосудами с подчеркнуто рельефной, в том числе и валиковой, и прочерченной орнаментацией. Аналогичные явления происходят также на Северном Кавказе. В Прикубанье формируется особый тип памятников, отвечающий третьему этапу северокавказской культуры (по В. И. Марковину).

**ПОЗДНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПАМЯТНИКИ —
ЛИВЕНЦОВСКАЯ И КАРАТАЕВСКАЯ КРЕПОСТИ**

В последнее время в низовьях Дона выявлена еще одна культурная группа ярких и весьма своеобразных памятников заключительного периода эпохи средней бронзы. Она представлена двумя укрепленными поселениями-крепостями у хуторов Ливенцовка и Каратаево вблизи Ростова-на-Дону.

Первые сведения об этих памятниках относятся к 20-м годам XX ст., когда они были обследованы Северокавказской экспедицией ГАИМК и предположительно отнесены к средневековью¹. Однако лишь в 60-х годах Ливенцовской экспедицией Ростовского музея краеведения и Института археологии АН УССР были проведены их раскопки (1964—1966, 1968, 1970 гг.). В результате этих работ была установлена принадлежность памятников к бронзовому веку и получены обильные материалы, позволяющие составить представление о характере поселений и типе их культуры.

Топография. Крепости расположены на правом высоком берегу притока Дона р. Мертвый Донец, рядом с упоминавшимися выше поселениями Ливенцовка I и Каратаево. Они занимают участок второй террасы, возвышающийся на 20—24 м над уровнем реки и в среднем на 15 м над расположенными ниже, на первой террасе, поселениями.

На террасе резко выделяются два возвышения, разделенные глубоким древним оврагом с крутыми склонами. С боков, с юго-востока и северо-запада они окружены ложбинами, вдоль которых тянутся валообразные всхолмления высотой около 1 м и шириной до 10 м.

В плане валообразные ограды образуют два полукружия, симметрично разместившиеся по обе стороны оврага (рис. 58).

Раскопочные работы проведены на Ливенцовской крепости. На Каратаевской крепости собран подъемный материал и произведены зачистки

обнажений. На Ливенцовской крепости раскопкам подвергалась восточная часть валообразных возвышений и прилегающие к ним участки с внутренней стороны. Общая вскрытая площадь составила около 1800 м² при длине по периметру 110 м и ширине 10—30 м. Таким образом, раскопана почти половина периметра крепости.

Крепостные сооружения. Жилища. Под валообразными возвышениями открыты расположенные по окружности остатки восьми ка-

Рис. 63. Ливенцовская крепость. Вид на раскоп.

менных сооружений и рядом с ними рвы, выбитые в известняке *. На одном участке под руинами крепости открыто два более древних кургана с энеолитическими и катакомбными погребениями (курганы 10, 11). Каменные сооружения представляли собой постройки подпрямоугольной формы, основу которых составляли кладки внешнего и внутреннего панциря, сложенные из крупных камней (рис. 63; 64). Пространство между панцирями было забутовано мелкими камнями и известняковой щебенкой, вынудой при рытье рва. Кладка внешнего панциря более мощная (0,8—1,5 м), чем внутреннего. Сооружения двух типов: одни мощные, широкие, размером 12—15 × 5—7 м, другие поменьше — размером 8—12 × 2,5—4 м. У сооружений первого типа внешний панцирь опирается на мощную кладку, облицовывающую стенку смежного рва, у сооружений второго типа он сложен на почве, а стенка рва не облицована. Сохранившаяся высота построек 0,50—1,20 м. Вдоль построек мощные развалы камней. Камнями заполнены и смежные рвы, ширина которых от 2 до 4—6 м, глубина до 2—3 м. Между постройками и рвами расположены по касательной проходы.

За сооружениями, внутри крепости, как показали обнажения и шурфовки, никаких культурных остатков не оказалось. Кухонные остатки

* Ввиду обилия полученных материалов приводим лишь краткие сведения о памятнике. В дальнейшем планируется полная его публикация.

в виде зольников с обломками керамики, костей животных и рыб, а также другие предметы сосредоточены лишь вблизи крепостных сооружений. Учитывая это, а также отсутствие внутри крепости не только жилищ, но и культурного слоя, приходится полагать, что широкие каменные постройки являлись и крепостными сооружениями, и жилыми помещениями на

Рис. 64. Ливенцовская крепость. Внешний панцирь сооружения и ров.

высоком фундаменте. Особенностью памятника является то, что крепостные руины его были «усеяны» кремневыми наконечниками стрел. Наибольшая концентрация этих находок наблюдалась на проходах и на дне рвов.

Необходимо отметить, что в полосе крепостных сооружений обнаружено свыше десяти погребений, устроенных в руинах крепости. В погребениях сильно скорченные костяки, в основном на левом боку, с протянутыми к лицу руками, головой к С, В, СВ. Некоторые погребения сопровождались сосудами баночного типа срубной культуры (рис. 65).

В итоге исследования устанавливается, что Ливенцовское укрепленное поселение представляет собой крепость, крепостная стена которой являлась «жилой» и состояла из отдельных чередующихся сооружений — жилищ и стен. С напольной стороны она была обнесена рвом с перемычками, служившими проходами. В плане стена и ров образуют извилистую ломаную оборонительную линию, с расположенными на углах по касательной проходами. Такая планировка, удачное фланкирование проходов (служивших, вероятно, для вылазок) с учетом мощности каменных сооружений, несомненно, способствовали эффективности обороны. Свободная

площадь внутри крепости использовалась как загон для скота. В общем Ливенцовская крепость знакомит нас с ранее неизвестными принципами древнейшей для Восточной Европы фортификации, в основе которой лежит известная идея организации обороны военного лагеря вкруговую, табором.

Обследование Каратаевской крепости, составляющей вместе с Ливенцовской, несомненно, один оборонительный форпост, дает основание

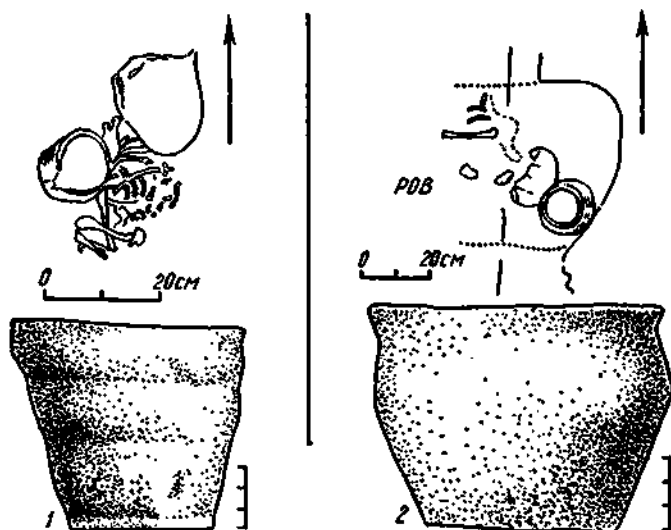

Рис. 65. Погребения на руинах крепости:
1 — погребение 10; 2 — погребение 13.

полагать, что эти крепости аналогичны. Внутри крепости, как показали обследования, в частности, в карьерах и траншее газопровода, культурный слой отсутствует. Вещественные материалы (обломки керамики и наконечники стрел) собраны только в полосе крепостных сооружений. Они полностью совпадают с соответствующими предметами Ливенцовской крепости.

Керамика. Коллекция керамики Ливенцовской крепости представлена обломками и несколькими почти полностью слепленными сосудами.

Сосуды изготовлены из однородной глины, с примесью толченой ракушки, известняка, песка. Структура черепка слоистая или комковатая, глина хорошо замешана. Обжиг керамики тоже различный. Наряду с сосудами с черным, плотным или рыхлым черепком, нередки сильно обожженные плотные образцы серого или красновато-коричневого цвета. Стенки сосудов ровные, обработанные гребнем, расчесы которого за небольшим исключением сглажены. Поверхность тщательно выглажена, нередко с блестящим лощением. Замечено, что желтая и красная поверхность

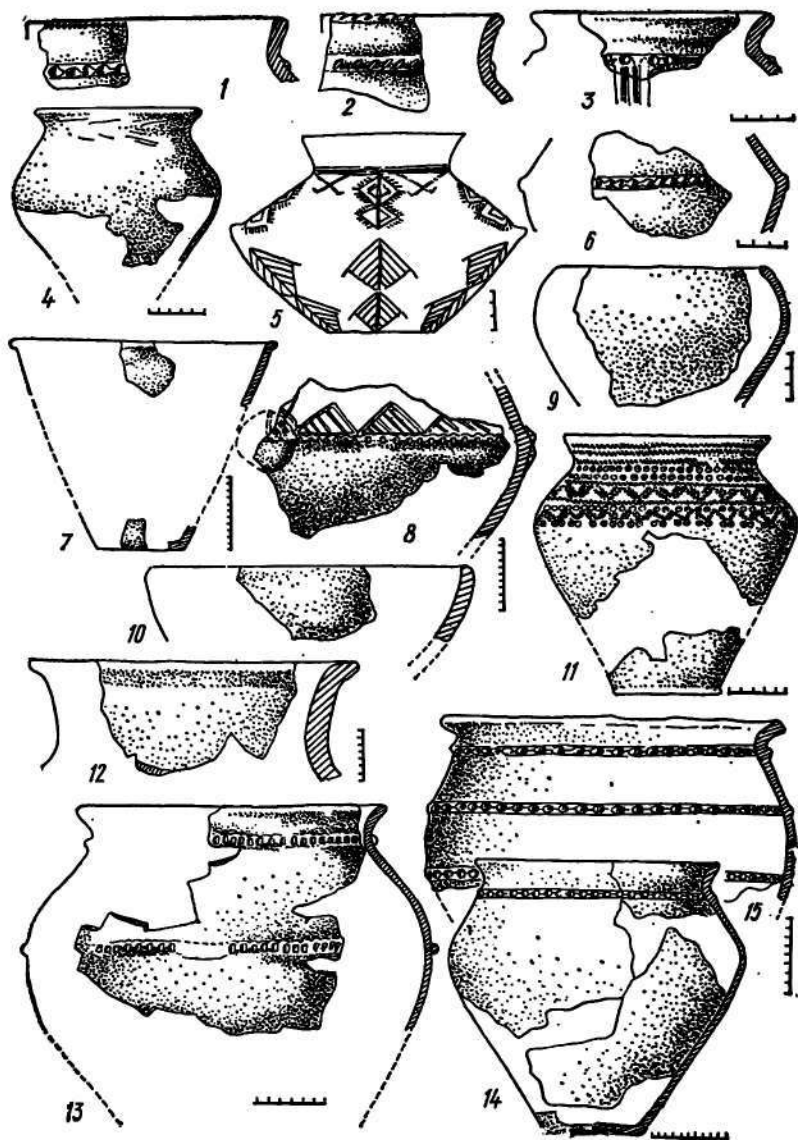

Рис. 66. Керамика Ливенцовской крепости.

у части сосудов — результат обмазки тонким слоем глины (ангоб). Часто он отслаивается, при мытье щеткой стирается.

Большинство сосудов орнаментировано. Доминирующей является валиковая и прочерченная орнаментация. Чаще всего это валиковый пояс в основании шейки сосуда, иногда на плечиках и боках. Реже валики образуют орнаментальную зону на плечиках. Сосуды с богатой «многоваликовой» орнаментацией, покрывающей весь сосуд, не встречены.

Основная масса керамики относится к сосудам высоких горшковидных форм. Размеры сосудов различны: от небольших горшочков до крупных корчаг высотой 40—50 см. Все они имеют короткую, но выраженную шейку.

Выделяется две группы сосудов. К первой группе отнесены горшки с раструбной шейкой, с биконическими или округлыми боками (рис. 66, 3, 4, 13—15). Степень отгиба профиля шейки различна — угол между плечиками и шейкой прямой или тупой. По-видимому, у некоторых горшков бока имели остросереберную форму и были подчеркнуты валиком (рис. 66, 6). Один сосуд украшен в верхней части отрисками шнура и пологого стебля (рис. 66, 11).

Вторая, менее распространенная группа горшков характеризуется прямой или едва расширенной кверху шейкой. Форма тулова, вероятно, такая же, как и у сосудов первого типа (рис. 66, 1, 2).

Помимо этой основной керамики, обнаружены также редкие формы. К ним относятся обломки конической банки (рис. 66, 7), миски, чаши (рис. 66, 9, 10), по-видимому, горла кувшина (рис. 66, 12) и фрагментированная небольшая фляга с ушками и вертикальными проколами (рис. 66, 5).

Кремневые наконечники стрел. Столь же массовой категорией находок, как и керамика, являются наконечники стрел. Наряду с готовыми орудиями, зачастую поврежденными при ударе, встречены заготовки, обработанные лишь грубыми сколами (рис. 67, 1, 2).

Наконечники стрел изготовлены из отщепов кремня разного цвета. Размеры их от 3 до 8,5 см длиной и от 1 до 2,5 см в поперечнике. При этом преобладают образцы 3—5×1,5 см. В зависимости от способа скрепления с древком (формы насада), наконечники разделены на три отдела.

К отделу I отнесены орудия с выемчатым основанием, треугольные или удлинненно-сердцевидные (7 экз., рис. 68, 1—6) *.

Отдел II составляют наконечники с округленным основанием (12 экз.). Среди них выделяются типы иволистной и удлинненно-ромбовидной формы (рис. 68, 7—11).

К отделу III отнесено большинство наконечников с черешком (358 экз.). Они различаются по форме пера (стрельчатые, листовидные, треугольные) и его пропорциям (отношение ширины к длине равно

* Подсчеты даны по результатам исследований 1964—1966 гг. (около 500 шт., из них 377 дают представление о типе).

1:4; 1:3; 1:2,5; 1:1,8), что позволяет расчленить их на несколько типов (рис. 68, 12, 13—32).

Особенностью данных изделий является то, что они относятся к ряду метательного оружия и найдены на руинах крепости, на месте

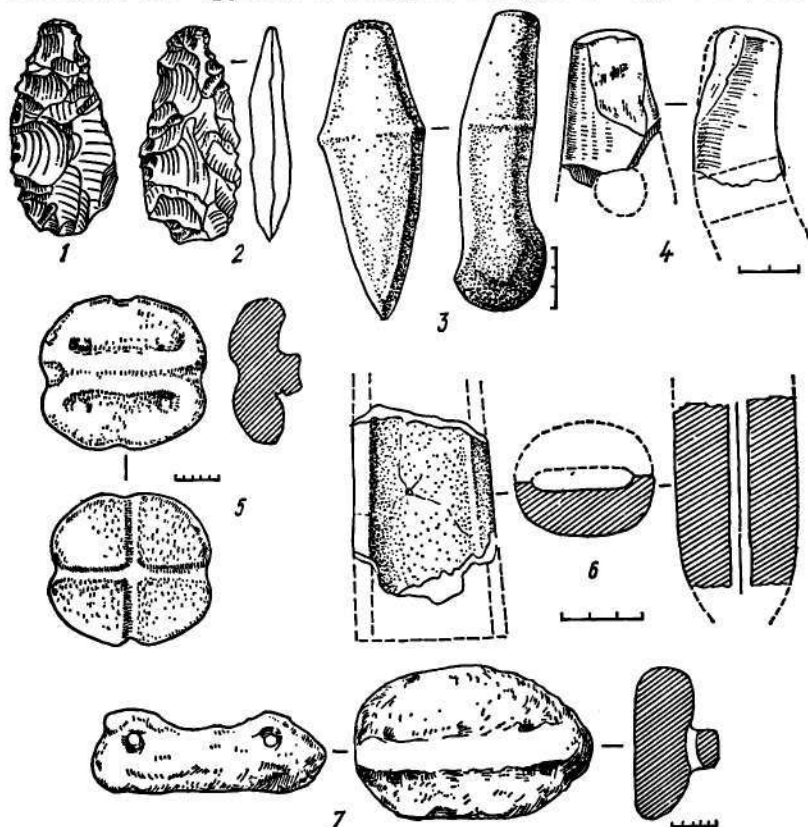

Рис. 67. Предметы из кремня (1, 2), камня (3—5, 7) и глины (6).

сражений. По этой причине весьма затруднительно определить, какие из них принадлежали населению крепости, а какие оставлены неприятелем. Черешковые наконечники, составляющие массовую серию находок, вероятно, принадлежали и противнику и населению крепости. На их изготовление в крепости указывают найденные заготовки, а также кремневые отщепы и осколки — отходы производства. Однако не исключено, что при более глубоком анализе этих орудий, техники их изготовления и при сопоставлениях с подобными изделиями из культурно-определимых комплексов удастся разграничить типы, характерные для защитников крепости и неприятеля. Так, из серии раннесрубных наконечников аналогии по

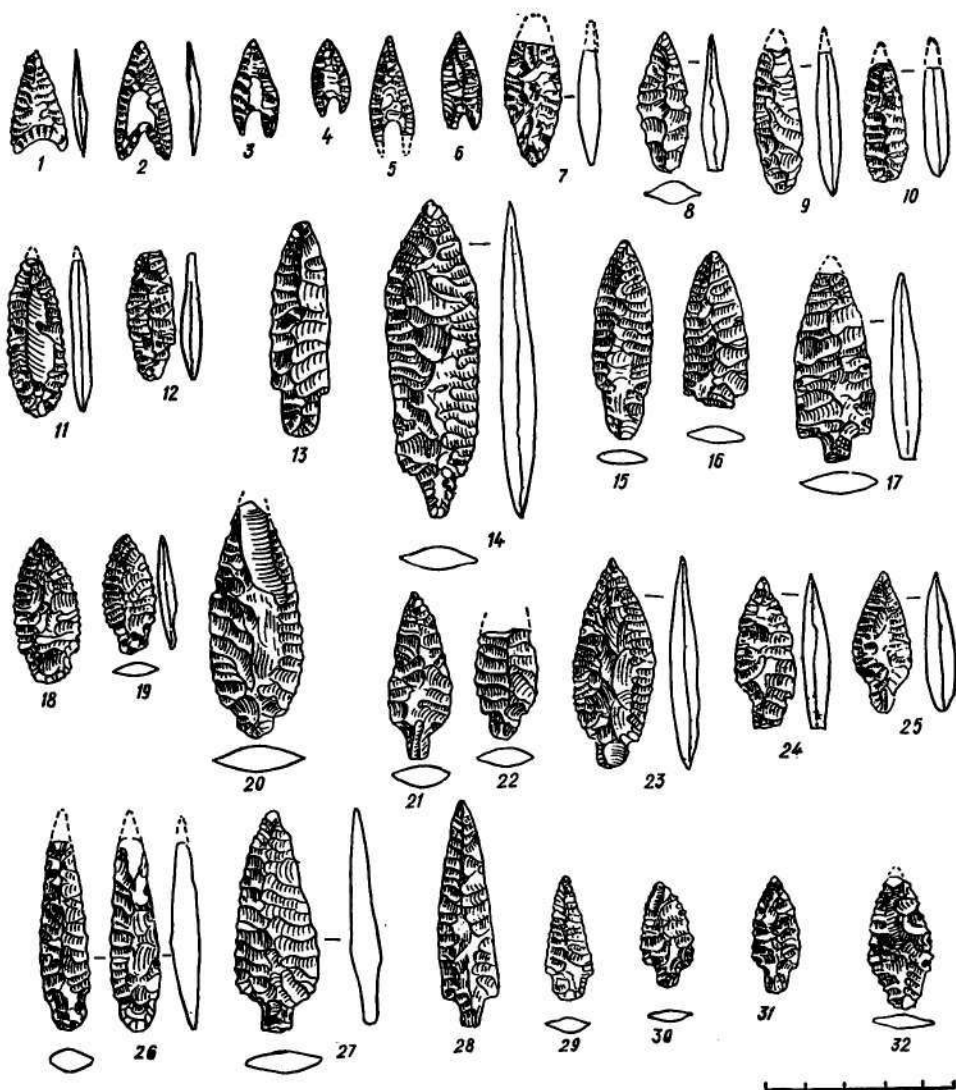

Рис. 68. Кремневые наконечники стрел.

форме можно указать только асимметрично-черепшковым², треугольным удлиненным и коротким без пипов³. Остальные типы черепшковых наконечников широкие листовидные и стрельчатые — среди срубных комплексов отсутствуют.

Как уже отмечалось, черепшковые наконечники стрел, представленные несколькими типами, в целом наиболее примечательны для раннесрубной культуры, однако найдены они и на поселениях с многоваликовой керамикой и в одном позднем северокавказском погребении⁴. Отсюда следует, что эти типы наконечников распространяются в заключительный период средней и в начале поздней бронзы значительно шире ареала срубной и других лесостепных и восточных культур.

Каменные изделия. Изделия из камня представлены зернотерками, терочниками, пестами, рыболовными грузилами, обломками и одним целым боевым топором (рис. 67, 3—5, 7). Наиболее интересен топор. Он имеет длинный обухок и вычурное, полуциркульное лезвие, как у бородинской секиры. Сверлина у топора отсутствует. Он короткий и не изогнутый, как бородинские образцы. Ближайшие аналогии ему — топоры из области Самары (Поволжье)⁵, Волгоградского музея, из-под Грозного⁶.

Проведенный анализ показывает, что Ливенцовская и Каратаевская крепости относятся к особой культурной группе, неизвестной ранее на Дону. Формы, характер выделки и мотивы орнаментации сосудов крепостей заметно отличаются от керамики известных здесь памятников. Некоторые черты сходства этих сосудов с многоваликовой керамикой Дона и Украины, а также с керамикой бахмутской группы относятся лишь к общим приемам орнаментации валиками, т. е. к явлениям синстадиального порядка, характерного для целого ряда культур Европы, сменивших культуру пшуровой керамики. Это не означает, однако, отсутствия реальных связей между отдельными территориально близкими культурами.

Наибольшую близость по керамике крепости на Дону обнаруживают с погребениями Прикубанья и поселениями Восточного Крыма. В Прикубанье это погребения в основном из раскопок Н. И. Веселовского⁷, относимые В. И. Марковиным к третьему этапу северокавказской культуры⁸. Сходная керамика, только с более роскошной многоваликовой орнаментацией, известна из погребений Пятигорья⁹.

В Восточном Крыму к числу аналогов нижнедонским памятникам относятся поселения Каменка¹⁰, Челки (Щебетовка), Киммерик¹¹, Ерофеево и др. Эти поселения в свое время получили атрибуцию позднекатакомбной или срубной культуры с пережитками катакомбной. Некоторые из них сближались с поселениями типа Кобяково в низовьях Дона и относились к самому концу второго типа срубной культуры. Новые исследования в Крыму и на Нижнем Дону, безусловно, позволяют удревнить восточнокрымские поселения и искать им параллели в Прикубанье, а не в поселениях Кобяковского типа, действительно датируемых финальным периодом бронзового века¹².

Исследования поселения Каменки показали, что восточно-крымские поселения значительно старше срубных (сабатиновских). В. Д. Рыбалова

также отмечает сходство их с поздними северокавказскими памятниками¹³; однако в последнее время она высказалась за отнесение их к поздней фазе культуры многоваликовой керамики¹⁴.

Не отрицая определенного сходства в культуре крепостей и памятников многоваликовой керамики, мы все же полагаем, что нижнедонские укрепленные поселения имеют больше соответствий на юге — в поздних северокавказских памятниках Прикубанья и территориально близких к ним поселениях Восточного Крыма.

Таким образом, наиболее близкие по культуре аналогии крепостям находятся на юге, в Прикубанье и Восточном Крыму. Вероятно, отсюда и проникли в низовья Дона племена, оставившие крепости.

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Проблеме хронологии среднебронзовой эпохи юга Восточной Европы уделено пока мало места в исследованиях.

Относящиеся к этой эпохе памятники катакомбного круга традиционно датируются первой половиной II тысячелетия до н. э., причем в таких районах, как Приазовье, Поднепровье им еще недавно отводилась и третья четверть тысячелетия, а в Нижнем Подонье и Приманьчье даже последняя¹. Датировка памятников в целом, а также внутренняя хронология выделяемых этапов в развитии культуры, как и хронологическое соотношение отдельных локальных вариантов, разработаны пока недостаточно и должным образом не обоснованы. Еще не выделены наборы предметов, в первую очередь металлических изделий, характерных для отдельных этапов катакомбных культур или их групп и имеющих первостепенное значение при хронологических построениях и сопоставлениях культур.

Открытие новых памятников, обильный приток новых материалов за последние десятилетия, повысившийся уровень исследований — все это создает предпосылки для обоснованного решения вопросов хронологии и периодизации средней бронзы вообще и Нижнего Подонья в частности.

Относительная и абсолютная хронология групп памятников Нижнего Подонья может быть определена на основе стратиграфических данных, типологического анализа вещественных материалов, погребальных сооружений, состава комплексов и всесторонних сопоставлений в кругу культур бронзового века юга Восточной Европы и в первую очередь Северного Кавказа.

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Стратиграфия. Установление относительного положения выделенных культурных групп в значительной степени основано на данных вертикальной стратиграфии курганных погребений и поселений. Наряду с ними существенным подспорьем являются также наблюдения по части «горизонтальной» стратиграфии погребений в кургане. Однако ввиду того, что культурные группы Нижнего Подонья представлены не однотипными памятниками, одни только погребениями, другие только поселениями, в стратиграфической колонке памятников имеются некоторые изъяны. По причине упущений в методике полевых исследований или в связи с неудовлетворительной сохранностью памятника (разрушенный курган и т. п.) количество наблюдений стратиграфического порядка также значительно меньше, чем могло бы быть при благоприятных условиях.

Сделанные стратиграфические наблюдения показывают, что самыми древними погребениями в курганах после ямных могил являются захоронения в катакомбах донецкой катакомбной культуры. Как правило, они впущены в края первых насыпей и сосредоточены в основном в северо-восточном и юго-восточном секторах курганов. При этом достойно внимания то обстоятельство, что самые ранние катакомбы, сопровождавшиеся жаровнями из обломков яйцевидных сосудов, прикубанских долменных амфор и амфор северокавказской культуры, кубками или металлическими изделиями ранних типов, занимают преимущественно северо-восточный сектор и расположены ближе к центру, т. е. впущены в первые ямные насыпи. Катакомбы с сосудами в форме короткошейных стройных горшков (II Б 1) находятся большей частью южнее, в юго-восточном секторе и реже в юго-западном, причем несколько дальше от центра.

По сравнению с донецкими захоронениями погребения бахмутской и маньчской групп занимают верхнее стратиграфическое положение. За небольшим исключением*, они расположены дальше от центра кургана, чем донецкие катакомбы, т. е. эти погребения впущены с уровня более поздних подсыпок.

Неоднократно замечено, что при сосредоточении погребений всех трех групп в одном секторе бахмутские и маньчские катакомбы расположены дальше, за дугой, образованной донецкими могилами. Большинство бахмутских и маньчских катакомб Правобережья Дона и Донечины занимают юго-западный и отчасти юго-восточный сектора (135—300°) и как бы образуют продолжение дуги, составленной донецкими погребениями в восточном поле кургана**.

* Погребения с керамикой маньчских типов нередко встречаются в центре кургана и разрушают более ранние могилы.

** Имеются исключения для очень низких, невыразительных насыпей, когда одно-два бахмутских или маньчских погребения оказываются в центре. Весьма интересно, что в некоторых курганах, где погребения донецкой катакомбной культуры отсутствовали, поздние катакомбные захоронения размещались по дуге в пределах 135—300°, «отступая» от места, обычно занятого донецкими катакомбами.

Помимо этих наблюдений, имеются следующие зафиксированные данные по вертикальной стратиграфии, в том числе и случаи нарушения одного погребения другим.

1. В кургане 3 у г. Новочеркасска (Шибельная группа) донецкие погребения 8, 9, 11, 12, занимавшие восточную половину кургана, впущены с поверхности первой насыпи.

В юго-западном секторе находились катакомбы 3, 6, 10 с круглыми входными шахтами, впущенные в третью насыпь. В состав инвентаря последних входили реповидные горшки и короткошейный горшок с валиком в основании шейки.

2. В кургане «Грушевский» у г. Новочеркасска донецкое погребение 4 впущено в восточную полу первой насыпи. Погребение бахмутского типа с раструбным горшком было введено в юго-западную полу второй насыпи.

3. В кургане 1 у Ливенцовки погребение 5 было устроено на уровне свода обвалившейся катакомбы 17, которая прорезала третье захоронение (19) в катакомбе. В погребении 5 находился сосуд с валиком в основании шейки, в погребении 17 два короткошейных горшка, один с тесемчатой орнаментацией, второй — с защипами по краю.

4. В кургане 10 у Ливенцовки круглая шахта погребения 5 срезала часть погребения 2. Погребение 5 сопровождалось раструбным горшком с наколами в основании шейки, погребение 2 — мисками с тесемчатой орнаментацией.

5. В этом же кургане в катакомбу 8А, в состав инвентаря которой входил кубок с тесемчатыми фестонами, было введено погребение 8Б с жаровней из короткошейного горшка, орнаментированного «полотенцами» из пальцевых вдавлений.

6. В кургане 1 у Ростова-на-Дону катакомба 10 с круглой шахтой прорезала погребение 9 в катакомбе с шахтой в форме прямоугольника. В верхнем погребении находился бахмутский горшок с раструбным горлом, с защипами по краю, в нижнем — жаровня из фрагмента амфоры дольменного типа.

7. В этом же кургане катакомба 7 с круглой шахтой, в которой находился раструбный высокий горшок с защипами в основании шейки, прорезала катакомбу с шахтой в форме прямоугольника.

8. В кургане «Баба» у ст. Мечубелова В. А. Городцовым была встречена «двойная яма», состоящая из двух смежных частей — прямоугольной и круглой². В прямоугольной ямке находился костяк, сопровождавшийся круглодонным горшком (погребение 9), в заполнении круглой ямы, оказавшейся колодцем другого захоронения, на разном уровне были разбросаны остатки человеческого черепа и обломки сосуда, принадлежавшие высокошейному горшку с тесемчатым орнаментом, обычным для донецкой керамики (погребение 10). Из этой круглой ямы открывался вход в катакомбу, где покоились два костяка, лежавшие скорченно, на правом боку и головой к 3 (погребения 11, 12). Кроме костей овцы, ничего другого в могиле не было. Наличие в заполнении шахты погребения 11 остатков погребенного и фрагментированного сосуда может быть объяснено

только тем, что это погребение было устроено в камере более раннего донецкого захоронения, из которого и были выброшены эти останки.

9. В кургане 1 в Луганске при исследованиях С. А. Локтюшева в 1929 г. погребение 20 врезалось входной шахтой в шахту погребения 19 и в одной из его стенок, рядом со входом в катакомбу, был вырезан еще один вход и погребальная камера³. При устройстве этой катакомбы погребение 19 было повреждено, а содержимое его, кроме двух сосудов, было выброшено. Эти последние представляли типично донецкие горшки со шнуровыми узорами в виде концентрических кругов, ромбов, зигзагов. В погребении 20 находились два реповидных сосуда, мраморное навершие булавы с шишками, «копьевидный» нож, выпрямители древков стрел, т. е. предметы, характерные для памятников маньчской группы, а навершие — и для северокавказской.

10. В Лысом кургане у пос. Багаевского (Левобережье Дона) погребение 19 прорезало своей шахтой часть шахты погребения 22. В катакомбе 19 обнаружено два реповидных сосуда и курильницу, в катакомбе 22 — фрагмент короткошейного горшка.

11. В кургане 3 у хут. Спорного погребение 31 введено в захоронение 30. Оно повредило шахту и останки погребенного в катакомбе. В погребении 31 находился реповидный горшок, в погребении 30 — короткошейный горшок с гусеничным орнаментом.

12. В кургане 1 у ст. Соленовской погребение 15, в котором находилась курильница, перекрывало погребение 22, где обнаружены обломки горшка с гребенчатым орнаментом.

13. В кургане 8 у хут. Новый Аксай (Левобережье Дона) шахта катакомбы 6 прорезала шахту катакомбы 7. В первом погребении находились кувшин, цилиндрический сосуд, топор, во втором — короткошейный горшок с гребенчатой «елкой».

Между собой погребения бахмутской и маньчской групп находятся в одинаковых стратиграфических условиях. Можно лишь отметить, что бахмутские могилы изредка встречаются в насыпи или на уровне древнего горизонта, что не наблюдается в маньчских катакомбах.

Стратиграфическая позиция донецкой группы в отношении к памятникам многоваликовой керамики устанавливается по поселению Ливенцовка I. Как уже упоминалось, катакомбный слой здесь был перекрыт слоем с многоваликовой керамикой. Аналогичное положение этих слоев зафиксировано и на соседних территориях — на Верхнем Донце (Сердюково у Змиева)⁴ и на Среднем Дону⁵. Определение относительного положения донецкой группы к поздней северокавказской (а этой последней — к бахмутской и маньчской), несмотря на то что они представлены разными видами памятников, стало возможным благодаря удачному стечению обстоятельств: на одном из участков Ливенцовской крепости оказалось два кургана, перекрытых ее руинами и отчасти крепостной стеной. В курганах обнаружено несколько донецких, бахмутских и маньчских погребений. На руинах крепости, в заполнении рвов, обнаружены срубные погребения с сосудами баночных форм.

Стратиграфическая позиция бахмутских и маньчских групп в отношении к памятникам многоваликовой керамики не может быть определена: первые представлены погребениями, вторые — поселениями.

Для выяснения относительного положения памятников многоваликовой керамики к поздним северокавказским (Ливенцовская крепость) нет прямых стратиграфических наблюдений. Лишь данные горизонтальной

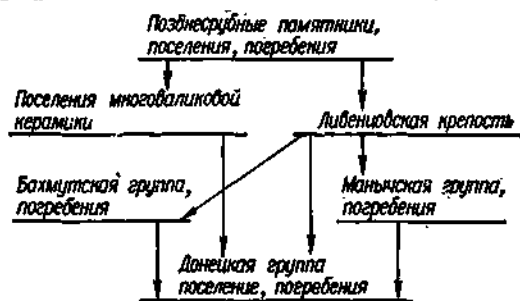

Рис. 69. Схема стратиграфии памятников.

стратиграфии могут указывать на их разновременность: поселения с многоваликовой керамикой Ливенцовка I и Каратаево расположены рядом с Ливенцовской и Каратаевской крепостями (первые — на первой террасе, вторые — над ними, на второй). Однако эти данные касаются лишь низовий Дона и поэтому им не следует придавать значения, выходящего за рамки этого узкого локального района.

Общая стратиграфическая позиция памятников может быть представлена в следующем виде (рис. 69).

Сопоставление вещественных материалов. Имеющиеся изъяны в определении относительного положения памятников по стратиграфии заполняются путем типологического сопоставления вещественных материалов. Необходимо рассмотреть, таким образом, весь комплекс предметов материальной культуры каждого культурного типа памятников и сравнить его с остальными. Начнем с сопоставления керамики, как наиболее многочисленной и показательной категории материала.

Керамика каждой культурной группы памятников достаточно своеобразна, и типы одной группы легко отличаются от другой.

Донецкая керамика характеризуется, в основном, стройными короткошейными горшками, кубками и мисками с округлыми боками, с нарядной шнуровой, преимущественно тесемчатой, а также гребенчатой орнаментацией; бахмутская — высокими и низкими горшками с округленными боками с простыми валиковыми, щипковыми и прочерченными узорами, часто выступающими в сочетании со шнуровыми и гребенчатыми. Многоваликовую керамику характеризуют преимущественно высокие стройные сосуды с высокоподнятыми биконическими или ребристыми боками и нарядным валиковым, щипковым и прочерченным орнаментом.

Между керамикой этих трех культурных групп, являющихся в широком смысле местного донецко-донского происхождения, прослеживается определенная преемственность в основных формах и ornamentации сосудов, что неоднократно отмечалось при их детальном анализе. Кроме того, в двух группах — донецкой и бахмутской — есть общие керамические типы — стройные короткошейные горшки со шнуровой, в том числе и тесемчатой, ornamentацией. Однако если в донецких памятниках они относятся к основным типам керамики, то в бахмутских их удельный вес весьма незначителен и они являются пережиточными типами.

Типологическая последовательность местной керамики представляется такой: донецкая — бахмутская — многоваликовая. Эта последовательность, кажется, не может вызывать возражения, так как ее подкрепляют (отчасти) стратиграфия памятников, а также аналогичная схема эволюции керамики в культурах иных территорий *.

Что касается керамики маньчской и северокавказской групп (Ливенцовская крепость), то поздний возраст ее по сравнению с донецкой группой несомненен.

Маньчские керамические типы представлены приземистыми реповидными горшками, кувшинами, цилиндрическими сосудами и курильницами; поздние северокавказские — высокими горшками с преимущественно воронковидной шейкой, с биконическими или округленными боками. Сосуды первой и второй групп украшены в одинаковом стиле — в основном валиковыми поясами под шейкой или на боках (за исключением курильниц). Этим ornamentом они перекликаются с бахмутскими и многоваликовыми сосудами и, таким образом, исходя из общестадийной схемы развития керамики в регионе, могут быть в целом синхронны. Выяснить их действительное соотношение на данной территории (синхронность всех четырех групп маловероятна), кажется, можно путем анализа состава керамических комплексов с целью выявления в них взаимопроникающих типов и отдельных общих элементов.

Результаты этого анализа показывают, что в семи погребениях Нижнего Подонья, включая Левобережье и Донеччину, с маньчскими реповидными горшками найдены сосуды бахмутских типов — в трех — с короткошейными горшками (в одном еще и донецкий сосуд), в четырех — с широкими раструбными горшками среднедонского происхождения (рис. 70, 71) **.

* Смена шнуровой ornamentации валиковой, прочерченной и вообще рельефной (в том числе с грубой обмазкой нижней половины сосуда) наблюдается во всей катакомбной области, включая Северный Кавказ, а также в культурах шнуровой керамики средневропейской зоны на поздней стадии их развития.

** Помимо этого как с реповидными горшками, так и с бахмутской керамикой встречены миски со шнуровой и гребенчатой ornamentацией. В двух погребениях вместе с бахмутскими горшками найдены также курильницы. Однако этим «встречаем» не приходится придавать большого значения при синхронизации: и миски, и курильницы встречаются, помимо маньчских и северокавказских памятников, также в донецких, среднедонских (здесь только курильницы) и, видимо, не эволюционируют во времени.

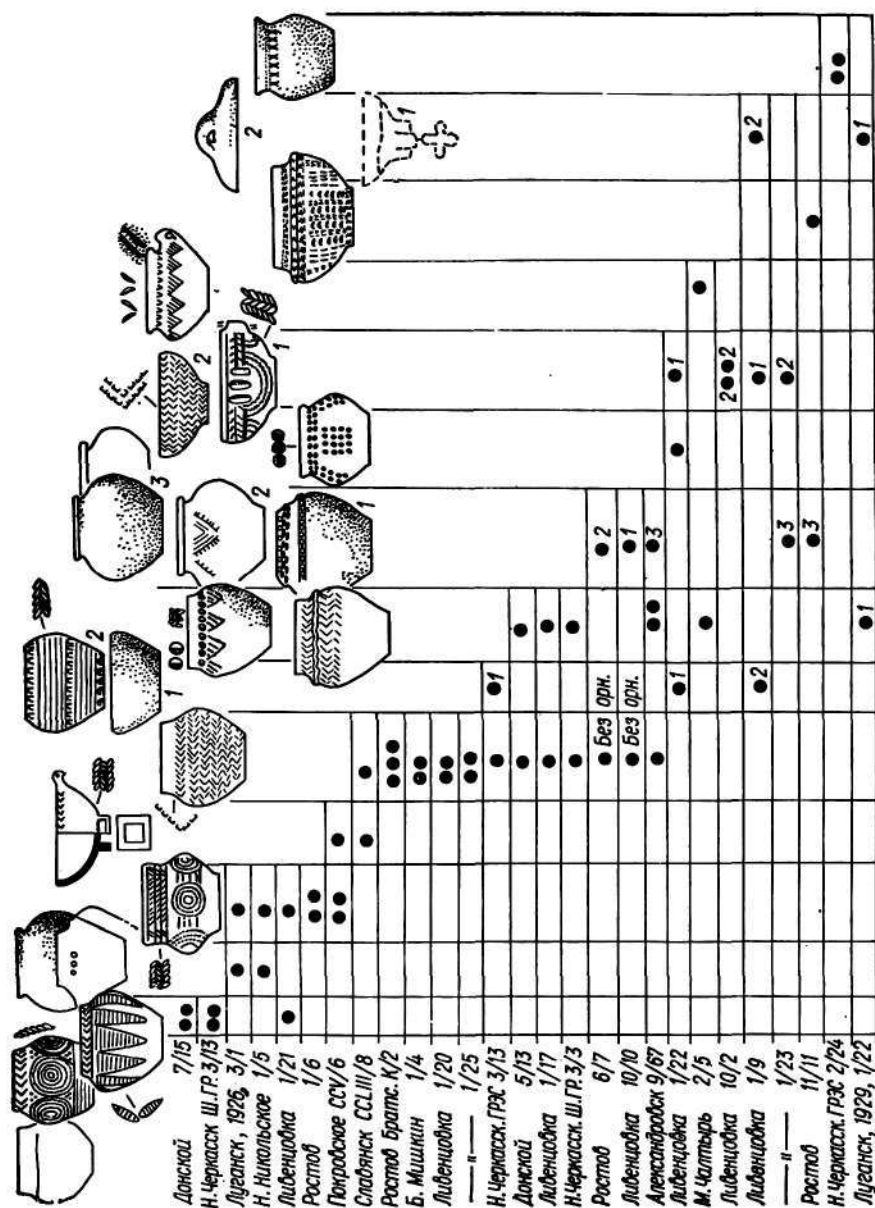

Рис. 70. Встречаемость сосудов в погребениях донецкого, бахмутского и маньчжского типов.

На реповидных сосудах Подонья и Донеччины нередко встречается орнамент, несомненно, заимствованный от бахмутской группы (зигзаг, треугольники, елки, в том числе шиуровые).

В свете изложенного представляется возможной синхронизация бахмутской и маньчской керамики.

Сопоставление керамических комплексов из погребений маньчского типа и поселений многоваликовой керамики, а последней — с поздней се-

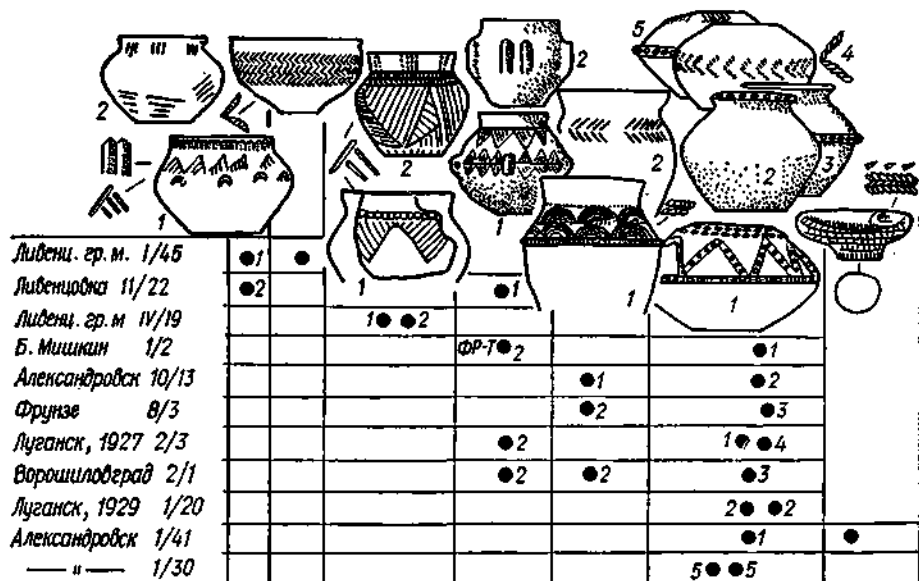

Рис. 71. Встречаемость сосудов в погребениях бахмутского и маньчского типов.

верокавказской (Ливенцовская крепость) показывает, что в них нет взаимопроникающих типов. Среди керамики маньчских погребений Правобережья и поздних северокавказских памятников общие типы также отсутствуют. В ливенцовской крепости найден лишь обломок кувшина, т. е. форма, характерная и для северокавказских, и для маньчских памятников. Однако она ни разу не обнаружена в маньчских погребениях Правобережья.

Сопоставление металлических, каменных и прочих предметов каждой из пяти культурных групп Нижнего Подонья подтверждает выводы, сделанные на основе стратиграфических данных и анализа состава керамических комплексов (рис. 72). Набор вещей донецких памятников резко отличается от комплексов маньчского и бахмутского типов. Между тем последние комплексы очень близки между собой, что дает еще один аргумент в пользу их синхронизации. Предметы из памятников многоваликовой керамики и поздних северокавказских, за небольшим исключе-

нием, однотипны и типологически далеко отстоят от донецких и ранних северокавказских. Они обнаруживают близость с вещами из маньчжских и бахмутских памятников, однако среди них есть и более развитые формы, а также и такие, которые в них отсутствуют. В числе последних оказываются предметы, хорошо известные в раннесрубной культуре.

Погребальные сооружения. В отношении погребальных сооружений в донецких, маньчжских и бахмутских памятниках необходимо отметить наличие некоторых общих типов (катакомбы с квадратной шахтой, с прямоугольной шахтой с катакомбой под длинной стенкой). Однако такие типы катакомбных могил, как сооружения с длинной и короткой прямоугольной шахтой, с катакомбой под узкой стенкой («Т» — видной формы) характерны только для донецких памятников. В бахмутских и маньчжских памятниках они отсутствуют. С другой стороны, катакомбы с круглой или овальной шахтой, отсутствующие среди донецких погребений, весьма показательны для этих памятников.

Многочисленные данные стратиграфии, а также состав вещественных материалов погребальных комплексов указывают на то, что самыми ранними типами могил являются катакомбы с прямоугольными шахтами «Т»-видной формы.

Несколько более поздними представляются катакомбы с квадратной шахтой и с прямоугольной, с подбоем под длинной стенкой. К поздним типам катакомб относятся могилы с круглой и овальной шахтой, хотя они, по-видимому, отчасти и сосуществуют с двумя последними типами.

Подобная эволюция катакомбных форм могил наблюдается не только в Нижнем Подонье, но и на Донеччине, в Поднепровье, Приазовье, отчасти в Приманьчье⁶.

Таким образом, суммируя данные стратиграфии и типологического сопоставления комплексов вещественных материалов, а также погребальных сооружений, приходим к выводу, что самыми ранними являются памятники донецкого типа, затем идут синхронные — маньчжские и бахмутские. Последние сменяются на Правобережье памятниками многоваликовой керамики и (только в низовьях Дона) поздними северокавказскими.

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Датировка среднебронзовых памятников Нижнего Подонья определяется по хронологии Кавказа, тесно связанной с хронологией Ближнего Востока. Ведущая роль здесь принадлежит металлическим изделиям. Для датировки памятников многоваликовой керамики и поздних северокавказских большое значение имеет также хронология раннесрубной культуры, в частности, даты таких опорных памятников, как Бородинский клад, Покровский и Сейминский могильники.

В отношении культур Северного Кавказа, с которыми будут сопоставляться памятники Нижнего Подонья, необходимо заметить, что если памятники ранней бронзы получили сравнительно надежную хроноло-

гическую привязку с древностями Передней Азии, то материалы последующей среднебронзовой эпохи недостаточно еще изучены и дифференцированы. Это связано, с одной стороны, с тем, что развитие культур в эпоху средней бронзы проходит здесь относительно изолированно от культур Передней Азии и Закавказья и дает мало параллелей в эволюции вещей, важных для хронологических оценок. С другой стороны, обильные материалы эпохи — локальные варианты северокавказской культуры, предкавказской, культур Дагестана — еще надлежащим образом не упорядочены. Многие из них плохо документированы, утрачена комплексность находок, значительная часть материалов не издана. Все это усложняет работу по синхронизации культур и побуждает обращаться к разбору северокавказских материалов вместо того, чтобы сопоставить с ними культурно-хронологические группы в целом, по набору вещей.

Памятники донецкого типа. Набор металлических изделий памятников донецкого типа, по сравнению с инвентарем других культурных групп Нижнего Подонья, самый богатый (рис. 72, 1) *. Прежде всего в нем выделяется несколько предметов, бытующих еще в раннебронзовый, новосвободненский период.

Желобчатые долота из донецких погребений относятся к типу с прямоугольным стержнем и с длинным желобком на нем. По определению А. А. Иессена, такие долота типичны для новосвободненских и ранних северокавказских (переходных) комплексов ⁷. Они представляют позднейший тип этой серии орудий, так как встречаются в комплексах, несущих элементы северокавказской культуры ⁸. На Донеччине долото найдено с донецким шнуровым кубком и чернолощенным сосудом, близким амфорам дольменского типа. Долото вместе с подобной амфорой, теслом и ножами происходит из погребения в яме на Левобережье Дона ⁹, которое В. Я. Княшко относит к X хронологической группе эпохи энеолита — бронзы ¹⁰. Желобчатые долота хорошо известны в Передней Азии ¹¹. Наиболее поздние из них, аналогичные донецким и северокавказским, — из Тепе Гиссара (2200—2000 гг. до н. э.) и Библоса (Клад Д, 2100—1900 гг. до н. э.), причем самая поздняя дата для долота из клада Д Библоса определяется второй четвертью XIX в. до н. э. ¹² (рис. 73, 1—9).

Стамески или прямые узкие долота, встреченные в двух погребениях, характерны для новосвободненских и ранних северокавказских комплексов (рис. 72, I, 3) ¹³.

Серебряные кольца-серьги из двух погребений Донеччины также весьма примечательны для новосвободненского периода (рис. 72, I, 1) ¹⁴. Височные кольца в два и полтора с половиной оборота (рис. 72, I, 12, 18) также встречаются в погребениях новосвободненского этапа и в позднейших погребениях, причем здесь они нередко изготовлены из золота и серебра. Заслуживает внимания то, что и в раннекатакомбных могилах не-

---

* Здесь и далее мы привлекаем также материалы из соответствующих погребений Донеччины.

редко встречаются кольца из серебра. Круглые кольца в полтора оборота из бронзы более всего распространены в эпоху средней бронзы.

Нож с удлинено-подромбическим клинком без упора в основании весьма архаичен и близок к серии позднейших ножей (рис. 72, I, 1). Подобный образец найден в погребении ст. Ново-Лабинской вместе с майкопским сосудом и простейшими прототипами шнуровых подвесок¹⁵. Из таких ножей, видимо, развиваются широкие листовидные ножи с индексом $L/B = 2,5$, неизвестные на Нижнем Дону и Северном Кавказе, но весьма распространенные на Донце (рис. 72, I, 29).

К числу новосвободненских соответствий отнесем также пращевой шар из того же погребения с желобчатым долотом, ножом и серебряной серьгой (рис. 72, I, 1). Близки к кругу новосвободненских древностей также упоминавшиеся лощеные сосуды дольменного типа. Однако основной набор металлических изделий памятников донецкого типа состоит из предметов, характерных для ранних и развитых памятников северокавказской культуры.

Тесла (4 экз.) более удлиненные, чем соответствующие новосвободненские изделия, и относятся к привольненскому типу, выделенному А. А. Иессеном (рис. 72, I, 27, 28, 30, 31). Новосвободненские тесла характеризуются индексами $L/B_1 = 1,8-2$, $B_1/B_2 = 1,5$. У привольненского тесла индексы $L/B_1 = 2,6$, $B_1/B_2 = 1,8$; у тесел с Нижнего Подонья и Донечины индексы $L/B_1 = 2,6-2,8$; $B_1/B_2 = 1,7-2$. Подобные орудия, помимо Привольненского клада, известны в составе комплексов с другими металлическими вещами. Это погребение у колонии Константиновской близ с. Пятигорска¹⁶, в Андреевской долине у Грозного¹⁷, у хут. Степана Разина¹⁸.

Литейная формочка из погребения у г. Краматорска¹⁹ дает представление о типе проушных топоров донецких памятников (рис. 72, I, 10). Топор, отливавшийся в этой формочке, исходя из типологической схемы А. А. Иессена²⁰, безусловно, более ранний, чем удлиненный топор Привольненского клада.

Ножи. Среди длинных черешковых ножей из погребений донецкого типа выделяется несколько редких образцов с клинком в форме удлиненного треугольника (индекс $L/B = 4$, рис. 72, I, 17). По форме клинка они еще близко стоят к некоторым ножам новосвободненского периода (с индексом $L/B = 5$), в частности, из многогранного дольмена ст. Новосвобод-

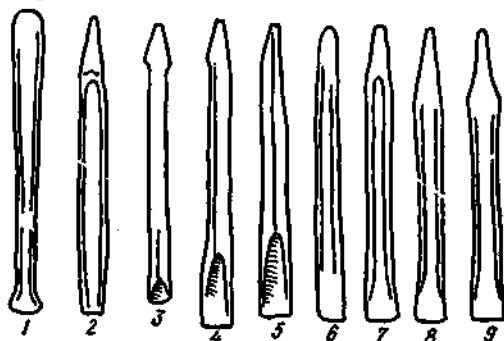

Рис. 73. Желобчатые долота из разных мест:

1 — Биби; 2 — Тепе Гисар; 3 — Сузлы; 4 — Зенаря; 5 — Новосвободная; 6 — Воздвиженская; 7 — Койсуг; 8 — Александровск; 9 — Луганск.

ной²¹, погребения у с. Карабудахкент²², из погребений раннеямной культуры у с. Заможного и хут. Алитуб²³. Однако по четко выраженному симметричному основанию клинка и характерному раскованному концу черешка эти ножи находятся в тесном типологическом ряду с другими, более массовыми изделиями данной категории, что и позволяет относить их к среднебронзовой эпохе, к ее начальному периоду. В дальнейшем ножи с треугольным клинком несколько укорачиваются (первый привольненский тип), получая широкое распространение на I и II этапах северокавказской культуры, в особенности в памятниках центральной части Северного Кавказа.

На Нижнем Дону и Донеччине для памятников донецкого типа более характерны длинные ножи с максимальной шириной клинка несколько выше середины или на конце, т. е. ножи второго привольненского типа (рис. 72, I, 16, 23). Они являются основной формой металлических орудий также и в погребениях Примапычья, характеризующихся ямами с заплечиками и ранними типами катакомб со шнуровой керамикой²⁴. Ножи второго привольненского типа, видимо, доминировали и в полтавкинских памятниках, хотя здесь их известно меньше²⁵. В частности, яркий образец этого типа входил в упоминавшийся погребальный комплекс у хут. Степана Разина. Западнее Донеччины, на Левобережной Украине и в Поднепровье данный тип ножей пока неизвестен.

Ножи второго привольненского типа послужили прототипами для серии ножей с резко расширенной верхней половиной (пламевидной) клинка или его концом, лучше всего известной по погребениям Левобережья Дона и Калмыкии. В донецких комплексах на Нижнем Дону они не найдены, однако два экземпляра обнаружены на Донеччине (Малая Камышеваха, курган 4, погребение 2; Сватово, курган 10, погребение 1, рис. 72, I, 25)²⁶. Это обстоятельство позволяет относить начало сложения пламевидных ножей еще ко времени донецкой катакомбной культуры.

Ножи с широким черешком и коротким треугольным или стрелчатым клинком относятся к раннекатакомбному времени и существенно отличаются от соответствующих более поздних орудий из погребений с маньчской керамикой (клинок уже, наибольшая ширина в основании, а не посредине, как у широких маньчских ножей; рис. 72, I, 26). Подобный нож найден в погребении на Восточном Маньче вместе с пососпковидной бронзовой булавкой²⁷.

Пососпковидная бронзовая булавка из погребения в Ростове-на-Дону (рис. 72, I, 9) весьма характерна для ранних северокавказских погребений. Такие булавки восходят к новосвободненским серебряным изделиям аналогичного назначения.

Крюки из погребений Донеччины, найденные в комплексе с характерными донецкими сосудами и ножами, представляют собой, по-видимому, вилки для мяса (рис. 72, I, 2, 29). У образца из погребения у пос. Фрунзе сохранилась деревянная ручка длиной 30 см. Длина крюка-вилки вместе с ручкой достигала 40 см. Самые близкие аналогии донецким крюкам

имеются среди инвентаря «среднекубанской» группы памятников, по А. А. Иессену²⁸ (первый этап северокавказской культуры, по В. И. Марковину). Здесь они встречены в типичных комплексах северокавказской культуры. В погребениях майкопской культуры подобные крюки отсутствуют. Поэтому неверно утверждение Т. Б. Поповой о новосвободненской принадлежности двух крюков из Краснодарского музея и из погребения на Донце²⁹. Отсюда, видимо, исходит и ошибка И. В. Синицина, назвавшего такие изделия в составе комплексов дольменов ст. Новосвободной³⁰. Новосвободненская принадлежность катакомбного крюка из Каменки на Донечине вызвала сомнение также у А. А. Формозова, указавшего более близкую аналогию ему в дольменах Абхазии³¹.

Бронзовые подвески и бусы из донецких погребений полностью аналогичны соответствующим украшениям, хорошо известным в северокавказской культуре I и II этапов (рис. 72, 1, 3, 19, 14, 18). Классификация и хронология их не разработана. Можно лишь отметить, что простейшие подвески с узелком на одном конце и утолщением на другом, а также близкие к ним подвески в форме обрывка шнура более всего характерны для ранних северокавказских памятников. Они встречаются здесь в комплексах с роговыми и бронзовыми молоточковидными булавами, с бляхами с пунсонным орнаментом, с кольцевидными медальонами, ранними типами ножей³². В погребении у ст. Новолабинской они найдены вместе с майкопским сосудом³³. Обращает на себя внимание факт отсутствия характерных шнуровых подвесок в комплексах маньчской культуры, датировка которых определяется более поздним временем, чем первый этап северокавказской культуры. На сотни исследованных в Приманьчье погребений лишь в одном встречена подвеска, однако это погребение ранней северокавказской, а не маньчской культуры³⁴.

В отношении подвесок-медальонов с ушками, представленных в северокавказских древностях несколькими типами, необходимо также отметить, что наиболее простые из них в виде кольца или диска с концентрическими (часто шнуровыми) кругами, по-видимому, характерны лишь для I этапа северокавказской культуры. Они часто встречаются в тех же наборах предметов, что и упомянутые выше шнуровые подвески. Такой медальон найден среди раннего инвентаря погребений у Соломенки, включавшем сосуды, еще не утратившие ощутимую связь с майкопской керамикой³⁵. Известны они и в Сачхерских курганах (Начеркезави, гробница 2), верхний хронологический рубеж которых определяется О. М. Джапаридзе 1900—1800 гг. до н. э.³⁶

Медальоны в виде кольца с ушком и узелковые подвески встречены в северокавказских комплексах с бляхами с пунсонным орнаментом и посошковидными, молоточковидными и гвоздевидными булавами³⁷. Подобная бляха известна в погребении воина кургана XL в Триалети³⁸, которое датируется Э. М. Гогодзе рубежом III—II тысячелетия до н. э.³⁹ Вероятно, несколько более поздний возраст близкой бляхи из погребения 19 в верхней части IV слоя Тепе Диямшиди (Иран). Этот слой Ф. Шеффер относит к 2000—1800 гг. до н. э.⁴⁰

Из прочих предметов, имеющих значение при хронологических оценках, назовем молоточковидную булавку из Соленого и Ростова-на-Дону и глиняную модель кузова повозки (?). Первый предмет характерен для позднейших и раннекатакомбных комплексов всех территориальных групп, за исключением донецко-донской, в которой их найдено только две, и то в периферийных районах. Второй предмет из Ростова-на-Дону (1967 г., курган 6, погребение 11) аналогичен модели из раннего северокавказского погребения 1 Ульского кургана 5 с посошковидными булавками и статуэтками ⁴¹.

В целом по набору предметов, прежде всего металлических, погребения донецкого типа относятся к тому же хронологическому горизонту, что и комплексы северокавказской культуры этапов I и отчасти II по периодизации В. И. Марковина. Среди материалов последних раскопок им соответствуют в Верхнем Прибуканье погребения в простых ямах и ямах с захлечиками, выделяемые А. Л. Нечитайло в первую хронологическую группу ⁴², а в Калмыкии погребения в ямах с захлечиками и катакомбах, сопровождающиеся керамикой со шнуровой орнаментацией и предшествующие по стратиграфии захоронениям маньчского (предкавказского) типа. В. А. Сафронов выделяет эти погребения в I хронологический горизонт Предкавказья ⁴³.

Приведенный набор предметов из погребений Нижнего Подонья и Донеччины и сопоставление их с предметами из погребальных комплексов Северного Кавказа, имеющих отдельные параллели в древностях Передней Азии, определяют хронологию донецкой катакомбной культуры. Исходя из наличия в донецких, а также ранних северокавказских комплексах небольшого количества вещей новосвободненского периода майкопской культуры и принимая во внимание датировку этого периода (2300—2000 гг. н. э., по А. А. Иессену и, отчасти, по Ф. Шефферу) ⁴⁴, начало ее следует отнести ко времени, близкому к 2000 г. до н. э. Это дата конца майкопской культуры и начала сложения северокавказской.

Конечная дата донецкой катакомбной культуры — около 1700 г. до н. э. Ее определение в значительной степени связано с датировкой последующих культурно-хронологических групп. Итак, датировка памятников донецкой катакомбной культуры может быть ограничена 2000—1700 гг. до н. э., что соответствует в общем несколько расширенному кругу памятников I этапа северокавказской культуры (по В. И. Марковину) или культуры периодов I—II средней бронзы Кавказа (по Ф. Шефферу) ⁴⁵.

Среди погребений этой культуры возможно выделение как наиболее ранних групп, так и наиболее поздних, отвечающих развитому этапу. Так, В. Я. Кияшко, опираясь на обильные материалы, полученные в последние годы, к числу самых ранних погребений относит катакомбные могилы «Т»-видной формы, сопровождающиеся в основном жаровнями из фрагментов горшков, восходящих к формам ямных сосудов, а также из амфор раннего дольменного типа ⁴⁶.

Памятники бахмутской и маньчской групп. Памятники бахмутской и маньчской групп Нижнего Подонья характеризуются почти однотип-

ными предметами из металла, камня, пасты, что наряду с приведенными выше данными по части взаимовстречаемости типов керамики указывает на их одновременность. Поэтому указанные группы целесообразно рассматривать вместе.

Прежде всего необходимо отметить, что состав предметов, происходящих из бахмутских и маньчских погребений, совсем иной, чем из катакомб донецкого типа, и сами предметы типологически более поздние (рис. 72, I, II).

Тесла (4 экз.). Одно тесло из Шахаевского кургана 3 по отношению длины к ширине лезвия соответствует привольненскому типу, однако отличается от него более узкой пяткой (индексы $L/B_1 = 2,7$; $B_1/B_2 = 2,5$, у привольненских тесел индекс $B_1/B_2 = 1,7-2$; рис. 72, III, 13). Два тесла из Шахаевского кургана 1 и кургана в Волгограде (Царицыне) длиннее привольненских соответствующих орудий и представляют промежуточный тип между этими последними и длинными теслами костромского типа (индексы $L/B_1 = 3$; $B_1/B_2 = 2,4$; 2; рис. 72). Одно тесло из кургана у Алитуб соответствует костромскому типу ($L/B_1 = 4,2$; $B_1/B_2 = 3,5$; у костромского тесла $L/B_1 = 3,5$; $B_1/B_2 = 5$; рис. 72, II, 1; III, 12).

Долота (2 экз.). Из тех же комплексов, что и тесла, происходит два долота (Волгоград, Алитуб). Одно из них относится к привольненскому типу, второе — к костромскому (рис. 72, II, 1, III, 24). В отношении этого рода орудий не наблюдается четкой смены одного типа другим. Так, в Костромском кладе они обнаружены вместе, в погребении у Алитуб привольненское долото найдено с костромским теслом, а в погребении у хут. Степана Разина в комплексе с костромским долотом находились привольненские тесло и нож (рис. 72, II, 30).

Крюк-вилка из того же погребения в Волгограде, что и тесло и долото, более длинный, чем крюки из донецких и ранних северокавказских комплексов (рис. 72, II, 1). В этом отношении он ближе к аналогичным орудиям из маньчских погребений Калмыкии. Последние по пропорциям приближаются к длинному крюку из Кировоканского кургана, относимого А. А. Мартыросяном к XVI—XV вв. до н. э.⁴⁷

Ножи. Все ножи (около 20 экз.) происходят из погребений с керамикой маньчского типа. Среди них короткие ножи-карасики с широким подтреугольным или листовидным клинком; длинные пламевидные с резко расширенной верхней половиной клинка и длинные пиковидные с расширенным концом клинка (рис. 72, III, 1—4, 12, 14, 15, 17—23).

Ножи первого и третьего типов отсутствуют в донецких комплексах. Ножи второго типа нехарактерны для комплексов с донецкой керамикой. Они найдены лишь в двух погребениях на Донеччине. В целом ножи указанных типов наиболее характерны для маньчской культуры. Известны они и в поздних северокавказских комплексах. Как уже отмечалось, пламевидные и пиковидные ножи происходят от ножей второго привольненского типа, являющихся наиболее распространенной формой режущих орудий в донецких и ранних северокавказских памятниках. Их более поздний возраст документируется рядом комплексов, где они встречаются

с предметами послепривольненского времени. У части длинных ножей на клинке появляется ребро, как у кавказских кинжалов, один образец которого известен и на Нижнем Дону⁴⁸.

К редким типам относятся два ножа с боковыми выемками в основании клинка, чем они напоминают раннесрубные образцы, отличаясь от них формой клинка (рис. 72, III, 21, 22).

Металлические украшения в погребениях интересующих нас групп большая редкость. В этом отношении бахмутская и маньчская группы резко отличаются от донецкой. Столь же редки они и в погребениях Калмыкии. Лишь в одном погребении у Новочеркасской ГРЭС найдено несколько височных колец в полтора оборота овальной формы (рис. 72, II, 4). На Донеччине также известно лишь одно погребение с подобными кольцами и реповидными сосудами⁴⁹ (рис. 72, III, 5). Хотя типология и хронология колец еще обстоятельно не разработана, однако замечено, что овальные височные кольца более характерны для поздних памятников, а круглые — для ранних (ямных, катакомбных). В северокавказской культуре овальные кольца распространены на позднем этапе⁵⁰.

Каменные топоры (3 экз.) из погребений с маньчской керамикой относятся к типам, неизвестным в донецких памятниках (рис. 72, III, 6, 7, 16). Из них наиболее интересен топор из погребения у Ворошиловграда (Луганска), внешне напоминающий третий тип топоров Бородинского (Бессарабского) клада⁵¹, с которым обычно он сопоставляется. Однако луганский топор существенно отличается от бородинского (отсутствие огранки, слабая изогнутость) и относится к серии других топоров, представленных образцами из Херсонского музея⁵², Жданова (Мариуполя)⁵³, Старомихайловки (Ставрополье)⁵⁴, Аккермени⁵⁵ (рис. 74). Последние, по-видимому, относятся к более раннему времени, чем дата Бородина. Так, топор из Аккермени входил в комплекс с такими предметами, как костяные пронизки с винтовой нарезкой и височные кольца в два с половиной оборота. Последние характерны только для позднейших и ранних катакомбных погребений.

Каменные булавы. Помимо обычных гладких наконечников булавы шаровидной и грушевидной формы в трех погребениях с керамикой маньчских и бахмутских (среднедонецких) форм найдены новые формы булавы, неизвестные в предшествующее время. Это две булавы с четырьмя выступами на шаровидном и боченковидном корпусе с индексом $L/B=0,9; 1,1$ (рис. 75, 2, 5). Третья булава гладкая боченковидная с индексом $L/B=1,1$ (рис. 75, 4)*.

На первый взгляд булавы с выступами аналогичны известным булавам из Бородинского клада и могильника Фаскау. Однако последние, вместе с подобными изделиями из Тубенель (Балкария)⁵⁶, Усымани и комплекса в кургане Батырь у Новочеркасска, характеризуются удлинненным яйцевидным корпусом ($L/B=1,3-1,36$), чем существенно отличаются от приводимых образцов (рис. 75, 6—9, 13).

* L — высота булавы, B — диаметр корпуса.

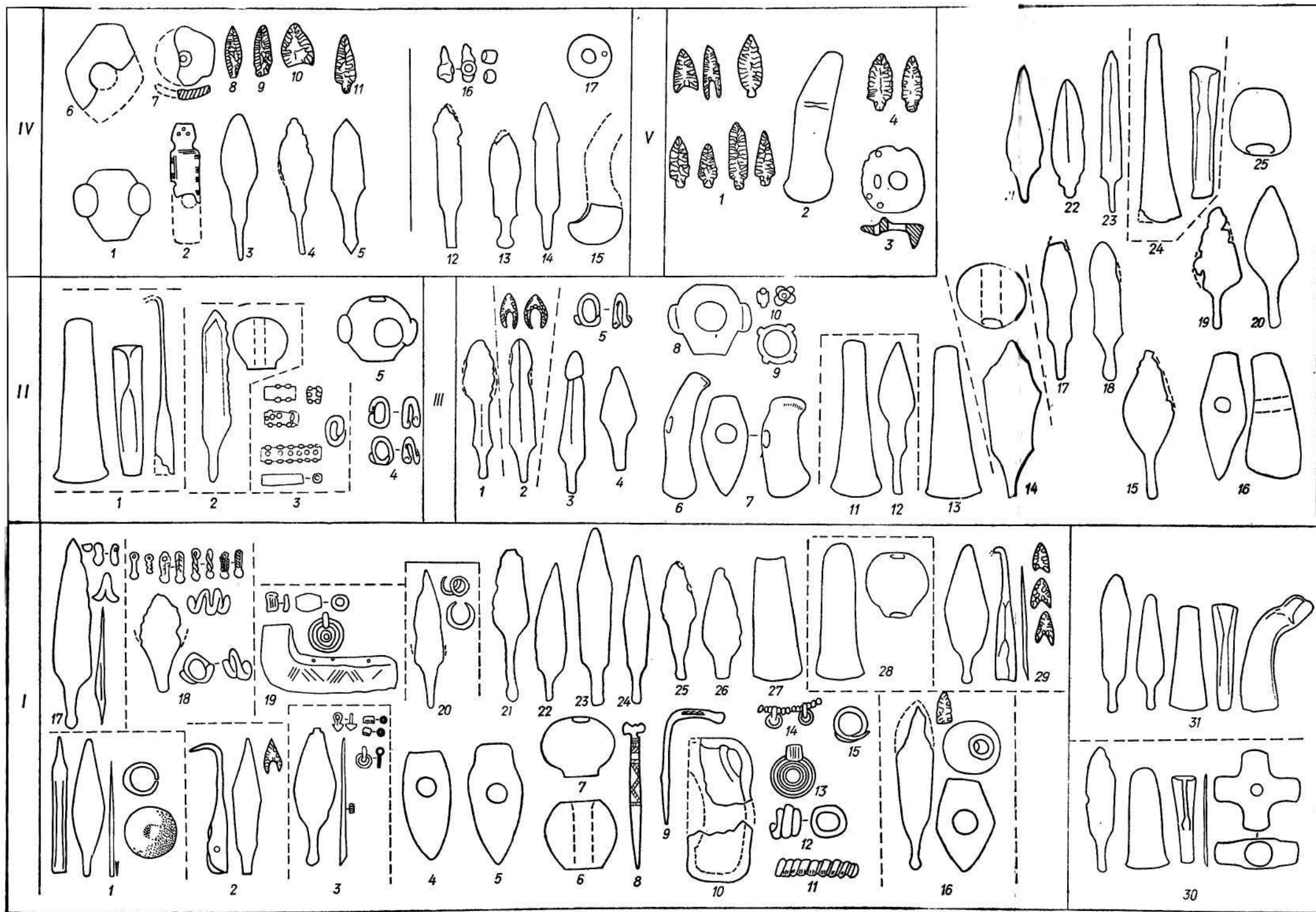

Рис. 72. Периодизация и хронология памятников.

I. Памятники донецкой катакомбной культуры:

1 — Луганск, 1926 г., курган 3, погребение 1; 2 — Фрунзе, курган 8, погребение 2, камера 2; 3 — там же, камера 1; 4 — Донской, курган 5, погребение 29; 5 — Лысый курган, погребение 10; 6 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 2, погребение 11; 7 — Покровское, курган ССВ, погребение 8; 8 — Солонный, курган 3, погребение 6; 9 — Ростов-на-Дону, курган 1, погребение 6; 10 — Краматорск, курган, погребение 1; 11 — Донской, курган 5, погребение 15; 12, 22 — Цимлянский, Саркельская группа, 58/26, погребение 5; 13 — Ковалевка, курган 3, погребение 1; 14 — Ливенцовка, курган 1, погребение 24; 15 — Константиновская, курган «Баба», погребение 2; 16 — Хрящевский, курган 1, погребение 17 — Константиновская, курган «Баба», погребение 3; 18 — Новочеркасск, завод № 17, курган, погребение 1; 19 — Ростов-на-Дону, курган 6, погребение 11; 20 — Донской, курган 7, погребение 15; 21 — Новочеркасск, Шибельный курган, погребение 4; 22 — Новочеркасск, курган у Хохлача, погребение Д; 23 — Шахлевская группа, курган 4, погребение 33; 24 — Малая Камышеваха, курган 4, погребение 2; 25 — Великая Камышеваха, курган 2, погребение 4; 26 — Славяносербск, курган, погребение; 27 — Славяносербск, курган 2, погребение 2; 28 — Каменка, курган 15, погребение 3; 29 — хут. Степана Разина (Левобережье), курган 4, погребение 6; 30 — Привольный клад (Прикубанье).

II. Памятники бахмутского типа:

1 — Бахмут (Цирпын), курган, погребение 2; 2 — Нижне-Чирская, курган, Кирпичный, погребение; 3 — Луганск, 1929 г., курган 1, погребение 22; 4 — Новочеркасская ГРЭС, курган 2, погребение 24; 5 — Сталина, курган 30, погребение 5.

III. Памятники маньчжурского типа:

1 — Александровск, курган 10, погребение 13; 2 — Фрунзе, курган 8, погребение 4; 3 — Камышеваха, курган, погребение 3; 4 — Большой Мишкин, курган, погребение 2; 5 — Александровск, курган 1, погребение 30; 6 — Луганск, курган 3, погребение 3; 7 — Ростов-на-Дону, курган 5, погребение 6; 8 — Луганск, 1929 г., курган 1, погребение 20; 9 — Ливенцовка, курган 1, погребение 16; 10 — Новочеркасск, Институт виноградарства, курган 1, погребение 1; 11, 12 — Шахлевская группа, курган 1, погребение 10; 13 — там же, курган 3, погребение 5; 14 — Кудинов, курган 1, погребение 9; 15 — Алитуб, курган 1, погребение 4; 16 — Новый Аксай, курган 8, погребение 6; 17, 20 — Семикаракорский, разрушенный курган, погребение; 18 — В. Янченко, курган 11, погребение 14; 19 — Лысый курган, погребение 19; 21 — Кудинов, курган 2, погребение 6; 22 — Алитуб, курган 3, погребение 27; 23 — Шахлевская группа, курган 2, погребение 12; 24 — Алитуб, курган 3, погребение 6; 25 — Ажинов 1, курган 2, погребение 11.

IV. — Памятники многоваликовой керамики:

1 — Усьман, курган 3, погребение 2; 2, 11 — Проказино; 3 — Раздольное; 4 — Николаевка, курган 5, погребение 2; 5 — Александровск, курган 1, погребение 4; 6 — 10 — Ливенцовка I; 12 — Нижняя Ведуга, курган 3, погребение 2; 13 — Кривой Рог, Гострая Могила, погребение 1; 14 — Ильмень, курган 8, погребение 4; 15 — Андрусовка; 16, 17 — Бабино III, V, Ливенцовская крепость (1-2), Каменка (2), Суворовская, курган 10, погребение 6 (4).

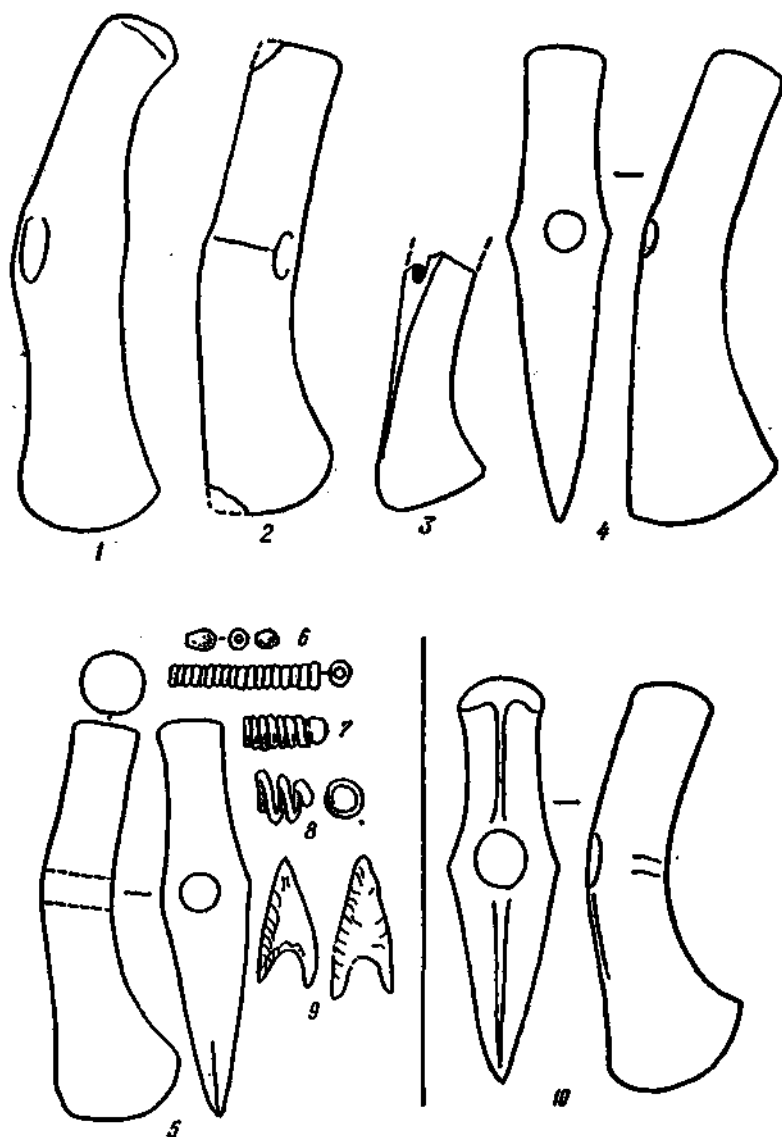

Рис. 74. Боевые топоры:

1 — Луганск, курган 3, погребение 3; 2 — Херсонский музей; 3 — Ждановский музей; 4 — Старомыхайловка, разграбленный курган, погребение; 5 — 9 — Аккермень, курган 8, погребение 7 (6 — палка, 7 — кость), 10 — Бородинский клад.

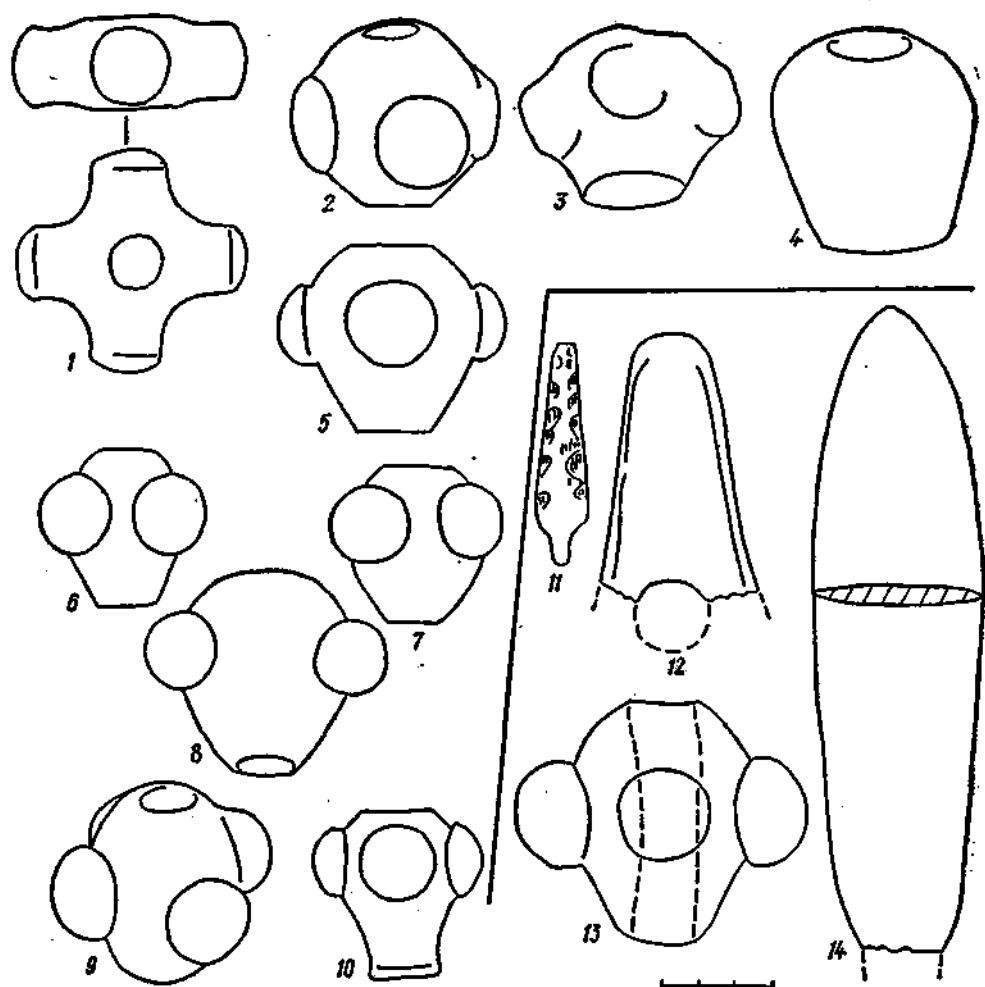

Рис. 75. Навершия булав и комплекс вещей:

3-9, 11-13 — камень; 10, 14 — бронза; 1 — хут. Степана Разина, курган 4, погребение 6; 2 — Старица, курган 30, погребение 5; 3 — Рясные Могилы, случайная находка; 4 — Ажипов I, курган 2, погребение 11; 5 — Луганск, 1929 г., курган 1, погребение 20; 6 — Тубель; 7 — Черкесск; 8 — Фаскау; 9 — Бородинский клад; 10 — Артик; 11-14 — курган Батырь у Новочеркасска.

Булавы с выступами появляются значительно раньше времени сложения комплексов Фаскау и Бородина. Наиболее ранние из них с приплюснутым корпусом известны еще в неолите (Мариупольский могильник). Приплюснутая булава с четырьмя выступами входит и в упоминавшийся комплекс из хут. Степана Разина, состоящий из металлических вещей привольненского возраста. Исходя из имеющейся серии булав⁵⁷ и характера комплексов, в которые они входят, типологический ряд их, вероятно, такой: низкие приплюснутые — круглые — боченковидные — удлинённые яйцевидные. На более позднюю дату яйцевидных булав бородинского типа указывает также то, что позднейшие литые бронзовые булавы из могильников Лчапена, Бештапена, Самтавро, Артика⁵⁸ также имеют удлинённый овальный корпус (рис. 75, 10). Эти могильники датируются XIII в. до н. э.

Пастовые бусы. В пяти погребениях Нижнего Дона и Донеччины вместе с керамикой маньчских и бахмутских форм встречены пастовые бусы, гладкие и с выступами (рис. 72, II, 3; III, 10). Наиболее важны для нашей темы бусы в виде длинных и коротких трубочек с несколькими выступами (бородавками) и коротких цилиндриков с четырьмя симметрично расположенными выступами. Простой бисер из стекловидной пасты появляется очень рано. Он известен уже в раннебронзовых памятниках Кавказа, в куро-аракских⁵⁹ и майкопских⁶⁰ (вторая половина III тыс. до н. э., несколько позже, чем в Передней Азии). В среднебронзовый период такой бисер, а также бусы в виде гладких трубочек получают широкое распространение, на что указывают многочисленные погребальные комплексы Северного Кавказа⁶¹. Важно отметить, что пастовые бусы есть в составе погребений раннего и развитого этапов северокавказской культуры. Они встречены с пососковидными булавами, выпуклыми бляхами с пунсонным орнаментом и другими предметами⁶². В погребении у Пятигорска (Константиновское плато) в таком комплексе находились и сегментированные бусы, хорошо известные в различных культурах средневропейской зоны. В ранний период средней бронзы простые пастовые бусы известны и в комплексах Донеччины⁶³.

Типологии и хронологии пастовых бус юга Восточной Европы и Кавказа уделено пока мало места в исследованиях. Приведенные данные указывают на довольно раннюю дату их появления, причем не исключено, что они местного производства (а не импорт из Передней Азии). Лучше изученные бусы средневропейской зоны, в частности сегментированные, еще недавно относимые к XV—XIII вв. до н. э., сейчас значительно удвунены и появление их относят к 1800 г. до н. э. (бронза A1, по Р. Рейнке)⁶⁴.

Пастовые бусы с выступами относятся к серии кавказских украшений, широко распространенных на Северном Кавказе и в Закавказье и отсутствующих в Средней Европе. Наиболее известные и часто встречаемые здесь бусы с тремя выступами-рожками (рогатые бусы) датируют серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. Они найдены в Нальчикском могильнике (впускное погребение), в комплексе из Верхней

Рутхи⁶⁵, в курганах у Манас⁶⁶, Миатлы⁶⁷, Элисты⁶⁸ и других пунктах. Известны также бусы и в Персидском Талыше (дольмен у Чила-Кен), где они относятся к 1450—1350 гг. до н. э.⁶⁹ Помимо трехрожковых бус, в маньчских и северокавказских комплексах⁷⁰ и курганах Триалети⁷¹ встречены длинные и короткие бородавчатые бусы, идентичные северскодонским и нижнедонским. Комплексы с бусами в курганах I, III, V Триалети (Зуртакент) О. М. Джапаридзе датирует XVII—XVI вв. до н. э. Бородавчатые пастовые бусы имеют соответствия в металле северокавказской культуры, ее развитого этапа⁷², что, наряду с другими данными, указывает на их местное производство. Таким образом, представляется возможным датировать бородавчатые и четырехрожковые бусы второй четвертью II тысячелетия до н. э. В пределах XVII—XIV вв. датируются рогатые трехрожковые бусы, так как они зафиксированы в указанных выше комплексах XVII—XVI вв. до н. э., XV—XIV вв. до н. э. Находки таких бус особенно часты в погребениях Калмыкии.

По основным типам погребального инвентаря погребения маньчского типа Подонья, а отчасти и бахмутского (хотя инвентарь их скуден), полностью сопоставимы с элистинскими памятниками Калмыкии. Исходя из наличия в Калмыкии стратиграфически и типологически более ранней группы погребений, отвечающей раннему этапу северокавказской культуры (хотя и с наличием катакомб) и учитывая послепривольненский возраст металлических и других сопутствующих вещей элистинской группы маньчской культуры, последнюю можно датировать от 1700 до 1300 гг. до н. э. При этом необходимо отметить, что для установления верхней даты данных пока мало и она в значительной степени основывается на времени появления в Приманьчье и на Донском Левобережье срубной культуры, памятники которой не могут быть здесь старше XIII в. до н. э. Из поздних предметов, которые можно датировать XV—XIV вв. до н. э. в погребениях с реповидными сосудами Левобережья, обнаружено лишь длинное костромское тесло и два ножа со слабыми выемками в основании клинка, чем они несколько приближаются к раннесрубным наделкам.

Редкие находки срубного металла в Предкавказье датируются в основном вторым периодом срубной культуры, к которому здесь относится небольшое число поселений (Донское Левобережье, Нижний Маньч, Ея)⁷³ и погребения в насыпи курганов. Лишь три находки ножей бесспорно срубного облика с выделенным плоским перекрестием относятся к предсабатиновскому времени — XIV в. до н. э. (Крымская, Элиста, Таманский клад; здесь ножи в комплексе с костромским теслом)⁷⁴. Однако ввиду того, что принадлежность этих чрезвычайно важных находок к культурным комплексам пока не установлена, значение их для хронологии Предкавказья ограничено.

Для Правобережья и Донецчины период бытования памятников маньчского и бахмутского типов должен быть сокращен и относиться к 1700—1600 гг. до н. э. В определении верхней даты мы опираемся на факт отсутствия в этих группах данных, свидетельствующих о контактах с раннесрубной культурой — таковые отмечаются в последующих культур-

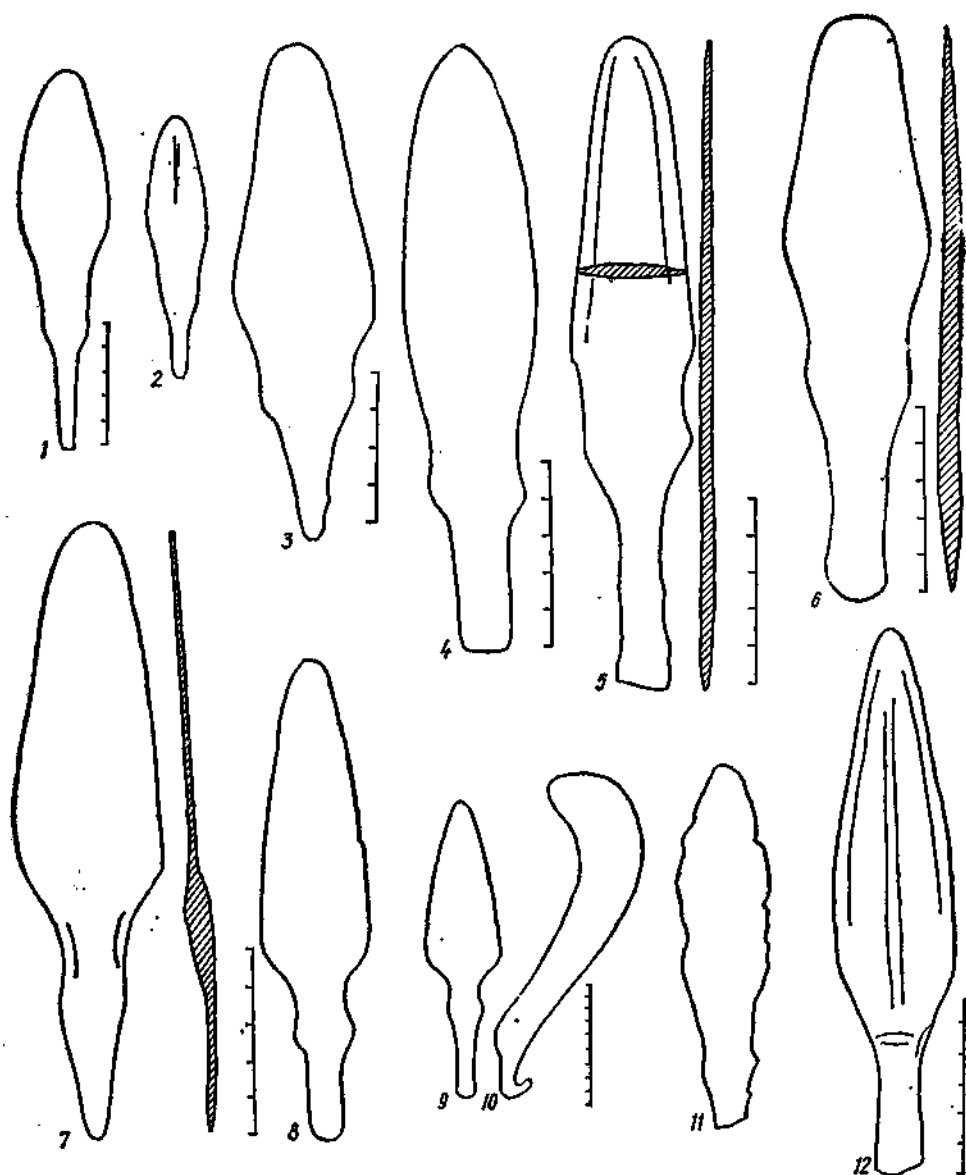

Рис. 76. Ножи и серп эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Донеччины:

1 — поселение Раздольное; 2 — Орехово, погребение; 3 — Гуково; 4 — поселение Капитаново, 5 — поселение Яножино; 6 — Калиновка, Донецкий музей. 7 — Новочеркасский музей; 8, 12 — Николаевка, курган 1; 9, 10 — Нижнекудряченская; 11 — поселение Лавенцовна, слой 5.

ных группах, рассматриваемых ниже. Отсутствуют также раннесрубные элементы в памятниках Нижнего Поволжья — погребениях со среднедонскими сосудами, в том числе близкими бахмутским. Единственная находка здесь реповидного сосуда связана с досрубным комплексом полтавской культуры (Быково, курган 7, погребение 12)⁷⁵. Необходимо учесть, что на Правобережье памятников с керамикой маньчского и бахмутского типов сравнительно немного, что указывает на непродолжительность периода, к которому они относятся.

Памятники многоваликовой керамики и ливенцовская крепость. Памятники многоваликовой керамики Нижнего Дона, Ливенцовская, а с ней и Каратаевская крепости, относимые нами к поздней северокавказской (прикубанской) культуре, дали пока немного вещей, важных для определения их хронологии. Это каменный топор с вычурным лезвием, как у бородинской секиры, и кремневые черешковые наконечники стрел. Из соседних однокультурных памятников Донеччины, Приазовья, Среднего Дона, Поднепровья и Восточного Крыма к этим предметам присоединяются еще бронзовые, каменные, роговые, костяные изделия и пастовые бусы. Таким образом, собирается набор предметов, весьма важных для решения проблемы хронологии интересующих нас памятников Подонья и Украины, еще недавно не имевших достаточно аргументированных хронологических привязок. Особенностью этого набора является то, что в нем сочетаются предметы, с одной стороны, предшествующего периода, южно-го, катакомбно-северокавказского происхождения, а с другой — новые, восточные, хорошо известные в раннесрубной и абашевской культурах.

Ножи. В памятниках многоваликовой керамики встречено уже шесть бронзовых ножей. Четыре из них представляют типы, характерные для погребальных комплексов с реповидными сосудами Подонья, Донеччины, Калмыкии. Это два пламевидных ножа из поселения Раздольное на Кальмиусе⁷⁶ и погребения в срубе у Николаевки под Ворошиловградом⁷⁷ (рис. 72, IV, 3, 4; 76, 1). Два других ножа, пиковидные с расширенным концом клинка, происходят из погребений у Нижней Ведуги⁷⁸ и Ильмени⁷⁹ на Среднем Дону (рис. 72, IV, 12, 13). Клинок у них имеет параллельные края, чем они отличаются от большинства маньчских пиковидных ножей, у которых клинок расширен также и в основании, образуя упор для ручки. Однако и в маньчских комплексах есть такие ножи с параллельными краями, хотя они менее известны⁸⁰. В последнее время такой нож встречен на Левобережной Донеччине в комплексе с высоким среднедонским сосудом⁸¹. Указанные ножи, как уже отмечалось, относятся к послеприволынским типам, хотя появляются они еще в донецких комплексах. Определенной даты они не дают и не имеют аналогий на Кавказе (за исключением нескольких находок в предгорье). В целом период их бытования может охватывать XVII—XIV вв. до н. э.

К раннесрубным изделиям относятся два ножа с характерными язычками на конце черешка, найденные в срубе у г. Александровска под Ворошиловградом⁸² и в каменном ящике у Кривого Рога⁸³ (рис. 72, IV, 5, 13). Один из них с боковыми выемками (намечающимся перекрестием).

Каменные топоры. Целый топор из Ливенцовской крепости и обломок из «многоваликового» поселения Андрусовка по вычурному полуциркулярному лезвию более всего соответствуют бородинской секире (рис. 72, IV, 15, V, 2). Такие топоры менее распространены. Они неизвестны в ранних комплексах, и возраст их, видимо, более надежно, чем других бородинских топоров, связан с датой Бородинского клада.

Кремневые черешковые наконечники стрел из Ливенцовской крепости и поселений культуры многоваликовой керамики (Ливенцовка I, Проказино на р. Айдар (рис. 72, IV, 8—11, V, 1, 4), как уже отмечалось выше, находят соответствия в раннесрубных комплексах. Они неизвестны в катакомбных погребениях и позднесрубных комплексах. Единственная находка таких наконечников на Северном Кавказе связана с поздним северокавказским погребением в катакомбе у ст. Суворовской, сопровождавшимся бесшейным сосудом с ручкой, аналогичным рутинским чашам⁸⁴ (кстати, фрагмент такой чаши есть и среди керамики Ливенцовской крепости). Это погребение по обряду и керамике относится к группе, в которой встречаются также реповидные горшки, курильницы, ножи — «карасики», т. е. типы, характерные для памятников маньчского типа. Данное обстоятельство представляется важным и для определения верхнего хронологического рубежа маньчских памятников⁸⁵.

Псалии. Желобчатый костяной псалий, найденный на поселении Проказино, по-видимому, связан со слоем многоваликовой керамики⁸⁶ (рис. 72, IV, 2). Такие псалии К. Ф. Смирнов относит к XV—XII вв. до н. э.⁸⁷ Необходимо отметить, что они встречены в комплексах определенно покровского времени. Другой тип псалиев — дисковидные роговые или костяные с шипами — представляет нам поселение Каменка⁸⁸ (рис. 72, V, 3). Подобные псалии известны в абашевской культуре (Балабаш, Кондрашевка) и из случайных находок (Трахтемиров). А. М. Лесков сближает их с бронзовыми ближневосточными и микенскими костяными колесовидными псалиями и датирует XVI в. до н. э.⁸⁹ На Ближнем Востоке время их бытования определяется Ф. Гончаром XVI—XV в. до н. э. (Газа, Рас Шамра, Тель Амарна⁹⁰). В Микенах они найдены в IV шахтовой гробнице, дата которой 1570—1550 гг. до н. э. В Газе псалий относится ко второму слою, датируемому временем ранних гиксосов (XVII в. до н. э.). Однако Х. Потратц сомневается в принадлежности его к этому слою и не принимает эту дату. Он объединяет различные колесовидные псалии в один тип и датирует их в целом с 1400 г. до н. э.⁹¹

Булавы с выступами. В свете последних открытий на Донеччине и сделанном И. А. Писларием на их основе пересмотре культурной принадлежности погребений в срубках (с западной ориентацией слабоскорченных костяков) представляется возможным некоторые погребения на Нижнем Дону отнести к культуре многоваликовой керамики*. В их числе

* Таковыми можно рассматривать ранее непонятные погребения в Кудиново (курган 1, погребения 6,7) и Усымани (курган 3, погребение 2). Погребения устроены в неглубоких ямах (как и срубы Донеччины и каменные ящики Поднепровья), в погребенной почве. В ямах из Кудинова находились остатки развалившихся срубов.

погребение из Усымани с булавой яйцевидной формы с четырьмя выступами⁹² (рис. 72, IV, 1). Подобная булава найдена и в позднем северокавказском погребении в катакомбе у Черкесска (рис. 75, 7), относимого А. Л. Нечитайло к той же верхнекубанской группе, что и упомянутое выше захоронение у ст. Суворовской⁹³. Такие яйцевидные навершия, как уже отмечалось, являются позднейшими среди серии булав и соответствуют подобного рода изделиям из Бородинского клада, могильника Фаскау и комплекса кургана Батырь.

Пастовые бусы. Из нижнего жилища поселения Бабино III на Днепре происходят бусы из голубой пасты (фаянса) с двумя рожками, близкие подобным пастовым украшениям из двух позднекатакомбных погребений в Нижнем Поднепровье (рис. 72, IV, 16)⁹⁴. Несмотря на разницу в количестве выступов-рожек, эти бусы из Поднепровья выполнены в одном стиле с кавказскими и их следует, видимо, датировать тем же временем (XVII—XIV вв. до н. э.). Такое сближение оправдывается и тем, что в одном из погребений на Нижнем Днепре вместе с бусами находился реповидный сосуд.

Из вещественных материалов, происходящих с Северного Кавказа, из позднесеверокавказских погребений, помимо упоминавшихся могильников Рутха, Фаскау, верхнекубанской группы могил в катакомбах, в которых имеются параллели Ливенцовской крепости, следует привести предметы из Первомайского (Галашки). С одной стороны, они важны тем, что значительно расширяют набор вещей, важных для хронологии, а с другой — с ними найдены сосуды с валиком в основании шейки, удивительно близкие керамике Ливенцовской крепости. Имеются в виду, прежде всего, бронзовый топор, наконечник копья с ребром вдоль пера, кинжал. Е. И. Крупнов определял время комплексов из Первомайского серединой II тысячелетия до н. э.⁹⁵ В. А. Сафронов датирует их после XIII в. до н. э., ссылаясь на дату топора-секиры из Гоек-Тепе, якобы близкого первомайскому⁹⁶. Однако такое сопоставление неоправдано, так как секира из Гоек-Тепе и близкая ей из Грме-Геле существенно отличаются от топора из Первомайского. Более близкие аналогии последнему в комплексах Персидского Талыша⁹⁷ и в Кировокаанском кургане⁹⁸. В памятниках позднего Талыша I находятся также аналогии копью и кинжалу. Дата позднего Талыша I, по Ф. А. Шефферу, 1550—1450 гг. до н. э.

К поздней северокавказской культуре относятся также комплексы с кинжалами из Андриюковской⁹⁹ и Костромской клад, датируемые в рамках XV—XIV вв. до н. э.

Приведенные пока еще немногочисленные предметы определяют хронологию памятников многоваликовой керамики Ливенцовской крепости и ее аналогов. Возможные хронологические рамки, в которые могут быть помещены памятники многоваликовой керамики — XVI—XIV вв. до н. э. В установлении этих вех мы основываемся на наличии в данных памятниках, с одной стороны, предметов еще катакомбных типов, а с другой — безусловно, раннесрубных, датировка которых тесно связана с датой Бородинского клада¹⁰⁰, Покровского, Сейминского и Турбинского могиль-

ников ¹⁰¹. С учетом времени появления срубной культуры хронологические рамки будут сужены для Среднего Подонья и Донеччины (рис. 76). Так на Донеччине памятникам многоваликовой керамики могут быть отведены лишь XVI—XV вв. до н. э., так как здесь срубная культура появляется на раннем этапе, по ряду данных в XIV в. до н. э. Иное положение на Нижнем Дону, где поселения и погребения срубной культуры относятся лишь к сабашиновскому времени (XIII—XII вв. до н. э.), а отдельные находки металлических изделий позднейших раннесрубных типов могут быть и не срубными по культурной принадлежности. Таким образом, для памятников многоваликовой керамики Нижнего Подонья (как и Северного Причерноморья вообще) наиболее вероятная дата в пределах XVI—XIV вв. до н. э. К этому же периоду относится Ливенцовская и Каратаевская крепости, более узкая дата для которых XV—XIV вв. до н. э.

В итоге исследования намечается такая хронология культурных групп Нижнего Подонья. Самые ранние памятники донецкого типа датируются 2000—1700 гг. до н. э. Их сменяют памятники бахмутского и маньчского типов, дата которых для Донского Правобережья и Донеччины XVII в. до н. э., а для Левобережья 1700—1300 гг. до н. э. Дата памятников многоваликовой керамики — XVI—XIV вв. до н. э., а Ливенцовской и Каратаевской крепостей — XV—XIV вв. до н. э., т. е. эти памятники частично или полностью синхронизируются с раннесрубной культурой.

Основные данные о катакомбах

№	Место- нахождение, курган, погребение	Расположение погребения			Стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							оценка	
		угол к центру	расстояние, м	направление соору- жения		яма		ката- комба	возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
						пропорции	ступеньки				угол скор- ченности	угол в ко- ленях	правая	левая			
1	ст. Нижне- Чирская, 1865 г., к. «Кирпич- ный», п.																
2	Константи- новка к. «Баба» ССЛIII/2								в	пб	скр					Ю	+
3	То же ССХLIII/3					$\frac{1}{1}$	+	$\frac{1}{0,9}$	в							Ю	+
4	Усть- Донецк разрушен- ный к/1																
5	То же к/2								в	пб	90	25	в	с		ССЗ	
6	» » к/3							+	в	пб	100	40	в	с		ЮЗ	
7	Хрящев- ский 1/3			СВ—ЮВ			+	+	в	пб			в	с		СВ	+
8	То же 2/2							+	в	пб	90	50	с	с		СЗ	+
9	Новочер- касская ГРЭС, 2/17	145	5	Ю—С		$\frac{1}{0,8}$		$\frac{1,3}{0,8}$	в	пб	110	45	с			З	
10	То же 2/20	225	10	ЮЗ—СВ		$\frac{1}{0,8}$		$\frac{1,4}{0,8}$	в	пб	110	45	в	с		СЗ	+

+ — Яма круглая или овальная. Сокращения: в — взрослый; п — подросток; р — ребенок; пб — пра-
вица; осн. — основное; кф. — кенотаф; СД — среднедонская подгруппа; НМ — нижнеманьчжурская; ЗД — змеи-

Погребения Правобережья Дона

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремнь	камень	кость	астрагалы		
инвентарь, курьелница	типы сосудов							
		нож		булава пест плитка				III?
		диски, бусы, височное кольцо					яма 1,42×1,06 м	I
	миска VIIБ1	нож, шило, бусы, подвески			+		костяк плохой сохранности	I
	горшок IIIБ1						погребение разрушено	II
	горшок IIIБ1 два горшка IIБ1	нож	+	топор булава		+	погребальное сооружение разрушено	? II I
ж		тесло	+	булава			наконечники стрел, пластины, «ладьеобразный сосуд» (утерян), череп коня	I II
ж							кремневые пластины две жаровни из дна и верхние части горшка IIБ2 жаровня из дна, деревянный сосуд	? ?

лб — левый бок; лб — левый бок; сп — спина; ж — живот; в — вытянута; с — согнута; ж — жаровня; к — курьёвщина; СК — северо-кавказская, ранняя; РЛ — ростовско-луганская.

№	Место-нахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		форма	ката-комба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка	
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрещенности	угол в коленях	правая		
11	Новочеркасская ГРЭС, 2/21	235	9	ЮЗЗ—СВВ	↑	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,5}{0,9}$	в	пб	130	45	в	в	СЗ	
12	То же 2/23	285	8	ЮЗ—ССВ		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,3}{0,9}$	в	пб	110	20	в		СЗ	
13	» » 2/24	195	11			$\frac{1+}{0,6}$		$\frac{0,9}{0,6}$	в	пб	100	45	в	с	З	
14	» » 2/28	170	9	Ю—С				+	в	пб	90	22	в	с	З	
15	» » 3/3	90	7,7	ЮВ—СЗ?					р						ЮЗ	
16	» » 3/7	270	4	ЮЗ—СВ					р	пб	135	25	в	с	ССЗ	
									в	пб	135	70	в	с	ССЗ	
17	» » 3/8	250	5	ЮЗ—СВ					р	пб	135	65	в		СЗ	
18	» » 3/11	90	5	В—З			$\frac{1}{0,7}$	$\frac{1,2}{0,7}$	в	пб	135	55	в	с	ЮЮВ	
19	» » 3/12А	50	6,3	СВ—ЮЗ			$\frac{1}{0,8}$	$\frac{2,5}{1,2}$	р	пб	110	45	в	с	ЮЮВ	
20	» » 3/12Б	»	»	»		»	»	р	пб	135		в		Ю		
21	» » 3/13	210	5	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{0,7}$	$\frac{1,3}{0,6}$	В	Ж	105	40	в	с	СЗ		
22	» » 3/17	100	4	ЮЮВ—ССЗ					в	пб	100	45	в	с	ЮЗЗ	+
23	Донской 5/11	120	7			+			в	пб	115	30	в	с	Ю	
24	То же 5/13	60	6,5	ЮЗ—СВ					в	пб					З	
25	» » 5/15	105	5,5	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1,4}$	$\frac{2,3}{1,6}$	р	п					Ю	+	
														Ю		
26	» » 5/18	210	9,5	ЮВ—СЗ					р	пб	100	70			ЮЗ	+
27	» » 5/9	270	9,5	З—В					в	пб	90	40	с	с	С	
									в	пб	130	75	с	с	С	

Инвентарь							Примечания	Культурная группа	
керамика		металлы	камень	кремень	кость	астралаги			
наименование, курьезности	типы сосудов								
ж	реповидный горшок ПД2	кольца						ИПРЛ	
	реповидный горшок ПД2							ИПРЛ	
	два горшка ПБ							II	
	горшок ПБ1	височное кольцо						?	
ж	горшок ПБ1							I	
	горшок ПБ1							I	
	горшок ПБ1							I	
	амфорка ВБ1							I СК?	
ж	горшок ПБ1, жаровня из банки ВА1					+	+	погребальное сооружение погребения 12А, костяк затылком к входу костяк на животе, ноги вправо	I
	горшок ПБ1	бусина						I	
ж	фрагмент горшка П—Б1, жаровня из обломка горшка ПБ2							от костяка сохранились только ноги	И?
ж	жаровня из фрагмента амфоры ВА					+	+	три пронизки с винтовой нарезкой, две бусины	I
								?	
								?	

№	Место- нахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк						
		угол к центру	расстояние, м	направление соору- жения		яма пропорция	ката- комба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка
							ступеньки	пропорция			угол скор- ченности	угол в коле- нях	правая	левая	
28	Донской 5/21	270	5						в	пб	100	40	в	с	З
29	То же 5/22	240	7,5	ЮЗЗ— СВВ		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,2}{0,9}$	в	пб	100	50	в	с	З
30	» » 5/24	90	2,5	В—З					в	пб	95	50	в		СЗЗ
31	» » 5/29	90	5	В—З					в	пб	110	60			Ю
32	» » 6/6	110	3	ЮВВ— СЗЗ		$\frac{1}{1,2}$		$\frac{2}{1}$	в	пб			в		ЮЮВ
33	» » 6/11	0	4	С—Ю		$\frac{1}{1,2}$		$\frac{1,5}{0,8}$	в	пб?					В?
34	» » 7/3	225	6	ЮЗ—СВ		$\frac{1}{0,8}$	+	$\frac{1}{0,5}$	в	пб	120	50	в		СЗ
35	» » 7/5	100	6	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1,1}$	+	$\frac{1,2}{0,8}$	в	пб	105	20	в	с	Ю
36	» » 7/8	270	8	З—В		$\frac{1}{1,7}$	+	$\frac{2,2}{1,4}$	в	пб	110	25	в	с	С
37	» » 7/9	50	10,5	В—З		$\frac{1}{1,1}$		$\frac{1,3}{1,5}$		пб	130	100	в	с	Ю
38	» » 7/10	135	11,5	ЮВ—СЗ						пб	130	35	в		Ю
39	» » 7/11	70	16	СВВ— ЮЗЗ					в	пб	90	45	в	с	ЮЗ
									в	пб	120	25	в	с	ЮЗ
									в	пб	180	25	в	с	ЮЮВ
40	» » 7/12	90	12	СВ—ЮЗ		+			р	пб	107	80	в		ЮЗ
										пб	100	75	в	с	ЮЗ
										пб	90	50	в	с	ЮЗ
41	» » 7/15	60	9,5	В—З		$\frac{1}{1,4}$		$\frac{1,7}{1,2}$	в	пб	100	35	в	с	ЮЗ
										пб	170	120	в	с	Ю
42	Новочер- касск, 1964 г. Курган у Хойлача, п. В	40	5												
43	То же п. С.	70	7	В—З						пб					Ю

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа
керамика		металл	камень	кость	астралаги			
жаровня, куралында	типы сосудов							
		нож	булава	+	18		костяная подвеска пятно бронзы	II-III? II-III?
ж	жаровня из горшка IIА							I
ж	жаровня из горшка IIА		топор пест					I? I
ж	жаровня из горшка IIБ1							I
								?
ж	жаровня из горшка IIБ							II
								I
ж	жаровня из горшка IIБ						катакомба использована дважды	I
	горшок IIБ1				+	1	костяные кольца	I I
ж	горшок IIБ, жаровня из стенки	3 кольца		+			костяные кольца	I
ж	горшок IIА, жаровня из горшка IIА горшок IIБ	нож, шило, 2 кольца						I I
	горшок, форма?			+			три костяные пронизки, раковина с отверстием	I

№	Место- нахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							ссыл.		
		угол к центру	расстояние, м	направление соору- жения		яма		ката- комба	возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка			
						пропорция	ступеньки	пропорция			угол спор- ченности	угол в коле- нях	правая	левая				
44	Новочер- касск, 1964 г. Курган у Хохлача, п. Д	90	4,75	В—З		$\frac{1}{1}$		$\frac{2}{1,4}$			пб						Ю	
45	То же п. Б	60	4	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{0,6}$											ЮЗ	
46	Новочер- касск, ИВ, 1962 г., 2/2	190	9															
47	То же 2/3	160	6,5	ЮВ—СЗ				+	в	пб	100	15	в	с			ЮЗ	
48	» » 2/8	150	12	ЮВ—СЗ		$\frac{1+}{0,7}$	+	$\frac{1,2}{0,8}$	в	сп	120 лб		в	с			ЮЗ	
49	» » 2/11	130	4	СЗ—ЮВ		$\frac{1}{0,8}$		$\frac{1}{0,6}$	в	пб	135	90	в	с			ЮЮЗ	
50	» » 2/12	200	5,5	ЮЮЗ—ССВ		$\frac{1}{1,3}$		$\frac{1,3}{0,9}$	в	пб	110	90					СЗ	+
51	» » 2/13	75	4,5	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1,3}$	+	$\frac{1,7}{1,2}$	в	пб	130	95	в	в			ЮВ	+
									в	пб	125	140					ЮВ	+
									п	пб	90	55	в	с			ЮЮЗ	+
52	» » 2/15	205	8															
53	Новочер- касск, за- вод № 17, 1961 г. разр. к/п 1			В—З		$\frac{1}{1,1}$		$\frac{1,6}{1,2}$	в	пб	105	90	в	с			Ю	+
54	Новочер- касск, ИВ, 1961 г., 1/1	270	6	З—В		$\frac{1}{1}$		$\frac{1,1}{0,7}$	Р	пб	115	55	в	с			С	
55	То же 1/2	200	7	ЮЮЗ—ССВ		$\frac{1+}{0,9}$		$\frac{1,6}{1,2}$	в	пб	85	30	в	с			З	

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
жаровня, курельница	керамика типы сосудов	металл	кремень	камень	кость	астрагалы		
ж	кубок IIIA1	нож, шило				+	в катакомбе «остов» коня	I
	горшок IIА						в шахте череп коня	I
	высокий рас- трубный со- суд IIIA3						погребение в насыпи, кости разрушен	ПСД
	высокий рас- трубный со- суд IIIA3							ПСД
	горшок с опуклым кор- пусом, на поддоне							II
		два шила		булава	+		клевец из рога, кости спиной к входу	I? I
	жаровня из фрагмента горшка IIА						жаровня находилась в шахте	I
	высокий рас- трубный со- суд IIIB3							ПСД
	нож, шило, подвески, два височных кольца							I
	реповидный горшок IB1						пастовая бусина	ПРЛ
	реповидный горшок IB1						на дне шахты угольки	ПРЛ

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрещивания	угол в коленях	правая			левая
56	Новочеркасск, 1963 г. «Грушевский» п. 2	240	9														
57	То же п. 4	50	4	ССВ—ЮЗЗ		$\frac{1}{1,2}$	+	$\frac{1,7}{1}$	п	пб	130					ЮЮВ	+
58	» » п. 6	250	4	ЮЗ—СВ					в	пб	130	80		с		СЗ	
59	Новочеркасск, 1964 г. Шибельная группа 3/3	180	12,7	Ю—С		$\frac{1}{0,7}$		$\frac{0,8}{0,6}$	в	пб	120	45		в	с	З	+
60	То же 3/4	125	12	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1+}$		$\frac{1,2}{0,7}$	р	пб	90	35		в	с	ЮЮЗ	+
61	» » 3/6	260	16	З—В		$\frac{1+}{0,9}$		$\frac{1,4}{0,9}$	в	лб	140	40		в		Ю	
62	» » 3/8	Ц	—	З—В		$\frac{1}{1,6}$		$\frac{1,8}{1,2}$								ССЗ?	+
63	» » 3/9	110	7	В—З		$\frac{1}{1,1}$		$\frac{1,4}{1}$	в	пб	105	65		в	с	Ю	
64	» » 3/10	200	14,5	З—В		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,7}{1,1}$	в	пб	100	90			с	Ю	+
65	» » 3/11	0	16,5	СВ—ЮЮЗ		$\frac{1}{0,9}$		$\frac{0,9}{0,6}$	р	пб	100					Ю В?	+
66	» » 3/12	50	11	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1,4}$	+	$\frac{2}{1,5}$	в	пб	130	85		в		ЮВ	
67	» » 3/13	50	8,5	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{0,8}$	+	$\frac{1,2}{1}$	р	сп						СЗ	+

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремень	камень	кость	астрагалы		
наконечник, курельница	типы сосудов							
К Ж Ж	высокий рас- трубный со- суд П1В	шпало, ви- сочное кольцо					разрушено, уровень дре- внего горизонта	II СД
	сырцовая ку- рельница на четырёхле- пестковой ножке					+	кости овцы	?
	горшок П1В1, жаровня из горшка П1В2							II
	реповидный горшок 1В2 жаровня из горшка П1А			две бусы				II?
	реповидный горшок IV						шахта в форме трапе- ции под костяком остатки подушки и матраца из соломы и камы- ша	IIPL I I?
	два горшка IIA							I

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк								огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорции	ступенями			пропорции	угол скрещенности	угол в коленных	правая		левая	
68	Новочеркасск, 1964 г., Шибельная группа 7/4	90	5,5	В—З		$\frac{1}{1,5}$	+	$\frac{2,7}{1,5}$	в	пб	110	60	в	с	В	+	
									в	пб	100	50			З	+	
									в	пб	135	70	в	в	З	+	
									в	пб	110	50			З	+	
69	То же 7/6	45	5,5	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1,6}$		$\frac{2,1}{1,4}$	в	пб	100	35			ЮЗ	+	
70	» » 7/7	225	11	ЮЮ?—ССВ				+	р	сп	0	0	в	в	З	+	
71	» » 7/8	45	10	СВВ—ЮЗЗ		$\frac{1}{1}$		$\frac{1,3}{0,9}$	в	пб	110	70	в	с	Ю	+	
72	Большой Мишкин, 1961 г., 1/1			В—З				+	в	пб	105	50	в	с	Ю	+	
73	То же 1/2		Ц	С—Ю		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,5}{1,2}$	в	пб	100	25	в		В		
74	» » 1/4			СЗ—ЮВ		$\frac{1}{0,75}$		$\frac{1}{0,8}$	р	пб	140		в	в	СВ	+	
									р	пб	90	60	в	с	СВ	+	
75	» » 1/7			З—В				+	в	пб	75	30	в	с	С	+	
											90						
76	» » 1/10																
77	» » 1/11																
78	» » насыпь																
79	Большой Лог, 1958 г., склон холма, разру-								в								

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремнь	камень	кость	острагалы		
жаровня, курильница	типы сосудов							
		нож, шило					под костяками остатки шкур и соломы	I
ж	жаровня из горшка IIB1	узкая пластина на палочке спираль в 2,5 оборота						I
	горшок IIA							II I
ж	жаровня из горшка IIA							I
ж	реповидный горшок IB2, жаровня из фрагмента сосуда с ушками	Нож					в камере деревянные поднос и блюдо. Жаровня в лазах	IIIRL
ж	стройный горшок и жаровня из горшка IIB1		+				в шахте череп быка, в камере рог и лопатка козы, деревянная миска, три кремневых отщепов	I
	стройный горшок IIB1							I
	миска VIIA1						погребение разрушено	I
	стройный горшок IIB1							I
	стройный горшок IIB1							I
K	курильница на четырехдешетковой ножке VIIIГ							?

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол скрещенности	угол в коленях	правая			левая
80	шенное погребение Аксай, Гирева Могила, 1865 г., погребение																
81	То же 1959 г., п. 3	180	8	В—З					в	пб	75 40	50	с	с	Ю		
82	» » п. 6	140	12	ЮЗ—СВ			+		в	пб	30	40	в	с	СЗ		
83	То же п. 8	180	10	Ю—С			+		в	пб			с		ССЗ		
84	То же п. 10	120	7	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1}$	$\frac{1,6}{1}$		в	пб	140	100			ЮЗ	+	
85	Аксай, 1865 г., Клиновы к., п.						+								В		
86	Ростов-на-Дону, (бывшая Гвиловская) 1865 г. Круглый к. п. III,					$\frac{1+}{1}$	$\frac{2,5}{2}$		в	пб					С		
87	То же Круглый к. п. IV						+		в	р					ЮЗ		
88	То же п. V						+		в						ЮЗ		
89	То же п. VI						+		—								
90	Ростов-на-Дону (б. Гвиловская), 1904 г. 2/1						+		в	пб	95				З		

Инвентарь						кости животных	Примечания	Культурная группа		
жаровня, курельница	керамика		металл	кремень	камень				кость	астрагалы
	типы сосудов									
	два сосуда, форма?				три выпря- мителя		два костяка, положение?	I		
	миска VIIБ1						кисти рук перед лицом	II		
	горшок IIIБ2 реповидный горшок IID2						кости ног сдвинуты	II IIIРЛ		
ж	жаровня из горшка IIA							I		
к	чаша на четы- рех ножках	два спи- ральных серебря- ных кольца «длинный нож»					положение костяка?	II		
	реповидный горшок IB1					+	форма ножа неизвестна	IIIРЛ		
ж	два сосуда 1 — кубок IIIA1, 1—2, жаровня из обломка сосу- да							I		
ж	жаровня из обломка сосу- да?							?		
ж	фляга IVБ	«медный шарик»				+		II		
	миска VIIA 1 или 2?							II		

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка	
							пропорция	ступенька			пропорция	угол скрещенности	угол в коленях	правая		
91	Ростов-на-Дону (б. Гнижовская), 1904 г. 3/1								в	сп	0	0			В	
92	Ростов-на-Дону, 1912 г., Братский к., п. 2								в	сп					СЗ	
93	Ростов-на-Дону, 1921 г., к. п. 1								в	пб	100	70			ЮВВ	+
94	Ростов-на-Дону 1940 г., к., п. 2	ц		ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1,2}$	+	$\frac{1}{0,6}$	в	пб					ЮЗ	+
95	Ростов-на-Дону, (пос. Западный), 1965 г., к., п. 1							+	в	пб					С	
96	То же к., п. 2					$\frac{1+}{1,1}$		$\frac{1,3}{1,2}$	в	пб	110	40	в	в	С	
97	То же к., п. 3					$\frac{1}{1}$		$\frac{1,9}{1,7}$	в	пб	100	50	в	с	С	
98	То же к., п. 4					$\frac{1}{1,2}$		$\frac{1,5}{1,4}$	в	лб	90	40	в	в	Ю	+
	То же к., п. 5								в	сдвинут					Ю	
99	То же к., п. 6							+	р	пб			в		Ю	
100	Ливенцовка, 1964 г. 1/1	265	3,5	СЗ—ЮВ				+	в	пб	60	35			СВ	+
101	То же 1/2	45	4	ЮЗ—СВ?					в	пб	100	40	с	с	СЗ	
102	« » 1/3	65	5	ЮЗ—СВ?					р	пб	110	80	в	в	СВ	

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремень	камень	кость	острагала		
жаровня, курьяница	типы сосудов							
ж	обломки сосуда, форма?		+	два песта, две плитки			две кварцитовые пластины с ретушью	?
	три стройных короткошейных горшка IВ1							I
	кубок IIIA1	нож, шило, форма?		булава			предметы «из бирюзы» в форме полых цилиндров с овальными плоскими шляпками	I
			+			+	кремневый отщеп, позвонки овцы	I
	реповидный горшок IВ2, на дне крест из валиков						костяк частично разрушен	III
			+				кремневые отщепы	?
								I?
	жаровня из дна						погребение 4 введено в катакомбу погребения 5	I?
	нижняя половина горшка		+				кремневый отщеп	?
	миска VIIA3						в миске кости рыбы	I?

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Кости								св	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка			
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрещенности	угол в коленях	правая		левая		
103	Ливенцовка, 1964 г. 1/4	220	8		↓ 17													
104	То же 1/5	140	5	ЮЗ—СВ						в	пб	100	30	с	с	СЗ		
105	» » 1/6	315	6,5	З—В				+		в	пб	10	0	с	с	ССВ		
106	» » 1/7	170	6	Ю—С		$\frac{1}{1,2}$	$\frac{1,6}{1,1}$		в	пб	100					З		
107	» » 1/9	350	8	С—Ю		$\frac{1+}{1}$	$\frac{1,7}{1,4}$		в в р	пб пб пб	100 100 105	20 20 30	в в в	с с с	В В ЮВ	÷		
108	» » 1/10	170	7,3	ЮВ—СЗ			+		в	пб	140	$\frac{10}{60}$	в	с	ЮЗ			
109	» » 1/11	75	4,5	З—В			+		в	пб	90	20	в	в	СЗ	÷		
110	» » 1/12	210	6	ЮЗ—СВ?					в	сп пб	20 пб	30		в	СЗ			
111	» » 1/13	170	6	Ю—С	↓ 7	$\frac{1}{1,2}$	$\frac{1,6}{1,1}$		в	пб	90	35	в	в	З			
112	» » 1/14	275	6	З—В			+		в	пб	120		с		С			
113	» » 1/15	270	6	Ю—С		$\frac{1+}{0,8}$	$\frac{1}{1,1}$		в	пб	95	35	в	с	З			
114	» » 1/16	60	4,5	В—З		$\frac{1}{0,9}$	$\frac{1,4}{1,1}$		р в в	пб пб пб	70 0 100	25 0 80	с с с	с с в	ССЗ Ю Ю			
115	» » 1/17	130	6	В—З			+		в	пб	120	35	в	в	ЮЮЗ			

Инвентарь							Кости животных	Примечания	Культурная группа
жаровня, куряльница	керамика	металл	кремнь	камень	кость	астрагалы			
	типы сосудов								
		кубок IIIA2						погребение разрушено	II
		сосуд с валиком IIIB2						кости рук перед лицом	II
?		обломок короткошейного горшка IIB						кость одной руки перед лицом, в камере скорлупа от трех-четырех яиц погребение повреждено при вводе погребения 13, обломок в шахте	II-III?
ж		сосуд банка IA1, крышка с ручкой, жаровня из обломка миски VIIA4						погребение повреждено при вводе погребения 13, обломок крышка использована как блюдо	II
		стройный короткошейный горшок IIB1							I
		стройный короткошейный горшок IIB1							I
									?
								внущено в катакомбу погребения 7, в катакомбе деревянные угли	II?
2ж		одна жаровня из реповидного горшка IID2, вторая из дна горшка			+	+		костяное кольцо, кости козы с рогами	?
ж		стройный короткошейный горшок IIB1,							II-III?
									III
									II

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк										огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка				
							пропорция	ступенька			пропорция	угол скрученности	угол в коленях	правая		левая			
116	Ливенцовка, 1964 г. 1/18	5	5	Ю—С	17	$\frac{1+}{0,9}$		$\frac{1,8}{1}$	в	пб	105	40	в	в	З				
117	То же 1/19	135	6	ЮВ—СЗ?	19										ЮЗ?				
118	» » 1/20	210	7	ЮЗ—СЗ				+	п	пб	140	120	в	с	СЗЗ	+			
									в	пб	100	55	в	с	З	+			
									р	пб	80	60	с	с	СЗ	+			
									в	пб	110	140	в	в	СЗ				
									р	пб	100	10	в	в	СЗ				
											$\frac{140}{40}$	$\frac{140}{40}$							
									в	пб	100	110		с	СВ				
119	» » 1/21	105	5	В—З				+	п	пб	100	110	в	с	В	+			
									р	пб					Ю				
120	» » 1/22	115	7	ЮВВ—СЗЗ				+	в	пб	110	10	в	с	ЮЮЗ				
121	» » 1/23	150	6,5	ЮВ—СЗ		$\frac{1+}{0,4}$		$\frac{0,8}{0,5}$	в	сп	95	35	в	с	ЮЗЗ	+			
										пб									
122	» » 1/24	125	5	ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1}$		$\frac{1,8}{1,1}$	в	пб	90	30	в	с	ЮЮЗ				
123	» » 1/25	90	5	СЗ—ЮВ?				+	в	пб	105	30	в	в	СВ	+			

Инвентарь							Кости животных	Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремень	камень	кость	астралаги			
жаровня, куралыница	типы сосудов								
ж	жаровня из горшка ПБ3 короткошейный горшок ПБ								II
ж	короткошейный стройный горшок ПБ4, жаровня из горшка ПБ	височное кольцо						левая нога в колене не согнута у костяка сломан позвоночник, правая нога вытянута у костяка сломан позвоночник	I?
ж	кубок ПИА1, жаровня из горшка ПА								I
ж	приземистый горшок ПГ, миска VIIA4, дно горшка, жаровня? (из миски VIIA1)							дно горшка использовано как миска	II
ж	миска VIIA2, жаровня из фрагмента реповидного горшка ПД2 кубок ПИА1				+	1	+	костяное кольцо, челюсть овцы или козы, жаровня в закладе входа	IIIPL
		два диска 20 боченковидных бус					+	в катакомбе череп с конечностями быка	I
ж	стройный короткошейный горшок ПБ4; жаровня из фрагмента горшка ПБ4, обломок стенки						+	обломок стенки с углями найден на месте предполагаемой шахты. Череп с рогами и челюсть козы	I

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Кости							охрана
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка	
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол скрещенности	угол в коленях	правая		
124	Ливенцовка, 1965 — 1966 г., 10/2	240	5	ЮЗ—СВ?					в	пб	100	20		с	СЗ	
125	То же 10/3	250	3,5						в	пб	50	20			СВ	
126	» » 10/4	220	5,5	ЮЮЗ—ССВ	п2			+	р	пб	50	35		с	З	
127	» » 10/5	250	4	З—В	↑ п5	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,8}{1,4}$	в	пб	85	30	в	с	СЗ	
128	» » 10/7	150	3,5	ЮВ—СЗ?				+	в						ЮЗ	
129	» » 10/8А	ц		ЮВ—СЗ		$\frac{1}{1,1}$		$\frac{1,1}{0,7}$	в	пб	120	75	в	в	СЗ	+
	» » 10/8Б								в	сдвинуты					СЗ	+
130	» » 10/9	230	6													
131	» » 10/10	110	3	В—З		$\frac{1}{0,7}$		$\frac{1}{0,8}$	в	лб	$\frac{60}{100}$	20	с	с	С	
132	» » 10/12	170	3,3			яма										
133	» » 10/13	80	1						в	лб					С	
134	» » 10/14	70	4			яма?										
135	» » 10/15	160	6,7	ЮЗ—СВ		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1}{0,4}$	р	пб?					СЗ	
136	» » 10/16	185	6			яма			р						СВ?	
137	» » отдельная находка	160	6													

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа	
керамика		металл	кремень	намень	кость				острагала
наименование кургана	типы сосудов								
ж	миска VIIA1, жаровня из миски VIIA1							?	
	горшок IIIB2							?	
	высокий сосуд IIIB3							IIICD?	
ж	жаровня из фрагмента короткошейного горшка IIB						кости сложены кучкой, возможно, повреждены, п. 8	I	
ж	жаровня из горшка IIB3						жаровня у головы костяка А, кубок у костяка В	II?	
	кубок IIIA1							I	
	стройный короткошейный горшок IIB2							II	
ж	реповидный горшок IIB2, жаровня из короткошейного горшка IIB						костяк спиной к шахте, жаровня в закладе шахты	IIIRL	
	фляга IVA2						костяк в яме отсутствовал, заклад	III	
ж	миска VIIA2, жаровня из дна горшка						круглая небольшая яма с закладом	I	
	стройный короткошейный горшок IIB1						костяк нарушен грызунами	II	
	горшок IIIB2						к яме обломки черепа ребенка, заклад	II?	
	обломок стенки фрагмент горшка IIB1							I	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения		стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра	
		угол к центру	расстояние, м		направление сооружения	яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки			ориентировка
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрученности	угол в коленях	правая		
138	Ливенцовка, 1963 г., могильник I, п. 45			ЮЗ—СВ	$\frac{1+}{0,8}$		$\frac{1,2}{0,5}$	в	пб	115	70	в	с	СЗ		
139	То же 1964 г., могильник IV, п. 19			ЮЮЗ—ССВ	$\frac{1+}{0,9}$		$\frac{1,8}{1}$	в	пб?					СЗЗ		
140	Ливенцовка, 1968 г. 11/14	280	5,5												+	
141	То же 11/16	315	3,5	Ю—С	$\frac{1+}{0,8}$		$\frac{1,5}{0,2}$	в	пб	120	15	в	с	З		
142	» » 11/22	270	3,5	Ю—С	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,4}{1}$	в	пб	115	30	в	с	З		
143	Мокрый Чалтырь. 1961 г., 1/2	ц		В—З	$\frac{1}{0,6}$		$\frac{1}{0,4}$	в	сп	95 лб	30	в	в	Ю		
144	То же 1/3	ц		В—ЮЗЗ	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,6}{1}$	в	пб	100	45	в	с	ЮВ		
145	» » 2/3	200	2,5					в	пб	60	50	с	с	З	+	
146	» » 2/5	ц		Ю—С	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1}{0,5}$	в в Р	пб пб пб	120	60	с в	с с	З З		
147	» » 2/8	230	3,5	Ю—С	$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,3}{0,8}$	в	пб	120	45	в	с	З	+	
148	» » 2/9	70	3	Ю—С	$\frac{1}{0,7}$		$\frac{1,2}{0,9}$	в	пб	100	30	с		З	+	
								в	пб	140	50	с	с	З		
149	Недвиговка, 1962 г., 1/7	180		Ю—С	$\frac{1}{0,5}$		$\frac{1}{0,6}$	ц	пб	90	в	в	с	З		

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа	
керамика		металл	кремнь	камень	кость				астрагалы
жаровня, курильница	типы сосудов								
ж	миска IB, горшок IIГ, жаровня из горшка IIГ						жаровня в шахте	II	
ж	короткошей- ный горшок IIIБ2, жаров- ня из горшка IIIБ2, обло- мок стенки банки IA						кости нарушен грызу- нами	II	
							мелкие кости ребенка	II?	
ж	жаровня из горшка IIIБ приземистый горшок IIГ, амфора VA3		+			+	кремневый отщеп, зу- бы животного	II	
			+				ноги подогнуты коле- нами кверху и за- валились влево, два кремневых отщепа	?	
								?	
	сосуд IIIБ2 стройный ко- роткошейный горшок IIБ2, миска VIIБ2						кисть левой руки перед черепом	II II	
	реповидный горшок IB2 миска VIIБ1							IIPII	
	приземистый горшок IIГ						кисти рук одного кос- тика перед лицом	II?	
								II	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма		катаномба	возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
						пропорции	ступеньки				угол скрученности	угол в коленях	правая	левая			
150	Куйбышево (бывш. Голодаевка, 20-е годы), к. В, п. 2									лб						Ю	
151	Таганрог, начало XX в., 2/2	270								лб						СЗ	
152	То же 6/2								р								
153	Покровское, 1889 г., ССУ/6	90		З—В?				+	в	пб	110	90				С	+
154	То же ССУ/7	180							в	сп	0	0	в	в		С	
155	Осиненко, 1965 г., 2/4			ССВ—ЮЗЗ				+	в	пб	130	60				Ю	+

Инвентарь						Примечания	Культурная группа		
керамика		металл	кремнь	камень	кость			астралагы	кости животных
жаровня, курительница	типы сосудов								
	стройный короткошейный горшок IIБ1							I	
	приземистый горшок IIIГ							II	
	стройный короткошейный горшок IIБ						круглая яма, в ней горшок и кости ребенка	I?	
ж	кубок IIIА1, жаровня из кубка IIIА1, чаша с прямоугольным поддоном	нож		булава		+	в ногах конский череп, у головы кости коровы	I	
				топор				?	
ж	кубок IIIА1, жаровня из дна		+				перед костяком у входа три черепа быка; три наконечника стрел	I	

ПРИЛОЖЕ

Основные данные о катакомбных

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк									
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка	огра		
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол наклона	угол в коленях	правая			левая	
1	Волгоград (Царицын) 1905 г., к., п. 2					3×3,7 м			в	?								
2	Петров Вал, 1959 г., 2/2	ц		В-З		1/0,5	+	1/0,8	в	сп			в	в	С			
3	То же 2/3	180		ЮВ-СЗ				+	в	сп	130 лб	110	в	в	СВ			
4	» » 4/1			В-З		1/0,6		1/0,6	в	лб	130	100	в	в	ЮВ			
5	» » 4/2					3,5×3,2 м			в	лб	90	60	в	с	ЮВ	+		
6	Колпачки, 1967 г., 5/2					яма			р	лб	95	40	с	в	В	+		
7	Карповка, 1934 г., 6/8	220		ЮЮВ-ССЗ		1/0,8	+	1/0,8	р	лб	90	50	с	с	ЮЮЗ	+		
8	То же 6/11	160						+	р	лб	90	50	с	с	ЮЮЗ	+		
9	» » 6/12	290							р	сп	100 лб	60	с		С	+		
10	Ивановка, 1929 г., 2/2					яма			в	лб	120	80	с	в	В			
11	Старца, 1961 г., 22/2					2,2×1,8 м				лб					В	+		
12	То же 30/5					2,3×1,9 м			в	лб	100	50	с	в	С			
13	Октябрьский, 1964 г., к., п. 3	ц				яма			в	лб	140	95	в		СВВ	+		

НИИ № 2

погребениях Левобережья Дона

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика	металл	камень	кость	астралит	кости животных			
						жаровня, курильница		
к	раструбной высокий сосуд IIIВ1	тесло, долото, крюк, пластинка					яма перекрыта деревом, вдоль длинных стенок дерево	НСД
	два раструбных высоких сосуда IIIВ3 сосуд IIIВ1					+	ноги скорчены коленями вверх, завалились на живот, влево	?
								НСД
к	курильница VIIIГ	нож, шило				2	лопатка коровы, позвонки и ребра овцы (?)	II
	горшок IIА	следы украшений			+		яма перекрыта деревом	НСД
	горшок IIА	спиральная пронизка					яма с заплевками	II?
	раструбной высокий горшок IIIВ2						51 костяное кольцо	НСД
к	курильница VIIIГ	два ножа, шило						?
	два раструбных высоких горшка IIIВ4, IIIВ2					2	яма с заплевками	НСД
	горшок IIIВ1, три сопла	шило	+	пест, плитки			кости осетра	СД
							кремневый отщеп	НСД
								II

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка	
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол наклона	угол в коленях	правая		
14	Новый Аксай, 1966 г., 8/4	Ц			п.1 ↑ — п.3 ↓ п.7				в	пб	130	0	с	с	З	
15	То же 8/3	Ц		З—В?					в	пб	65	10	в	с	С	+
16	» » 8/4	Ц		СЗЗ—ЮЮВ				+	в	лб	100	35	с	с	ССВ	
17	» » 8/5	Ц				яма			в	лб	80	25	с	с	С	
18	» » 8/6			СЗЗ—ЮЮВ	—	?		$\frac{1}{0,8}$	в	лб	85	10	с	с	ЮЮЗ	
19	» » 8/7			Ю—С	↓	$\frac{1}{1}$	+	$\frac{1}{0,7}$	в	пб	90	30	с	с	ЮЗЗ	+
20	» » 19/2					яма			в	лб			с	с	ССВ	+
21	Попов, 1950—1951 гг., к. 30/6 п. 15	60	2	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1,5}$		$\frac{1,9}{1}$	в	пб	120	90	в	с	ЮВ	+
22	То же п. 16	90	3			яма 1,25×1,3 м			в	пб	85	20	с	с	Ю	+
23	» » п. 4	10	4	СЗ—ЮВ?				+	в	пб	65	30			СВ	+
24	» » к. 50/18, п. 5	Ц		СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1,4}$		$\frac{1,8}{1,5}$	в р	пб сп	115 0	50 0	в	с	В В	+
25	» » п. 6	Ц							в	пб					З	+

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа	
керамика		металлы	кремень	камень	кость				астралаги
жаровня, курельница	типы сосудов								
ж	слабо профилированный горшок сосуд III2, три кувшина VIБ кувшин VIБ, цилиндрический сосуд III2 стройный короткошейный горшок IIБ1, жаровня из горшка IIБ1 горшок IIА		+	топор			кость спинной к шакте, кисти рук перед лицом руки перед лицом кремневый скребок яма размером 2,4××1,9 м, с заплечиками	? II IIIЭЛ IIIЭЛ I ISД.	
ж	стройный короткошейный горшок IIБ1. Жаровня из два короткошейный горшок IIБ1 жаровня из горшка IIБ1?				+		руки согнуты перед грудью две костяные бусы	I II?	
ж	короткошейный горшок IIБ1	височное кольцо, спиральный завиток					спиральный завиток рассыпался	I II?	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							охрана	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма		катакомба	возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
						пропорции	ступеньки				угол скрученности	угол в коленях	правая	левая			
26	Цимлян-ский, 1951 г., Саркель-ская группа, к. 58/26, п. 5			Ю—С		осн.		+	в	пб						З	
27	Соленов-ская, 1951 г., 1/3	220	10						р								
28	То же 1/6	180	8			яма?			КФ								
29	» » 1/7	260	10						в								+
30	» » 1/8	290	16						р								
31	» » 1/10	260	13					+	р								+
32	» » 1/13	150	7			яма?			КФ								
33	» » 1/15	235	14					+	в	пб						СЗ	
34	» » 1/19	120	7,5			яма			КФ								
35	» » 1/22	235	14					+	в								
36	» » 1/24	110	8,5					+	в	пб						Ю	
37	» » 1/28	90	9					+	в								
38	Соленов-ская, 1951 г. 3/3	135	5						р	лб						СВ	
39	То же 3/4	155	6						р	лб						СВ	

Инвентарь							Примечания	Культурная группа
керамика		металл	кремень	камень	кость	астрагалы		
напольная, курительница	типы сосудов							
к		нож, серебряное кольцо			+		погребение основное (?), костяная проколка	I
	горшок IIA	височное кольцо, пронизка следы	+	пест			в насыпи	I
	амфора VB2, воронка горшок IIA, обломки двух сосудов	кольцо		пест			кремневый наконечник стрелы	III I
	стройный короткошейный горшок IIB1	спираль	+	два выпрямителя, галька, теречник			кремневый нуклеус	? I
	курильница VIIIГ воронка	височное кольцо	+	пест, два выпрямителя, то-чельник			24 кремневых отщепов	III III
	обломки сосуда с гребенчатым орнаментом	пило, бусы				1		I?
	амфора VB2 горшок со шнуровым орнаментом	пронизь, кольцо			+		костяные бусы	? IIIЭЛ?
	сосуд, форма?	пронизь			+			I? ?

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк								огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол скрещения	угол в коленях	правая		левая	
40	Соленовская, 1951 г. 3/5	225	5	В—З	↓	1+ 0,8 яма	1,2 1	в р р в	лб лб лб лб	80					ЮВ ЮВ ЮВ С СЗ ЮЗ	+	
41	То же 3/6	220	6														
42	» » 3/7	Ц	ЮЮВ—СЗЗ														
43	» » 3/8	Ц															
44	Семикаракорская 1959 г., разрушенный к., п. 1																
45	То же к. п. 2																
46	То же к. п. 3																
47	Багаевская 1960 г. Лысый к., п. 8	90	13														
48	То же п. 9	220	9,5					р	лб	60	35	с	в		ЮВ		
49	» » п. 10	Ц		В—З		1 1		+	в						Ю		
50	» » п. 14	110	7	В—З				+	в	лб	100	35	в	с	Ю	+	
51	» » п. 17	45	5	В—З				+	в	лб			в	с	ЮЮЗ		
52	» » п. 18	100	7,5	ЮВВ—СЗ					в	лб	110	25	в	с	ЮЗ	+	
53	» » п. 19	170	6	ССЗ—ЮЮВ	↓ 22	1+ 1,3	1,3 1	в р	лб лб	120 110	50 35	с в	с в		ЮВВ ЮВВ		

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа	
керамика		металл	кремень	камень	кость				астрагалы
жаровня, куряльница	типы сосудов								
	два обломка горшка, форма?	шило			+			?	
	воронка	нож, шило, пронызь		пест, булава, терка	+		молоточковидная булавка, костяная проколка	IP?	
	реповидный горшок ПД2	шило, скобы			+		яма с округлыми углами	?	
	стройный короткошейный горшок ПБ4						костяные бусы, отнесенные предметом к комплексу предположительно	ПБД?	
	стройный короткошейный горшок ПБ						разрушенное погребение	IIINM	
	обломки цилиндрического сосуда IIIГ2						разрушенное погребение	I	
	раструбной сосуд IIIB1			топор				I	
ЖК	жаровня из цилиндрического сосуда IIIГ2, куряльница VIIIГ						костяк и катакомба нарушены	IIINM	
Ж	стройный короткошейный горшок ПБ4, жаровня из дна							IP?	
К	два реповидных горшка ПД1, куряльница VIIIГ	нож, шило		пест, две ступы				I	
								IIINM	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							огра	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		орнаментация		
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол скорченности	угол в коленях	правая			левая
54	Багаевская, 1960 Лысый к., п. 20	25	10						р							В	+
55	То же п. 22	170	10	ЮЮВ—ССЗ		$\frac{1}{2}$		$\frac{3}{3}$	в		130	75	в	с		ЮЗ	+
56	» » п. 23	15	7,7	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1,4}$		$\frac{1,7}{1,2}$	р	лб			в	с		ЮЗ	+
57	» » п. 24	Ц	2						р								+
58	» » п. 25	160	13						р							ЮЗ	
59	» » п. 27	300	6,5	З—В?					в	лб	95	35		с		ССЗ	+
60	» » п. 29	Ц	3	ЮЮВ—ССЗ		$\frac{1}{1}$		$\frac{1}{0,3}$	р	лб	80	55	с	с		СВВ	
61	» » п. 31	250	8,5		Т + п. 38	яма 1,1 × 3,4 м			в	лб	100	30	в	в	с	СВ	
62	» » п. 32	315	9	З—В				+	в	лб	85	40	с	с		ЮВ	
63	» » п. 33	10	5					+	р	лб	93	20	в	с		З	
64	» » п. 34	210	8	Ю—С				+	в	лб							+
65	» » п. 35	270	10	ЮЗЗ—СВВ		$\frac{1}{1,6}$		$\frac{2,2}{1,2}$	в	лб	110	80	в	с		СЗЗ	
66	» » п. 36	45	11	СВ—ЮЗ		$\frac{1}{1}$		$\frac{1,3}{0,9}$	в	лб	90	55	в	с		ЮВ	+
67	» » п. 37	245	10,5						р	лб						ЮВ	+
68	» » п. 38	255	10	ЮЗ—СВ					в	лб	120	40	в			ССЗ	+

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа		
керамика		металл	кремень	камень	кости				астрагалы	
жаровня, курильница	типы сосудов									
ж	стройный короткошейный горшок ПБ1			плитка				I		
	горшок ПА (жаровня)						костяк плохо сохранился	I		
	горшок ПА						погребение провалилось в погребение 22	I		
	короткошейный горшок с ложечкой поверхностью фрагмент цилиндрического сосуда ППГ2?							ISK?		
ж к	кубок с круглым дном			обломок топора			+			
								+	кости быка	?
								+	вторичное погребение, кости вывернуты из сочленений, два черепа туров	?
								+	кости зубра	?
	стройный короткошейный горшок ПБ1		+					кремневая пластина в сосуде, возможно, она из п. 41	?	
	стройный короткошейный горшок ПБ1		+				+	кремневая пластина в заполнении, череп и конечности овцы	I	
	курильница VIIIG		+					кремневый наконечник стрелы в грудной клетке	IIIM	
	раструбный сосуд ППВ1							кусочек каменного угля под сосудом	IIID	
	обломок стенки с желтой поверхностью								III?	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк							охра	
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрещенности	угол в коленях	правая			левая
69	Багаевская, 1960 г., п. 42	90	9														+
70	То же п. 43	125	8														
71	Багаевская, 1960 г. 2/1								р	пб	100	35	в		с		
72	Верхне-Янченко, 1960 г. 11/14	135	5	Ю—С		$\frac{1}{1,1}$		$\frac{2}{1,2}$	в	пб	80	20	в	с	З	З	
									в	пб	95	20	в				
73	То же 11/16	190	5,6	З—В		$\frac{1}{1}$		$\frac{1,1}{0,7}$	в	пб	100	30	в	в	с		
74	Кудинков, 1961 г., 1/1	Ц		Ю—С?					в	лб	95	30	с	в	В		
75	То же 1/9	50	7	ЮЗ—СВ		$\frac{1}{0,8}$		$\frac{1}{1}$	в	лб	95	20	с	в	В		
									в	пб	130	90		в	СЗ		
76	» » 2/4	270	7	В—З?					в	пб	95	20	в	в	ЮВ		
77	» » 2/6	60	7,3	ЮЗ—СВ		$\frac{1}{0,8}$		$\frac{1}{0,8}$	в	пб	95	30	в	с	СЗ		+
78	» » 2/12	100	7	СЗЗ—ЮВВ		$\frac{1}{0,7}$		$\frac{0,9}{0,7}$	нф?								

Продолжение

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа	
керамика		металл	кремень	камень	кость				застаралы
жаровня, курильница	типы сосудов								
	обломок стройного ко- роткошейного горшка ПБ1 цилиндро- шейный со- суд ППГ1, ча- ша на круг- лом поддоне VIIIА цилиндро- шейный со- суд ППГ3, банка IА2						погребение разрушено	I	
жк	два реповид- ных горшка ПД2, жаров- ня из цилинд- рошейного горшка ППГ2 курильница VIIIГ цилиндро- шейный со- суд? горшок ПА	нож, ши- ло, бусы, скобы		молот		+	деревянная чаша со скобами, два черепа и конечности быков	IIIM	
								IIIM	
								IIIM	
								IIIM	
к	реповидный горшок ПД2, курильница VIIIГ цилиндро- шейный со- суд ППГ2	нож, два пила		булава		+	сосуд и кости быка в верхней части заполне- ния шахты остатки деревянного сосуда костяное шило	I? IIIM	
								IIIM	
к	реповидный горшок ПД2, курильница VIIIГ цилиндро- шейный со- суд ППГ2	нож, два пила					остатки деревянного сосуда, в шахте повоз- ка	IIIM	
								IIIM	

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк								огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорции	ступеньки			пропорции	угол скрещенности	угол в коленях	правая		левая	
79	Кудинков, 1961 г., 2/7	100	4	СВВ—ЮЗЗ	Т ↓ 30			+	р	пб	120	60			ЮЮВ		
80	Спорный 2/18	65								р	пб	100	80			З	+
										р	пб	90	90			В	+
81	То же 2/23	0							кф?							+	
82	» » 2/45	85		СВ—ЮЗ		$\frac{1+}{0,8}$	$\frac{0,8}{0,8}$		в	пб	85	15	с	в	ЮВ	+	
83	» » 2/48	90		ЮЗ—СВ		$\frac{1}{1}$	$\frac{0,8}{0,8}$		р	ж					СВ	+	
84	» » 2/49	270		СЗ—В		$\frac{1}{1}$	$\frac{2}{1,4}$		в	пб	90	5		с	С		
85	» » 2/51	90		Ю—ССЗ		$\frac{1}{1,1}$	$\frac{1,6}{1}$		в	лб	100	0	в		СВ		
86	Спорный, 3/29	40		Ю—С					в	пб	100	55	в	в	СЗ	+	
87	То же 3/30	0		З—В					в	пб	110	40		в	ССЗ		
88	» » 3/31	0		З—В		$\frac{1}{1}$	$\frac{0,8}{0,5}$		в	пб	90	90	в	с	С	+	
89	Спорный, канал, разрушенный, к. п.																
90	Веселый, к. 1, разрушенное погребение																
91	То же к. 1, разрушенное погребение																

Продолжение

Инвентарь							Примечания	Культурная группа						
керамика		металл	кремень	камень	кость	астралады								
жаровня, курильница	типы сосудов													
к	курильница VIIIг	нож, шило		две плитки	+	+	костяные колья, створка раковины, челюсть собаки кости барана	ШНМ						
ж	цилиндростейный сосуд IIIг2 жаровня из сосуда IIIг2							ШНМ						
к	цилиндростейный сосуд IIIг3								+					
	цилиндростейный сосуд IIIг3, курильница VIIIг								+					
ж	сосуд IIIд1, жаровня из два												ШНМ	
к	воронка, курильница VIIIг												ШНМ	
к	реповидный горшок IIд2													ШЭ I
	курильница VIIIг											+	кости барана	ШНМ
	короткошейный горшок IIБ1											+	лопатка и конечности барана	I
	реповидный горшок IIд2													ШНМ
	цилиндростейный сосуд IIIг1						разрушено	Ш						
	реповидный горшок IIд2							Ш						
	цилиндростейный сосуд IIIг2							Ш						

№	Местонахождение, курган, погребение	Расположение погребения			стратиграфия	Погребальное сооружение			Костяк								огра
		угол к центру	расстояние, м	направление сооружения		яма	катакомба		возраст, пол	корпус	ноги		руки		ориентировка		
							пропорция	ступеньки			пропорция	угол скрещенности	угол в коленях	правая		левая	
92	Веселый, к. 1, п. 5	90															+
93	Веселый, к. 2, находка С	0															
94	То же 2/8, восточная группа То же, западная группа	0		ССЗ—ЮЮВ		$\frac{1}{2}$		$\frac{3,7}{2,8}$	4р	пб	130	120	в	в	С		+
									2р	лб	110	70			В		+
									2в	пб	110	90			ВЗ		+
95	Веселый, 3/8	205		С—Ю?					в	пб	95	30	с	с	В		+
96	То же, 3/9	0		ЮЗ—СВ		$\frac{1+}{1}$		$\frac{1,1}{0,6}$	в	пб	95	40	в	в	СЗ		
97	» » 3/10	0		С—Ю		$\frac{1}{1,3}$		$\frac{1,8}{1,8}$	р	пб	100		в		ССВ		+
98	Шахаев курган, впускное погребение																
99	Платонов, 1964 г., разрушенное курганное погребение 1							+	в	лб	85	15	в	в	Ю		
100	То же п. 2								р	пб	70	20	с		ЮЗ		+
101	Совдар, 1891 г. к. ССXLII, п. 2					$2,2 \times 1,9$ м	+	+	в	сп	0	0	с	в	В		

Инвентарь						Кости животных	Примечания	Культурная группа
керамика		металл	камень	кость	астралаги			
жаровня, курьяница	типы сосудов							
	короткошей- ный горшок ПБ1 кувшин VIA							I
								II
					1	+	кости овец	
Ж	жаровня из дна			+			три костяные бусины, 12 винтовых проколов, 20 раковин	I
	цилиндро- шейный сосуд IIIГ2				+			IIIM
	реповидный горшок ПД2							IIIM
	миска VIIБЗ	две подвес- ки				+	кости овец	СК
К	кувшин VIБ, реповидный горшок IV1, курьяница VIIIГ							III
Ж	кувшин и жа- ровня из кув- шина VIБ							IIIЭЛ
	миска VIIБЗ	височное кольцо						СК СК?

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Некоторые неопубликованные погребальные памятники

Нижне-Чирская, курган «Кирпичный» (1865 г.) В погребении найдены бронзовый нож, шило, каменное навершие булавы, пест и камень для растирания (табл. I, 1).

Константиновская, курган «Баба» ССХІІІ (1891 г.) Курган расположен между станицами Золотовской и Константиновской в 8 верстах к северу от последней, на расстоянии версты от берега. Высота его 3,5 м, «окружность 175 шагов». В материке открыто три погребения, одно срубное, в центре, и два катакомбных, в восточной и северной стороне.

Погребение 2. В яме размером $1,42 \times 1,06 \times 0,70$ м находился плохой сохранности костяк, лежавший на правом боку головой к Ю. У головы крупные куски красной краски, на груди ожерелье из 12 бронзовых привесок и бусин, на руке колечко (табл. I, 2).

Погребение 3. Входная яма глубиной 2,13 м от материка, как будто квадратная в плане. На 0,7 м ниже — вход в катакомбу шириной 1,40 м. При его расчистке найдены фрагменты одного орнаментированного сосуда (миски), медное шило и отдельные кости человека. В катакомбе размером $1,77 \times 1,42 \times 0,71$ м плохой сохранности костяк, ориентированный головой к Ю. У головы куски красной краски. При костяке находились бронзовые нож, четыре подвески, бусы и два обломка заостренной кости (табл. I, 3).

Усть-Донец, разрушенный курган (1960 г.) Насыпь кургана снята при строительстве. В кургане обнаружено три погребения (табл. I, 4).

Погребение 1 разрушено. В слое чернозема, заполнявшем катакомбу погребения 3, на 0,56 м выше ее дна найден горшок с оттисками крупного шнура на горле и астрагал (табл. II, 1).

Погребение 2. В погребенной почве скорченный костяк взрослого человека, на правом боку, головой к С (табл. I, 4).

Погребение 3. В обвалившейся катакомбе овальной формы скорченный костяк взрослого человека на правом боку, головой к ЮЗ. У головы находился фрагментированный горшок с оттисками крупного шнура (табл. I, 4, 5).

Хут. Хрящевский, курган 1 (1910—1912 гг.) В 10 км выше устья Северского Донца, на его левом берегу, у хут. Хрящевского расположен курганный могильник.

Курган 1 высотой 3,2 м, диаметром 32 м. Раскоп заложен в центре ямой диаметром 7 м. Вскрыто три погребения, два в насыпи (костяки скорченные на правом боку) и одно в материке (№ 3).

Погребение 3. В материке на глубине 5,5 м выявлено пятно, ориентированное с ЮВ на СЗ. В юго-восточной стороне находилась катакомба, выдолбленная в песке под слоем глины. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, в скорченном положении, головой к СВ, лицом к СЗ. Руки протянуты к коленям. Перед костяком лежали следующие предметы: сосуд высотой 18 см, украшенный шнуровым орнаментом из пяти полос на шейке и опущенных треугольников по корпусу*; булава из камня серого цвета; каменный топор; кремневые острия стрел разнообразной формы (здесь наконечники стрел и обработанные ретушью пластины); бронзовый нож с истлевшей деревянной рукояткой длиной 15 см, шириной 3,5 см, толщиной посередине в 0,5 см (табл. II, 2). За поясницей погребенного находился череп лошади. При расчистке («поиске») погребения обнаружен еще глиняный «ладеобразный сосуд», к сожалению, утраченный (чаша? модель повозки?).

Хрящевский, курган 2 (1910—1912 гг.) Высота кургана 2 м, диаметр 32 м, раскоп в центре в форме квадрата со стороной 6,5 м. Обнаружено два погребения. Погребение 1 в насыпи, неопределимое.

Погребение 2. В материке на глубине 4,2 м от вершины, 2,1 м от уровня погребенной почвы. Над костяком прослеживались плахи (вероятно, от заслона входа в

* Воспроизводится по зарисовке В. А. Городцова, 1928 г.

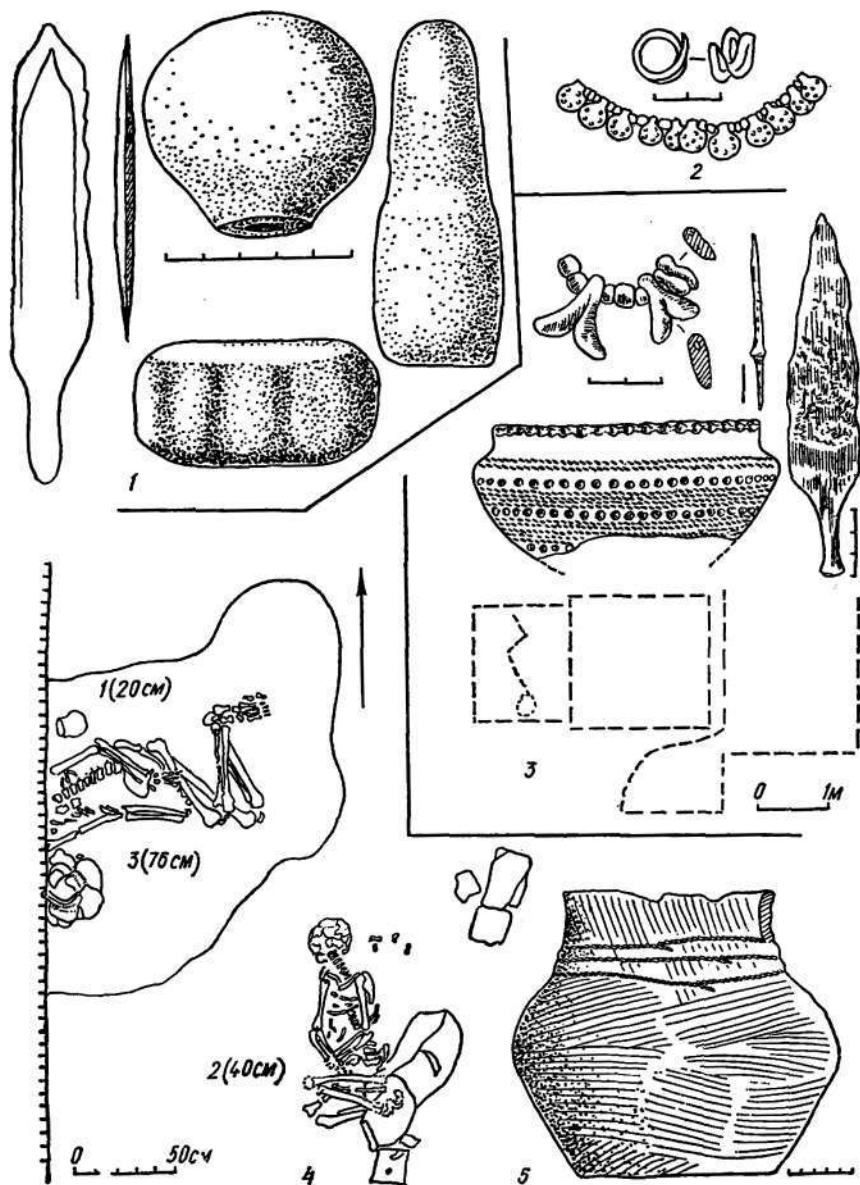

Табл. I. Погребальные комплексы:

1 — Нижне-Чирская, курган «Кирпичный»; 2 — Константиновка, курган «Баба» ССХЛП, погребение 2; 3 — там же, погребение 3; 4 — Усть-Донецк, разрушенный курган, план погребения 1, 2, 3; 5 — горшок из погребения 3.

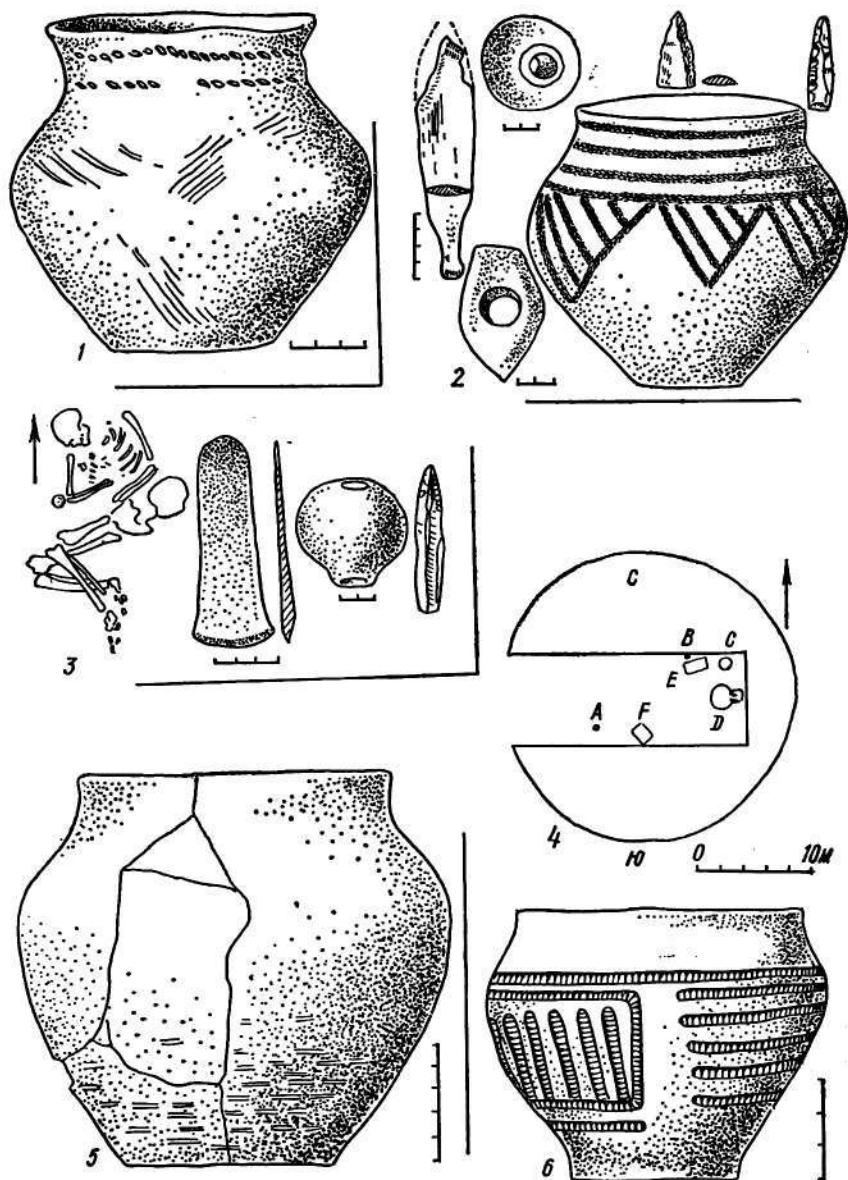

Табл. II. Погребальные комплексы:

1 — Усть-Донец, разрушенный курган, погребение 1; 2 — Хрящевский, курган 1, погребение 3; 3 — там же, курган 2, погребение 2; 4 — Новочеркасск, курган у «Хохлача»; 5 — местонахождение В; 6 — погребение Е.

катакомбу. — С. Б.). Костяк взрослого человека находился в скорченном положении, на правом боку, головой к СЗ. При погребенном найдены: астрагал, кольца из «беловатого вещества» — 13 шт. (вероятно, из кости), булава из светло-серого камня, комок красной охры (все у правой руки), «перстень» из того же материала, что и кольца, кремневые пластины (в тексте «наконечники стрел худшей обработки, чем в кургане 1» — у локтя левой руки), шлифованный, без сверлины «молоток», бронзовое тесло, кремневый нож на пластине из прозрачного кремня (все у головы, табл. II, 8) *.

Новочеркасск, курган из группы «Хохлач» (1864 г.). Курган находился в 320 м к западу от Хохлача, высота его 3,2 м, диаметр около 27 м. Раскоп (траншея) шириной 8,5 м и длиной 20 м ориентирован с В на З, через центр. В кургане открыто 5 погребений бронзового века, одно в насыпи (В), четыре в материке (С, Д, Е, F; табл. II, 4).

Погребение В («местонахождение»). Под самым материком найден небольшой глиняный сосуд «грубой работы». Кости при нем отсутствовали (табл. II, 5).

Погребение Д на глубине 1,77 м от поверхности материка, в катакомбе. Входная яма квадратной формы размером $1,06 \times 1,06$ м, в западной стенке ее вход в катакомбу, у которого находились камни и дерево. Катакомба круглой формы, 2,13 м в «поперечнике». У юго-западной стенки человеческий остов, у северо-западной конский остов. В маголове костяка человека стоял сосуд с перегоревшим просом, рядом найдены бронзовые нож и шило (табл. III, 1).

Погребение Е на глубине 2,13 м от поверхности материка, в прямоугольной яме, ориентированной с СВ на ЮЗ, размером $2,13 \times 1,25$ м. В северной стенке «небольшая ниша», в которой стоял сосуд (табл. II, 6). Перед входом в нее находился конский череп.

Погребение F в прямоугольной яме, ориентированной с ЮВ на СЗ. В яме найдены обломки орнаментированного сосуда из красноватой глины (табл. III, 2).

Новочеркасск, завод № 17. Разрушенный курган (1961 г.). Курган расположен в долине р. Тузлов, на возвышении в пойме. В кургане, разрушенном строителями, с уровня материкового суглинка выявлена входная яма квадратной формы, со ступеньками у дна, заполнена черноземом. В западной стенке ее вход в катакомбу, закрытый кусками дерева. Катакомба, почти не заложившая землей, имела плоский потолок и стенки. В плане они прямоугольной формы. На дне, на коричневой подстилке находился костяк взрослого человека, в скорченном положении, на правом боку, головой к Ю. На шее погребенного хорошо прослеживался кусок коричневатой кожи, собранной драпировками (табл. III, 3). Перед костяком — бронзовые нож и шило с деревянной рукояткой, у черепа — два височных кольца, бронзовое в полтора и серебряное в два с половиной оборота. На тазовых костях собрано 28 бронзовых подвесок (табл. III, 3). У ног костяка астрагал.

Новочеркасск, курган 1 из группы «Хохлач» (у Всесоюзного института виноградарства, 1961 г.). К моменту исследования курган был сильно поврежден. Разрушена до материка вся северная половина, центр, значительно повреждена насыпь и в остальной части. Высота кургана около 2—2,5 м, диаметр 42 м **. В центральной части кургана открыто четыре погребения, два катакомбных, одно срубное (3) и отграбленная сарматская впускная могила (4), с которой, видимо, связана верхняя досыпка насыпи.

Погребение 1. В катакомбе на уровне 1,90 м от Р. Погребальное сооружение ориентировано с З на В. Входная яма прямоугольной формы (большая часть ее выявлена лишь у самого дна), вход закрывался деревом. Катакомба овальная в плане, свод обрушился. Костяк ребенка находился в скорченном положении, на правом боку, головой к С. У головы — горшок, рядом — подвески из черноморской раковины и белая пастовая бусинка с четырьмя выступами (табл. IV, 1). На внутренней стенке дна сосуда крест из зазубок.

* Предметы, рисунки которых здесь отсутствуют, утрачены.

** Рефер (Р) находился на 1,30 м выше древнего горизонта.

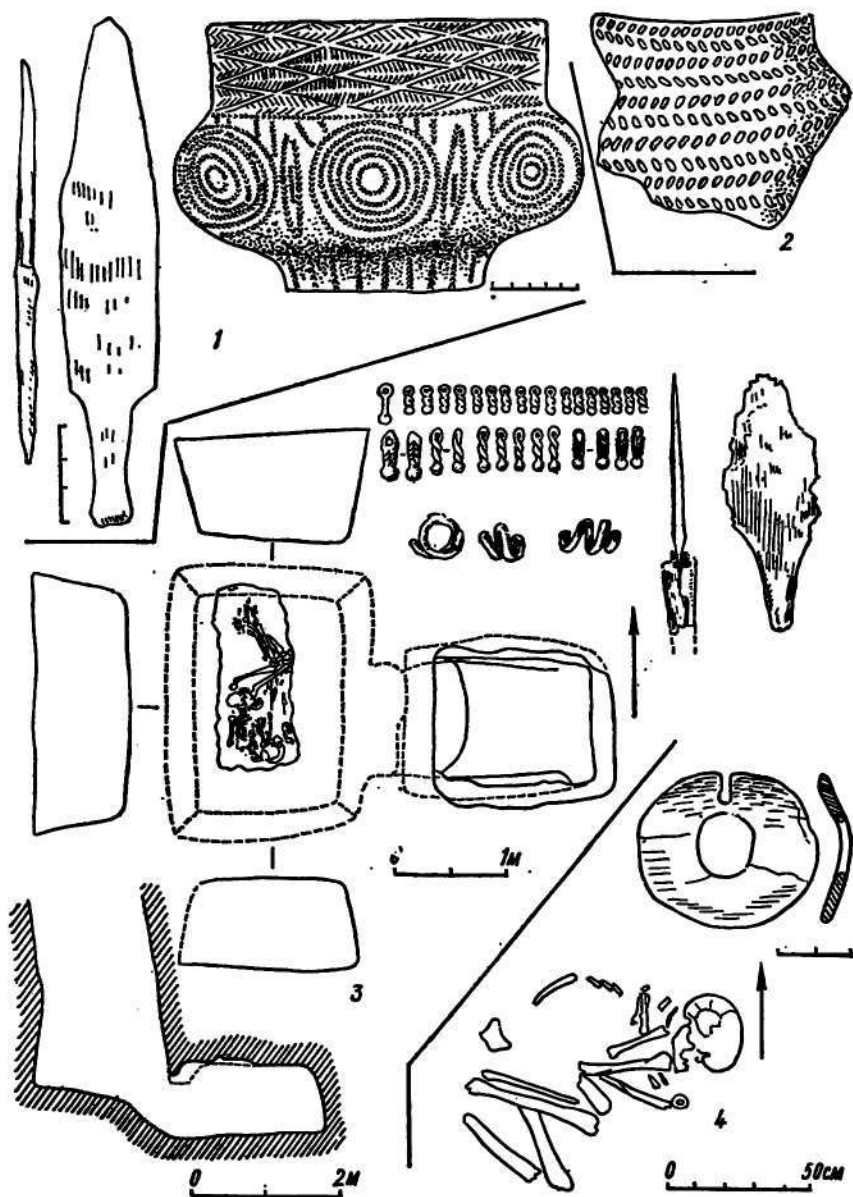

Табл. III. Погребальные комплексы из курганов в Новочеркасске:
 1 — курган у «Хохлача», погребение Д; 2 — там же, погребение F; 3 — завод
 № 17, разрушенный курган 1, погребение 1; 4 — курган 1, погребение 3 (1961 г.,
 Институт виноградарства).

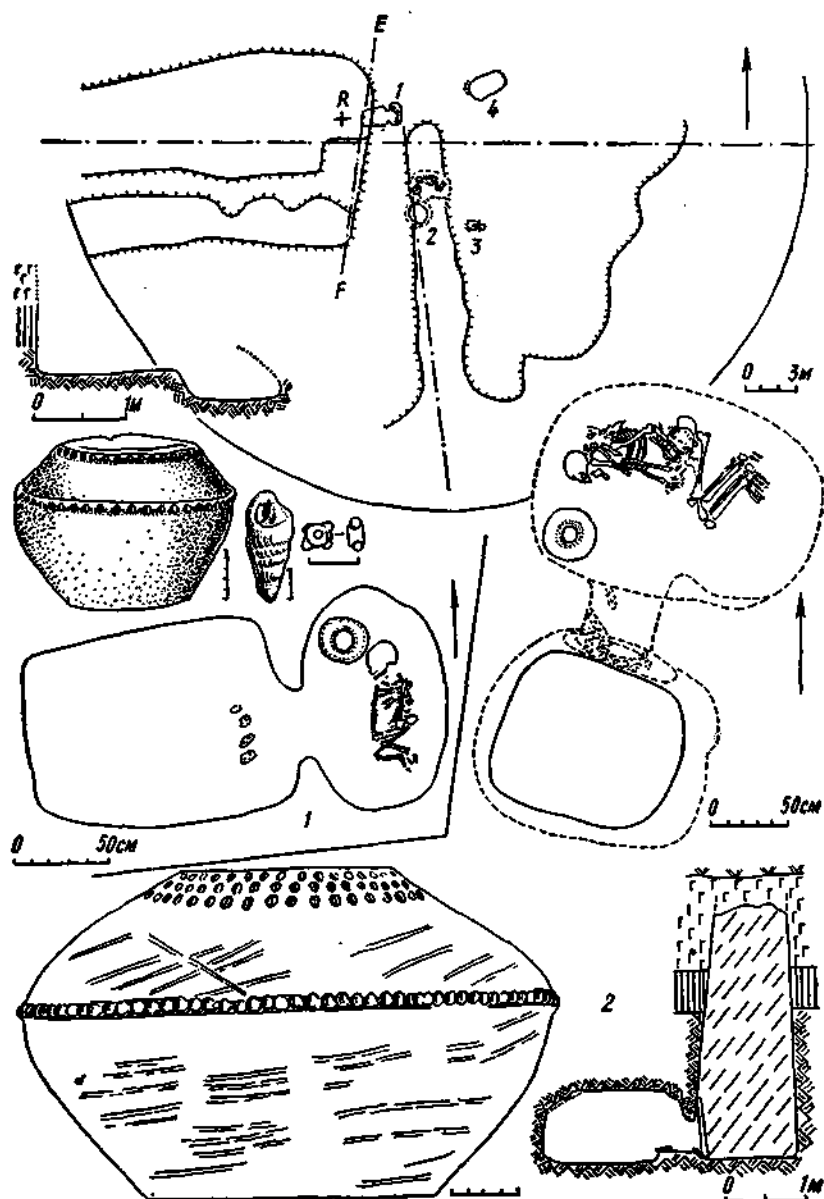

Табл. IV. Курган 1 у Института виноградарства, Новочеркасск:
 1 — погребение 1; 2 — погребение 2.

Погребение 2. В катакомбе, на уровне 3,8 м от Р. Входная яма прослежена с уровня 0,40 м от поверхности. Заполнена суглинком. Вход в катакомбу был закрыт плахами и сверху обмазан глиной. В катакомбе скорченный костяк взрослого человека, ориентированный головой к З, у входа в камеру перед лицом погребенного — горшок (табл. IV, 2).

Погребение 3 на уровне 1,65 м от Р и поверхности, в слое погребенной почвы. Костяк взрослого человека находился в сильно скорченном положении, на левом боку, головой к В. Перед лицом погребенного — костяное кольцо с отверстием сбоку, прорванным наружу (табл. III, 4).

Акса́й, Клиновы́й курган (1865 г.). Погребение. В продолговатой яме, размером 3,55 × 1,77 м, глубиной с юга 1,06 м, с севера 1,77 м (т. е., катакомбном погребальном сооружении). На дне более глубокой ямы (т. е. в катакомбе) находился костяк, головой к В, ногами к З. Слева у него — плоская чаша на четырех ножках (рис. 20, 5), на руках — два спиральных «серебряных» кольца.

Ростов-на-Дону (бывшая ст. Гниловская), Круглы́й курган (1865 г.). Высота кургана 8,5 м, диаметр 55 м. Раскопки производились двумя траншеями крест-накрест, шириной 6,40 м вверху, 4,25 м внизу. В кургане обнаружены сарматские погребения и пять погребений бронзового века в материке.

Погребение II*. В прямоугольной яме размером 3,55 × 1,87 м два костяка, ориентированные головой один к СВ, другой — к ЮЗ. Костяки покрыты красной краской, которая была здесь также и в кусках. Погребальный инвентарь: ожерелье из костяных бус и раковин, кремневый «нож».

Погребение III (впускное). Входная яма круглая, диаметром 1,42 м, глубиной около 10 м, в материк углублена на 4,26 м. В восточной стенке вход в катакомбу («продолговатое подземелье») с округлым сводом. Длина катакомбы с С на Ю — 3,55 м, ширина — 2,84 м, высота — 1,42 м. В катакомбе на истлевшей соломе «следы» костяка, ориентированного головой к С. В головах широкий сосуд с «различными выпуклыми украшениями» (рис. 42, 1), длинный бронзовый «наконечник копья, от древка которого сохранились едва заметные следы» (нож. — С. Б.) и кости животного.

Погребение IV. В «круглой яме» диаметром 1,77 м (катакомба), глубиной 1,06 м, два костяка: взрослого человека, ориентированный головой к Ю, и детского — головой к З. При первом костяке — три простых сосуда, два раздавленных (в одном угли, вероятно, жаровня) и один целый (рис. 17, 5).

Погребение V. В круглой яме диаметром 2,13 м (катакомба), глубиной 2,65 м, находился полуистлевший костяк, головой к ЮЗ. В ногах — два обломка горшка (жаровня?) и остатки «деревянной трости».

Погребение VI. В круглой яме диаметром 2,13 м, глубиной 1,42 м (катакомба. — С. Б.) найдены кости «небольшого животного», сосуд с ушками (рис. 36, 8), обломки от «простого» горшка с углями (жаровня) и медный «крошечный шарик» (бусина?).

Ростов-на-Дону (бывш. ст. Гниловская), курган 2 (1904 г.). Высота кургана 4,26 м, диаметр 15 м (? «длина кургана 21 аршин»). Раскопки траншеей через центр шириной 2,13 м. На глубине 1,42 м от вершины выявлены в беспорядке камни, на глубине 4,26 м «на материке» обнаружен скелет человека плохой сохранности, лежавший на правом боку, с согнутыми ногами, головой к З. У головы находилась глиняная «чашечка» (миска, табл. V, 1).

Ростов-на-Дону, курган 3 (1904 г.). Высота кургана 2,14 м, диаметр 11 м (?). Раскопки траншеей. На глубине 1,42 м от вершины по склону кургана обнаружен ряд плит из необработанного известняка в виде «тротуара». Они обложены весь курган. На глубине 2,14 м в «подножье материка» (в газетной заметке сказано, что под «тротуар» сделан подкоп) лежал костяк человека на спине, головой к В. Ноги вытянуты, руки вдоль туловища. С левой стороны костяка найдены каменные орудия — два песта и две плитки, справа — две кварцевые пластины (табл. V, 3). В изголовье были обломки сосуда («кувшина», рисунка нет).

* Нумерация погребений в материке отдельная от остальных.

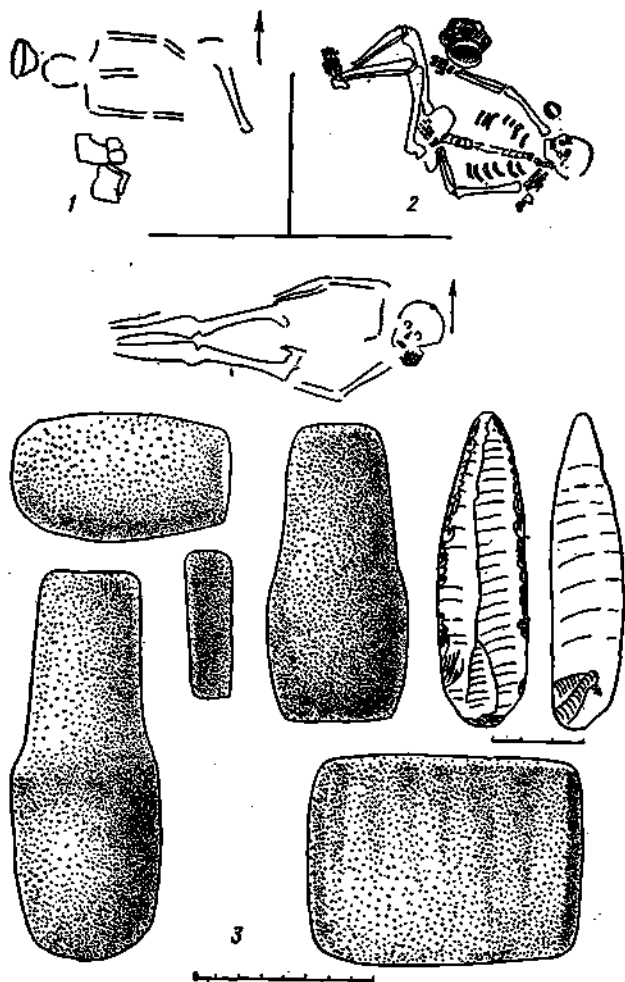

Табл. V. Погребения и инвентарь из курганов в Ростове-на-Дону:

1 — Ростов-на-Дону (бывшая ст. Гниловская, 1904 г.), курган 2, погребение 2; 2 — курган, погребение (1921 г.) 3 — курган 3, погребение (1904 г.)

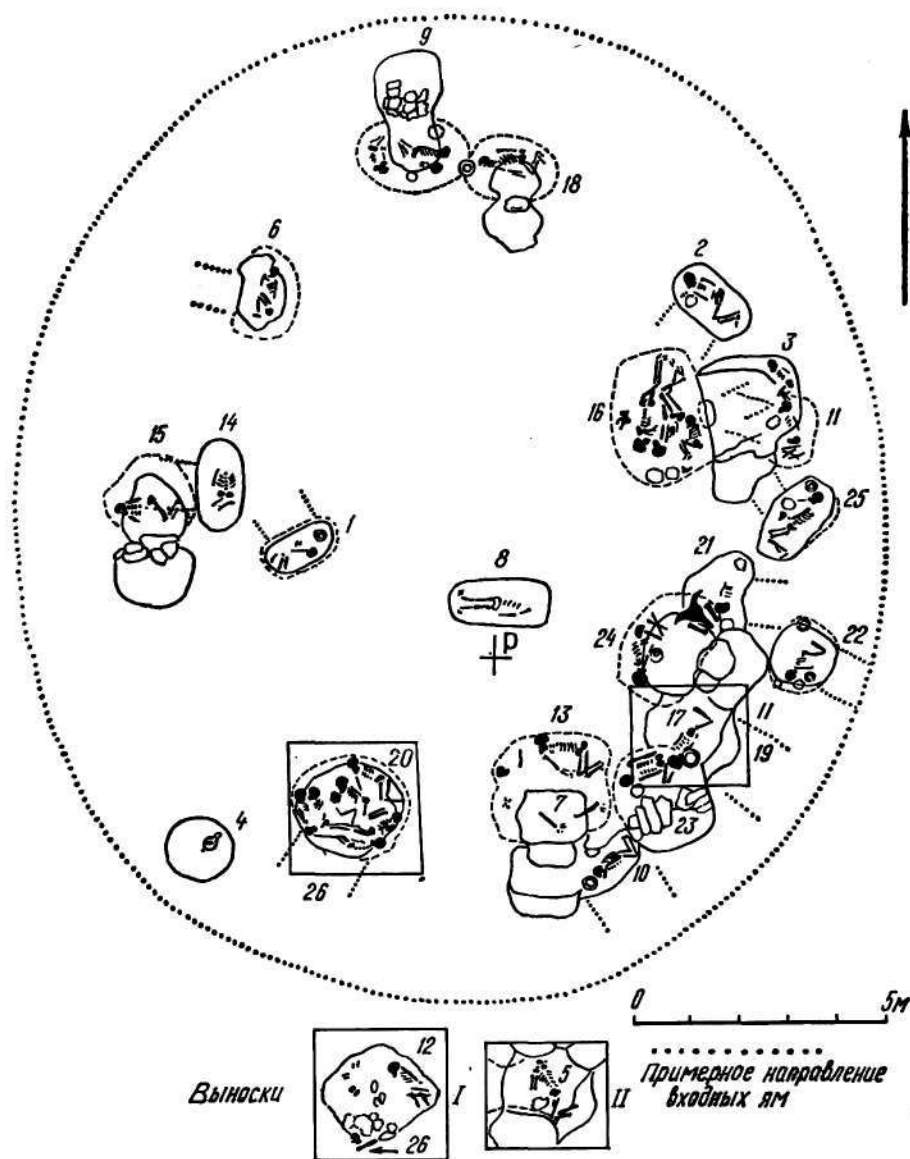

Табл. VI. План кургана I у хут. Ливенцовки.

Ростов-на-Дону, курган (1921 г.). Высота кургана 1,40 м. На глубине 2,67 м в материке обнаружен костяк взрослого человека, в скорченном положении на правом боку, головой к ЮВВ (табл. V, 2). Костяк был посыпан красной охрой. Куски охры находились также слева, у черепа. При погребенном найдены: бронзовый «копьевидный» нож длиной 7,5 см, четырехгранное шило длиной 8 см, мраморная булава темно-синего цвета грушевидной формы, высотой 7 см; желтоглиняный сосуд высотой 15 см, с прямой шейкой и выпуклыми боками, украшенный концентрическими кругами, ромбами, треугольниками, отгнутыми «тонкоплетеным» шнуром; фрагментированные «застежки» из бирюзы высотой 8 мм, имеющие форму «полых цилиндров с овальными плоскими шляпками, украшенных рядом волнистых линий и тщательно отполированных» (9 шт.).

Ливенцовка (окрестности г. Ростова-на-Дону), рабочий поселок совхоза, курган 1 (1964 г.). Курган находился на плато, в 0,5 км к северу от поселения Ливенцовка I. Насыпь кургана и частично погребенная почва разрушены при жилищном строительстве. В отвалах встречалось много крупных камней, вероятно, относившихся к кромлеху или заслонам входных отверстий катакомб. В кургане открыто 26 погребений, выявленных в основном в материковом суглинке (табл. VI).

Погребение 1 на глубине 0,18 м*, в катакомбе овальной формы. Входная шахта и свод разрушены при строительстве. Костяк взрослого человека находился на правом боку, в скорченном положении, головой к СВ. У головы стоял горшок черной глины, с расчесами гребня. Верхняя часть его повреждена (табл. VII, 1). В погребении встречались кусочки красной краски.

Погребение 2 на глубине 0,15 м, в катакомбе подпрямоугольной формы, срезанной в верхней части вместе с входной шахтой при строительстве. Костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой к СВ. Справа перед грудью — чаша с ушком, с желтой поверхностью и черным в изломе черепком. В ней находилось несколько костей рыбы (табл. VII, 2).

Погребение 3 на глубине 0,22 м врезалось в заполнение входной шахты погребения 16. В погребении детский костяк в скорченном положении, на правом боку, головой к СВ (табл. IX, 1).

Погребение 4 к ЮЗ от центра кургана на глубине около 1 м. Разрушено при устройстве колонки водопровода. Из погребения извлечен сосуд в форме кубка с высокой шейкой и островидными боками (табл. VII, 4).

Погребение 5 к ЮВ от центра на глубине 0,04 м, в заполнении погребения 17. Костяк взрослого человека лежал на правом боку, в скорченном положении, головой к СВ. Руки согнуты в локтях и протянуты к лицу. У пояса находился сосуд из черной глины с высокой шейкой, обведенной в основании валиком с заплатами (табл. VII, 3).

Погребение 6 к СВ от центра на глубине 0,40 м, костяк взрослого человека, в скорченном положении, на правом боку, головой к СВ. Ноги поджаты под острым углом, руки согнуты: левая к лицу, правая — к коленям. У северного края камеры находилась, скорлупа трех-четырёх яиц, по размеру утиных (табл. VII, 5).

Погребение 7 к Ю от центра, на глубине 1 м. Входная шахта со ступеньками имела форму прямоугольника, под узкой стенкой шахты устроена катакомба. Свод катакомбы и останки погребенного повреждены при устройстве погребения 13, врезавшегося шахтой в катакомбу. На полу катакомбы *in situ* сохранились только кости ноги и руки взрослого человека. Остальные кости были смещены при устройстве захоронения 13 и находились в заполнении шахты и катакомбы. Судя по костям, сохранившим первоначальное положение, погребенный был положен с согнутыми вправо ногами, головой к З. В шахте найдено два обломка большого черноглиняного горшка — верхняя часть с венчиком и стенка (табл. VIII, 1; VII, 7).

Погребение 8 в центре, на глубине 0,43 м, основное для кургана. Могильная яма вшита с уровня древнего горизонта. В заполнении ямы и на горизонте нахо-

* Глубины замерялись от репера, установленного у погребения 8 на 0,15 м ниже уровня древнего горизонта.

Табл. VII. Погребения в кургане I у Ливенцовки:
 1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 5; 4 — погребение 4; 5 — погребение 6; 6 — погребение 8; 7 — погребение 7.

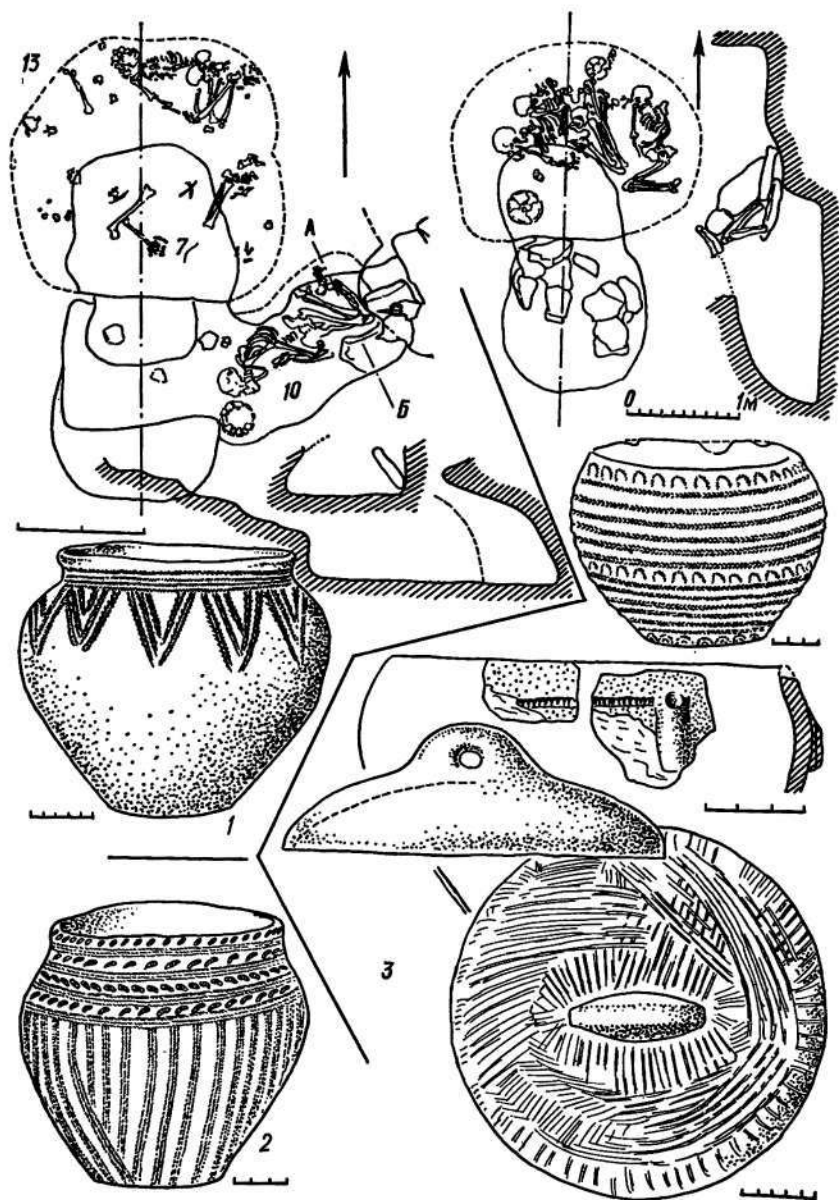

Табл. VIII. Погребения в кургане 1 у Ливенцовки:

1 — погребения 7, 10, 13; горшок из погребения 10; 2 — горшок из погребения 11;
3 — погребение 9.

дился плахи. Костяк взрослого субъекта, поврежденный грызунами, лежал на спине, в вытянутом положении, головой к В. Кости окрашены красной краской. Справа, в кротовине, найден обломок горла миниатюрного сосуда с залощенной до блеска поверхностью, с двумя прочерченными линиями под венчиком (табл. VII, 6).

Погребение 9 к С от центра на глубине 1,14 м. Входная шахта подквадратной формы с округленными углами и вход в катакомбу были завалены камнями. В катакомбе — три скорченных на правом боку костяка. Два лежали вдоль камеры, головой к В, третий — поперек, у их ног, головой к ЮЮВ. Перед первыми двумя костяками находились кусок красной краски и глиняное изделие в форме крышки с петлевиной ручкой, за их спиной — опрокинутый вверх дном горшок и обломок миски с древесными углями, использованный в качестве жаровни. Крышка черной глины, покрыта снаружи и изнутри расчесами гребня, край тщательно залощен. В могиле она была поставлена ручкой вниз (ручка вдавлена в грунт) и таким образом использована как блюдо. Горшок в форме банки с выгнутыми стенками, глина черная, поверхность темно-серого и желтоватого цвета. Стенки и дно украшены шнуром. Обломок с вертикальным ушком относится к миске, снабженной одним или двумя-тремя ушками (?). Поверхность желтая, глина в изломе черная (табл. VIII, 3).

Погребение 10 к ЮЮВ от центра на глубине 0,40 м. В катакомбе с просевшим сводом костяк взрослого человека, в скорченном положении, на правом боку, головой к ЮЗ. Кости голени левой ноги у основания были сломаны и отведены несколько в сторону вместе со стопой. Окончания этих костей находились в сочленении с костями стопы, что указывает на травму, полученную при жизни. У головы погребенного стоял сосуд с невысокой шейкой, с темно-серой поверхностью (табл. VIII, 1).

Погребение 11 к СВВ от центра на глубине 0,87 м. Устроено в катакомбе, выведенной из шахты, общей с погребением 16. По характеру заполнения шахты, состоявшего из однородного чернозема, последовательность устройства захоронений не устанавливается. В катакомбе находился окрашенный костяк взрослого человека, лежавший на правом боку, в скорченном положении, головой к СЗ. Перед костяком — кусок красной охры и горшок с короткой шейкой (табл. IX, 1; VIII, 2).

Погребение 12 к ЮЗ от центра на глубине 0,07—0,20 м, в заполнении обвалившейся катакомбы 20, на 0,66—0,53 м выше ее дна. Рядом с погребением 12 — обрушившиеся камни от заслона входного отверстия захоронения 20 и среди них разрушенные останки костяков погребения 26. Костяк в погребении 12 лежал в скорченном положении на спине, с поворотом вправо. Ноги, первоначально, вероятно, приподнятые коленями вверх, завалились на живот. Ориентация погребенного головой к СЗ (табл. X, 3).

Погребение 13 к Ю от центра на глубине 1,04 м. Погребение врезалось шахтой в катакомбу 7, разрушив ее свод и останки погребенного. При этом погребальная камера была расширена и сместилась к северу. Соответственно погребенный был уложен дальше места расположения скелета захоронения 7. Костяк человека юношеского возраста находился в скорченном положении, на правом боку, головой к З. В камере найдено несколько древесных углей и кусочек смолы (табл. VIII, 1).

Погребение 14 к З от центра на глубине 0,32 м. Сохранилась только нижняя часть овальной в плане катакомбы. В ней — плохой сохранности костяк человека в скорченном положении, на правом боку, головой к С (табл. XI, 1).

Погребение 15 к З от центра на глубине 1,13 м. Входная шахта овальной формы. В северной стенке вход в катакомбу закрыт известковыми камнями. На дне катакомбы с обвалившимся в центре сводом костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой к З (табл. XI, 2).

Погребение 16 к СВВ от центра на глубине 1,72 м. Входная шахта в плане квадратной формы. Вдоль стенок у дна ступеньки высотой 0,15—0,20 м, у входа и на ступеньке по одному камню. В сводчатой катакомбе высотой 1,10 м, лишь наполненной землей, находилось три костяка. Двое взрослых, занимавшие центральную часть камеры, лежали в эротической позе, прижавшись лицом друг к другу. Из них один погребенный находился в скорченном положении, на левом боку, с вытянутой вдоль туловища левой рукой и согнутой правой, второй — в вытянутом

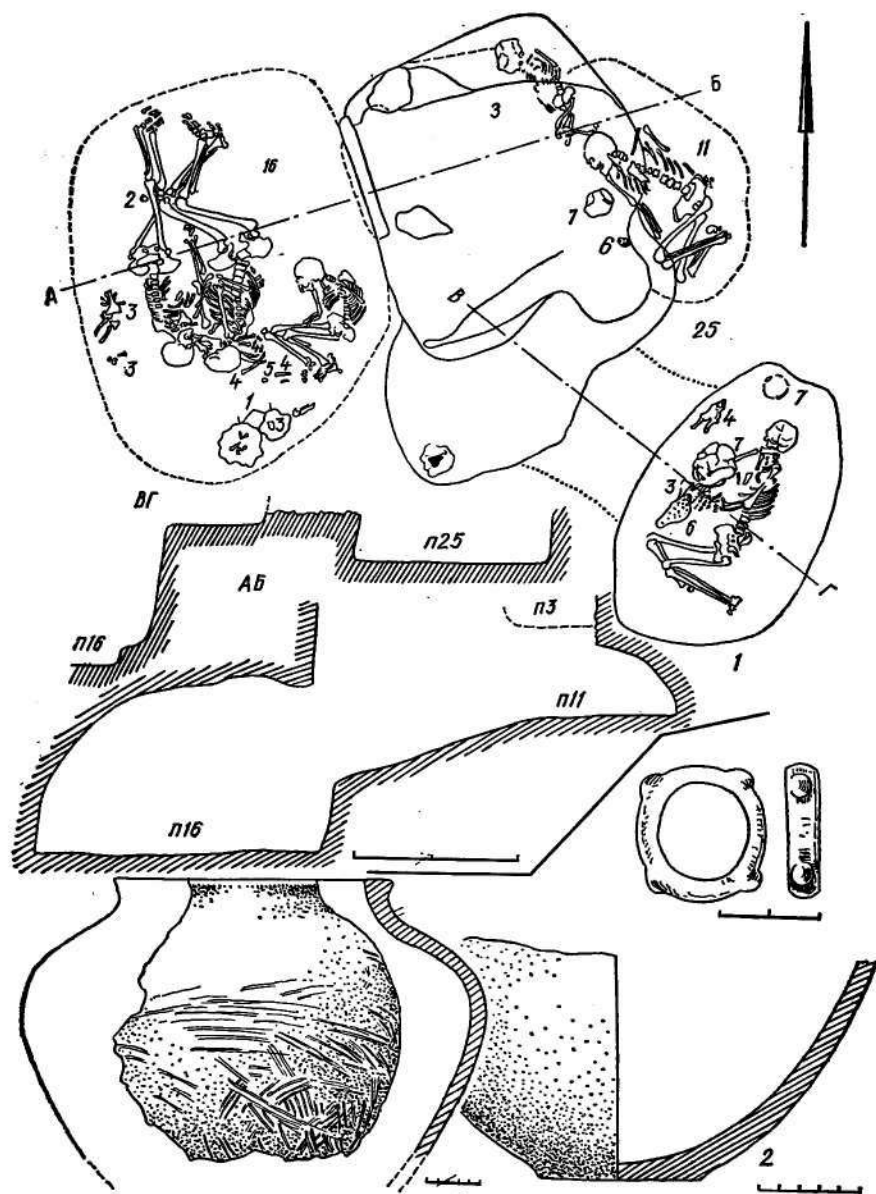

Табл. IX. Погребения 3, 11, 16, 25 из кургана 1 у Ливенцовки; вещи из погребения 16.

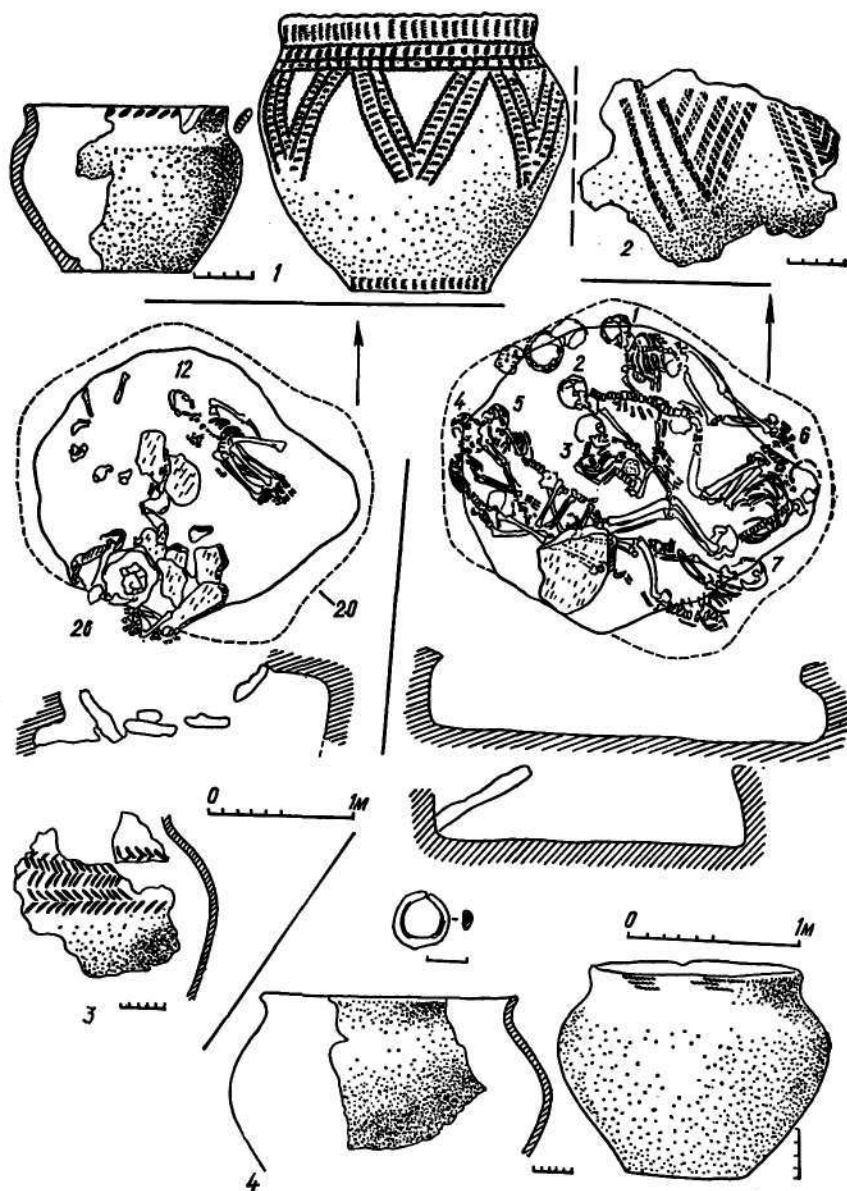

Табл. X. Погребения из кургана 1 у Ливенцовки:

1 — погребение 25; 2 — предположительно из погребения 25; 3 — погребение 12, 26, фрагмент сосуда из погребения 26; 4 — погребение 25.

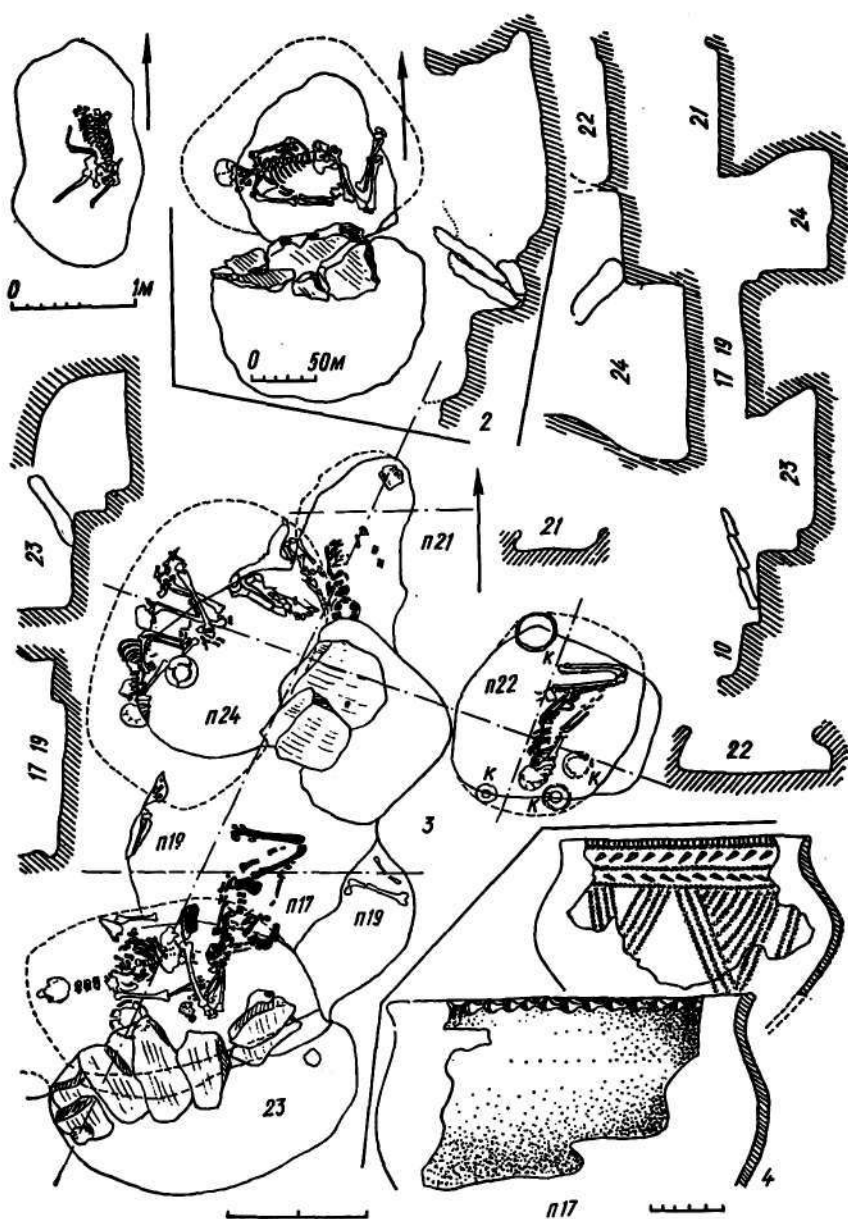

Табл. XI. Погребения из кургана 1 у Ливенцовки:

1 — погребение 14; 2 — погребение 15; 3 — погребение 17, 19, 21—24; 4 — сосуды из погребения 17.

положения, на правом боку. Левой рукой он обхватывал корпус соседа сверху, а правой снизу — шею. Умершие ориентированы головой к Ю. За спиной первого костяка располагался третий костяк подростка, ориентированный к СЗ (табл. IX, 1). У южной стенки катакомбы стояли две жаровни из обломков горшков с древесными углями и костью животного. Рядом — челюсть овцы или козы. Между изголовьем первых двух костяков и ногами третьего лежали четыре рога козы и кусочек угля, за спиной вытянутого костяка — лопатки и ребра овцы или козы, а у коленей костяное кольцо. Одной жаровней служил фрагмент верхней части большого горшка с утолщенным венчиком, как у реповидных сосудов, под вторую использована нижняя часть сосуда с дном. Глина этих фрагментов черная в яломе, поверхность темно-серая (табл. IX, 2).

Погребение 17 к ЮВ от центра на глубине 0,48 м, под погребением 5. Погребение 17 вшито в катакомбу захоронения 19. Череп и кости плечевого пояса костяка из погребения 17 лежали на заполнении катакомбы 23, просев на 0,25 м ниже свода в рыхлый грунт. В погребении 17 костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ЮЗ. Перед погребенным — фрагментированный горшок, а за спиной фрагмент сосуда, использованный в качестве жаровни (табл. XI, 3, 4).

Погребение 18 к С от центра на глубине 0,79 м. Входная шахта, округлая в плане, сохранилась лишь в нижней части у самого дна. Вход в катакомбу закрыт известняковой плитой. В катакомбе костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к З. У головы погребенного — горшок с невысокой шейкой с отогнутым наружу венчиком, с выделенными биконическими боками (табл. XII, 1). Горшок находился у стенки камеры и бок его проглядывал в соседнюю катакомбу погребения 9. Этот факт указывает, что погребение 18 устроено позже погребения 9, так как в противном случае сосуд оказался бы поврежденным.

Погребение 19 к ЮВ от центра на глубине 0,48 м. От сооружения осталась нижняя часть входной шахты, возможно, ступенька и обвалившаяся катакомба округлых очертаний (табл. XI, 3). На дне шахты, в заполнении катакомбы и у ее западных стенок находились разрозненные кости взрослого человека — остатки костяка, разрушенного погребением 17.

Погребение 20 к ЮЗ от центра на глубине 0,73 м, под погребением 12. Устроено в катакомбе, входная шахта разрушена строителями. Свод катакомбы обрушился и в нее провалились камни от заслона входного отверстия. В катакомбе находилось семь костяков, принадлежавших субъектам разного возраста, судя по их расположению, погребенных одновременно (табл. X, 4). Погребенные были довольно компактно уложены и занимали всю площадь катакомбы. Костяк № 1 с несросшимися эпифизами лежал на правом боку, головой к СЗ, с вытянутой левой ногой и слегка согнутой правой, отведенной вправо. Череп находился на боку, лицевыми костями к выходу из камеры. Правая рука вытянута вдоль корпуса, левая согнута и протянута вперед. Рядом с ним довольно крупный костяк № 2 в скорченном положении на правом боку, головой к З, лицом к выходу. Правая рука вытянута и отведена вперед, левая согнута к коленям. Лицом к этому погребенному лежал костяк № 3, принадлежавший ребенку, ориентированному головой к СЗ. Он имел скорченное положение на левом боку с согнутой правой рукой и вытянутой левой. Левая рука его и колени ног находились на руке костяка № 2.

В передней части камеры, слева, находилось два костяка, обращенных друг к другу. Костяк № 4 лежал на левом боку, спиной к выходу, головой к СЗ. Левая нога слегка согнута, руки перед туловищем. Лицом к нему находился детский костяк № 5, имевший скорченное положение на правом боку и ориентировку головой к СЗ. Руки у него вытянуты, правая была отведена вперед и перекрывала руку костяка № 4.

Справа от входа, у ног первых пяти погребенных, еще два костяка, скорченных на правом боку. Костяк № 6 ориентирован головой к СВ. У костяка 7 корпус был ориентирован к ЮВВ, однако плечевой пояс с костями рук и череп согнуты вперед под углом 90° к позвоночнику и ориентированы к СВ. Такое положение верхней части скелета могло быть достигнуто лишь при сломанном позвоночнике.

В изголовье первых пяти костяков находились горшок, жаровня из фрагмента сосуда с углями и черепная коробка человека. Последняя, вероятно, относится к одному из погребенных захоронения 26. У костяков № 1 и 3 было по куску красной охры, на височной кости костяка № 1 бронзовое кольцо с несомкнутыми концами. Горшок с четко выделенной шейкой с гладкой поверхностью от желтого до черного цвета. На шейке — небрежный оттиск тесьмы. Фрагмент относится к горшку с поверхностью бурого цвета, с короткой шейкой, с несколько отогнутым наружу краем (табл. X, 4).

Погребение 21 к В от центра на глубине 0,24 м. Сохранилась лишь нижняя часть овальной в плане катакомбы. В ней — плохо сохранившиеся остатки детского костяка без конечностей и тазовых костей. Погребенный лежал на правом боку, головой к Ю, лицевыми костями к выходу из камеры, вероятно, в скорченном положении. В изголовье — фрагментированный сосуд, у ног — жаровня из фрагмента горшка; перед костяком два овечьих астрагала и кусок красной охры. Сосуд в форме кубка. Фрагмент относится к крупному горшку с короткой шейкой (табл. XI, 3; XII, 2).

Погребение 22 к ЮВ от центра на глубине 0,65 м. В катакомбе костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой к ЮЮЗ. Перед погребенным горшок, фрагмент дна, за головой и у ступней ног по миске. Днище от крупного горшка с частью стенок, преднамеренно оббитых так, что фрагмент мог использоваться как блюдо. Одна миска с тремя напоями-ушками с вертикальными отверстиями богато ornamentована оттисками тесьмы и гребня (табл. XI, 3; XII, 3).

Погребение 23 к ЮЮВ от центра на глубине 1,24 м, частично под погребениями 17, 19. Вход в катакомбу во всю длинную стенку закрыт известняковыми плитами. У западного края шахты у плиты фрагмент горшка. Костяк взрослого человека лежал на правом боку в скорченном положении, головой к ЮЮЗ. Череп и плечевой пояс повреждены грызунами. Перед костяком — миска, овечий астрагал, у коленей — порошок и кусочки красной охры и фрагментированная челюсть овцы или козы. В заполнении камеры, у дна, найдено костяное колечко (табл. XI, 3; XII, 4).

Погребение 24 к ЮВ от центра на глубине 1,43 м. В катакомбе — костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ЮЮЗ. Перед ним — горшок, у головы — ожерелье из бронзовых бус. В северо-восточном углу — череп быка с рогами, лопатками и костями конечностей с копытами. Горшок с сильно выделенными боками, с темно-серой поверхностью. Ожерелье из бронзовых литых бус, 20 мелких и двух медальонов (табл. XI, 3; XII, 5).

Погребение 25 к В от центра на глубине 0,52 м, рядом с погребениями 11, 16. От него сохранилась нижняя часть овальной в плане катакомбы, а в ней костяк взрослого человека. Судя по его расположению, входная шахта должна была находиться с северо-западной стороны. Здесь, в 0,60 м от края катакомбы на уровне 0,32 м обнаружена неглубокая, неправильных овальных очертаний яма, а в ней — жаровня из стенки сосуда. Ее можно было бы отнести к входной шахте катакомбы погребения 25, если бы между ними не было перемишки в том месте, где находится лаз в катакомбу, как правило, опускающийся в погребальную камеру. К тому же эта яма сохранилась лишь у самого дна и не исключено, что она могла представлять катакомбу другого захоронения, разрушенного при устройстве соседних погребений 11, 16, а может быть и могилой 25.

В погребении 25 костяк находился в скорченном положении, на правом боку, головой к СВ. Перед ним — горшок, кусок красной охры, мелкие кости животного, череп с рогами и челюсть козы. В изголовье жаровня из фрагмента сосуда. Горшок с невысокой шейкой, с орнаментом, с нагаром на черной поверхности. Фрагмент относится к приземистому горшку с коричневатой поверхностью (табл. IX, 1; X, 1, 2).

Погребение 26 к ЮЮЗ от центра, разрушено при устройстве захоронения 20. В заполнении катакомбы с обвалившимся сводом и среди развала камней от заслона входного отверстия на уровне 0,03—0,45 м находились беспорядочно разбросанные кости, относившиеся к трем скелетам. Среди костей найдено два обломка крупного горшка черной глины с гребенчатым орнаментом (табл. X, 3).

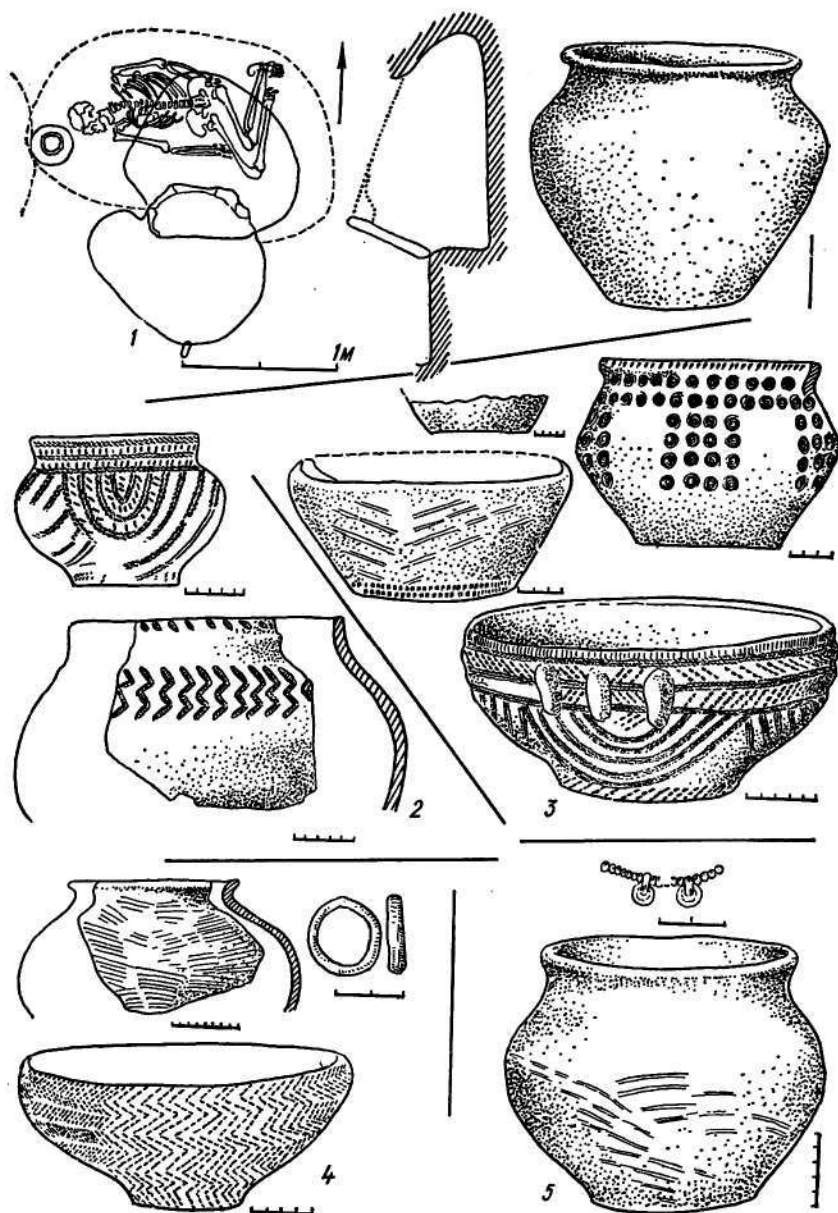

Табл. XII. Погребения из кургана 1 у Ливенцовки:
 1 — погребение 18; 2 — погребение 21; 3 — погребение 22; 4 — погребение 23; 5 — погребение 24.

Основным погребением в кургане является захоронение 3, совершенное в яме и находившееся в центре. Оно относится к доямной энеолитической культуре. Разрушенное погребение 26, возможно, ямное.

Основная масса погребений относится к категории впускных могил, устроенных в катакомбах. Последовательность их устройства не определяется, так как стратиграфические наблюдения, ввиду разрушения насыпи кургана и верхней части погребальных сооружений, отсутствуют. Стратиграфические соотношения устанавливаются лишь для отдельных групп погребений, составляющих стратиграфические «связи».

Однако для группы погребений в северо-восточном поле кургана (2, 3, 11, 16, 25 и овальная яма с жаровней) определение весьма затруднено из-за разрушения верхних частей погребальных сооружений.

Ливенцовка, могильник I (1963 г.). В грунтовом могильнике, занимавшем возвышенный участок на краю коренного берега р. Мертвый Донец, среди погребений срубной культуры и двух энеолитических, открыто одно погребение в катакомбе (45). Погребение 45 выявлено с уровня древнего горизонта. Вокруг него выкид известняковой щебенки. Входная шахта неправильной овальной формы. В северо-восточной стенке широкий вход в катакомбу, вырубленную в известняке. В овальной катакомбе окрашенный красной краской костяк взрослого человека, в скорченном положении на правом боку, головой к СЗ. Перед ним — большая глубокая миска и горшок. На дне шахты находилась жаровня из фрагмента сосуда. Фрагмент относится к бoku сосуда, украшенного проточенными линиями; видимо, близок по форме к горшку из этого погребения (рис. 30, 1—3).

Ливенцовка, могильник IV (1964 г.). В грунтовом могильнике на возвышенном участке края коренного берега среди срубных и энеолитических погребений обнаружено одно катакомбное (19). Круглая входная шахта прорезала суглинок и была выбита, как в катакомбе, в плотном известняке. Вокруг нее прослеживался выкид известняка. Шахта была заполнена мелкими и крупными камнями. Один угловатый камень длиной в 1 м на 0,30 м проглядывал над древним горизонтом. Вход в катакомбу размером 0,50 × 0,70 м закрыт плитами. В овальной катакомбе на глубине 1,75 м от поверхности останки погребенного очень плохой сохранности. Сохранились лишь кости конечностей и обломки черепа. Положение погребенного было, вероятно, скорченное, на правом боку, головой к СЗЗ. Вблизи костей черепа находились горшок, жаровня из фрагмента сосуда, у ног — обломок стенки сосуда с отпесками шкура (рис. 30, 4—7).

Багаевский, Лысый курган (1960 г.). Лысый курган находился в 6 км к югу от пос. Багаевского, вблизи хут. Краснодарский. Он входил в небольшую группу курганов, расположенных на возвышенных участках поймы р. Дон при впадении в него р. Маныч.

Высота кургана 1,95 м, диаметр насыпи 40 м, северный склон круче южного. До начала раскопок западная половина насыпи была повреждена работой бульдозера. Стратиграфический разрез кургана составлен по северной стенке бровки, ориентированной с В на З. В нем прослежены следующие слои (снизу вверх, табл. XIII): светлый аллювиальный песок, материковый суглинок мощностью 1 м, материковая супесь толщиной 0,80 м, погребенная песчаная почва толщиной 0,30—0,40 м, слой светло-желтой супеси, перемешанной с суглинком мощностью 1,45 м (первая насыпь); слой гумированной супеси толщиной 0,40 м (вторая насыпь).

В кургане открыто 44 погребения и выявлен кольцевидный ров, окружавший первую насыпь. Диаметр его 25—26 м по внешнему краю и 20 м по внутреннему (табл. XIII). Ров был не сплошным, а состоял из четырех отрезков-дуг, разделенных перемычками-проходами, расположенными по странам света, одна против другой*. Ширина рва несколько ниже погребенной почвы от 1,5 до 3 м, у дна 0,50—

* Ров в юго-восточной части показан пунктиром, так как после выявления его разрушили строители автодороги. Пятно рва четко просматривалось лишь в материке, с уровня 2,50—3 м от вершины.

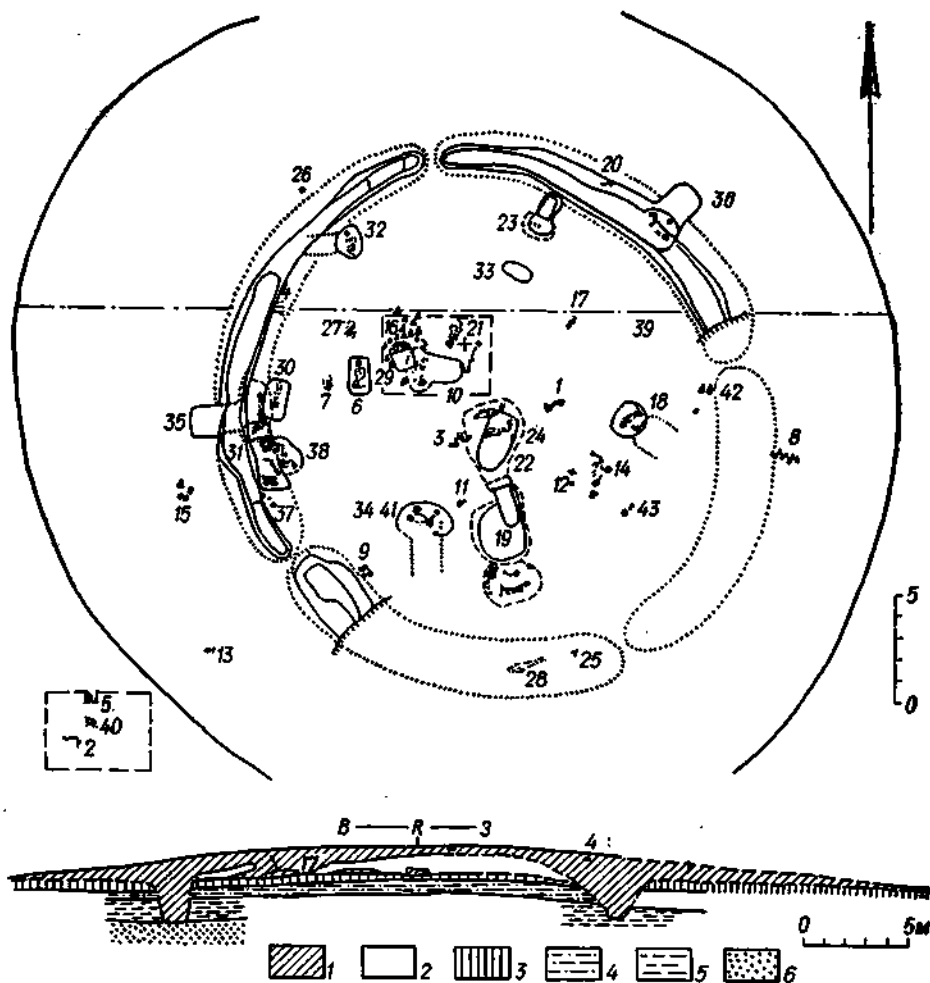

Табл. XIII. План и разрез Лысого кургана у пос. Багаевского. Условные обозначения: 1 — гумусированная вторая насыпь; 2 — первая насыпь из супеси и суглинка; 3 — погребенная почва; 4-6 — материк (4 — супесь, 5 — суглинок, 6 — песок).

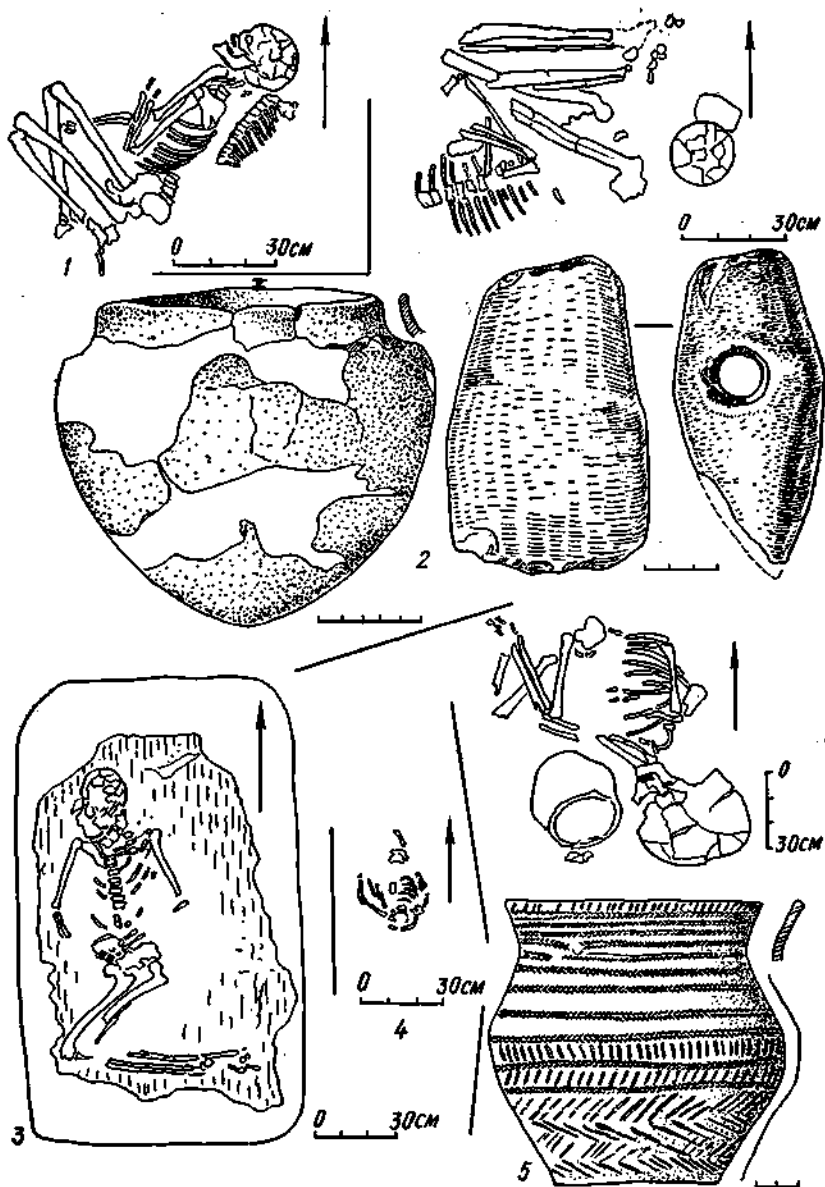

Табл. XIV. Погребения из Лысого кургана:

1 — погребение 1; 2 — погребение 3; 3 — погребение 6; 4 — погребение 7; 5 — погребение 9.

1 м, глубина от 2 до 3 м от древнего горизонта. Грунт, вынутый при рытье рва, составил первую насыпь кургана.

Погребение 1 в центре, на глубине 0,75 м. Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении, на правом боку, головой к СВ. За спиной его шейные и грудные позвонки с ребрами ошпы (табл. XIV, 1).

Погребение 2 в центре, на глубине 0,40 м, разрушено. В погребении разрушенные кости человека.

Погребение 3 в центре, в насыпи на глубине 1,38 м. Сильно поврежденный костяк взрослого человека лежал на спине, головой к ЮЗ. Ноги сильно поджаты и лежат на левом боку, руки согнуты. У ног круглодонный сосуд и топор из сланца (табл. XIV, 2).

Погребение 4 к СЗ от центра, в насыпи, на глубине 1 м (0,30 м от поверхности). Плохой сохранности костяк (отсутствует череп, грудная клетка, кости рук) лежал на левом боку, головой к В, ноги поджаты под острым углом.

Погребение 5 в центре, на глубине 0,25 м. От погребенного сохранились только кости ног, локтевая кость и ребра. Судя по их расположению костяк лежал скорченно, на правом боку, головой к В.

Погребение 6 к З от центра, на глубине 1,40 м. Могильная яма прямоугольной формы прослежена лишь у самого дна. На дне — остатки подстилки, снизу в виде камышового тлена, а сверху древесного, и комочки охры. Костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой к С (табл. XIV, 3).

Погребение 7 к З от центра, на глубине 1,40 м. Костяк младенца лежал на спине, головой к ЮВ, руки вдоль туловища, ноги отсутствуют. Его сопровождали два кусочка красной краски (табл. XIV, 4).

Погребение 8 к В от центра, на глубине 1,70 м, разрушено до начала исследований. В погребении сильно измельченные обломки сосуда и несколько костей человека. Сосуд близок к сосуду с высоким цилиндрическим горлом из погребения 14.

Погребение 9 к ЮЗ от центра, на глубине 1,40 м. Костяк ребенка в скорченном положении на левом боку, головой к ЮВ. Левая рука протянута к коленям, правая согнута. Перед костяком горшок с расрубной шейкой, с несколькими асимметричными боками с серой и коричневой поверхностью (табл. XIV, 5).

Погребение 10 в центре, на глубине 1,55 м. Входная шахта прослежена с поверхности второй насыпи. В заполнении ее обрывки плаха, на дне древесный тлен. С западной стороны размещалась полностью разрушенная катакомба, очертания которой выявлены по коричневатому тлену. Останки погребенного очень плохой сохранности, многие кости отсутствуют. По их расположению можно полагать, что костяк лежал на правом боку, головой к Ю. За головой его топор из твердого песчаника (табл. XV, 1).

Погребение 11 к Ю от центра, на глубине 1,53 м. Сильно окрашенный костяк младенца в скорченном положении, на правом боку, головой к З. Кости плохой сохранности, кости рук и тазовые отсутствуют. Перед черепом фрагментированная часть сосуда, поврежденного при работе скрепера, у затылка кремневая пластина с ретушью по одному краю. В заполнении встречались кусочки древесного угля. Фрагмент относится к верхней части горшка со светло-серой, местами желтоватой поверхностью, орнаментированной глубокими отпечатками шнура (табл. XV, 2).

Погребение 12 к ЮВ от центра, на глубине 1,40 м. В погребении отдельные разрозненные кости человека.

Погребение 13 к ЮЗ от центра, на глубине 2,0 м. В погребении череп и лопатки человека.

Погребение 14 к ЮВ от центра на глубине 1,81 м. Костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, головой к Ю, окрашен красной охрой. Перед погребенным возле руки — курильница, в изголовье — жаровня с древесными углями. Курильница на крестовидной ножке, без внутреннего отделения. Под жаровню использован сосуд с отбитым боком и частью горла. Он с высоким горлом, выпуклыми боками, с поверхностью от светло-серого до темно-коричневого цвета (табл. XV, 3).

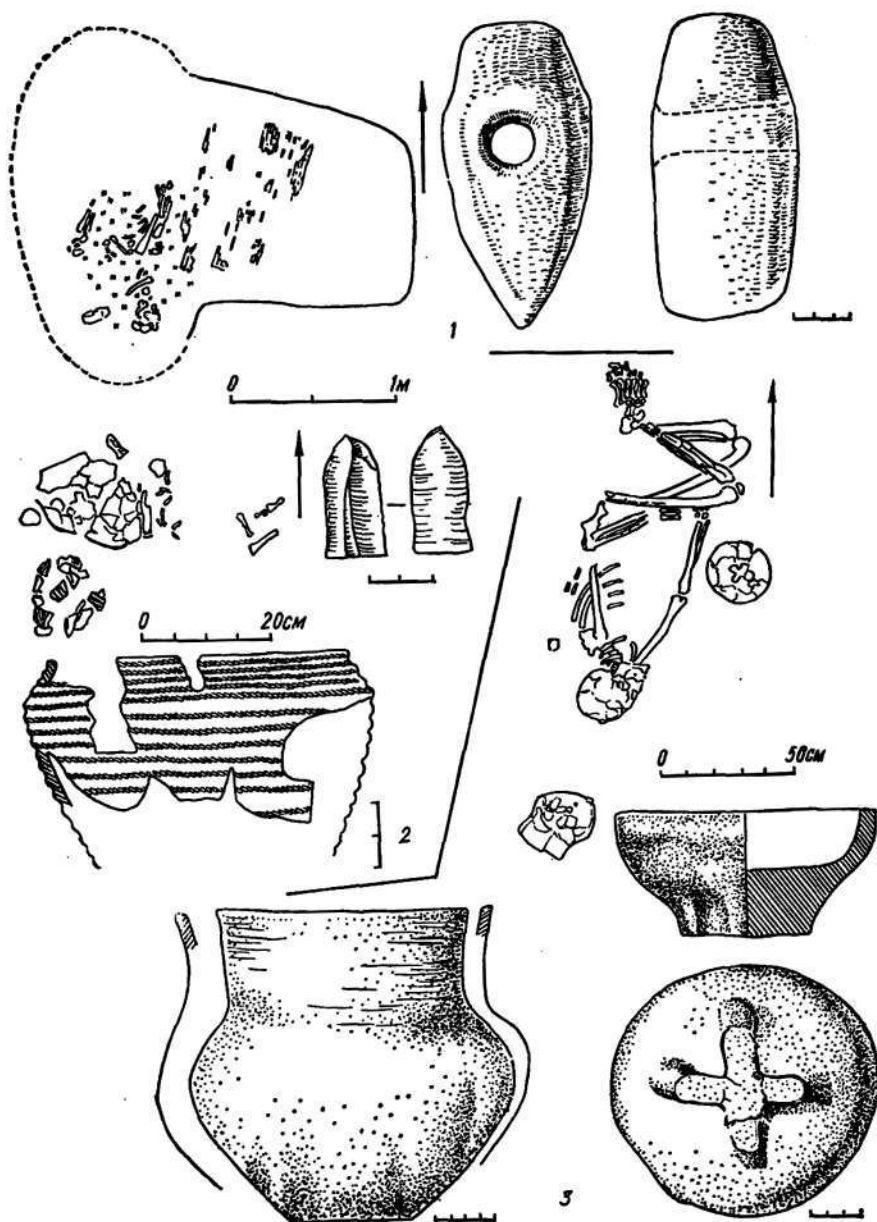

Табл. XV. Погребения из Лысого кургана:
1 — погребение 10; 2 — погребение 11; 3 — погребение 14.

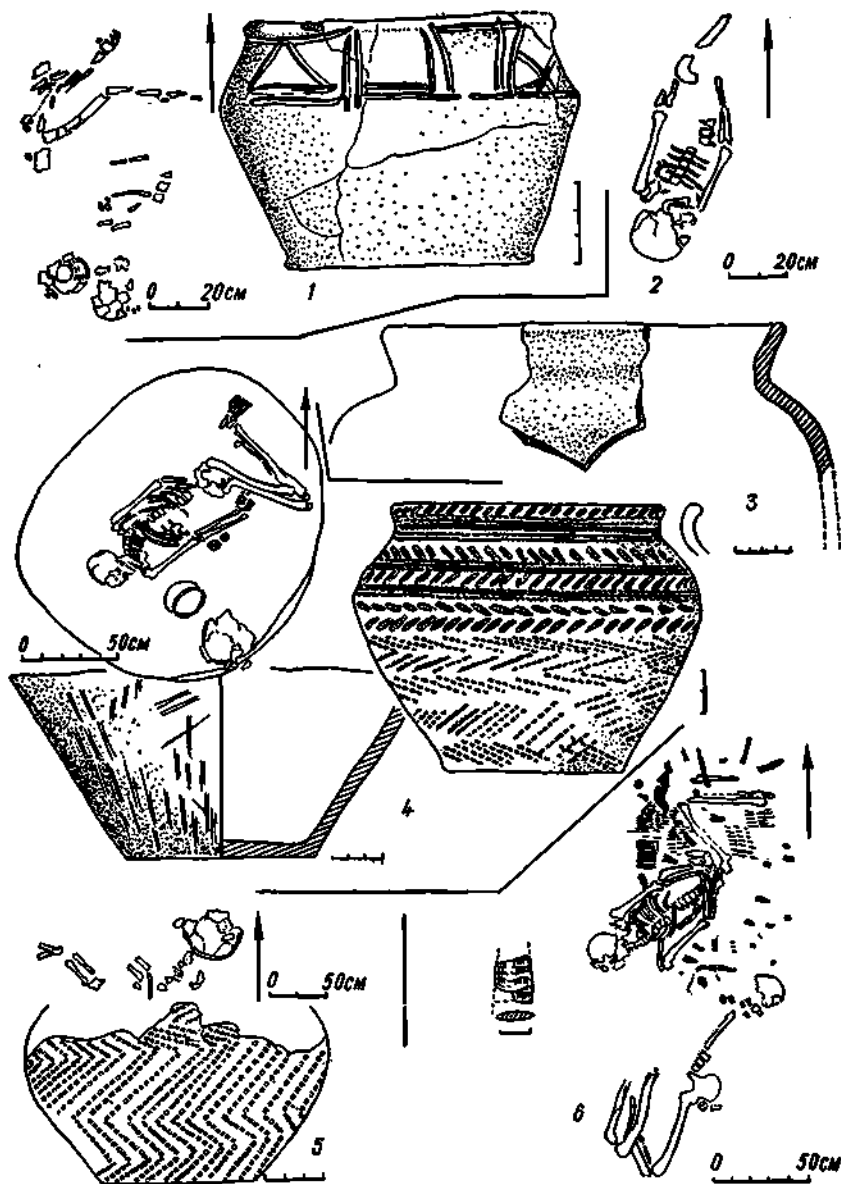

Табл. XVI. Погребения из Лысого кургана:

1 — погребение 15; 2 — погребение 17; 3 — погребение 16; 4 — погребение 13; 5 — погребение 20; 6 — погребение 21 А, 21 В,

Погребение 15 к ЮЗ от центра на глубине 1,75 м. Плохой сохранности костей взрослого человека находился в скорченном положении, на левом боку, головой к ЮЮЗ. Перед лицом погребенного низкий остроресберный сосуд с прорезанными узорами в виде меандров (табл. XVI, 1).

Погребение 16. В центре кургана на глубине 2,16 м расчлененные кости человека (плечевая, обломки черепа, позвонки и др.), крупные обломки сосуда и обожженные мелкие кости овцы. Мелкие обломки идентичного сосуда вместе с горелыми костями и осколками кремня были встречены несколько выше, в погребенной почве на площади $2,5 \times 5$ м, а также в выявленной ниже шахте погребения в катакомбе 29. По-видимому, захоронение 16 разрушено погребением 29. Обломки керамики относятся к одному большому сосуду диаметром 28 см по венчику, с черным в изломе, хорошо обожженным черепком, со светло-желтой лощеной поверхностью (табл. XVI, 3).

Погребение 17 к СВ от центра на глубине 1,80 м (1,30 м от поверхности). Впущено с поверхности второй насыпи. Судя по данным стратиграфического разреза по центральной бровке, погребение совершено в катакомбе. Очертания ее не прослежены. В погребении костей взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ЮЮЗ. Большая часть тазовых костей и костей ног разрушена (табл. XVI, 2).

Погребение 18 к ЮВВ от центра на глубине 2,23 м. В округлой яме, представлявшей обвалившуюся катакомбу, кости взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ЮЗ, окрашены красной охрой. Перед погребенным горшок, два кусочка красной охры и жаровня с углями. Горшок с короткой шейкой, с поверхностью желто-коричневого цвета. Под жаровню использован фрагмент придонной части сосуда черной глины (табл. XVI, 4).

Погребение 19 к Ю от центра на глубине 4,35 м (4 м от поверхности). В катакомбе два костяка, ребенка и взрослого, лежавших в скорченном положении на правом боку, головой к СВВ. На детском костяке прослеживался древесный тлен, вероятно, от циновки. В изголовье — курьельница, перед костяком ребенка бронзовый нож, у ступней ног костяка взрослого человека — бронзовое шило; в ногах два сосуда с желтой массой на дне, две ступки, пест (табл. XVII, 1). Ступы из гальки, с полусферическим углублением, в одной из них в углублении заметны пятна порошкообразной красной краски. Пест из гранита, на рабочей части его следы красной краски (табл. XVIII, 1).

Погребение 20 к СВ от центра на глубине 2,40 м (1,5 м от поверхности). Окрашенный костяк младенца в скорченном положении на правом боку, головой к В. У головы фрагменты раздавленного сосуда и кусочек красной краски. От сосуда сохранилась нижняя часть с боками, орнаментированная гребнем (табл. XVI, 5).

Погребение 21 в центре на глубине 2,53—2,58 м. С уровня погребенной почвы в погребении проглядывал горелый камыш. Очертания погребального сооружения в слое супеси не прослеживались. В погребении два скорченных костяка. Один из них (А) лежал среди горелого камыша и хвороста на левом боку, головой к ЮЗ. На костях и вокруг прослеживалась красная охра. В грудной клетке погребенного кремневый наконечник стрелы с обломанным острием. Второй костяк (Б) сильно поврежден, отсутствуют ребра, кости рук, часть тазовых костей. Он лежал на спине, с приподнятыми коленями вверх ногами, которые потом опустились на дно ямы. Ориентировка погребенного головой к СВ. На костях заметна красная охра (табл. XVI, 6).

Погребение 22 к Ю от центра на глубине 5,10 м (около 4,80 м от поверхности). Большая часть южной половины шахты погребения срезана шахтой захоронения 19*. Дно шахты опускалось к входному отверстию, которое, видимо, закрывалось связкой камыша: камышевый тлен прослеживался на стенках у входа. Вход в виде длинного расширяющегося лаза и катакомба устроены путем выборки аллювиального песка из

* Доказательством этого является то, что гумусированное заполнение шахты захоронения 19 перекрывало южную часть шахты погребения 22, заполненную супесью и песком.

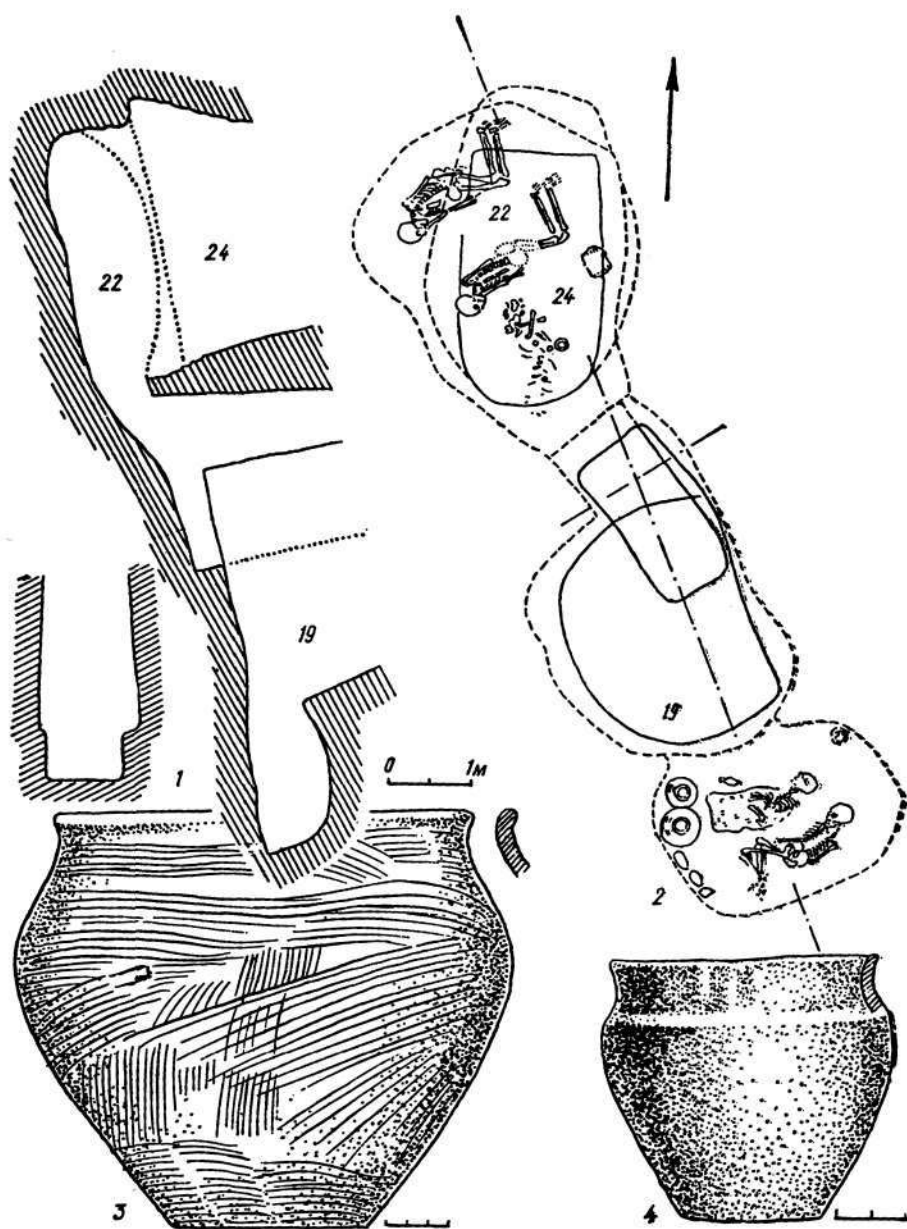

Табл. XVII. Погребения 19, 22, 24 из Лысого кургана:
(3 — жаровня из фрагмента сосуда из погребения 22; 4 — сосуд из погребения 24).

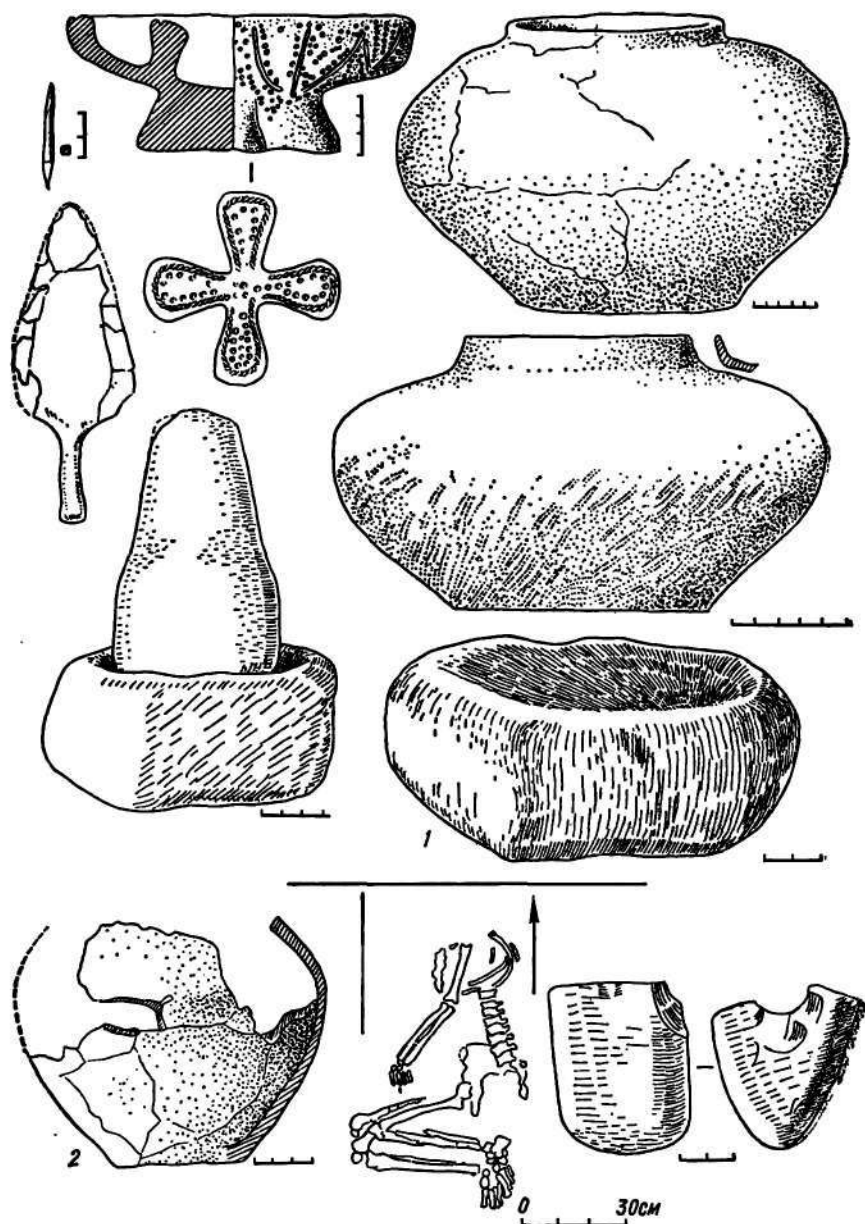

Табл. XVIII. Погребения из Лысого кургана:
1 — погребение 19; 2 — погребение 25; 3 — погребение 27.

под пласта материкового суглинки таким образом, что основание последнего служило для них потолком. Катакомба имела неправильные округлые очертания и была вытянута по оси шахта-катакомба. Такая необычная удлиненность камеры и удаленность погребенных от входа (около 2 м) может быть объяснена только частичным обвалом потолка камеры под могилкой 24 во время совершения захоронения. В камере находились два окрашенных костяка взрослых индивидуумов, имевших скорченное положение на правом боку, головой к ЮЗ. Под костяками коричневатый и камышевый тлен. У ступней первого костяка кучка красной охры, против коленей жаровня с древесными углями; за спиной второго костяка кремневый отщеп без ретуши. Под жаровню использован фрагмент короткошейного горшка с расчесами гребня (табл. XVII, 1-3).

Погребение 23 к СВ от центра на глубине 4,0 м (3 м от поверхности).

В катакомбе на коричневатом тлене кости младенца: обломки черепа, ключица, локтевая и лучевая кости и ребра. Судя по расположению этих костей, погребенный был ориентирован головой к СЗ и лежал, вероятно, на левом боку. У головы его сосуд, плиточка из песчаника с обточенным кусочком красной охры. Под плиточкой порошок охры. Сосуд в форме горшка с узким уплощенным дном, с черным в наломе черепком, с вкраплениями толченой раковины (табл. XIX, 1).

Погребение 24 в центре, на глубине около 3,80 м, над погребением 22. Погребальное сооружение прослеживалось лишь в верхней части на уровне 2,1-2,7 м — в виде ямы прямоугольной формы с одной округленной короткой стенкой. Книзу очертания ямы терялись, так как ее дно провалилось в катакомбу 22. В южной части ямы на разном уровне (в основном 4,15-4,4 м) находились смещенные кости ребенка и коричневатый тлен. Череп его окрашен красной краской. Мелкие кости скелета (позвонки, фаланги пальцев) просели еще ниже, в лаз в катакомбу 22. Среди костей небольшой горшок с уступом на плечиках, с залощенной пятнистой поверхностью от желтоватого до темно-серого цвета. Сосуд хорошо обожжен, лощение местами блестит (табл. XVII, 4).

Погребение 25 к ЮЮВ от центра на глубине 1,80 м (0,30 м от поверхности). В погребении раздавленный череп младенца и фрагмент сосуда с отбитым горлом. Погребенный был ориентирован, по-видимому, головой к ЮЗ (табл. XVIII, 2).

Погребение 26 к СЗ от центра на глубине 1,50 м. От погребения сохранился фрагментированный череп взрослого человека.

Погребение 27 к СЗЗ от центра на глубине 2,30 м. Костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ССЗ. Череп и кости правой руки отсутствуют. Перед грудью комок красной охры (табл. XVIII, 3).

Погребение 28 к ЮЮВ от центра на глубине 1,95 м (0,30 м от поверхности). Костяк взрослого человека на спине в вытянутом положении, головой к ЮЗЗ.

Погребение 29 в центре на глубине 3,08 м, прослежено с уровня 2,63 м. Входная шахта квадратная в плане. Под северо-западной стенкой подбой. На коричневатом древесном и светлом камышесом тлене костяк ребенка в скорченном положении на левом боку, головой к В. Руки вытянуты вперед. На костях прослеживался коричневатый тлен, вероятно, от пиновки, которой был укрыт погребенный. У ног костяка обуглившаяся копытная фаланга быка, в изголовье кубок (табл. XIX, 3). Небольшой кубок хорошей формовки и обжига, с черным в наломе черепком, с заметной примесью толченой раковины и известковых включений. Поверхность от светло-желтого цвета до черного, залощена до блеска (табл. XIX, 3).

Погребение 30 к З от центра на глубине 2,95 м (2,25 м от поверхности), прослежено с уровня 2,75 м. В прямоугольной яме на коричневатом тлене костяк взрослого человека на спине с поджатыми ногами коленями вверх, с согнутыми в локтях руками, вытянутыми к коленям, головой к ЮЮЗ. Череп завалился на грудь, шейные позвонки и ключица отвалились и находились выше черепа (табл. XX). Из этого следует, что первоначально корпус погребенного был несколько приподнят и покоился на своего рода подушке, от которой сохранился толстый слой коричневатого тлена на затылочной и теменной костях. Справа у костяка порошок и комки красной охры, у головы деревянная миска, овальная в плане, размером 0,24 × 0,17 м.

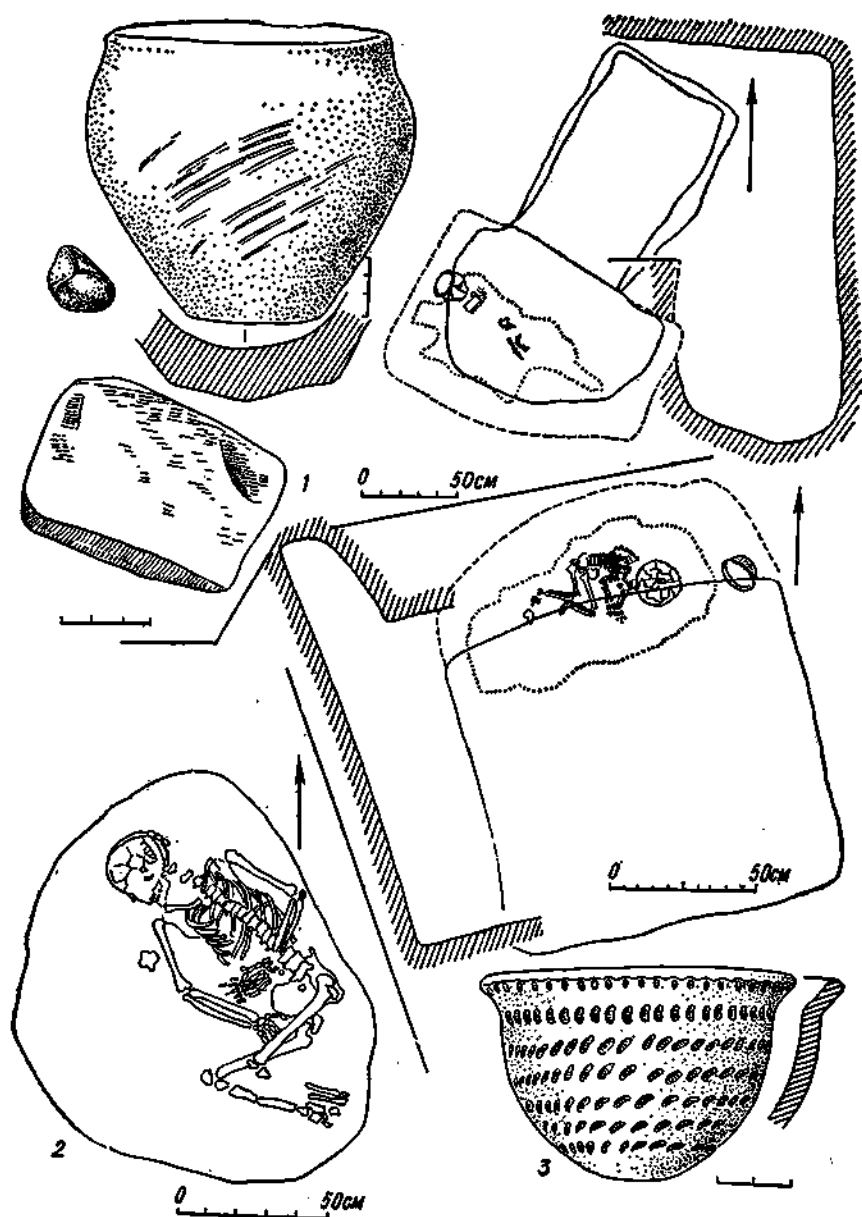

Табл. XIX. Погребения из Лысого кургана:
1 — погребение 23; 2 — погребение 32; 3 — погребение 29.

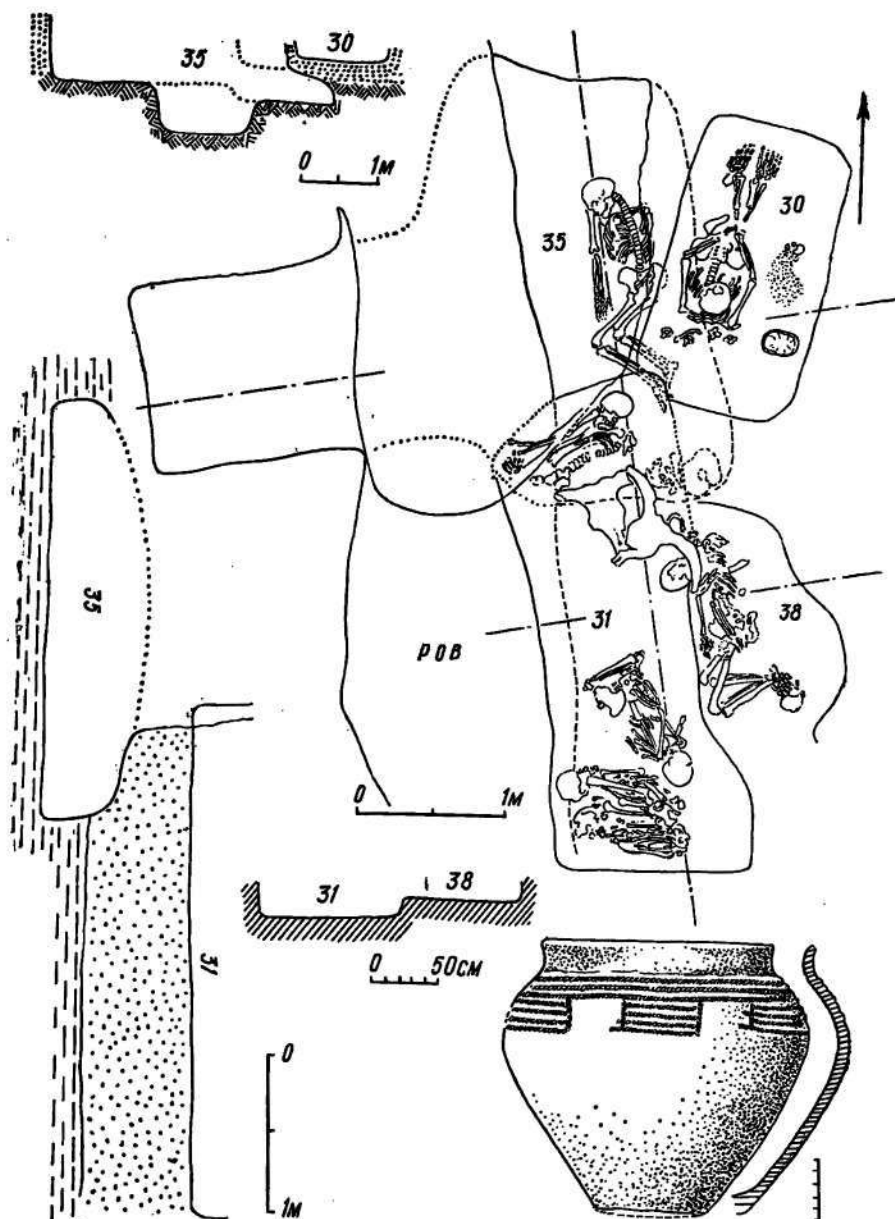

Табл. XX. Погребения 30, 31, 35, 38 из Лысого кургана (жаровня из фрагмента сосуда, погребение 35).

Погребение 31 к ЮЗЗ от центра на глубине 2,70 м (2 м от поверхности, табл. XX). Длинная прямоугольная яма, заполненная гумусированной супесью, с восточной стороны прорезала край катакомбы 38, северным краем перекрыла погребения 30 и 35. Пятно просевшей катакомбы погребения 35 прослеживалось со дна ямы погребения 31. Вдоль северной стенки ямы костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к СВ. Ноги сильно поджаты к груди, руки вытянуты и кисти их на уровне ступней ног. Костяк носит следы искусственного расчленения: кости ног вывернуты из вертлужных впадин, лопатки отделены, позвоночник искривлен.

В южной половине ямы находилось три костяка взрослых индивидуумов. Один лежал по диагонали ямы, в скорченном положении на правом боку, головой к ЮВ. Костяк сильно деформирован: кости рук и ног вывернуты в сочленениях, тазовые кости разделены и находятся сверху на бедренных костях, лопатка лежит на плечевой кости, грудная кость занимает место позвоночника. Часть костей отсутствует: позвоночник, малая и большая берцовая, ступни ног. Под черепом погребенного прослеживался коричневатый тлен, у плечевой кости — обломок палки длиной 0,20 м и диаметром 0,04 м, с зарубкой. Вдоль южной стенки располагались остатки двух деформированных костяков, производивших впечатление запеленованных вместе. Кости их вывернуты из сочленений и сильно повреждены. Общее положение костяков скорченное, головой к З. За спиной первого костяка лежали два черепа туров: межчелюстные носовые и лобные кости с рогами*. Челюстные кости с зубами и затылочные отсутствовали. Следы срезов на носовых и лобных костях свидетельствуют о том, что они были специально удалены (табл. XXI).

Погребение 32 к СЗ от центра на глубине 2,80 м (2,25 м от поверхности). В обвалившейся катакомбе овальной формы с остатком приустьевой части костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку головой к СЗ. У правого плеча коленная чашечка полорогого зубра (табл. XIX, 2).

Погребение 33 к ССЗ от центра на глубине 3,10 м. В овальной яме размером 1,30 × 0,65 м, представлявшей, видимо, обвалившуюся катакомбу, обнаружены обломки детского черепа, зубы и ребра. Они находились в юго-восточной части ямы, из чего следует, что погребенный был ориентирован головой к ЮВ.

Погребение 34 к Ю от центра на глубине 2,80 м (2,30 м от поверхности). Обвалившаяся катакомба неправильных очертаний прослежена лишь в нижней части. Южнее ее нечеткое пятно перемещенного грунта — остаток входной шахты. В катакомбе найден костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к З. За спиной — горшок, у коленей — комок красной охры (табл. XXII, 1). В земле, заполнявшей горшок, на уровне основания шейки найдена кремневая пластина.

Погребение 35 к З от центра на глубине 3,63 м прорезало ров.

В катакомбе подпрямоугольной формы с округленными углами на коричневатом тлене костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к СЗ. Против ступней погребенного — жаровня с древесными углами и кости опцы: расчлененный череп с нижней челюстью, лопатки, локтевые, лучевые и карпальные кости. Жаровней служила половина горшка с подложенной поверхностью светло-серого цвета, со шнуровым узором (табл. XX).

Погребение 36 к СВ от центра на глубине 3,70 м прорезало ров. В овальной катакомбе на коричневатой подстилке костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, головой к ЮВ. На костях и дне камеры местами посыпка красной охры, у ног — два куса охры (табл. XXII, 3). Перед погребением стояла курильница на трехлепестковой ножке, с отделением внутри и двумя отверстиями у него. В грудной клетке найден кремневый наконечник стрелы с отбитым острием.

Погребение 37 к ЮЗ от центра на глубине 2,20 м (1,25 м от поверхности). От детского костяка сохранились только фрагменты черепа, локтевая и лучевая кости, ребра, бедренная кость и кости голени одной ноги. Судя по их расположению, погребенный находился в скорченном положении на правом боку, головой к ЮВ. Справа у черепа — комок красной охры, слева — сосуд на боку, а под ним —

* Определение костей сделано зоологом В. С. Байгушевой.

Табл. XXI. Погребения 34, 38 из Лысого кургана.

кусочек каменного угля. Сосуд с высоким горлом, несколько асимметричен, с неровной серой поверхностью. На горле и по ребру оттиски шнура (табл. XXIII, 7).

Погребение 38 к ЮЗЗ от центра на глубине 2,55 м (1,80 м от поверхности). Входная шахта и часть катакомбы срезана ямой погребения 31. От катакомбы овальной формы сохранилось лишь основание. Костяк взрослого человека находился в скорченном положении на правом боку, головой к ССЗ. Верхняя часть костяка повреждена при устройстве соседнего захоронения 31. Череп сдвинут и перекрыт рогом тура, нарушены позвонки, лопатки, кости рук. За спиной погребенного комок

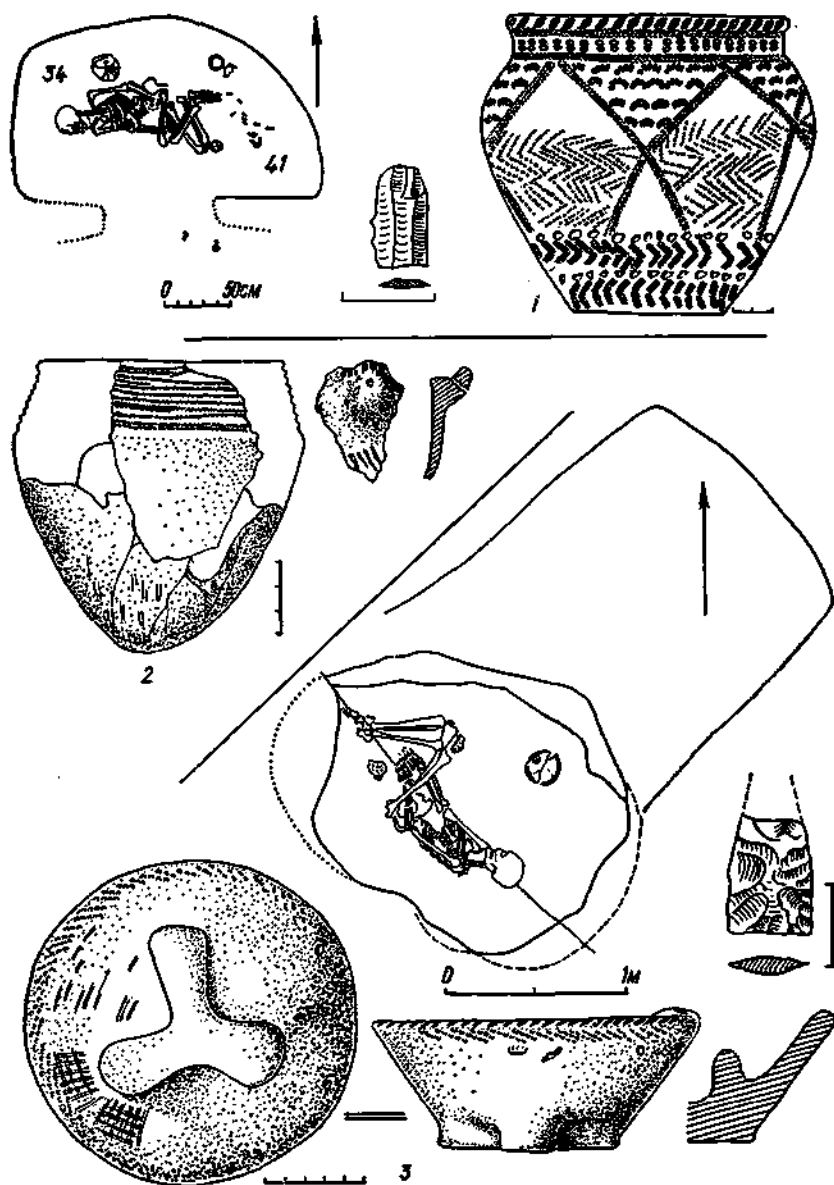

Табл. XXII. Погребения из Лысого кургана:

1 — план погребений 34, 41, пластина и сосуд из погребения 34; 2 — погребение 41;
3 — погребение 36.

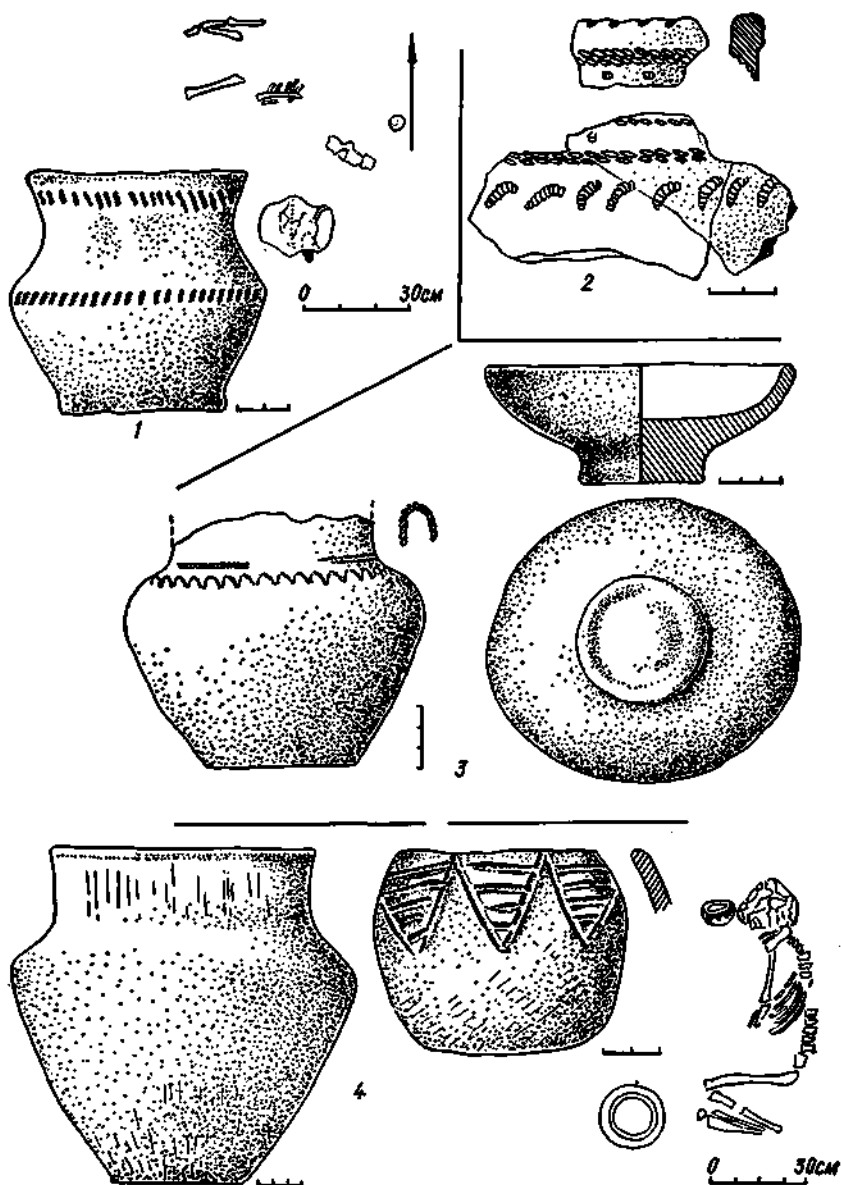

Табл. XXIII. Погребения из Лысого кургана (1—3) и кургана 2 (4).
 1 — погребение 37; 2 — разрушенное погребение 42; 3 — разрушенное погребение 43;
 4 — курган 2, погребение 1.

красной охры, обломок жерди (от заслона входа?), у ступней обломок стенки сосуда со светло-желтой поверхностью (табл. XX, XXI).

Погребение 39 к СВВ от центра на глубине 1,60 м. Рядом с погребением 17 прослеживалась часть ямы, разрушенная этим погребением.

Погребение 40 в центре на глубине 0,30 м. Погребение разрушено триангуляционным знаком. В нем находились обломки костей человека.

Погребение 41 к Ю от центра. На дне катакомбы погребения 34, у ног костяка находились кости разрушенного детского костяка (нижняя челюсть, зубы, ребра), а также нижняя часть и два обломка венчика круглодонного сосуда. Несколько южнее, в пределах входной шахты найден еще один обломок венчика этого сосуда и обломок стенки с ушком другого сосуда (табл. XXII, 1, 2).

Погребение 42 к В от центра на глубине 1,55 м разрушено. От погребения осталось несколько костей, красная охра и два обломка верхней части сосуда с орнаментом из отгисков тесмы и «гусениц» (табл. XXIII, 2).

Погребение 43 к ЮВ от центра на глубине 0,90 м, разрушено. В погребении учителем школы А. Ф. Рыбалиным собраны и переданы нам кувшинообразный сосуд и чапа на кольцевидной ножке со светло-желтой гладкой поверхностью (табл. XXIII, 3).

Определение стратиграфической последовательности устройства погребений в кургане в ряде случаев затруднено вследствие того, что часть насыпи была разрушена, а также из-за особенности насыпи и верхнего слоя материка, представлявших сыпучие песчаные грунты. Характер первой насыпи, состоящей из светло-желтой супеси и лежащей на древнем горизонте, также не позволял проследить выкиды из погребений и верхние части погребальных сооружений, если они были заполнены такой же супесью. Основным погребением в кургане является, очевидно, погребение 16, разрушенное при устройстве захоронения 29. Относящиеся к этому погребению обломки сосуда, находившиеся на древнем горизонте и в заполнении захоронения 29, определяются как энеолитические. С этим погребением связано сооружение рва и соответственно первой насыпи. Затем были впускены ямные погребения в материке 30, 41 и находившиеся в первой насыпи захоронения 3, 6. Невозможно определить, с какой насыпи были введены погребения в центре 21А, 21Б, 24, 29. В отношении погребения 24 можно лишь отметить, что оно устроено раньше катакомб 22, 19. Остальные погребения, расположенные вдали от центра, являются впускными со второй насыпи.

Багаевский курган 2 (1960 г.). Курган 2 находился в 80 м к востоку от Лысого кургана и был разрушен при строительстве. В нем исследовано одно погребение. В погребении находился детский костяк в скорченном положении на правом боку, головой к С. У головы погребенного — сосуд баночной формы грубой формовки, с желтоватой поверхностью, с прочерченным орнаментом; у ног — большой стройный сосуд со светло-коричневой поверхностью (табл. XXIII, 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ П. Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях.— Проппинг, кн. IV. М., 1854, стр. 520—522. Материалы этих раскопок не сохранились.

² ОАК за 1864 г., стр. 22; ОАК за 1866 г., стр. 15; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1864/15; 1865/7.

³ ОАК за 1891 г., стр. 81—82; Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах.— Труды VIII АС в Москве, т. III, стр. 13—15.

⁴ Коллекции Ростовского музея почти все пропали в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Богатые собрания музея в Новочеркасске частично изданы (Х. И. Попов. Каталог Донского музея, Новочеркасск, 1914 (?). Издание не окончено и не вышло в свет).

⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года.— Труды XII АС, т. 1. М., 1905; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года.— Труды XIII АС, т. 1. М., 1907; его же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.— Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 170—179.

⁶ А. М. Tallgren. La Pontide prescythique.— ESA, II, Helsinki, 1928, стр. 26—30.

⁷ Результаты исследований Б. А. Латынина в свое время не были опубликованы. Краткое изложение их содержится в его последних работах (Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой.— АСБ, 6. Л., 1964, стр. 70—71; его же. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка.— АСБ, 9. Л., 1967, стр. 11—12).

⁸ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы.— ИГАИМК, вып. 119. М.—Л., 1935.

⁹ Б. А. Латынин. Курганные погребения так называемого катакомбного типа. Тезисы диссертации, защищенной в ЛГУ в 1929 г.; его же. Материалы по истории родового общества степей и лесостепей Восточной Европы. Корректорский оттиск из ПИДО, 1935, № 3-4 (статья не вышла в свет).

¹⁰ Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону (рукопись канд. диссертации). Архив ЛОИА, ф. 47, д. 23, стр. 21—60.

¹¹ П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье.— Изв. КИИЮВ, т. II. Саратов, 1927, стр. 1—11.

¹² P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe.— Mitteilungen des Zentral Museum, J. 3, H. 1. Pokrowsk, 1928.

¹³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г.— СА, XI, 1949, стр. 336.

¹⁴ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, XII, 1950, стр. 167.

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 46. М., 1955, стр. 15—26.

¹⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры.— Труды ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 78—80; ее же. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры.— СА, XXII, 1955.

¹⁷ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала.— ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 201—212; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча.— СА, IV, 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 году.— СА, XI, 1947, стр. 305 и сл.; Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг. М.—Л., 1941, стр. 201—204.

¹⁸ А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году.— КСИИМК, вып. 53. М., 1954, стр. 61—69; А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.— МИА, № 62. М.—Л., 1958, стр. 348—416.

¹⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»..., стр. 167—168, 176.

²⁰ А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2, стр. 42.

²¹ Г. А. Иноземцев. Бронзовый век Нижнего Дона. Автореферат канд. дис. Ростов-на-Дону, 1955.

²² В. А. Фисенко. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия. Автореферат канд. дис. Л., 1967.

²³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 28—49.

²⁴ С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рец. на кн. Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры».— СА, 1957, № 2, стр. 271—275; О. Г. Шапошникова. Про памятки часу катакомбной культуры в степовому Подніпров'ї. Археологія, т. XXI, 1968. К., стр. 79—93.

²⁵ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III.— КСИА, вып. 7. К., 1957, стр. 45.

²⁶ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине.— СА, 1960, № 4, стр. 26—41.

²⁷ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»..., стр. 167—168.

²⁸ Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур.— СА, 1962, № 2, стр. 26—38.

²⁹ Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры.— Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 69—79; его же. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры.— Вестник Ленинградского университета, № 2, Л., 1962, стр. 74—87; его же. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Автореферат канд. дис. Л., 1968.

³⁰ С. И. Капошина. Памятники эпохи бронзы и сарматского времени на Нижнем Дону (по итогам работ Кобяковской экспедиции).— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 года. М., 1962, стр. 40—41; ее же. Итоги работ Кобяковской экспедиции.— КСИА, вып. 103, 1965, стр. 48—49; А. Н. Мелентьев. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 году.— КСИА, вып. 106, 1966, стр. 92—98; его же. Погребения эпохи бронзы в Задонье.— КСИА, вып. 115, 1969, стр. 89—96; его же. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье.— КСИА, вып. 103, 1964.

³¹ С. Н. Братченко, В. Я. Княшко, Н. Н. Череди́ченко. Курганы эпохи бронзы у хут. Ливенцовка.— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., вып. 1. К., 1967, стр. 99—102; В. Е. Максименко. Исследование курганного могильника в дельте Дона. Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 79, 88; В. Я. Княшко. Погребения катакомбной культуры в курганах Нижнего Дона.— Тезисы всесоюзной сессии археологических исследований в 1964 г. Баку, 1965, стр. 63—64.

³² А. И. Демченко. Исследование курганов бронзового века в Ростове-на-Дону.— Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 73.

³³ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года.— Археологические памятники Нижнего Подонья, I. М., 1974; М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.— Археологические памятники Нижнего Подонья, II. М., 1974; Э. А. Федорова-Давыдова, А. А. Горбенко. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году.— Там же.

²⁴ С. Н. Братченко. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Нижньому Дону.— Археологія, т. XXII. К., 1969, стр. 210—231; его же. Исследования Ливенцовской крепости.— Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., стр. 93—98.

ГЛАВА I

¹ С. Н. Братченко. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Нижньому Дону., стр. 210—231.

² С. Н. Братченко. Отчеты о работах Ливенцовской экспедиции в 1962—1963 гг.— Архив ИА АН СССР.

³ С. И. Капошина. Отчет о работах Кобыковской экспедиции в 1958 г. Архив ИА АН СССР (разведки автора).

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 143; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., табл. 3, 1; 8, 4. Материалы хранятся в ГИМ.

⁵ ОАК за 1891 г., стр. 81—82; Журнал раскопок Бранденбурга. 1888—1902 гг. СПб., 1906, стр. 191; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1891/17. Вещи хранятся в ГЭ.

⁶ С. Н. Братченко. Отчет о разведке в зоне строительства Усть-Донецкого порта в 1960 г. Архив Ростовского музея краеведения.

⁷ А. Т. Стефанов. Раскопки курганов по Северному Дону в окрестностях х. Хрещевского.— Записки СКОАИЭ, кн. 1 (т. III), вып. 5, 6, Ростов-на-Дону, 1928, стр. 20—25. Часть предметов, представленных в иллюстрациях, хранится в Новочеркасском музее.

⁸ В. Я. Кияшко. Отчет об исследовании курганов на строительстве Новочеркасской ГРЭС. Архив Ростовского музея краеведения.

⁹ А. Н. Мелентьев. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском..., 1966, стр. 92—98; его же. Раскопки курганов у пос. Донского в районе Новочеркасской ГРЭС в 1962 г. Архив Ростовского музея краеведения.

¹⁰ ОАК за 1864 г., стр. 21—22; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1864/15.

¹¹ В. Я. Кияшко. Отчет о раскопках кургана у Института виноградарства и виноделия в г. Новочеркаске. Архив Ростовского музея краеведения.

¹² С. Н. Братченко. Отчет о раскопках курганов у г. Новочеркасска в 1961 г. Архив Ростовского музея краеведения.

¹³ Там же.

¹⁴ С. И. Капошина. Отчет о работах Новочеркасской экспедиции в 1963 г. Архив Ростовского музея краеведения (отчет о раскопках кургана составлен В. Я. Кияшко).

¹⁵ Там же; И. Б. Брашинский. Отчет о работе Новочеркасской экспедиции в 1964 г. Архив Ростовского музея краеведения. (В составлении отчета принимали участие В. Я. Кияшко и А. И. Демченко).

¹⁶ Материалы раскопок хранятся в Ростовском музее краеведения.

¹⁷ С. И. Капошина. Отчет о работах Кобыковской экспедиции в 1958 г. Архив Ростовского музея краеведения.

¹⁸ ОАК за 1865 г., стр. 11—12; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1865/7.

¹⁹ С. И. Капошина. Отчет о работах Кобыковской экспедиции в 1959 г. Архив Ростовского музея краеведения (Отчет о раскопке кургана составлен А. Н. Мелентьевым).

²⁰ ОАК за 1866 г., стр. 14—15; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1866/7.

²¹ Там же. Вещи из погребений хранятся в ГИМ.

²² Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 1, д. 1904/116.

²³ Там же.

²⁴ А. М. Ильин. Братский курган, Ростов-на-Дону, 1912, стр. 12.

²⁵ С. А. Локтюшев. Погребение бронзовой эпохи из кургана близ г. Ростова-на-Дону.— Записки СКОАИЭ, кн. 1 (т. III), вып. 3—4. Ростов-на-Дону, 1928, стр. 12—14.

²⁶ Г. А. Иноземцев. Археологические раскопки у станицы Верхне-Гниловской.— Краеведческие записки. Таганрог, 1957, стр. 104—107.

²⁷ Н. Н. Череди́нченко. Курган эпохи бронзы близ г. Ростова-на-Дону.— КСИА, вып. 115. М., 1969, стр. 84—88. Материалы раскопок хранятся в Ростовском музее.

²⁸ С. Н. Братченко, В. Я. Княшко, Н. Н. Череди́нченко. Курганы эпохи бронзы у хут. Ливенцовки..., стр. 99—102; С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Ливенцовской экспедиции 1964 г.— Архив Ростовского музея краеведения.

²⁹ С. Н. Братченко, В. Я. Княшко, Н. Н. Череди́нченко. Указ. работа; (см. также отчеты С. Н. Братченко за указанные годы).

³⁰ С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Ливенцовской экспедиции 1964 г.

³¹ Там же.

³² С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Ливенцовской экспедиции в 1968 г.— Архив Ростовского музея краеведения.

³³ В. М. Косяненко. Отчет о раскопках у хут. Мокрый Чалтырь. Архив Ростовского музея краеведения.

³⁴ Д. Б. Шелов. Отчет об исследованиях Нижне-Донской экспедиции в 1962 г. Архив ИА АН СССР.

³⁵ Бюллетень СКБК, № 5-7. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 40—41.

³⁶ Записки РОИДП, вып. 1. Ростов-на-Дону, 1912.

³⁷ Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах..., стр. 13—15; Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908, стр. 187—190.

³⁸ В. В. Двори́нченко. Отчет о работе Скифской степной экспедиции в 1965 г.— Архив ИА АН УССР.

³⁹ Ф. И. Чернов. Раскопки кургана в городе Царицыне.— Труды СУАК, вып. 24. Саратов, 1908, стр. 14—18.

⁴⁰ В. А. Фисенко. Памятники катакомбной культуры у ст. Петров Вал.— СА, 1964, № 4, стр. 181—185. (см. также его отчет в архиве ИА АН СССР).

⁴¹ В. М. Мамонтов. Курганный могильник Колпачки.— СА, 1971, стр. 212.

⁴² Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, 1934, № 189.

⁴³ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, 1929, № 11, 111, 112. Сосуд хранится в Эрмитаже.

⁴⁴ В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г.— Научный Архив ИА АН СССР.

⁴⁵ В. П. Шилов. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье.— КСИА, вып. 106, 1966, стр. 88—91.

⁴⁶ А. Н. Мелентьев. Погребения эпохи бронзы в Задонье, стр. 89—97.

⁴⁷ А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950—1951 гг.— МИА, 62, 1958.

⁴⁸ А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году.— КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 66.

⁴⁹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 66—72. Вещественные материалы хранятся в Эрмитаже. К сожалению, нам не удалось установить, где находится полевая документация. Отчет о раскопках отсутствует в ИА АН СССР. По этой причине отсутствует много данных по погребальному обряду.

⁵⁰ Материалы хранятся в Ростовском музее. Вещи предположительно относятся к трем погребениям. Из этого же кургана происходит еще несколько сосудов.

⁵¹ С. Н. Братченко. Отчет о раскопках Лысого кургана.— Архив ИА АН СССР.

⁵² С. И. Капо́шина. Отчет о работе Кобыяковской экспедиции в 1960 г.— Архив ИА АН СССР.

⁵³ С. И. Капо́шина. Отчет о работе Кобыяковской экспедиции в 1961 г.— Архив ИА АН СССР; А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Поволжье..., 1964.

⁵⁴ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1935 г.— СА, IV, 1937.

⁵⁵ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныч в 1937 г.— СА, XI, 1949.

⁵⁶ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала..., стр. 201—212.

⁵⁷ И. С. Каменецкий. Отчет об археологических разведках Азовского отряда в 1964 г. Научный архив ИА АН СССР.

⁵⁸ ОАК за 1891 г., стр. 81—82.

⁵⁹ В. П. Шилов. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1962 г. Научный архив ИА АН СССР.

⁶⁰ В. Е. Максименко. Исследование курганного могильника в дельте Дона..., стр. 79—81. (Раскопки проводятся с 1966 г. См. также отчеты в Архиве ИА АН СССР).

⁶¹ М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года... Этой экспедицией доисследована и центральная часть кургана в пос. Семикаракорском, полы которого разрушены при строительстве в 1959 г., когда В. С. Бочкаревым и Б. М. Косьяненко здесь были собраны материалы, предположительно относящиеся к трем разрушенным погребениям (№ 44—46 нашего списка).

⁶² М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г...

⁶³ Э. А. Федорова-Давыдова, А. А. Горбенко. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 г.

⁶⁴ И. Б. Брашинский. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1967 г.— Архив ИА АН СССР; его же. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1968 г.— Научный архив ИА АН СССР.

⁶⁵ Территория Всесоюзного Института виноградарства и виноделия. Раскопки ведутся с 1967 г.

⁶⁶ Только в одном кургане катакомбное погребение было основным (А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г..., стр. 66).

⁶⁷ Ввиду отсутствия квалифицированных определений пола погребенных, полагать, что жаровни ставились в могилу только женщинам (как это считает В. А. Фисенко), представляется преждевременным, хотя и заманчиво (В. А. Фисенко. Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока.— Археологический сборник. Саратов, 1966, стр. 81). Так, жаровня есть в составе, кажется, мужского погребения с булавой (Покровское, к. СС V, п. 6), со стрелами (Осиенко, к. 2, п. 1).

ГЛАВА II

¹ Разведки автора. Отчеты Ливенцовской экспедиции за 1962—1964 гг.— Архив ИА АН СССР.

² Разведки В. Я. Княшко. Материалы хранятся в Ростовском университете.

³ С. Н. Братченко. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону..., стр. 210—229.

⁴ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 79;

⁵ И. Б. Брашинский. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1968 г..., (к. 13, п. 14).

⁶ И. Б. Брашинский. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1967 г...; А. И. Демченкс. Исследования курганов бронзового века в Ростовена-Дону..., стр. 74.

⁷ В. Е. Максименко. Исследование курганного могильника в дельте Дона..., стр. 80.

⁸ С. А. Локтюшев. Отчет об археологических работах по исследованию Донца в 1926 г. Архив ИА АН УССР, ф. ВУАК 109/35 (здесь имеется фото сосуда);

С. А. Локтюшев. Среднедонские курганные погребения бронзовой эпохи..., рис. 5 (здесь реконструкция сосуда, ручки не упоминаются).

⁹ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной.— Труды ГИМ, вып. XXXIV, М., 1963, стр. 18—19.

¹⁰ В. И. Марковин. Очерк изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья.— Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. 3, Майкоп, 1972, стр. 39—46, рис. 4, 21, 29—31 (дольмены у Красной Поляны, Геленджика, Эшери, дольмен II).

¹¹ Т. Б. Попова. К вопросу о курганных «северокавказского типа»,— СА, 1957, № 1, стр. 161 и сл.; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте..., стр. 40.

¹² A. M. Tallgren. Etudes sur le Caucase du Nord.— ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 36. A. Aугард. Über die Streitaxtkulturen in Russland.— ESA, VIII, Helsinki, 1933, стр. 144—145.

¹³ Л. С. Клейн. Прототипы катакомбных курганных и проблема происхождения катакомбной культуры.— АСб, 8, Л., 1966, стр. 5—17.

¹⁴ В. П. Шолов. Отчет об исследованиях Астраханской экспедиции в 1959 г.— Научный архив ИА АН СССР (с. Сидоры, к. 4, п. 8); Н. К. Качалова. О связях полтавских племен с катакомбными.— АСб, 10, Л., 1968, стр. 10 (Нижняя Грязнуха, к. 2, п. 2); ее же. Отчет Хоперского отряда за 1966 г.— Научный архив ИА АН СССР (с. Ильмень, к. 8, п. 3).

¹⁵ Славянск, к. ССЛIII, п. 8, раскопки Н. Е. Бранденбурга (Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга..., стр. 162—164. Чаша хранится в Эрмитаже. Рисунок ее у Т. Б. Поповой неверный, см. Т. Б. Попова. К вопросу о курганных..., рис. 3, I). Вторая чаша из г. Краматорска, к. п. 2 (раскопки 1938 г. В. М. Евсеева. Материалы хранятся в Ждановском музее).

¹⁶ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы.— МИА, № 132, М., 1966; И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования предметов из медных сплавов. Баку, 1960; его же. К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III—II тыс. до н. э.— СА, 1962, № 1, стр. 57—65.

¹⁷ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935; его же. К хронологии...; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, № 23. М.—Л., 1951; его же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, № 93. М., 1960.

¹⁸ И. Б. Брашинский. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции в 1967 г., к. 6, п. 4.

¹⁹ С. А. Локтюшев. Среднедонские курганные погребения..., рис. 1. Одно тесло найдено в 1972 г. у г. Александровска (к. 9, п. 25) при работах Северско-донской экспедиции.

²⁰ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 171—172.

²¹ Луганск, 1926 г., к. 3, п. 2 (С. А. Локтюшев. Среднедонские курганные погребения..., рис. 6); Александровск, к. 9, п. 25 (С. Н. Братченко. Отчет Северско-донской экспедиции об исследованиях курганов у г. Александровска в 1972 г. Научный архив ИА АН УССР). Необходимо указать, что в монографии Т. Б. Поповой рисунок долота из раскопок С. А. Локтюшева неправильный (Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., рис. 22, 5). Рисунок его даем по фото из отчетных материалов автора исследований (Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 202/22).

²² Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной..., стр. 31, табл. VIII, 5—8; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 32—33, рис. 4, 10.

²³ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 92. A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja.— ESA, IV, Helsinki, 1920, стр. 11. В работе В. И. Марковина почему-то отсутствует привольненский нож с расширенной верхней частью.

²⁴ А. А. Иессен. К хронологии..., табл., ряд II, 3; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосободной..., табл. X.

²⁵ Каменка, к. 15, п. 3 (В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутской уезде..., стр. 230, 300. Рисунок дан по картотеке Б. А. Латынина, хранящейся в Эрмитаже. Еще два крышка найдены в последнее время, одна в погребении у п. Фрунзе (раскопки И. А. Пислярия в 1966 г.), второй у с. Новоникольское (Северскодонецкая экспедиция 1972 г., отчет автора и И. А. Пислярия).

²⁶ О. Г. Шапошникова. До питання про металообробку у племен донецької катакомбної культури.— Археологія, I. К., 1971, стр. 22—25.

²⁷ И. Б. Брашинский. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1967 г.

²⁸ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 94—95.

²⁹ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосободной..., стр. 42, табл. II.

³⁰ Помимо пос. Константиновка (курган «Баба», п. 2) и Ливенцовки (к. 1, п. 24), они найдены в 1967 г. в двух погребениях в Ростове-на-Дону (к. 6, п. 11; к. 7, п. 4); И. Б. Брашинский. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1967 г.

³¹ Луганск, 1927 г., к. 3, п. 2, раскопки С. А. Локтюшева (научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, д. 535).

³² Луганск, 1926 г., к. 3, п. 2 (А. С. Локтюшев. Отчет об археологических раскопках 1926 г. Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, 109/35); Луганск, 1929 г., к. 1, п. 17 (его же. Отчет об археологических работах Донбасской экспедиции в 1929 г.— Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, 327/10).

³³ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосободной..., стр. 41, табл. I, II. Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской.— Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, рис. 9.

³⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. К., 1962, стр. 131, табл. XXII, 2.

³⁵ L. S. Klein. Reiche Katakombengräber.— Ethnographisch — Archäologische Zeitschrift, N 8, Berlin, 1967, стр. 210—227.

³⁶ Одна из ст. Соленовской (к. 3, п. 6), вторая, не сохранившаяся, была найдена в кургане в Ростове-на-Дону (В. В. Лукин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг.— Памятники древностей на Дону, т. I, Ростов-на-Дону, 1940, стр. 16—17).

³⁷ Л. С. Клейн. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур.— СА, 1962, № 2, стр. 26—38; его же. Происхождение донецкой катакомбной культуры; его же. Катакомбная культура или катакомбные культуры? — Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, стр. 165—178; О. Г. Шапошникова. Катакомбная культурно-историческая область.— Origini III. Roma, 1969, стр. 85—94.

³⁸ Н. Е. Бранденбург. К вопросу о каменных бабах..., стр. 14.

³⁹ О наличии здесь донецких погребений упомянула А. А. Иерусалимская, однако почему-то включила их в число предкавказских (А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте..., стр. 44).

⁴⁰ ОАК за 1891 г., стр. 81—82.

⁴¹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры...; ее же. Этапы развития и локальные варианты..., стр. 40—60. Наиболее полно эта тема освещена в работах Л. С. Клейна (см. указ. выше работы).

⁴² О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры.— Труды ГИМ, VIII. М., 1938; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры...

⁴³ С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры...», стр. 271—275; О. Г. Шапошникова. Про пам'ятки часу катакомбної культури..., стр. 79—93.

⁴⁴ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на Маныче в 1937 г., стр. 331—333, 336; его же. К вопросу о происхождении скифов.— ВДИ, 1950, № 2, стр. 42—47; И. В. Свиязин, Э. У. Эрдниев. Новые археологические памятники на

территории Калмыцкой АССР.— Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 2, Элиста, 1966, стр. 24—25; В. И. Марковни. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 106—118.

⁴⁶ В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры.— Учебное пособие по курсу истории СССР, Саратов, 1966, стр. 3—37.

⁴⁸ Л. С. Клейн. О хронологических и генетических истоках..., стр. 75; его же. Обоснование миграционной гипотезы происхождения катакомбной культуры...; его же. Происхождение донецкой катакомбной культуры...

⁴⁷ Имеем в виду погребения в катакомбах со шнуровой керамикой и ранними северокавказскими металлическими изделиями из раскопок И. В. Синицына в 1965—1966 гг. на Восточном Мангыче (см.: Отчеты И. В. Синицына в Научном архиве ИА АН СССР). В еще мало исследованном Прикубанье катакомбы известны лишь на позднем этапе, и их нельзя связывать с появлением здесь катакомбных племен с севера, как считает В. А. Марковни. Типы этих катакомб совершенно иные, чем на Дону (шахты в виде длинных прямоугольников), но близкие к тем, которые есть в Предкавказье в ранний период (В. И. Марковни. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 71—73).

ГЛАВА III

¹ Ф. Н. Чернов. Раскопки кургана в городе Царицыне..., стр. 14—18, погребение 2. Описание тесла и домота из этого погребения хорошо известны. Вилка-крюк автором раскопок названа наконечником дротика, в отличие от ножа из погребения 1, который он называет «кинжалом». Рисунок вилки найден нами в архиве В. А. Городцова, посетившего Саратовский музей в 20-х годах (архив хранится в ГИМ). Под рисунком вилки стоит инвентарный номер музея 573, под которым значится вся коллекция из кургана (два погребения), раскопанного Ф. Н. Черновым. Сейчас от вилки сохранилась только средняя часть, втулка отсутствует, как это видно из рисунка, сделанного Е. Н. Чернышом (Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1968, рис. 37 № 568). В отношении рисунков керамики из этого комплекса допущены ошибки. Совершенно неверно воспроизведена курильница (Т. В. Попова. К вопросу о курильницах северокавказского типа..., (рис. 7, 1). По рисунку того же В. А. Городцова устье у нее прикрыто бортиком. Форма сосуда, воспроизведенная Ф. Баллодом и А. Европеусом, а позже повторенная и Н. К. Качаловой, устанавливается по фотографии в картотеке В. А. Латынина, хранящейся в Эрмитаже, знакомством с которой мы обязаны Н. К. Качаловой (Ф. Баллод. Приволжские Помпей. М.—Л., 1923, табл. 1, 4); А. Аугардй. Укаа. соч.; Н. К. Качалова. О связях полтавских племен с катакомбными..., рис. 1.

² В. Е. Максименко. Отчет о раскопках в Койсуге в 1967 г., (к. 2, п. 1).

³ И. Б. Брашинский. Отчеты о работе Южно-Донской экспедиции в 1967—1968 гг...

⁴ Там же (к. 7, п. 6).

⁵ Помимо курильницы из Волгограда, нам известна только одна подобная чаша из с. Ильмень Воронежской области (Н. К. Качалова. Отчет Хоперского отряда за 1966 г.— Научный архив ИА АН СССР, р. 1, 3334, к. 8, п. 3).

⁶ Навершие из комплекса с характерной среднедокембрийской керамикой из с. Старцы (В. П. Шилов. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г.— Научный архив ИА АН СССР).

⁷ В. П. Шилов. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье.— КСИИ, вып. 106, 1966, стр. 88—91.

⁸ В отношении ям с заплечиками в материке необходимо отметить, что они не могут трактоваться только как погребальные сооружения мангычской (предкавказской) культуры (см., например, В. А. Фисенко. Погребальный обряд племен катакомбной культуры..., Подобные сооружения спорадически встречаются в катакомбное время на Северском Донце, в Нижнем Поднепровье).

⁹ Н. К. Качалова, недавно обратившая внимание на некоторые погребения в Волго-Донском междуречье, также связывает их со среднедонскими памятниками (Н. К. Качалова. О связях полтавских племен с катакомбными..., стр. 10—13).

¹⁰ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавского типа..., стр. 35—36.

ГЛАВА IV

¹ ОАК за 1864..., стр. 20; ОАК за 1865..., стр. 11; ОАК за 1866..., стр. 14.

² М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 году, стр. 336; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте..., стр. 34—48; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 112—113.

³ А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа.—Экспедиция Госермитажа, вып. 1. Л., 1940, стр. 42—44; его же. К хронологии «больших кубанских курганов»..., стр. 167—168; его же. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа.—Тезисы докладов на заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в окт. 1956 г. М., 1956, стр. 14.

⁴ Кроме значительных работ в низовьях Маныча, большие раскопки проведены в Калмыкии (И. В. Сивилев и У. Э. Эрднеев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году...; их же. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР...).

⁵ Разведки Кобяковской экспедиции 1958 г. Поселение находится у кирпичного завода. Отметим, что и на территории Волго-Манычского междуречья нет выразительных поселений интересующего нас круга памятников. (И. В. Сивилев. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия.—Труды СОМК, вып. 3. Саратов, 1960, стр. 147).

⁶ С. А. Локтюшев. Среднеднепровские курганные погребения..., стр. 4—6.

⁷ С. А. Локтюшев. Указ. работа, рис. 9.

⁸ Подобные отверстия со следами протертости отмечены на чашах-светильниках окуневской культуры (А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в Хакасии.—КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 70—73).

⁹ В. П. Шилов. Отчет Астраханской экспедиции за 1962 г., (погребение у с. Цапа Волгоградской обл.).

¹⁰ И. В. Сивилев. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья.—СА, 1948, X, стр. 150—156, к. 9, п. 8; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области.—СА, I, 1936, к. 6, п. 6; Р. П. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане..., рис. 9.

¹¹ С. А. Локтюшев. Среднеднепровские курганные погребения..., стр. 3—4.

¹² М. И. Вязьмитина, В. А. Иллінська, Б. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Указ. соч., стр. 102, рис. 81, 3.

¹³ В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.—МИА, № 60, М., 1959, стр. 26—36.

¹⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 99—100.

¹⁵ С. А. Локтюшев. Среднеднепровские курганные погребения..., рис. 10.

¹⁶ Луганск, 1929 г., к. 1, п. 22 (Раскопки С. А. Локтюшева. Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, 327/10; 309/10); Александровск, к. 1, п. 50; к. 6, п. 5 (С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Северскоднепровской экспедиции у г. Александровска в 1972 г.).

¹⁷ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской..., стр. 9—48; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане..., стр. 168—203.

¹⁸ А. Л. Нечитайло. Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской.—СА, 1970, № 2, стр. 148, рис. 3, 21, 22.

¹⁰ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 89, 104—105. Восточное Приазовье и низовья Кубани изучены очень слабо и характер памятников средней бронзы неясен. Известно, что здесь в курганах есть катакомбы. К югу от Дона в Восточном Приазовье манчское погребение открыто у с. Платоново на р. Кагальник (см. гл. I, № 99).

¹¹ ОАК за 1892, стр. 39; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Ишимском уезде..., стр. 242; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 232, 296; С. А. Локтюшев. Среднеднепровские курганные погребения..., стр. 3—6. Около десяти погребений известно из раскопок С. А. Локтюшева (кроме опубликованных), В. М. Евсеева (1938 г.), И. А. Писляра (1966 г.).

¹² Курганный комплекс Аккермен I, к. 17, п. 3 (М. I. Вязьмитина, В. А. Иллінська, Б. Ф. Покровська, О. I. Тереножкин, Г. Т. Ковпаненко. Указ. соч., стр. 102); с. Кут Днепропетровской области, раскопки Э. А. Симоновича; с. Саксагань Днепропетровской области (сосуд хранится в Днепропетровском музее им. Д. И. Яворницкого); с. Афанасьевка (Снегиревско-Ингальская экспедиция 1951 г.); г. Кривой Рог, к. 1, п. 1 (Раскопки Л. П. Крыловой. Отчет за 1965 г. ИА АН УССР); с. Любимовка, к. 19, п. 8; с. Красный Перекоп, к. 20, п. 24 (Раскопки А. М. Лескова 1968, 1970 гг. Отчеты Каховской экспедиции).

¹³ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы.— МИА, № 78. М., 1960, стр. 193, 239.

¹⁴ А. Н. Мелентьев. Погребения эпохи бронзы в Задонье..., стр. 93—97.

¹⁵ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 129—131, 104.

¹⁶ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области.— СА, вып. 1, 1963, к. 4, п. 10; к. 6, п. 4; к. 27, п. 4 и др.; И. В. Синицын, У. З. Эрдниев. Новые Археологические памятники на территории Калмыцкой АССР..., к. 4, п. 5, п. 10 и др.; И. В. Синицын. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1965 г. (отчет), (большинство погребений в многочисленных курганах Восточного Маньча. Весьма интересно, что среди этих ранних погребений здесь, а также в других районах Предкавказья есть захоронения с короткошейными горшками с гребенчатой елкой и шнуровыми узорами, т. е. сосуды, наиболее характерные для более северных памятников, в частности донских).

¹⁷ В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры..., его же. Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия...

¹⁸ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на реке Маньче в 1937 г..., стр. 330—336; его же. К вопросу о происхождении скифов..., стр. 39—47.

¹⁹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 89—90.

²⁰ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 89.

²¹ А. Л. Нечитайло. Курганы эпохи бронзы близ станции Суворовской..., стр. 145—156.

²² К. Ф. Смирнов. Быковские курганы..., стр. 193. Здесь обломок реповидного горшка найден вместе с полтавским и среднедонским сосудами.

ГЛАВА V

¹ Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону (рукопись канд. дис.).— Архив ЛО ИА, ф. 47, д. 23.

² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 83—86, 113.

³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 35—42; ее же. К вопросу о многоваликовой керамике.— СА, 1960, № 4, стр. 42—45.

⁴ А. В. Добровольский. Поселение бронзового века Бабино III.— КСИИМК, 1957, 7. К., 1957.

⁵ С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма.— КСИИМК, 1957, 67; ее же. Культуры средней бронзы в левоберезном Полесье Украины.— КСИИМК, 10. К., 1960.

⁶ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы...

¹ С. С. Березанская. О погребениях культуры многоваликовой керамики.— МАСП, 24, Одесса, 1962. В число последних ошибочно вошли срубные захоронения.

² Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамики...

³ Археология Украинской РСР, т. 1. К., 1971, стр. 334—343.

⁴ С. Н. Братченко. Багатошарове поселення Лівенцівка I..., стр. 228—230.

⁵ Доклад И. А. Пислария на конференции молодых ученых ИА АН УССР в апреле 1974 г. Как показал докладчик, В. А. Городцов объединил все погребения в срубах — со слабокорченными костяками с ориентировкой к З и с сильно скорченными с ориентировкой к В — в одну группу и отнес к срубной культуре. Однако сосуды находились только в срубах при костяках с восточной ориентацией и они-то и были «срубные». В срубах же с западной ориентировкой слабокорченных костяков они вообще не были найдены. В 1973 г. И. А. Писларий обнаружил в таких срубах типичную многоваликовую керамику. Сделанный на основе этого открытия пересмотр культурной атрибуции погребений в срубах весьма значителен. Правильность отнесения их к культуре многоваликовой керамики подтверждается также тем, что и в погребениях этой культуры Поднепровья, как было замечено нами, костяки находились в слабокорченном положении, на левом боку, головой к З, СЗ и С. (Археология Украинской РСР, т. 1, стр. 336. Имеются в виду, в частности, погребения в каменных ящиках из Одесского кургана, Кривого Рога, Днепростроя.)

⁶ С. Н. Братченко. Отчеты Ливенцовской экспедиции за 1962—1964 гг.

⁷ Разведки И. С. Каменецкого в 1957 г. Таганрогский музей.

⁸ Разведки В. Я. Княшко в 1958 г. Ростовский университет.

⁹ Разведки В. Я. Княшко в 1961—1966 гг., пляж, песчаные наносы.

¹⁰ Сборы Г. Н. Горюшко при работах на Волго-Доне. Фонды Ростовского музея.

¹¹ Волго-Донская экспедиция ГАИМК 1929 г. под руководством М. И. Артамонова. Коллекция Эрмитажа.

¹² А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг.— Сообщения ГАИМК, т. II. Л., 1929, стр. 113—117, рис. 20. Здесь многоваликовая керамика найдена вместе со срубной.

¹³ И. И. Ляпушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища.— МИА, № 62. М.—Л., 1958, стр. 234—235.

¹⁴ Там же, стр. 235, рис. 10, 4.

¹⁵ С. С. Березанская. Об одной из групп..., рис. 10, 8.

¹⁶ А. Хугарй. Über die Streitaxtkulturen..., стр. 71—72.

¹⁷ С. С. Березанская. Об одной из групп..., рис. 4; А. В. Добровольский. Отчет о раскопках Бабино III. Архив ИА АН УССР; Коллекция ИА АН УССР.

¹⁸ Р. Нукон. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeiten unteren Wolga.— ESA, I, Helsinki, 1927, стр. 71, рис. 19, 4; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы.— МИА, 78, рис. 1, 3; В. П. Шклов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы.— АСБ, 6. Л., 1964, рис. 3, 6.

¹⁹ Н. Я. Меркерт. Срубная культура в южной Чувашии.— МИА, 111, стр. 18—21.

²⁰ Сборы Ф. И. Королько (Старобельский музей) и И. А. Пислария.

²¹ С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа..., рис. 9, 4.

²² Курган «Ватырь» у г. Новочеркасска (Х. И. Попов. Каталог Донского музея в Новочеркасске...), стр. 3, 4, 9, 41, № 12, 19, 55, 614. Комплекс идентификация нами по коллекциям музея. Происходит из кладонисательских раскопок 1897 г.

²³ А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье.— КСИМК, в. 50, 1953, стр. 31—32, рис. 18, 19; И. В. Силицын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР..., табл. 3, 1.

²⁴ A. M. Talgren. La Pontide Prescythique..., стр. 102—104, рис. 62.

³¹ Ссылаемся на неопубликованную работу В. С. Бочарова, посвященную прикам. Доклад на студенческой археологической конференции в Москве в 1961 г.

³² И. И. Артеменко. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы.—МИА, № 148. М., 1967, стр. 54.

³³ Х. И. Попов. Каталог Донского музея в Новочеркасске..., стр. 3, 4, 9, 41.

³⁴ Т. Б. Попова. К вопросу о многоваликовой культуре..., стр. 35—42.

³⁵ Б. А. Латынин. К вопросу о памятниках с так называемой..., стр. 66—70.

³⁶ С. С. Березанська, М. М. Бондар. До питання про поселення середньодніпровської культури.—ВКУ, № 8, серія історії та права, вип. 1. К., 1967, стр. 12—15; С. С. Березанська. Деякі питання історії Середнього Подніпров'я в епоху ранньої бронзи.—Археологія, т. XX. К., 1966, стр. 47—57; Н. Н. Бондарь. К вопросу о культурной принадлежности каневской группы поселений эпохи ранней бронзы.—КСИА, вып. 127, 4971, стр. 54—62.

³⁷ О. Г. Шапошникова. Про пам'ятки часу катакомбної культури..., стр. 82, 83, рис. 2, 1—8; О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. К., 1962, табл. XVI, 5—8, 12, 14—19.

³⁸ Н. К. Качалова. О связях полтавских племен..., стр. 12—13.

ГЛАВА VI

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг.—Сообщения ГАИМК, т. 1. Л., 1926; А. А. Миллер. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг.—Сообщения ГАИМК, т. II. Л., 1929, рис. 3.

² Р. Рукв. Die Chvalynsker Kultur..., стр. 76, рис. 20, 3, 7; И. В. Свиязин. Археологические исследования Заволжского отряда.—МИА, 60. М., 1959, рис. 60, 6.

³ Р. Рукв. Там же, стр. 74—75, рис. 19, 4; Е. К. Максимов. Памятники эпохи бронзы у ст. Карамыш Саратовской области.—Тр. Саратовского музея краеведения, вып. 1. Саратов, стр. 119—120, рис. 67; В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья..., стр. 92, рис. 3, 6; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы..., стр. 170, рис. 1, 3.

⁴ А. Л. Нечитайло. Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской..., рис. 3, 59, 60.

⁵ А. Хугард. Über die Streitaxtkulturen.

⁶ В. И. Маркович. Культура племен..., рис. 51.

⁷ ОАК за 1903 г., рис. 114—117, 119—120; А. А. Иессен. Моздокский могильник..., стр. 43.

⁸ В. И. Маркович. Культура племен..., стр. 69—73.

⁹ А. Л. Нечитайло. Отчет о раскопках у ст. Усть-Джегутинской. Научный архив ИА АН СССР.

¹⁰ В. Д. Рыбалова. Костяной псалый с поселения Каменка близ Керчи.—СА, 4, 1966, стр. 179—181; ее же. Отчеты за 1956—1965 гг. Архив ИА АН УССР.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 106—109, рис. 25; И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Крыму.—СА, 24, 1955, стр. 77—79; ее же. Памятники эпохи бронзы из Киммерика.—КСИМК, XLIII, 1952, рис. 35, 37, 38.

¹² Э. С. Шарафутдинова. Металлические изделия Кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы.—КСИА, вып. 127, 1971, стр. 49.

¹³ В. Д. Рыбалова. Костяной псалый с поселения Каменки..., стр. 180—181.

¹⁴ В. Д. Рыбалова. Поселение Каменка в Восточном Крыму.—АСБ., вып. 16. Л., 1974.

- ¹ В. А. Городцов. Культуры бронзового века в Средней России..., стр. 179; его же. Бронзовый век на территории СССР.— ВСЭ (издание 1-е), т. VII, стр. 621. (Здесь В. А. Городцов отнес катакомбную культуру к III тысячелетию до н. э., в то время как раньше указывал, что «конечная дата ее первая половина II тыс. до н. э.»); Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 23—49; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте..., стр. 45—47; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»..., стр. 193.
- ² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 333—334.
- ³ Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, 327/10, текст, 309/10, иллюстрации.
- ⁴ Раскопки Е. В. Пузакова. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в бассейне р. Северский Донец в 1956 году.— Научный архив ИА АН УССР.
- ⁵ А. Д. Прихия. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону.— «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 152.
- ⁶ Самые ранние катакомбы на Восточном Маныче имеют форму длинного прямоугольника. Катакомба устроена под узкой стенкой или длинной, нередко смещена от оси. Катакомбы с круглой шахтой здесь менее распространены, но являются также позднейшими. Аномалией в отношении к северопрichernоморским катакомбным могилам выступают катакомбные сооружения Прикубанья, относящиеся к третьему, позднему этапу северокавказской культуры (по В. И. Марковину). Они характеризуются очень узкой шахтой в форме длинного прямоугольника, с катакомбой под узкой стенкой. Этот тип сооружения коррелируется здесь с вытянутым положением костяка. Внешне он напоминает ранний тип донецких и вообще причерноморских катакомб. Отличия состоят в разных пропорциях шахт: для донецких соотношение 1:1,2—2, для прикубанских погребений 1:2,5—3.
- ⁷ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»..., стр. 172, табл. разд. II, 2.
- ⁸ Погребение из станицы Воздвиженской (В. И. Марковин. Культура племен..., рис. 3, 1—4).
- ⁹ В. Е. Максименко. Раскопки курганов в дельте Дона..., стр. 84—85 (с. Кулишовка у г. Азова).
- ¹⁰ В. Я. Княшко. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы..., стр. 15—16.
- ¹¹ J. Deshayes. Les Outils de Bronze, de L'indus au Danube. Paris, 1960, part I, II, табл. XII.
- ¹² J. Deshayes. Там же, табл. XII, 26; F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie a Asie Occidentale. London, 1948, рис. 61, стр. 59—61.
- ¹³ Т. Б. Попова. Дольмены ст. Новосвободной..., стр. 31, табл. VIII, 5—8; В. И. Марковин. Культура племен..., рис. 4, 10.
- ¹⁴ Т. Б. Попова. Там же, табл. I, II; Е. Н. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской..., рис. 9.
- ¹⁵ В. И. Марковин. Культура племен..., стр. 32, рис. 3, 10.
- ¹⁶ Там же, стр. 55, рис. 20.
- ¹⁷ Там же, стр. 46—47, рис. 15, 6—9.
- ¹⁸ Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС.— КСИИМК, вып. 84, 1961, рис. 1—5.
- ¹⁹ О. Г. Шапошникова. До питання про металообробку..., стр. 22—25.
- ²⁰ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 173, табл. III.
- ²¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. 1. Тбилиси, 1949, рис. 65, 5.
- ²² Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент.— МИА, 68. М., 1958, рис. 3, 5; 7; 13.
- ²³ С. Н. Братченко. Матеріали до вивчення ямної культури Північного Приазов'я.— Археологія, вип. 11. К., 1973, рис. 2, 1.

²⁴ Имеется в виду большая, незаданная еще серия погребений из курганов Восточного Маныча (И. В. Силицын. Археологические раскопки Калмыцкой АССР в 1965 г. (отчет).

²⁵ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавского типа..., рис. 3, 6, 7 (здесь ножи сильно сработаны); О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., рис. 12, 2, 3; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., рис. 34, 446 (здесь привольненский нож отнесен к серии ямного металла).

²⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде...; Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове. Харьков, 1902, стр. 46; С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Левобережного отряда Северскодонской экспедиции.— Научный архив ИА АН УССР.

²⁷ И. В. Силицын. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1965 г., группа 1, курган 45, погребение 2.

²⁸ А. А. Иессен. К хронологии..., стр. 173, табл. ряд III, 8; Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной..., стр. 28, табл. XVIII, 2, 6; Р. М. Мунчаев. Катакомбная культура в Северо-Восточном Кавказе.— Новое в советской археологии. МИА, 130. М., 1965, стр. 95, рис. 3, 2; В. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды..., рис. 65, табл. XXXI, 7.

²⁹ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной..., стр. 28; ее же. Племена катакомбной культуры..., стр. 100—101.

³⁰ И. В. Силицын, У. Э. Эрдиев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР..., стр. 21.

³¹ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 141—142.

³² A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja..., стр. 11—16; Б. А. Латынин. Молоточковидные булавы..., рис. 15; 31; 49; 53. К ним присоединяется большая серия погребений в ямах с захоронениями из курганов у Усть-Джегутинской и ст. Суворовской на Ставрополье (А. Л. Нечитайло. Отчеты о раскопках 1963—1966 гг.— Научный архив ИА АН СССР).

³³ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., рис. 3, 10—13.

³⁴ И. В. Силицын, У. Э. Эрдиев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР..., рис. 8, 4; 9, 3; их же. Новые археологические памятники..., стр. 31—39. Интересующее нас погребение построено позже ямного, но раньше других, содержащих типичный «манычский» инвентарь (реповидные горшки, крышки, ножи).

³⁵ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., рис. 11.

³⁶ О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на грузинском языке), рис. 23, стр. 256.

³⁷ Усть-Джегутинская, несколько погребений (А. Л. Нечитайло. Отчет о раскопках курганов в Прикубанском районе Ставропольского края за 1963 г. Научный архив ИА АН СССР); Восточный Маныч, левый берег, группа II, курган 13, погребение 11 (И. В. Силицын. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1965 г. ...).

³⁸ В. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. CXV.

³⁹ Э. М. Гогадзе. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети.— Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, III). Тбилиси, 1970, стр. 239—241.

⁴⁰ F. A. Schaeffer. Stratigraphie Compare..., стр. 463—464, рис. 250, 40.

⁴¹ В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 31, рис. 2.

⁴² А. Л. Нечитайло. Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Автореферат канд. диссертации. К., 1973, стр. 9—11.

⁴³ В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада.— Проблемы археологии, 1. JL, 1968, стр. 104—114, рис. 4.

⁴⁴ А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 19—

24; F. A. Schaeffer. *Stratigraphie Compare...*, стр. 533. Ф. Шеффер, в рамки 2300—2000 гг. до н. э. помещал вместе древности Новосвободной и Майкопа.

⁴⁵ F. A. Schaeffer. Указ. работа, стр. 533. К этим периодам Ф. Шеффер относит курганы Константиновской, Петропавловской, Костромской, Летницкого, Песейской, Пятигорска, Воздвиженской, хут. Кру.

⁴⁶ В. Я. Княшко. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы..., стр. 16.

⁴⁷ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 64—65, рис. 31, 1.

⁴⁸ Длинный кинжал из довоенной коллекции Ростовского музея краеведения. Сохранился его рисунок. Кинжал близок андрюковским.

⁴⁹ Александровск, курган 1, погребение 30 (С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Северскодонецкой экспедиции в 1972 г.).

⁵⁰ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 97.

⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад.— Труды ГИМ. Памятники культуры, вып. 1. М., 1949, табл. XV.

⁵² A. A. Ugárái. Über die Streitaxtkulturen..., рис. 79.

⁵³ П. М. Пиневич. Археологические раскопки в Мариупольском округе в 1927 г. (Отчет).— Научный архив ИА АН УССР, ф. ВУАК, 309/23. Случайная находка.

⁵⁴ Т. М. Минаева. Курганы эпохи бронзы близ села Старомихайловки.— Новое в советской археологии.— МИА, 130, 1965, рис. 2.

⁵⁵ Раскопки А. И. Тереножкина на р. Молочной в 1951 г. Фонды ИА АН УССР, курган 8, погребение 7.

⁵⁶ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 3, 1941, табл. I, 4.

⁵⁷ Крутых булав с выступами известно немного. Помимо приведенных образцов, укажем на находки таких булав из Нижнего Чегема (А. А. Иессен. Указ. работа, табл. I, 3) и Николаевки (О. Я. Огульчанский. Археологічні пам'ятки Північного Приазов'я.— Археологія, т. IV, 1950, рис. 4). Булава найдена на пашне у Рясных Могилах.

⁵⁸ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, рис. 8; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 104, табл. IX, 6; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети..., рис. 81.

⁵⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА, 100, 1961, стр. 140, рис. 49.

⁶⁰ Т. В. Попова. Дольмены столицы Новосвободной..., табл. 23 (курган у ст. Костромской).

⁶¹ В. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке.— МИА, 3, 1941, стр. 227, рис. 28; 5; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., рис. 21, 14; 22, 17—19; 45, 13—17. Список находок можно продолжить.

⁶² В. И. Марковин. Курганы Константиновского плато у Пятигорска.— КСИИ, вып. 127, 1971, рис. 13, 12; А. Л. Нечитайло. Отчет о раскопках курганов в ст. Суворовской в 1966 г...

⁶³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 46, 216 (Каменка, курган 5, погребение 5; Малая Камышеваза, курган 4, погребение 2.)

⁶⁴ V. Moucha. Faince and Glassy Faince Beads in the Unětice Culture in Bohemia.— *Epitombion Roman Naken*. Praha, 1958, sp. 44—49; J. Machnik. Stosunki kulturowe na Przelomie neolitu i epoki brązu w Malopolsce.— *Materiały do prahistorii ziem polskich*, cz. III, z. I. Warszawa, 1967, стр. 68.

⁶⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 23, 1951, рис. 19, 8, 9.

⁶⁶ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, XXVI, рис. 5, 24.

⁶⁷ В. И. Каньвец, С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке.— Материалы по археологии Дагестана, вып. 1. Махачкала, 1959, стр. 69, рис. 5, 5.

⁶⁸ И. В. Силицын, У. Э. Эрдиев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР..., стр. 22—23; рис. 21, 3; и х же. Новые археологические памятники..., стр. 37, табл. 6, 1.

⁶⁹ F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comptée..., стр. 415—417, табл. 60; рис. 219, 27.

⁷⁰ И. В. Силицын. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1965 г. (Отчет...). Восточный Мангыш; А. Л. Нечитайло. Отчет о раскопках курганов у ст. Суворовской...

⁷¹ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети..., рис. 3, табл. XI, 9, 10; его же. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг.—СА, 1964, 2, рис. 2, 10.

⁷² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа..., стр. 57, рис. 9, 45.

⁷³ А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте..., стр. 43; Г. И. Горецкий. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Мангыча как геологические документы.—Известия Всесоюзного географического общества, т. 80, вып. 5, 1948, стр. 535—540. Укажем также срубные поселения на Левобережье у Сусатского (вблизи Семикаракорского) и у Кировского (вблизи Кушевской, р. Ея, Краснодарский край), разведанные нами в 1960 г. и 1964 (Материалы в Ростовском музее краеведения).

⁷⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработка в конце медно-бронзового века.—МИА, 23, 1951, стр. 88, рис. 14, 1; Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 58, 19 (Здесь нож на погребения, характер которого нам не известен); Н. И. Соколовский. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове.—Археологические открытия 1965 года. М., 1966, стр. 80—81 (В кладе найден фрагментированный сосуд, еще не названный).

⁷⁵ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы..., стр. 239, рис. 9, 8; 8, 6, 7.

⁷⁶ О. Г. Шапошникова. Багатшарове поселения поблизу с. Раздолье на р. Калмык.—Археологія, т. XXIII, К., 1970, рис. 6.

⁷⁷ Работы Северскодонской экспедиции ИА АН УССР под руководством Н. Н. Чередищенко и автора в 1971 г. Погребение в срубе со скорченными костями на левом боку, головой к 3 (курган 5, погребение 2).

⁷⁸ П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, рис. 42, 6.

⁷⁹ А. И. Пузикова, Н. К. Качалова. Работы Воронежской экспедиции.—Археологические открытия 1966 года. М., 1967, стр. 33; Н. К. Качалова.—Отчет Хопровского отряда Лесостепной скифской экспедиции за 1966 г.—Архив ИА АН СССР.

⁸⁰ И. В. Силицын. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1965 г. (Отчет...).

⁸¹ С. Н. Братченко, І. О. Післарій. Звіт Сіверськодонецької експедиції про дослідження курганів біля с. Ново-Микільське, Нова Астрахань у 1972 р.—Научный архив ИА АН УССР. Ново-Николаевское, курган 1, погребение 10.

⁸² С. Н. Братченко. Отчет об исследованиях Северскодонской экспедиции в 1972 г. Костяк в погребении слабо скорчен, на левом боку, головой к СЗ.

⁸³ Исследования Л. П. Крыловой в 1964 г. (Отчет в ИА АН УССР). Курган Гострая Могила, погребение 1. В комплексе с ножом сосуд «многоваликовый» типа, аналогичный сосуду из каменного ящика известного Одесского кургана.

⁸⁴ А. Л. Нечитайло. Отчет о раскопках курганов у Суворовской в 1966 г..., курган 10, погребение 6.

⁸⁵ Для частичной синхронизации мангычских памятников и восточнокрымских поселений, а с ними и Ливенцовской крепости представляют интерес находка фрагмента реповидного горшка на поселении Ерофеево, аналогичного Каменке (Сборы А. М. Лескова, фонды ИА АН УССР).

⁸⁶ Сборы материалов на поселении Ф. И. Королько, А. П. Филатова, И. А. Пислария. При наших разведках в 1973 г. на поселении наряду с многоваликовой керамикой встречено и несколько обломков срубной керамики (С. Н. Братченко. Отчет Левобережного отряда Северскодонской экспедиции за 1973 г...).

⁸⁷ К. Ф. Смирнов. О древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, 1961, № 1, стр. 55—57.

⁸⁸ В. Д. Рыбалова. Костяной псалий из поселения Каменки..., стр. 178—181.

⁸⁹ А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова.— СА, 1964, № 1, стр. 292—303.

⁹⁰ F. Hančák. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien, 1955, стр. 496.

⁹¹ H. Potratz. Die Pferdetranssen des alten Orient. Roma, 1966, стр. 110—116.

⁹² В. П. Шилов. Отчет Южно-Донской экспедиции за 1962 г.

⁹³ А. Л. Нечитайло. Верхнее Прикубанье в эпоху бронзы..., стр. 16.

⁹⁴ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников..., рис. 4; Погребение у с. Компанийцы на Полтавщине (раскопки Е. В. Махно в 1964 г.) и у с. Любимовки на Херсонщине (раскопки А. М. Лескова в 1968 г., здесь бусы сочетаются с реповидным сосудом).

⁹⁵ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИМК, 32, стр. 85—100.

⁹⁶ В. А. Сафронов. О датировке рутхинского погребального комплекса северокавказской культуры.— КСИА, 108, стр. 29.

⁹⁷ F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comrafee..., табл. 59.

⁹⁸ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., рис. 29.

⁹⁹ В. А. Сафронов относит андрюковские кинжалы к 1450—1200 гг. до н. э. (В. А. Сафронов. О датировке рутхинского..., стр. 28).

¹⁰⁰ Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 111, 1962, стр. 18; A. Mozolice. Goldfunde des Depotfundhorizontes von Hajdusamson.— BRGK, 46—47, 1965—1966, Berlin, 1968, стр. 38; В. С. Бочкарев. Проблема Бородинского клада.— Проблемы археологии, Л., 1968. Более поздняя дата для Бородинского клада (XIII—XII вв. до н. э.), предложенная В. А. Сафроновым, пока не встретила одобрения (В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада.— Проблемы археологии, Л., 1968).

¹⁰¹ Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала..., стр. 99—105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП	— Археологічні пам'ятки
АС	— Археологический съезд
АСЭ	— Археологический сборник Эрмитажа
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета
ВКУ	— Вісник Київського університету
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗРОИДП	— Записки Ростовского общества истории, древностей, природы
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИСНИК	— Известия Саратовского научного института краеведения
КИИЮВ	— Краеведческий институт изучения Южно-Волжской области
КНИИ	— Кабардинский научно-исследовательский институт
КРКМ	— Калмыцкий республиканский краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАПП	— Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СКБК	— Северокавказское бюро краеведения
СККОАИЭ	— Северокавказское краевое общество археологии, истории, этнографии
BRGK	— Bericht der Romisch — Germanischen Kommission
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

5

Глава I

**ОБЗОР КАТАКОМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ.
КЛАССИФИКАЦИЯ ПОГРЕБАТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
И КЕРАМИКИ**

10

Глава II

**ПАМЯТНИКИ ДОНЕЦКОГО ТИПА
НА НИЖНЕМ ДОНУ**

31

Глава III

**ГРУППА ПОЗДНЕКАТАКОМЕННЫХ СМЕШАННЫХ
ПАМЯТНИКОВ БАХМУТСКОГО ТИПА**

60

Глава IV

**ПАМЯТНИКИ МАНЫЧСКОГО ТИПА
НА НИЖНЕМ ДОНУ**

78

Глава V

ПАМЯТНИКИ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

107

Глава VI

**ПОЗДНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПАМЯТНИКИ —
ЛИВЕНЦОВСКАЯ И КАРАТАЕВСКАЯ КРЕПОСТИ**

119

Глава VII

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

129

Приложение № 1
154

Приложение № 2
180

Приложение № 3
196

Примечания
232

Список сокращений
249

Станислав Никифорович Братченко

**НИЖНЕЕ ПОДОНЫЕ
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ**

(Периодизация
и хронология
памятников)

*Печатается по постановлению
ученого совета Института археологии
АН УССР*

Редактор В. С. Трубенко
Художественный редактор С. П. Кенча
Оформление художника И. В. Козия
Технический редактор В. А. Пиковская
Корректоры Я. Н. Зубко, Г. И. Цыбенко

Сдано в набор 6.VI 1975 г.
Подписано к печати 8.XII 1975 г.
БФ 00273. Зак. № 6-89. Изд. № 127.
Тираж 1200. Бумага № 1, 70×90¹/₁₆.
Физич. печ. листов 15,75 + 1 вкл.
Условн. печ. листов 18,57.
Учетно-изд. листов 17,14.
Цена 1 руб. 95 коп.

Издательство «Наукова думка»,
Киев, Решина, 3.

Отпечатано с матриц Головного
предприятия республиканского
производственного объединения
«Полиграфкинг» Госкомиздата
УССР, г. Киев, ул. Довженко, 3 на
Харьковской книжной фабрике «Коммунист»
республиканского производственного
объединения «Полиграфкинг»
Госкомиздата УССР, г. Харьков,
ул. Энгельса, 11.